Два чувства дивно близки нам.
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века,
По воле Бога самого,
Самостоянье человека,
Залог величия его.

А.С. Пушкин

Анатолий Рязанов

Родина моя!..

Владивосток
Дальиздат
2019

УДК 82-31
ББК 84-44
Р99

Автор выражает сердечную благодарность за содействие в создании книги Александре Кирилиной и Евгению Шарлаимову.

Рязанов Анатолий.
Р99 Родина моя!.. / А. Рязанов. – Владивосток : Дальиздат, 2019. – 400 с. : ил.
ISBN 978-5-905754-80-7

УДК 82-31
ББК 84-44

ISBN 978-5-905754-80-7

© Рязанов А., 2019
© Оформление. ООО «Дальиздат», 2019

Дорогие мои внуки!

Прежде чем начать
давно обещанную вам книгу
о моём детстве и ранней юности,
я посчитал необходимым хотя бы бегло
поведать вначале о том,
где, а главное, в каком окружении
проходили мои детские годы.

МОЯ МИЛАЯ МАЛАЯ РОДИНА

Основную часть этого предисловия, после краткого описания моего детства и моей юности, я отвёл моему отношению к братьям, сёстрам — вашим двоюродным дедушкам и бабушкам, к моим маме и отцу, их родителям — вашим прабабушкам и прадедушкам, и другим моим близким, их удивительным и во многом поучительным судьбам.

В судьбе каждого человека важную роль играют и внешние условия жизни: всё, что окружает его с детства.

Мне и моим братьям и сёстрам очень повезло в этом отношении. Считается, что для развития ребёнка более благоприятны окраины, чем центр. В них больше простора, свободы для детского воображения и творческой активности. В паспортах у нас адресом рождения указано село Астрахановка. Но на самом деле в селе мы никогда не жили — в селе в полном смысле этого слова. До крайних домов города (спичфабрики и бойни) было всего 3 км, а до главной площади Благовещенска (областного центра, между прочим) чуть более 6 км. Поэтому в 3-м классе, например, я ходил пешком в городской Дом пионеров учиться играть на трубе, чтобы быть горнистом, а позже в школу военных музвоспитанников, которых мои приятели насмешливо называли «кишкодулами», но у которых был замечательный духовой оркестр, сопровождавший (помимо музыкальных фильмов) музыкальный лекторий. В 10-м же классе я вместе с другом создал школьный театр, который вели артисты областного драмтеатра.

Притом в самой Астрахановке (которую основал наш прапрадед, о котором расскажу позже) мы назывались «заводскими», поскольку жили рядом со спиртзаводом, а остальные — астрахановскими, составлявшими сельскую часть населения, работавшего в колхозе.

У них и магазин назывался «Сельпо» (сельская потребительская кооперация). И кроме школы и этого сельпо больше не было никаких общезначимых социальных объектов. В то время как мы ходили в городской магазин, в заводской клуб, в котором выступали даже такие всемирно известные люди, как Вольф Мессинг со своими знаменитыми сеансами гипноза, а также артисты кино и цирка.

Летом же в заводском саду играл духовой оркестр на открытой танцплощадке, ставились киносеансы. Прекрасные звуки этого оркестра, завораживая, плыли над берегом Зеи и сливались по реке с чудной мелодией духового оркестра, игравшего на танцплощадке спичечной фабрики. Но эта, в сущности городская, жизнь соседствовала с настоящей сельской жизнью. Наша улица была широкая и тихая, почти вся покрытая травой-муравой, украшенная большими палисадниками (особенно наш) из черёмухи и диких яблонь. Весной она вся была в белом цвету, источавшим густой аромат. Воздух был настолько чист, что когда (очень редко) проезжал автомобиль, мы выскакивали на дорогу понюхать незнакомый бензиновый запах, от которого захватывало дыхание. Эта тихая улица позволяла нам свободно играть в любые детские игры — в футбол, лапту (у вас она называется бейсбол, произошёл, кстати, от лапты), в городки, в «чижики», в «биту» (свинцовый, тяжёлый кружок для игры на деньги), в азартную игру «Третий лишний» и т.д. Все эти игры развивали ловкость, резвость, меткость, выносливость и прочие качества, очень ценимые среди сверстников.

Огромное значение для развития детей, как известно, имеет природа. И здесь нам повезло особенно. Природа была не то что рядом с нами, она, по существу, окружала нас с первых шагов. Поэтому на ней и её роли в нашей жизни необходимо остановиться особо — она немало повлияла на мою душу и мой дальнейший характер.

А характер человека — это его судьба.

Это наш семейный дом
(свадьба сестры Тони)

Наш родительский дом стоял рядом с огромной рекой Зеей, с крутого берега которой открывалась великолепнейшая панорама как её самой, с золотыми песчаными косами, заливчиками и протоками, так и роскошного луга с его пьянящим разнотравьем, яркими цветами и неумолчным пением птиц, а также с противоположным берегом, густо поросшим черёмухой с её блестящими чёрными вкусными вяжущими ягодами, с мясистыми более сладкими плодами боярки и не менее лакомыми приятно-кисловатыми дикими яблочками и барбарисом.

Но это уже конец лета, а первая встреча с живой природой начиналась в середине апреля.

Бабушка моего друга Юрки Житникова (в повести его фамилия Житков) за неделю до Пасхи всегда просила его принести пучок распустившейся вербы, чтобы потом освятить её в церкви перед Пасхой, в вербное воскресенье, и

мы с другим нашим другом, Вовкой Сысоевым, составляя ему компанию, отправлялись на Петрушкины горы (только недавно я узнал, что их сенокосные распадки почти до самой Моховой пади принадлежали моему прапрадеду Петру Матвеевичу Лепёхину и назывались его именем).

В нашей семье вербу не освящали, но ценили её жизненную силу, настой из неё заменял тогда аспирин. Новорожденных малышей поэтому постукивали веточкой вербы по спине и попке, чтобы придать им жизненной силы, простукивали и больных с температурой.

В Японии же цветущая верба считается воплощением нежности и изящества. Но об этом я узнал гораздо позже и взглянул на неё другими глазами.

А тогда мы, десятилетние, не очень обращали внимания на красоту её. Хотя, конечно, нам бросался в глаза контраст между пыльно-серыми кустарниками и тёмными непроснувшимися деревьями с одной стороны и яркой изумрудной зеленью узких лоснящихся листьев, красно-бурых или красных веток вербы, её нежно-желтоватых опушённых цветков, похожих на мохнатых шмелей.

Для нас это просто было небольшим приключением, сопровождаемым игрой — если кто-то пытался, идя сзади, щекотать мягкими цветками впереди идущего, то сам получал по шее пучком вербы с приговорками типа: «Верба красна — бьёт напрасно, а верба бела бьёт за дело, верба-хлёст бьёт до слёз».

Так же мы не могли не замечать контраст между коричнево-бурой прошлогодней листвой и поднимавшимися из-под неё яркими первоцветами — звёздчатым бело-розовым весенником, или ветровочником с его белыми венчиками, похожими на ромашки, но с более разреженными лепестками, и более пригодными для гаданий, чем сами ромашки, поскольку лепестки эти было легче отрывать, а так же нарядной жёлтой хохлаткой с её разноцветными, то зелёными,

то сизыми листьями и с жёлтой же мать-и-мачехой, названной так из-за того, что одна сторона красноватых чешуйчатых листьев тёплая, покрытая мягким пушком — это мать, а другая — гладкая, прохладная —это мачеха.

Но ещё раньше всех этих цветков — уже в конце февраля создавал свои бутоны и в марте раскрывался самый привлекательный и особенно ярко сверкавший на весеннем солнце своими золотисто-перламутровыми чашечками лесной подснежник — горицвет или по-научному — адонис. Но даже его мы не рвали, считая, что не мальчишечье это дело — возиться с цветочками, даже такими, как горицвет.

Так же, как и через неделю – другую, а именно первого мая, когда нами открывался рыбацкий сезон на озёрах, мы мало отвлекались на луговые, ещё более яркие цветы. Кроме, разве, солнечных одуванчиков, и то потому что они, с одной стороны, пахли мёдом и их запах было приятно вдыхать, и ещё оттого, что на них постоянно сидели то пчела, то шмель, то особенно замечаемые нами яркие бабочки, добывавшие себе нектар. Ещё нас привлекали невероятно красивые и в то же время очень милые луговые подснежники, называвшиеся сон-травой. Их было три вида, отличавшихся один от другого и по окраске, и по срокам цветения, в зависимости от того, где они росли: на открытом просохшем возвышении вдоль дороги, на склоне холма или сопки, или среди кустарников вдоль реки. Самым ранним и самым любимым из них был тот, что рос на холмиках вдоль дороги, ведущей к озёрам, где мы рыбачили. Он представлял собой удивительное пушисто-мохнатое создание, состоявшее из такого же опушённого стебля, пушистого бутона, покрытого густыми волосками, отчего он серебрился на солнце. Многочисленные его жёлтые тычинки, окружённые тёмно-вишнёвым или винно-красным, а порой даже карминно-красным околоцветником, заставляли зачарованно глядеть на это чудо природы, гладить его шелковистые нежные лепестки.

Образ этих первых весенних луговых подснежников, — этих удивительных колокольчиков, к тому же обладавших нежным ароматом, будет потом сопровождать меня всю жизнь, где бы я ни был в России, — от Камчатки до западных границ, от крайнего севера до Чёрного моря и Кавказа, или в тропических странах, где много роскошных цветов. Но этот милый цветок, друг моего детства всегда оставался мне самым дорогим. Я тогда ещё попытался его пересадить с родного ему луга в свой палисадник, но он погиб. Став взрослым, я узнал, что он не поддаётся пересадке — слишком глубок его корень, который я, конечно, повредил, выкапывая это дивное растение. Тогда же мне открылось, что называется он вовсе не «подснежник», хотя и был самым ранним на лугу цветком (он появлялся уже в середине апреля) и не сон-трава, как мы его звали, а — «прострел поникающий» (pulsatilla) –от латинского слова «pulsare» — пульсировать, колебаться. Объясняется это или тем, что от любого, самого нежного дуновения ветерка он покачивался или, видимо, от того, что на солнце этот яркий колокольчик широко раскрывался, а в сумерках его лепестки закрывались.

В том же каталоге я узнал, что второй вид прострела, расцветавший на две недели позже, (в конце апреля) имевший фиолетовые оттенки и росший вдоль реки, назывался «китайским», а третий, голубовато-сиреневый, что рос на каменистом склоне, с которого мы спускались на луг, звался «даурским».

Да! Нам в детстве несказанно повезло, что буквально рядом с нами располагался огромный (не менее 20 км в длину и 5 км в ширину) и великолепный луг, обрамлённый с востока полноводной рекой с тихими заводями, протоками, поросшими клёнами, черёмухой, красноталом, вечно трепещущими серебристыми осинками и тополями, а с запада крутыми склонами сопок, покрытых сплошным дубняком и густым подлеском из орешника, лиан, дикого винограда,

разнообразных кустарников. Середину изумрудного луга украшали сверкающие серебром на ярком солнце глубокие озёра, поросшие порой камышом, а иногда раскидистыми старыми ивами.

Особенно наряден и роскошен луг бывал в мае. Какое изумительное бесконечное разнообразие цветов, оттенков красок, форм можно было видеть в нём в это время. Если одни растения, как, например, очень нежный и красивый енерин башмачок с красно-коричневыми или бело-розовыми лепестками стремился спрятаться в кустарнике, то зеленовато-красный василёк, зеленовато-кремовый душистый золотушник, красно-сиреневый красновато-белый или лилово-красный клевер и жёлто-белые ромашки, наоборот, ярко открывались на луговом ковре большими красочными пятнами.

Цветы одного вида, росшие в разных местах луга, такие как ромашки, фиалки, немало отличались по своему цвету. Сроки цветения у многих цветов также отличались, порой разительно, — сине-голубой, сине-фиолетовый с белыми полосками нежнейший касатик и фиолетовый с синими прожилками первоцвет, вместе с фиалками цвели в мае всего две-три недели, земляника не более месяца, ромашка же непахучая с клевером — до самого октября, пахучая аптечная лишь до середины июля, а бело-фиолетовые астры оставались цветущими аж до самого ноября. Но эти различия мы стали подмечать гораздо позже, в старших классах, когда начали изучать ботанику. Мы тогда уже больше присматривались к растениям и цветам и без труда могли найти, к примеру, сходство между ландышем и похожим на него своей беззащитной хрупкостью и миниатюрным изяществом и нежным запахом белым кистевидным майником, зацветавшим одновременно с фарфоровыми колокольчиками ландыша, от которого веяло такой же прохладной свежестью, как от майника.

Начиная с седьмого класса, мы заваливали экзаменационные столы охапками невероятно душистых бело-розовых марьи-корений, ярко-жёлтыми пахучими широко-раскрытыми колоколами саранок и оранжево-красными или алыми огоньками. Конечно, наши знания о флоре были ещё весьма ограничены, мы не знали научных наименований большинства растений и называли их по-народному: ирисы — петушками, пионы — марьи-кореньями, жёлтую Даурскую лилию — саранкой, а огненно-красную — огоньком, Василистник — золотушником, валериану — кошачьим корнем, первоцвет — желтухой, прострел — сон-травой, а чаще подснежником, майник — заячьими ушками или ландышем.

Ирисы, или касатики по-научному, удивительно изящные и невероятно красивые сине-фиолетовые цветы с белыми параллельными полосками на лепестках, которые многие сравнивали с фиалкой душистой за их нежный аромат и одновременное раннее цветение, мы звали петушками и никогда не рвали их, потому что они сразу бы завяли.

Мы просто любили цветы. Но это было уже в старших классах, а в 8-10 лет, когда мы шли лугом к озёрам на рыбалку, нас интересовали в основном не стоячие цветы, а всё, что связано с движением: как далеко скачет кузнечик, или прыгает лягушка, как ловко ловит эту лягушку цапля, куда несут былинки муравьи, сколько тысяч раз за день махнёт своими трепещущими крылышками и как не устаёт оглашать синий колокол неба своим прекрасным переливчатым звоном несмолкаемый маленький жаворонок, и можно ли поймать перепёлку, притворяющуюся подраненной и короткими перелётами уводящую нас подальше от своего гнезда.

С другой стороны, в 8-10 лет нам, как и всем нормальным пацанам, была больше свойственна не созерцательность, а непрерывная активная суетная занятость. Мы часто жаждали не столько познать мир, сколько его освоить. Сдуть за

один выдох сразу все пушинки отцветшего одуванчика или поймать самую красивую бабочку и стать победителем — это другое дело! Что там цветы! Найти по пути дикий чеснок, который мы звали почему-то сандырём, чтобы потом съесть его с хлебом, посыпанным солью, или дикий зелёный лук для заправки ухи — это ещё лучшее другое дело!

Даже сама по себе рыбалка и полагающаяся к ней ароматная уха не были единственной вожделенной целью, хотя лучше этого занятия в первые три майских недели, казалось, ничего в мире нет! Ну не сравнивать же её с рыбалкой в последние майские дни, когда слегка похолодает, расцветёт черёмуха, а пожилые тридцатилетние и старые сорокалетние дядьки придут на соседние озёра ловить карасей. Сидят, не шевелясь, как памятники, и ждут когда раз в час клюнет карась, да не клюнет, а плавненько так, потихонечку, поведёт поплавок в сторону, и тогда «памятники» оживятся, попытаются подсечь медно-бронзовую рыбку, да часто не тут-то было. Карась-то хитрец! Не вдруг зацепишь его наверняка. А если они его и подсекут удачно, то будут потихонечку подтягивать к берегу и осторожненько подводить под него сачок. Ну, смех и только! Совсем другое дело — ловить тёмно-бугристых с огромной зубастой пастью даже немного страшных ротанов и золотистых, красивых в красноватом оперении, гольянов.

В первые майские недели вода в озёрах ещё не прогрелась, в ней нет ни планктона, ни плейстона, ни молодой травки, рыба изголодалась за зиму и не успеешь закинуть леску с наживкой, как поплавок уже под водой. Да что там наживку! — большие ротаны даже за голый крючок хватаются, а порой и на поплавок набрасываются. Когда тащишь такой здоровенный экземпляр, он широко раскрывает свой огромный зубастый рот и тормозит всеми силами, а ивовое удилище изгибается дугой. Наконец здоровяк с громким хлопком и фонтаном брызг вылетает из воды, описывает по-

лукруг и звучно шлёпается о берег к восторгу окружающих. Нет! Майская рыбалка — это чудный процесс!

Но не менее значимыми для нас, десятилетних, в этот момент были и другие занятия и цели: научиться разжигать костёр лишь одной спичкой, надёжно закреплять над ним котелок, сооружать шалаш из остожьев прошлогоднего сена или из прутьев и травы, а если их не успели до темноты собрать, так расчётливо прогреть ещё пока холодную ночами землю, чтобы это было в самый раз — не слишком сильно, иначе долго на неё нельзя будет лечь, убрав угли костра, но и не слабо — иначе тепло скоро уйдёт и короткая и без того ночь будет потеряна не только для сна, но даже и для дрёмы.

Осваивали и такое непростое дело как готовка ухи. Надо было сварить до готовности, но не переварить при этом рыбу, чтобы она не крошилась и оставалась цельной, а юшка, чтобы была в самый раз — ни недосоленной, ни пересоленной.

И ещё многое другое приобреталось нами тогда. Дальние походы на озёра к тому же укрепляли нашу выносливость. Но ещё больше её формировала зимняя рыбалка, ибо она требовала по-настоящему больших усилий. Нужно было по заснеженному лугу добраться до озера, неся тяжёлый лом, или пешню, не лёгкую подборную лопату, и большой, на длинной ручке, сачок. Затем надо было пробить метровую толщу очень крепкого озерного льда, очистить от него прорубь. И, наконец, с большой натугой крутить сачок над самым дном, поросшим травой и водорослями. Вращать сачок было тяжело, уставали быстро и часто меняли друг друга. Но усилия окупались радостью, когда удавалось поднять в сачке несколько крупных карасей, которые на морозе быстро окаменевали. Дома, несмотря на большую усталость, ждала новая радость — караси оживали в тепле и начинали плескаться в тазу, изумляя младших братьев таким чудесным «воскрешением».

Но ещё больше навыков и характера, приобреталось нами на реке, на нашей полноводной в полтора километра шириной могучей красавице Зее. Река требовала прежде всего смелости и воспитывала в нас эту смелость, а также ловкость, выносливость и силу. Не так просто, например, самостоятельно учиться плавать, когда тебя сносит быстрым течением (вспомните, Анечка и Тёма, как вы вначале боялись заходить по пояс в спокойное море, притом, что мы, взрослые обещали поддерживать вас под животики, и для вас не было никакого риска). А на реке опасность подстерегает постоянно. Так один из нас, тогда ещё семилетних (по прозвищу «индюк» — я не раз вспоминаю о нём в книге), чтобы научиться быстрее плавать, надел спасательный жилет, да не рассчитал, подтянув его слишком высоко, видимо из хвастовства, чтобы повыше торчать из воды, а качнувшая волна от прошедшего катера перевернула его вниз головой. Заметили это не сразу, и он так нахлебался воды, что потерял сознание, и его еле откачали спасшие его взрослые парни.

В другой раз, в одно редкостно засушливое лето, когда Зея невиданно обмелела и прямо посреди неё вышла из воды песчаная коса, мы с моим другом Вовкой Сысоевым поплыли к ней, зайдя выше неё по течению, но просчитались — течение там оказалось слишком стремительным и нас стало проносить мимо косы, на которой мы думали передохнуть, а потом с новыми силами вернуться. И когда мы, уже уставшие, промчались мимо неё, перед нами возникло спасение — торчащая ветка затопленного дерева, которая ходила ходуном от огромной скорости воды. Мы ухватились за неё и по стволу, метр за метром, с трудом вылезли на песчаную отмель совершенно обессиленные. У Вовки от напряга открылась рвота, меня тоже подташнивало и трясло как грушу, к тому же посиневшую. Потребовалось несколько часов пока мы не пришли в себя настолько, чтобы доплыть назад до берега.

Требовалась известная храбрость и для ныряния с водокачки, в которой наводнением заливало насосы, и она временно не работала; машиниста в ней тоже не было, гонять нас было некому, и мы сигали с её крыши. Но внизу за её трубами, перегородившими плотиной течение, крутился большой водоворот, в который однажды затянуло Ваську Пинчукова, его с трудом спасли. И в невидимый под водой топляк можно было при нырянии воткнуться бесшабашной головой. Но это нас не останавливало, каждый хотел всем показать, что он ничего не боится.

Детство действительно бесшабашно, поскольку не до конца предвидит и не осознаёт опасности. Казалось, какая может быть угроза на реке, если ты находишься в тихоходной, вроде бы непотопляемой, деревянной лодке? Ан нет! Так мы дважды оказывались на волоске от смерти — первый раз нашу лодку затянуло под баржу и мы еле успели кто выскочить, кто поднырнуть под баржу и выплыть на берег.

В другой раз, в бурю, нахлеставшую воды и дождём, и волнами через борт в нашу и без того переполненную пассажирами посудину, мы вместе с ней погрузились на метр ниже поверхности и тоже еле спаслись.

Плавание на лодке по быстрой реке — это совсем не то, что кататься на пруду или на озере. Здесь требуется затрачивать двойные, а если грести против течения, то и тройные усилия, и тут без волдырей и кровяных мозолей первое время точно не обойтись.

У моего самого ближнего соседа (нас разделял забор) и друга, уже упомянутого Вовки Сысоева, отец был неприятный человек, невероятно самодовольный и без основания заносчивый, но это бы бог с ним, самое главное — отменно ленивый. Работать не очень любил, а если сказать точнее — не любил вовсе, и поэтому выбирал всю жизнь что-нибудь полегче — зимой сторожил стога сена, валяясь целыми днями на лежанке в сторожке-землянке, а летом подвизал-

ся зажигать на реке сигнальные фонари, установленные на бакенах — деревянных пирамидах на якоре, для указания пароходам фарватера или опасных мест. Должность так и называлась — бакенщик. Но спускать лодку на воду, затаскивать её потом на берег, грести туда и обратно, требовало немало усилий, которых старший Сысой, как сказано, не очень любивший трудиться, избегал. Он предпочитал сидеть весь день на табурете, а летом во дворе на чурбане и разглагольствовать о том, какой он умный и важный потому что «партейный», объясняя это своей глуховатой, безропотной и такой же глуповатой жене, как он сам.

Наша мать будучи прямой и справедливой, заступаясь за его жену, резко и прямо говорила ему: «Чего ты важничаешь, чего ты несчастной бабе мозги забиваешь? Ты же форменная чурка с глазами, вот такая же чурка на какой ты расселся, она без глаз, а ты та же чурка только с глазами, уши б не слушали твои ахинеи». Но с него как с гуся вода, а работу на воде этот ленивый гусь препоручал Вовке. Мне было жаль его, и я каждое лето, в то время когда не пас коров, помогал ему вечером зажигать фонари, а рано утром гасить их.

Первый раз стал незабываем, потому что в отсутствии опыта мы вдоволь натерпелись и страхов, и непомерных трудностей. Течение около бакена, стоявшего по фарватеру на самой середине плёса, было совершенно бешеным, бакен весь трясся, обдавая нас брызгами и оглушительно гудя. К нему на большой скорости было боязно приближаться из опасения перевернуть лодку, когда перевешивались через борт, чтобы ухватиться за него. Несколько раз мы пролетали мимо. Нас относило далеко вниз пока разворачивались и потом приходилось вновь долго биться против течения.

В результате мы так вымотались пока зажгли фонари, что совсем не осталось сил подняться на косогор, чтобы идти домой, последние силёнки ушли на то, чтобы по трубам вкатить лодку на берег. С трудом перевернув её, мы тут

же заснули под ней прямо на песке. Это видел наш сосед Литовченко и сказал моим и Вовкиным родителям. Чурка, конечно, отказался идти, а мой отец, взяв одного из нас на одно плечо, другого на второе — принёс домой.

С лодками, однако, были связаны не только такого рода события, но и более приятные и даже порой весёлые занятия. Мы с моим одноклассником Толиком Тихоновым всегда радовались, когда нам удавалось уговорить его отца, дядю Васю, съездить с нами порыбачить с сеткой. У него часто побаливали плечевые суставы и колени, и он соглашался ехать при условии, что мы сами будем грести против течения и вести край сетки в воде. Нам, в 10-11 лет было нелегко бороться с течением, но это стоило того. В этой рыбалке всегда был азарт: «А что там бьётся в сетке на сей раз?»

Кроме того, нам очень нравился весёлый момент, когда самые крупные сазаны перепрыгивали через сетку. Дядя Вася чертыхался: «Вот чёрт, язьви его в душу, опять убёг, и этот, змей туда же». Мы с Толиком отворачивались и сдавленно смеялись, нам очень нравилось, что сазаны такие умные и ловкие. Кроме того, это было красивое зрелище — в лучах заходящего багряного солнца (а рыбачили обычно в это время) летящие через поплавки сети большие рыбины и без того золотистые, сами по себе, здесь сверкали ещё и медно-красным закатным отливом и поднятые ими брызги также переливались радугой.

Но однажды смеялся Толик один, а мне было не до смеха, потому что когда до берега оставалось всего метра три и глубина была мне всего по грудь, я, чтобы быстрее завести наш с Толиком конец сетки, спрыгнул в воду и стал быстро его тащить к берегу. Но в этот момент огромный сазан скакнул через сеть и ударился мне прямо в лоб. Удар был такой, что у меня потемнело в глазах и я опрокинулся в воду на спину, а сазан плюхнулся назад, в сеть, в так называемую мотню. Я всё же вскочил, дотянул свой конец до берега и мы с тру-

дом вытащили сеть, так много было в тот раз в ней рыбы и главным украшением среди неё лежал сазан-пикеровщик, сбивший меня с ног. Толик при этом продолжал неудержимо хохотать — видимо, со стороны это было действительно очень смешно, но и впервые улыбался дядя Вася, глядя на красавца-сазана и приговаривая: «Эка шельма, эка хитрюга, но не удалось нас перехитрить», — и обращаясь ко мне, — «Ловко ты его, однако, боднул!» А Толик, давясь от смеха: «Ещё неизвестно, кто кого больше боднул».

К большому — увы — несчастью, нас вскоре ждала страшная беда — дядя Вася зимой поскользнулся на горловине большого чана с кипящей бардой и, упав на дно, мгновенно погиб. И нам без него было уже не до рыбалки. Лодка стала больше служить в хозяйственных делах — весной мы отправлялись вдвоём на Ланкину протоку или на острова, рубили там тальник (ива), сносили его на берег, увязывали обожжённой (для мягкости) стальной проволокой в пучки, обрубив верхушки, и сплавляли на лодке домой. Потом мы этим тальником ремонтировали изгороди наших огородов, обнесённых досками только с фасада. Некоторые ветки при этом укоренялись, как говорят: «Ива из тычка растёт», и становились раскидистыми кустами, укрепляя изгородь.

Однажды Толик помог мне со своей лодкой совершить и большое дело для дома. Отец, тогда уже больной, глядя на устаревшую вконец нашу крышу, как-то бросил в воздух: «Достать бы где-то пару хороших брёвен на дранку, да перекрыть всё заново, больше нельзя тянуть, протекать начнёт скоро». И вот, как только пришло очередное наводнение, мы с Толиком, наделав из толстой проволоки скобы, заготовив тросики и топорики, стали целыми днями с кручи наблюдать, не поплывут ли брёвна. И дождались. Плыло штук двадцать строевых брёвен. Больше одного бревна мы не могли сразу отбуксировать и пришлось четыре раза смотаться. Но последние брёвна мы причалили уже за километр

ниже нашего извоза. Потом пришлось по одному бревну бечевой поочерёдно тащить их вверх по течению. Отец был очень рад, очень нас хвалил, два бревна мы отвезли Толику на дрова, а два лучших, без единого сучка, пустили на дранку, т.е. раскололи чурки на дощечку и покрыли ими крышу. Мы были счастливы, что сделали такое важное дело, хотя волдыри на ладонях ещё долго заживали у нас.

Лодка Толина также несколько месяцев очень выручала меня, когда мой отец окончательно слёг и его желудок не мог кроме рыбы принимать никакую пищу, реагируя на любой продукт тошнотой и даже рвотой. Чтобы поймать рыбу, мне нужно было наловив пескарей подняться вверх по течению (на 1 км) в затон и там наставить среди кустиков лески-одиночки с живой наживкой. Почти всегда что-нибудь попадалось, и два раза мне несказанно повезло: первый раз я вытащил огромного сома, которого с трудом нёс на плече в то время как хвост его волочился по земле. Второй раз я обрадовался ещё больше, завидя как ходит ходуном из стороны в сторону мой кустик. Щука была такого же огромного размера, как и сом. Но если тот великан совсем не сопротивлялся — просто тяжело было его перетащить через борт, то эта хищница поднимала столбы брызг, и потом прыгала уже в лодке как сумасшедшая. Пришлось её оглушать совком. И тут к моему удивлению я увидел, как из её пасти выскользнул большой верхогляд. Она его заглотила, а переварить не успела. Тогда я не предполагал, что эти детские труды, эта закалка в ранней моей юности скоро мне очень пригодятся и в спорте, и вообще в жизни, и даже однажды спасут мне уж точно здоровье, а может и саму жизнь.

Но сначала про спорт.

После окончания школы мне пришлось в него окунутся с головой почти сразу же, как только я поступил работать на спичфабрику. Уже через неделю меня и моего напарника по пилораме Николая Арацкого прямо со смены вызвал ди-

ректор и попросил выступить на городских соревнованиях по гребле. Николай стал говорить, что он вырос в степи и никогда на лодках не плавал. На что директор заявил: «А, не страшно. Никаких призов нам не получить — там будут несколько команд из речного училища, судоверфи, лензатона, у них свои шлюпки они тренированные всегда побеждают, а нам главное, чтобы нас городское начальство не склоняло, если не будем участвовать». Но случилось неожиданное, речники так рванули со старта, что столкнулись меж собой и перегородили путь Лензатону. А мы, обойдя их, помчались изо всех сил, и как они потом ни напрягались, а догнать нас не смогли.

Но когда мы довольные с кубком пришли на то место, где на газетках оставляли свою одежду и обувь, то увидели лишь одни газетки. В это время подъехал директор (он всегда очень болел за своих спортсменов) и стал радостно восклицать: «Ну, орёлики, ну, соколики! Первое место! Когда это было?! А от чего не веселы?» «Да! Чо не веселиться без танцев и кинов, коль сможешь обходиться без корок[1] и штанов» — с горькой усмешкой ответил Коля (он любил говорить в рифму). – «А что такое?» «Да это он над собой смеётся» — сказал я и всё объяснил. «Сейчас мы это враз поправим!; Будет вам не только на штаны», — ответил директор, и усадив нас в машину, заехал домой (был выходной) к кассиру и, завезя её с нами в контору, приказал выдать нам такую премию, «чтобы хватило каждому на отрез для костюма.»

В продаже тогда почти не было костюмов, а в основном все покупали «материю» и шили костюмы в ателье, а чаще всего «пошивали» вельветовые курточки.

Конечно, можно сказать, что нам в немалой степени повезло в тех соревнованиях. Но хочу заметить, мои внуки, что везение и удача обычно сопутствует тем, кто к ней го-

[1] «Корки» – это туфли.

тов — везёт тем, кто «везёт». Жизнь даёт каждому человеку немало шансов и удача время от времени улыбается всем, но не каждый этим пользуется из-за неготовности к встречи с ней.

Поскольку я с детства «дружил» с лодками, то это однажды спасло мне жизнь. Меня поощрили путёвкой на Чёрное море в Сочи, и там я и ещё несколько человек пошли рыбачить, ловить ставриду. Она так бешено клевала и ловилась, и мы так рыбалкой увлеклись, что не заметили внезапного приближения шторма, который налетел мгновенно, как это часто бывает в южных морях. Поднялись огромные волны. В соседних двух шлюпках было по двое взрослых мужчин, и им, хотя и тоже нелегко, но всё же проще было добраться до берега, чем мне, одному.

Но, в конце концов, с большим трудом удалось и мне догрести до спасательной станции. Здесь и пригодились мне не только выносливость, но особенно владение лодкой, когда надо быстро сделать гребок одним веслом и наоборот «стабанить», то есть одновременно отдать назад другим, чтобы лодка резко развернулась в нужную сторону при накате волны. Мужчины, видимо, не очень владели этим приёмом и огромные волны всё время проносили их мимо ремней подъёмника и в конце концов одну шлюпку разбило о бетонный столб, в который ударился головой один из гребцов и погиб, а другого тяжело ранили багром сами спасатели лодочной станции, когда пытались зацепить гибнущую посудину. Вторая шлюпка вообще перевернулась и люди ушли на дно, их потом подняли водолазы и откачивали подоспевшие врачи санатория. Я так и не знаю, чем всё закончилось с ними, ибо их тут же увезли.

Не только отдельные навыки, вроде управления лодкой, но и в целом общая физическая закалка, полученная в детстве, очень мне пригодилась в первое время работы на фабрике. Дело не только в том, что на пилораме довольно

тяжёлый труд — штабелевать огромные плахи и брусья, по-бурлацки таскать на плече «усы» — толстые стальные тросы от лебёдки к вагонам (по 100 метров), но и потому, что приходилось непрерывно участвовать в спортивных соревнованиях: лыжных и велосипедных гонках, лёгкой атлетике, гиревом спорте, городках и т.д. Это потому, что на фабрике был в основном женский коллектив. Из 200 комсомольцев, которыми я руководил, было всего 7 парней. И мне, как комсоргу фабрики, надо было показывать пример во всех городских соревнованиях.

Меня, естественно, заметили в городском спорткомитете и направили на трёхнедельный семинар по подготовке общественных инструкторов по спортивному ориентированию (спортивному туризму). Там мы прошли (правда не все — почти половина не выдержала и отсеялась) программу «школы выживания», довольно жёсткую, иногда даже жестокую. Например, в 35 градусную жару мы весь день шли по горелому лесу, в котором от пепла дышать было нечем, а воды имели право взять на все 60 км, только 400 граммов (одну фляжку). Некоторые не выдерживали, пытались пить из следов копытных животных, но таких сразу отчисляли, как и тех, кто получал тепловой удар или даже просил разрешение попить из неприкосновенного запаса (НЗ).

Пройдя этот тяжёлый трёхнедельный спецсеминар и совершив по тайге экстремальный поход в 300 км, я получил диплом инструктора и звание кандидата в мастера спорта (не хватило всего 3 очков до «мастера»). После этой «школы выживания» у меня окончательно утвердилась убеждённость в том, что человек может всё, что не превышает его предельные возможности. И скоро жизнь представила мне два случая (один весной, другой осенью) проверить это на практике.

Стоял тёплый апрельский день. Но ледоход на Зее приостановился. Работал я уже тогда на электростанции дежур-

ным на пульте управления (электрощите) и увидел в окно толпу работниц, возбуждённо махавших руками в сторону противоположного берега реки.

Рыхлое ледяное поле снова двинулось и между льдинами я, как и другие, увидел барахтающегося в воде человека. Как раз мимо меня проходил главный инженер фабрики Вил Романович (Вил — имя в честь В.И.Ленина) и, правда не без труда, я уговорил его дежурить за меня. Он считал, что тонущего уже вряд ли я спасу, а сам погибну наверняка. Обмотав вокруг себя клубок мягкого алюминиевого провода, которого было в избытке на электростанции, я перемахнул через забор, забежал в контору, схватил лыжи, которые сдал утром в фабком до следующей зимы и прихватив по пути длинную тесовую доску скатился с кручи на берег. Там я привязал доску к поясу и побежал к тонущему человеку. На моё счастье льдины притормозили свой ход и сдвигаясь периодически метров 5-10, снова приостанавливались. Лыжи вначале скользили плохо, а вернее сказать не скользили вовсе, потому что перед тем как сдать их в фабком, я их очень густо смазал, чтобы они не потрескались за лето.

Ноздреватый снег хрупко проваливался под носками лыж, а под их серединой и на концах он шаркал с таким звуком как будто огромным наждаком кто-то шабрил (полировал) такой же огромный камень. Метров через 200 лишняя смазка стёрлась, и по большим кускам ледяного моря стало возможным даже идти накатом, притормаживая лишь на расщелинах и промоинах между льдинами.

Минуя полыньи, со льдины на льдину я добрался до тонущего. Им оказалась девушка лет 18-20. Она всё-таки выбралась на льдину и сидела мокрая скорчившись и опустив низко голову. Двигаться и даже говорить от усталости и холода она уже не могла. Я уложил её животом на доску, попросил держаться, но она не способна была и на это. Тогда я, привязав её своим ремнём к доске, стал осторожно со

льдины на льдину (благо они были в основном ещё крупные) двигаться к берегу.

Несколько раз доска переворачивалась и в конце концов сломалась. А между тем нас уже снесло метров на 300 от того места, где меня уже ждали люди, готовые помочь.

Но когда до спасительного берега оставалось метров 50 я подняв голову (всё время приходилось смотреть лишь под ноги, опасаясь угодить в крошево полыньи) увидел не полынью, а широкую полосу воды, идущую вдоль берега на добрые 200 метров вверх и вниз по течению. А лёд уже стал крошиться и льдины, набирая ход лезли одна на другую. Признаюсь, честно, что в эти мгновения стало по-настоящему страшно и за себя, и, особенно, за несчастную девчонку, вынесшую столько мук. И обидно — ведь последних метров 300 (после того как доска сломалась) я нёс её на себе, положив на плечи поперёк туловища. Я уже думал, что придётся плыть с ней, хотя сил почти не осталось. Но в этот самый момент наши слесари сбили кувалдой замок с одной из лежавших на берегу лодок, столкнули её на воду, и кочегар, работавший в смене вместе со мной, загребая своей широкой лопатой уже плыл к нам.

Девчонку подхватили, подняли на берег и женщины отнесли её отогревать в душ, стоявший тут же на обрыве. Я тоже поплёлся в душевую кочегарку, поскольку был тоже мокрый с головы до ног (пока я нёс девчонку вода с неё стекала на меня). Девчонка эта оказалась кондуктором автобуса, ходившего, кстати, из центра по маршруту именно до нашей фабрики и потом она всегда смущалась видя меня и никак не желала брать с меня за проезд положенные 5 копеек. В тот день она относила свою зарплату матери, жившей в деревеньке Будунда, на противоположном от фабрики берегу Зеи.

А мне пришлось смущаться ещё больше. Если в случае с соревнованиями по гребле, оставившими нас без одежды,

мы посмеивались сами над собой, то после случая на реке довольно долго подшучивали надо мной мои товарищи по электроцеху (коллегами их назвать у меня не поворачивается язык, потому что я был ноль в электротехнике, а на «щите» меня устроило начальство, чтобы я был рядом как секретарь комитета комсомола фабрики и должен был бывать на всяких совещаниях). Единственно за что меня как-то чтили сотоварищи по электроцеху, что я помогал им сдавать теорию по техминимуму — они все были практики, и с пятью-шестью классами образования, «законы Ома» и прочие теории для них были «за семью печатями».

Подшучивали они надо мной довольно долго после случая на реке. Начинал как обычно сам начальник цеха: «Ну, расскажи, Анатолий, как это ты дожил до жизни такой, как это ты сумел самого главного инженера себе в подмастерьи-то определить, вместо себя за «щит» посадить?» «Да ладно бы по делу, — подхватывал его зам, — а то ведь посадил, а сам, понимаешь, побежал на лыжах кататься. Надо за прогул ему час вычесть из зарплаты». «Час — это мало, ещё надо час», — говорил старший электрик. «Да не один час. Он инженера оторвал от дел, — возражали другие, — не просто инженера, а главного инженера, значит ещё сверху вычесть два часа и зачислить в наш премиальный фонд».

«Опять же, — добавлял кто-то, — во время этого катания он ещё на глазах у всей фабрики занимался амурами-лямурами — девицу на руках носил». «Вот-вот! Крутил бы свои амуры где-нибудь по Амуру, а то прямо здесь, у всех на виду, да в рабочее время».

В те годы я был ещё очень даже застенчив и не знал куда деваться, хотя шутки-то были безобидны. Когда однажды меня мать послала к жене брата, я от волнения и смущения с порога брякнул: «Здравствуйте, я ваш дверин». (вместо «деверь»). И над этим тоже долгое время подшучивали, смущая меня.

Но осенью того же года судьбе было угодно преподнести мне случай, в котором уже никому не пришло бы в голову шутить. Тёма, Анечка, уже немного знает об этом, потому что, когда он в Российской школе выступал в классе с рефератом «Мой дедушка» и приводил копию странички из моей трудовой книжки, там среди прочих поощрений и благодарностей, в том числе и за упоминавшуюся греблю, была благодарность и «за спасение рабочего». Тогда я ему вкратце объяснил, как было дело. А происходило оно так.

Хотя мне было всего 19 лет, но как секретаря комитета ВЛКСМ меня включили на праздничные дни в руководящий штаб дежурства по фабрике, вручив широкую повязку «Главный дежурный», и определив мне в помощь смену пожарных.

В тот день разыгралась страшная пурга и выяснилось, что на Астрахановских лугах (в 20 км) умирает от тяжёлого приступа рабочий фабрики Пётр Швалов, ушедший на рыбалку. Несмотря на праздник (7 ноября), мне удалось дозвониться домой первому секретарю Горкома КПСС Малафееву, и он попросил военное училище послать за рабочим лёгкий танк. Но его всё равно не выдержал лёд первого же затона и танк застрял. Тогда мы попробовали пробиться на тройке лошадей, но под ней лёд тоже обломился и сани увязли в ледяном крошеве.

Была уже полночь, пурга не унималась. Пожарники в обледенелых робах ушли сушиться, но медлить и ждать утра было нельзя, и мы с ещё одним фабричным рабочим (Н. Ждановым) тоже мокрые рискнули идти на выручку Швалова вдвоём. Перейти затон на месте первого брода, от которого начиналась дорога, ведущая к Астрахановской землянке (иногда её называли Сысоевской, потому что последние годы там сторожил зимой стога сена именно Сысой, наш сосед) не удалось, так как лёд здесь был весь переломан сначала нашей тройкой, а позже засевшим танком.

Пришлось подняться в верхнюю часть затона и переходить по льду второго брода, от которого путь к дороге удлинялся километра на полтора. А снегопад и метель становились всё сильнее. Мокрый снег слепил глаза, мешая видеть перед собою путь. Метров через 700-800 должен был появиться ерчик (некоторые такие ручьи называют ериками), пройдя по которому ещё с полкилометра, можно было выйти на необходимую нам дорогу. Но вместо него мы провалились в непонятно откуда взявшуюся здесь глубокую яму, настолько глубокую, что мне снег достиг глаз, а Жданов вообще скрылся в снегу с головой — он был невысокого, если не сказать небольшого, роста. С большим трудом выбравшись из снежного плена и с ещё большими усилиями взобравшись на крутой обрыв этой ямы, я никак не мог взять в толк, откуда она здесь появилась. Первая мысль: я сбился с пути из-за слепившей метели, но прокрутив в памяти эти места, так хорошо мне известные с детства, я понял, что это не яма, а ерчик, размытый во время страшного наводнения 1958 года, когда были по крыши затоплены левобережные деревушки Будунда и Владимировка, и весь китайский город Хэйхе, на противоположном от Благовещенска берегу уже не Зеи, а Амура.

Пришлось выломать длинную ветку ивы и, ощупывая ею край оврага, медленно и долго пробиваться к дороге, которую под снегом мне указал мостик из брёвнышек, положенных в месте её пересечения с ерчиком. Но дорогу так замело, что мы несколько раз теряли её, выходя на берег Зеи. Я помнил, что постоянно петляя, дорога всё же не удалялась от берега реки, которая и стала служить нам в кромешной мгле единственным ориентиром. Но возникла другая, при том не малая трудность. На открытом лугу ветер бросал нам в лицо мокрые хлопья снега с такой силой, что едва мы отдирали от лица настоящую ледяную маску, как тут же вырастала новая. Спины наши были мокрые от пота из-за тяжести

передвижения по глубокому снегу и сопротивлению ветру, а лицо, особенно лоб и переносица деревенели от ледяных масок, от боли ломило глаза и виски.

Наконец, под самое утро мы наткнулись на рыбацко-охотничью землянку. С трудом отгребая руками снег от низенькой дощатой двери и сильно пригибаясь, мы протиснулись во внутрь. Картина, представшая перед нами, когда я зажужжал механическим фонариком-жучком, заставила похолодеть наши души. Приклонившись к земляной стенке на топчане из грубых досок неподвижно сидел Швалов. Нос его заострился, волоски на небритых щеках и брови и ресницы покрывал иней. Это не оставляло никаких надежд, и Жданов горестно выругался: «Всё, Петьке п-дец! — (что означало — «конец») и, глубоко вздохнув, продолжил, — Зря топали, зря муки такие выносили». Но тут же со свойственной ему говорливостью быстро произнёс: «Не, не зря, всё равно надо было найти, похоронить по-человечески».

После этих слов мы с изумлением увидели, как по заиндевевшим от холода мертвенно-бледным щекам Швалова скатились две слезинки и моргнули ресницы. Мы бросились оттирать ему лицо, виски и уши. Он застонал и замычал. Начали лихорадочно разжигать огонь давно остывшей «буржуйки» (маленькая железная печка с трубой). Перед буржуйкой лежала горка дров, но из-за двинувшегося с места камня в мочеточнике, приносившем нестерпимую боль, Швалов не мог к ним нагнуться (дрова оставили ему рыбаки, сообщившие нам о его беде).

Когда в землянке стало теплее, и Пётр, хотя и тяжело дыша, и с большими паузами, корчась от боли смог произносить короткие фразы, у нас произошёл тоже не длинный, но бурный разговор, полный угроз и оскорблений, со сменщиком Сысоя, охранявшим стога сена в соседней сторожке.

В жизни незаметных маленьких людей иногда бывают моменты, когда судьба вдруг даёт им шанс подняться на та-

кую высоту, которая никогда прежде им не была доступна. Коля Жданов, слесарь сборочного цеха был тщедушен, как я отметил уже — малого роста, чтобы быть хоть немного заметнее и значительнее, старался держаться со всеми на равных, и во время обеденных перерывов не умолкая болтал, рассказывал разные анекдоты и байки, сомнительные истории не брезгая сплетнями. Про таких людей обычно коротко говорят — «Трепачишка». Но здесь, наконец, судьба впервые предоставила шанс отличиться. И он, к моему удивлению и удивлению других, не стал увиливать от него.

После того как эта история завершилась, и Коля со всеми приукрашиваниями рассказал о ней, ко мне подходили из его бригады и спрашивали: «Он действительно был там или как обычно примазался»? И я охотно и даже с внутренней радостью подтверждал его поведение. До этого случая я бы и сам ни за что не поверил, что он сможет весь мокрый с головы до ног, в глубоком снегу при штормовом ветре одолеть 20 километров пространства и потом «геройски» выбивать сани с лошадью у сторожа, чтобы доставить больного Швалова.

Нам долго сторож — высокий, худой старик — не открывал, выйдя наставил на нас двустволку, и после того, как мы отказались уйти и продолжали уже не просить, а требовать лошадь, он спустил на нас с цепи двух очень злых, заходившихся в лае до хрипоты, на наше счастье не очень крупных, собак. Пока я отбивался от них своей длинной палкой, Николай схватил стоявшие у стены вилы, пошёл на собак в штыковую, не обращая внимания на крик сторожа: «Тронете собак, буду стрелять». После нескольких тычков, полученных от моей палки, собаки с визгом отбежали. А Жданов стал наскакивать на сторожа, без умолку осыпая его оскорблениями. «Ты, вражина, недобитый полицай, ты дезертир поганый, это ты вырыл ту землянку, всю войну в ней отсиделся, да?» Когда мужику удавалось вставить хоть одну реплику в ответ вроде: «Лошадь казённая, дать не могу, а если

с вами поеду, вдруг кто подожжёт стога». «Дурак ты непроходимый, кто сюда доберётся в такую метель, в такую погибель? Мы всю ночь шли, до сих пор ноги дрожат. А завтра ты будешь дрожать перед законом, как советского человека не хотел спасти, вражина проклятый. Видишь, что написано на этой красной повязке? Главный дежурный. Понял? По всему городу главный! А ты ему не хотел подчиниться! — воткнул палец в повязку, висевшую у меня на рукаве и, не отводя его, продолжал, За такое преступление сроком не отделаешься, расстреляют тебя, собаку». Я и слушал его угрозы, и смотрел на него самого с большим удивлением. В нём было столько напора, непреклонной твёрдости и решимости, как будто это был совсем не Коля-хвастунишка, а бывалый боец. Он даже стал казаться мне выше ростом. Воистину великие цели рождают великую энергию. Под напором этой, повторюсь, неожиданной для меня прыти Жданова, сторож стал более вяло отбиваться и под конец, почти захныкав, прибег к последнему доводу: «Волки лошадь загрызут, кто будет отвечать? Слышите?» И мы сквозь вой метели услышали завывание волчьей стаи. Этот вой не был таким ошеломляющим душераздирающим, как крик совы, но тоже производило жутковатое впечатление. На секунду и Жданов оторопел. Но тут же справился со страхом и затараторил: «Положим в чугун или кастрюлю горящие головни, будем макать в них пучки сена и бросать в волков — сразу убоятся». Он так и сказал: «макать» — видимо со страха вкатил не то слово. «Опять же, у тебя два ствола, что ты менжуешься, дай мне ружьё, я буду в них палить если чо». Сторож понял, что от нас не отбиться, и сказал, кинув взгляд на мою нарукавную повязку: «Коль вы такие главные — пишите бумагу, что лошадь у меня отымаете, а я с вами в таку погибель не поеду, да и оставлять пост не могу». Мы сами с немалым трудом запрягли коня, который вскидывал морду вверх никак не желал надевать хомут и идти в оглобли.

Потом, перебираясь на коленях в низенькой землянке, вынесли грузноватого Швалова наружу. С помощью сторожа уложили его на телегу, подстелив охапку сена. Пока запрягали и переносили и укладывали стонущего Швалова, совсем рассвело, а после нескольких километров брызнуло солнце и почти затихшая перемётная метель заблестела и засверкала в его лучах, осветив приближающуюся к нам навстречу нашу фабричную кошёвку — лёгкие старинные узорчатые сани с облучком впереди и задним сиденьем огороженным высокой обитой кожей спинкой, с поручнями и площадкой за ним, для сопровождения сзади стоя. Но едва мы переложили спасённого в неё и отъехали несколько метров (мы со Ждановым пристроились ехать стоя) как над нами сделал круг, а затем сел, преградив нам путь и пугая лошадей, вертолёт.

Сторож, который всё же не согласился доверить лошадь, несмотря на расписку, и поехал с нами, очень обрадовался и развернув телегу быстро скрылся. Мы со Ждановым перегрузив с помощью пожарных больного в вертолёт тоже испытали не только, наконец, облегчение, но и радость от того, что его жизнь теперь в безопасности. Пётр позже подарил мне красивый складной нож с гравировкой «Анатолию от П.Ш».

Как и в предыдущих случаях, здесь меня выручила детская закалка, в том числе наши многокилометровые походы по лугу. Но как бы ни были важны навыки, полученные в детстве в общении с природой, с друзьями, они ничто в сравнении с тем житейским и нравственным опытом, который мы получаем в семье — от родителей, братьев, сестёр и близких родственников. Конечно, не малую роль в развитии человека, формировании его характера и счастья играет и школа, если встречается в ней такой педагог, такой наставник, как мой любимый и, к сожалению, единственный Александр Петрович Тулупов — физик и в то же время лирик,

настоящий подвижник, очень любивший своё дело и детей, ставивший с нами (уже в пятом классе!) пьесы, организовавший для нас струнный оркестр, опытный физический кружок…

Но всё же в школе мы проводим чуть более двадцати процентов нашего школьного детства, а четыре пятых суточного времени приходится именно на семью. Конечно, главными определяющими в ней всегда были и будут родители. И дай бог, чтобы каждому повезло иметь в своей жизни, в своём детстве таких родителей, какие были в нашей семье.

Отец и мать были великие и умелые вечные труженики. Сейчас трудно представить, что они построили свой дом, когда отцу было лишь 20 лет, а маме всего 19! Отстроились же без всякой помощи со стороны. К тому же мама ждала первенца — моего старшего брата Юрия. А ведь нужно было в кротчайшие сроки обзавестись хозяйством и связанными с ним другими постройками. И вскоре возник сарай для хранения угля, дров и огородного инвентаря. В сарае соорудили погреб, в который по весне завозили с реки куски льда, чтобы сохранять всё лето до осени в нём продукты. Затем была построена стайка (хлев) для коровы, курятник и свинарник. В избе сначала была сооружена большая русская печь с лежанкой наверху для просушки зимней одежды и лечения простуженных. В печи можно было выпекать хлеб, сдобу и томить каши. Но когда семья стала быстро расти — в 1934 году родилась старшая сестра Алла, в 1936 — Тоня, в 1939 — я, в 1942 — Валентина, в 1944 — Владимир, в 1947 — Александр, в 1950 — Сергей и в 1952 — Ксения, — пришлось русскую большую печь заменить на меньшую, с плитой и железной духовкой.

Вы меня, детки, не раз спрашивали: «А как вы помещались 11 человек на 27 метрах?» Я обещал ответить. Отвечаю. Одиннадцать нас одновременно никогда не было. Потому что когда родилась младшая Ксеничка, старший брат

Юрий уже был в армии. Потом отделилась и Алла, когда у неё родилась своя дочь — Люда. А размещались просто. — родители на одной большой кровати, две старшие сестры на другой такой же, четверо валетом (ногами друг к дружке) ещё на двух кроватях вокруг печки, младенец в зыбке или в кроватке и мы с братом на полу, а с весны до осени — в кладовой, что в сенях на топчане.

«Где дружно, там не тесно, всем хватит места», — говорила мама. Ей вторила вечная гостья в нашей семье — баба Ганя Шершун: «Да, где дружно, там не гузно. А я вот дома одна, как сыч всеми вечерами. У вас-то куда как веселей, куда как лучше»…

МОЯ СЕМЬЯ

Мой отец — Рязанов Сергей Петрович

Моя мать — урождённая Лепёхина Надежда Ивановна

Мать и отец составляли собой замечательную пару — оба красавцы, под стать друг другу. У отца были очень красивые, спокойные, серо-голубые глаза и светлые с лёгким каштановым отливом волосы, у мамы же волосы были чёрные, как смоль, а глаза тёмно-карие, блестящие и подвижные, как всё её очень живое, очень выразительное лицо, с выделявшимся на нём, но ни чуть не портившим её красивый облик носом южанки.

Она и по темпераменту своему была как бы южанкой — быстрая, порывистая, эмоциональная, полная противоположность отцу, всегда спокойному, с мудрым, вдумчивым взглядом.

Отец был высок, около двух метров, широкоплеч, с огромными шарами-бицепсами, обладал богатырской силой, был настоящим силачом. Чтобы вы почувствовали, насколько была феноменальной его сила приведу вам два случая, хотя мог бы поведать гораздо больше.

Первый случай произошёл, когда мне было лет 7 или 8. Мы с отцом ехали на большом возу сена. Вдруг воз резко накренился, когда одно из передних колёс, попавшее в ямку, соскочило с оси из-за выпавшей чеки и покатилось под откос. Мы с отцом едва удержались на верху, ухватившись за бастрик (толстое длинное брёвнышко, как оглобля, прижимавший воз). Придерживаясь за конец верёвки, я скатился с воза и найдя колесо прикатил его назад. Отец в это время, довольный, что ось цела, говорил двум подошедшим мужикам: «Ничего, сейчас всё поправим». Каждый из мужиков держал на плече вилы и грабли — видимо шли «метать» (складывать) из копён стог. Отец взялся одной рукой за ось, а другой за колесо, а мужики должны были вилами «качнуть» воз, чтобы, выровнявшись, он «позволил» водрузить колесо на место. Но мужики, сколько не пробовали, а «качнуть» воз так и не смогли. Тогда отец, взяв у них вилы, воткнул их по краям воза, и навалившись грудью на концы

рукояток вил медленно, с натугой выровнял воз, что позволило мужикам надеть колесо. Один из них с удивлением сказал: «Ну и здоров же ты, Сергей». А второй в задумчивом смущении протянул: «Даа-а, брат»…

Второй случай, который я наблюдал, произошёл лет через пять после этого. Мне было уже лет 13, и я на каникулах работал на спиртзаводе, вывозя на телеге, запряженной слепым конём Ванькой, всякий строительный или иной мусор или окрашивая крыши, делая электроды для электросварки и другие нехитрые работы. В обеденный перерыв я заходил к отцу в кочегарку. И однажды он меня попросил побыть в кузнице и, как только кузнец закончит делать подкову для лошади, на которой отец в вагонетке завозил уголь в кочегарку и вывозил золу и шлак в конце смены, вернутся и сообщить ему об этом. Ко мне присоединились сразу же Бес и Индюк — мы любили наблюдать как «циганистый» (черноволосый и кудрявый) кузнец, покачивая длинным деревянным рычагом вздымая и сжимая большие меха (кожаный ручной насос), разжигал, гудящее голубоватое пламя, раскалявшее кусок железа до малинового, а потом красно-белого цвета, и, поворачивая его с боку на бок, формировал из него подковы и гвозди для подковки лошадей, болты, шарниры для ворот и многое другое более серьёзное, необходимое для производства.

Когда подкова была готова, он кинул её нам с возгласом: «Ну, кто поймает?» Поймал, в азарте, опередив всех, к несчастью, я. Ладонь тут же взбугрилась волдырями, которые тут же полопались, обнажая кровавые ожоги. Я, корчась от боли и зажав руку подмышкой, подошёл к отцу и, кусая губы, чтобы не расплакаться, доложил ему, что подкова готова. Он спросил, что со мной, что с рукой. Я молчал, а Бес с Индюком тут же рассказали отцу о «шутке» кузнеца. Отец подошёл к растерянному, даже испугавшемуся, кузнецу, посмотрел на него в упор, затем так же молча взял щипцами

подкову, сунул её в ведро с водой и, дождавшись, когда она перестанет шипеть, подошёл вплотную к кузнецу и перед его побледневшим лицом без особого напряжения переломил её на пополам. Потом бросил обе половинки кузнецу, в карман его брезентового фартука, со словами: «Подкова-то дефектная, как и тот, кто её сделал и пошёл в кочегарку».

— Подожди, Сергей Петрович, я всё объясню.

— Чего тут объяснять — всё ясней некуда.

После всего этого у меня в голове прояснилась фраза отца: «А чего особенного то, эдак смогут и другие, не только цирковые». Произнёс её отец после выступления циркового силача Прокопьева, которым восхищался наш сосед Лаврентий Иванович.

Прокопьев сначала разочаровал меня. Я был убеждён, что все силачи выглядят как борец Иван Поддубный — высокий с мускулистой грудью, с бицепсами и трицепсами — шарами, как у моего отца. Прокопьев же был среднего роста, и упитанный, и плотный, но без каких-либо рельефных мускулов. И хотя он демонстрировал номера, приводившие в восторг моих приятелей, я наполовину потерял интерес. Силач подымал и вращал лошадь, держал мостик с наваленным на живот огромным камнем, по которому двое зрителей стучали кувалдами. Потом 18 зрителей (больше не вмещала сцена) тянули канат, который он удерживал одной рукой, и они же вставали на большой лист, а он, лёжа на спине, удерживал их. Повращав вокруг себя два огромных металлических шара на стержне, он стал рвать железную цепь и разгибать подковы, всякий раз приглашая зрителей повторить это же самое.

Лаврентий Иванович всё время хлопал отца по колену, призывая: «Пойди, Петрович, ты сможешь, пусть знает наших». Отец снисходительно добродушно отмахивался: «Да ну-у!» Когда же конферансье стал настойчиво предлагать испытать подкову на крепость и другие соседи отца стали

его уговаривать выйти проверить не фальшивая ли она, то отец, вняв их просьбам, привстал было уже с лавки. Но в этот момент на сцену выкатились два молодых медведя, которые устроили между собой возню, мешая исполнению номера. Лицо Прокопьева исказилось злобой, и он, схватив одного из медведей за бок, одной рукой швырнул его как тряпку в угол сцены. Тот с грохотом ударился о стену и сначала очень громко заорал, а потом заскулил как щенок.

Отец опустился на своё место, сказав: «Нечто можно так с бедным животным обращаться, у них и так жизни нет». Тогда после выступления отец и бросил ту фразу о том, что «и другие смогли бы, не только цирковые».

Я уверен, что отец мог бы и цепь порвать, и другие цирковые номера, которые не требовали специальной технической подготовки, мог бы свободно выполнить.

Как все люди, обладающие большой физической силой, он всегда излучал спокойствие и достоинство, легко прощал ошибки и провинности других. Так однажды, когда два бессовестных пакостника — Гранкин и Бредун, украли на лугу наш стог сена, отец от предложения подать на них в суд отказался, сказав: «Бог им судья. Судьба сама их накажет. Сутяжничать — это встать на одну доску с ними. Много им будет чести. А так… позор их будет ещё виднее».

А судьба их действительно наказала. Гранкину пришлось доживать свой век с самодельным грубо сделанным деревянным протезом на ноге, а Бредуна избили собственные дети, с которыми он до смерти воевал.

Отец умел прощать всегда. И однажды одним своим прощением научил прощать и меня, тем самым облегчив мне жизнь в будущем. Событие это было настолько ярким, что крепко засело и в памяти, и в подсознании. Было это так. Отец, его напарник из его смены (они сдавали смену) и двое его сменщиков кочегаров, а также машинист силовой установки, расположенной здесь же, в теплоцехе, на спор дого-

ворились бросить курить. Произошло это в праздник — в день Первомая, по случаю которого им выдали флягу спирта и все были навеселе. Я как обычно ждал, пришёл к отцу, чтобы пойти с ним в душ. Один за другим все побросали в горящую топку свои кисеты с табаком. У одного из кочегаров был красивый кисет из тёмного бархата, расшитый цветными нитками и украшенный мелкими бусинками и блёстками. Он поцеловал его, сказав печально: «Прости, матушка, ты трудилась, вышивала, а я в огонь бросаю». На это с вызывающим укором машинист заметил: «Ты ещё заплачь! Тряпочку он целует, смотри что другие бросают». Он вынул из промасленной куртки очень красивый, инкрустированный цветными камешками портсигар и, медленно, покачав его на ладони, как бы демонстрируя тяжесть, сказал: «Трофейный, память с войны, посеребрённый. А он тряпочку целует», — и с этими словами бросил его в топку. По уговору, тот, кто начнёт снова курить, должен будет отработать смену за каждого бросившего это занятие.

Как оказалось, возобновили курение все кроме отца, хотя он был курильщиком со стажем и при этом выращивал какой-то особо крепкий сорт табака, так называемого «самосада». Он высушивал его широкие (вдвое шире свекольных) листья, и мы зимой рубили, крошили их на чурбаке, обнесённом с трёх сторон дощатыми бортиками. Когда топка поглотила все кисеты и портсигар, кто-то сказал: «Завтра надо всем принести запасы табака и сжечь, чтобы не было соблазна. Проходивший мимо, уже упоминавшийся, Бредун сказал: «Отдайте табак лучше мне». «А кто ты такой, чтобы нашим табачком пользоваться?» Бредуна за его завистливый и сварливый характер никто не любил. Отец же ответил: «Приходи, забирай».

Когда шли домой после душа, я спросил отца:

— Он у нас украл целый стог сена, который косили и собирали целую неделю, а ты его простил?

— Прощать надо. Иначе изнутри тебя же обида съест. Вот как заноза. Если её не извлечь, нагноение получится. Она сверху, а изнутри «заноза» ещё хуже здоровье подорвёт.

Я же по малолетству ненавидел всеми фибрами и жабрами этого вора Бредуна. Но получил от этого прощения такой урок, что оно глубоко запало мне в душу и потом помогало не раз переступить через вспышку обиды и злости и суметь простить и даже не только во взрослой, но и в подростковой жизни.

Мне было тогда не то 13, не то 14 лет, когда я летом работал на спирт заводе. Мой старший товарищ, отчаянный сорвиголова по прозвищу Бес, похвастался, что предыдущим летом (когда из-за возраста меня и моего друга Толика Тихонова ещё не брали на работу) поднимался по высокой кирпичной заводской трубе и видел оттуда весь город и даже Китай за Амуром. Раздумывали мы недолго, а точнее не раздумывали вообще и поступили как все пацаны этого возраста, не очень просчитывая последствия. Медленно, опасаясь коснуться локтями полуметрового слоя сажи, осевшей на стенах трубы, мы тут же стали подниматься наверх. Поднявшись по скобам внутри трубы и высунув головы, мы чуть не умерли от страха — труба падала. Оцепенев, мы ждали конца, но потом она вернулась и стала клониться в противоположную сторону.

Люфт, качания трубы, наверное, составлял не более трёх метров. Но нам казалось, что труба ходила туда-сюда на расстояние вдвое большее. Постепенно придя в себя и успокоившись, мы стали любоваться великолепной панорамой, увидев весь город «как на ладони», место впадения Зеи в Амур, с юга Китайский город Сахалян (по-китайски он сегодня называется Хэйхэ) на противоположном берегу Амура, а с севера наш замечательный луг. Восхищение было невероятным! Но в это время Бес, выбив из жестяной урны дно и сделав из неё рупор, забрался на крышу четвёртого

этажа ректификационной колоны и оттуда крикнул нам: «Эй вы, дурачки, нашли, когда лазить, топку-то разожгли, сейчас сваритесь, как курята. Видите, уже дым идёт!»

К нашему ужасу, мы и вправду почуяли запах дыма — это Бес поджёг паклю в топке, чтобы напугать нас до смерти и потом позабавиться. Отдавливая друг другу пальцы рук и ног (чтобы не поскользнуться подошвами сапог на металлических скобах, мы забрались на верх босиком) и поднимая в спешке локтями тучи сажи, мы мигом спустились в топку и, отдирая до крови кожу на позвоночниках и поясницах, вылетели по колосникам из поддувала. Проходивший мимо слесарь всплеснул руками и осторожно произнёс: «А это откуда у нас такие негры?» Мы были даже чернее негров, сверкали только одни зубы. Сидевший на поперечной досточке, перекинутой через пожарную бочку с позеленевшей за лето водой, Бес торжествуя кричал: «Свободу Африке! Руки прочь от чёрного континента!»

Мы с Толиком были так взбешены, что, вырвав из-под Беса дощечку, завалили его в бочку — по горло в скользкую зацветшую воду. И хотя «месть состоялась», но я никак не мог простить Бесу предательства. «Я же его друг, как он мог так жестоко поступить, подвергнув нас опасности увечья или даже гибели». Но всё же я простил его, вспомнив слова отца о прощении. Так же происходило и в других случаях.

Особенно трудно мне дались моменты прощения с борцом Борей Прилипенко и профессором мединститута (я не знал его фамилии, только имя и отчество — Лев Давидович). С Борей Прилипенко мы занимались в одной секции классической (или как тогда говорили «французской») борьбы. Боря был прирождённый борец — обладал огромной физической силой, при почти двухметровом росте, был прекрасно сложен, по его налитой фигуре можно было изучать анатомию — так рельефно выделялась его мускулатура, и

при этом (что особенно важно для борца-тяжеловеса) был гибок и резок в

движениях. К сожалению, у него имелся один, но серьёзный физический недостаток — не было двух пальцев на правой руке. И во время схватки, когда руки у соперников уже потели (а тяжеловесы как правило быстро потеют), у него срывался захват, чем пользовались его конкуренты. Иначе, он мог бы стать, если не великим, то выдающимся спортсменом.

В тот несчастливый для меня день мы с Борей оба опоздали на тренировку, и в зале уже все занимались попарно. Сделав разминку, мы стали бросать манекены. Но вскоре Боре это скучное занятие надоело, и он предложил мне жестами, так как был глухонемой, побороться друг с другом. Я стал отказываться, показывая на пальцах, что во мне всего 70 киллограмм, а в нём 110. Тренер поддержал Борю: «Ну, повозитесь немного, хотя бы «мост» и «захваты» поотрабатываете». Я нехотя согласился, словно предчувствуя будущую для себя неприятность, хотя совсем не думал об этом, а просто не видел в этом для себя никакого проку.

«Боря легко будет «мостить», перекатывать меня куда хочет, а я как сдвину эту глыбу?» Но вышло ещё хуже — мы провозились минут 10, а вернее он поиграл моим телом как живым манекеном, как в зал вошли девушки-гимнастки. Они занимались этажом ниже и поскольку трое из них дружили с борцами, то приходили и дожидались, когда закончится наша тренировка. Подруга Бори, тоже глухонемая, была девушкой необыкновенной красоты и к тому же, в отличии от Бори (всегда насуплено-сосредоточенного со сдвинутыми на переносице и без того сросшимися бровями), эмоциональной, живой, вечно улыбающейся. Когда она с подружками входила в зал, Боря в этот момент «подставился» и я «на автомате» бросил его через бедро. На мою беду, девушки, увидев это, зааплодировали, поддержав «малыша» про-

тив «великана». И громче всех и радостнее всех — Борина подруга. В ответ на это Боря, нагнув свою бычью шею и зло сверля взглядом, двинулся на меня.

Видя, что дело принимает нешуточный оборот, тренер попытался было встать на его пути. Но Боря при своей физической мощи легко отстранил его и бросился на меня. Его порыв был столь яростным, что он не удержал равновесие и мы оба хлопнулись на маты. Я схватился за их край, и Боря, приподнимая меня, выгнул маты дугой. Подбежали другие борцы, чтобы вызволить меня, но он, расшвыряв и их, опять захватил меня в полусуплес (выше пояса) и уже начал было бросок, как к краю ковра подбежала со слезами на глазах и стала ему быстро жестикулировать его подруга. Он было приостановился на секунду, но потом с высоты своего огромного роста впечатал меня в ковёр, усилив удар своим тяжёлым весом. У меня потемнело в глазах, я пытался сделать вдох, но не мог — я только открывал рот. Одна из гимнасток, работавшая медсестрой, подбежала и сначала вдохнула мне воздух «рот через рот», а потом несколькими нажатиями ладонями, положенных одна на другую, (как при спасении утопающего), вернула мне дыхание.

Ребята-борцы, столпившиеся вокруг нас, когда я задышал нормально, стали шутить: «Ну раз девушка при всех тебе первая призналась в любви и целовала в губы, ты просто обязан теперь на ней жениться». Но мне в этот момент было не до шуток, и не только потому что всё ещё дышалось с затруднением, но особенно из-за обиды и разочарования, вызванных жестокостью Прилипенко.

Буквально за день до этого тренер отчислил из команды борца, который в драке не только бросил через себя обидчика, но и лежачего пнул ногой. Тренер сказал тогда: «Я могу многое понять и даже простить, но только не жестокость». И хотя Боря на всех сборах и соревнованиях (к сожалению, недолгих для меня из-за командировок, заставивших бро-

сить борьбу) подсаживался ко мне, предлагая то шоколадку, то компот (ему как тяжеловесу давали на питание двойные талоны). Но я по своему максимализму молодости какое-то время чуждался его, пока однажды в день рождения отца не вспомнил его завет о прощении и снова подружился с Борей. После соревнований поздравлял его с очередной победой, хотя сам уже не занимался борьбой.

Но если гнев на Прилипенко прошёл у меня сравнительно быстро, то упомянутого Ильи Давидовича, профессора мединститута, я не мог простить гораздо дольше. Боря допустил нервный срыв, мгновенную ярость, свойственную возбудимым глухонемым. А профессор в моих глазах вёл себя как садист. У меня удалили гланды с обеих сторон, внеся инфекцию. Распухшее горло, высокая температура не давали всю ночь уснуть, и лишь под утро я засыпал, незадолго до врачебного обхода. Тут он в мою палату вбегал и вывалив из потёртого большого портфеля кучу спичечных коробков (он сшибал их у больных в туалете) и показывая их один за другим говорил: «Запомни, прошу настоятельно, с этими этикетками не приноси. Приносить нужно лишь те листы, которых у меня нет, которые ваша фабрика будет выпускать в будущем».

Я тяжело болел больше недели, и он все дни докучал меня своими коробками и так «достал» меня, что я решил: «Чёрта в стуле тебе, а не этикетки». После выписки меня иногда мучила совесть, «ведь я обещал, а сам не несу.» Но, вспомнив его садизм, я не нёс ему ничего, пока мне однажды не явился во сне отец и не напомнил о прощении. «Прощай, сынок, от прощения станешь только сильней», — сказал он в моём сне. Делать нечего. Наутро я отвёз несколько рулонов с этикетками.

Особенно мудрая сдержанность, великодушие и доброта отца бросались в глаза на фоне отцов моих друзей. У Вовки Сысоя отец, важно растягивая слова, нудно часами чи-

тал всем нотации. У Юрки Житникова, наоборот, нотаций не было вовсе, но как только отец его выпивал (что было не редко), он начинал крушить мебель, а в домочадцев и родственников летели в этот момент не только громы и молнии, но порой и всякие опасные предметы — даже такие как топор и вилы.

Я стал однажды свидетелем одной из таких жутких сцен, а другой раз даже её непосредственным участником. Первый раз мы с его сыном Юркой даже перепугаться не успели — так мгновенно всё произошло. Мы только вошли во двор, как крутивший точило его отец вдруг отнял от наждака топор и кинул его в убегавшую Юркину мать с такой силой, что он вонзился в дверной косяк по самый обух. По счастью, тётя Маруся успела юркнуть в сени.

В другой раз мы с Юркой (а было нам лет по 11–12) перевернули по неразумению не позавчерашние рядки сена, скошенные нашими отцами, а с предыдущего дня, ещё сыроватые. И таким образом, когда они приехали, им нечего было складывать в копны (зря крутили педали 10 км). И Лаврентий, или как его все звали — Лавро, побелев от ярости, кинулся к вилам, а мы — рванули вдоль озера под отчаянный Юркин крик: «Бежим». Его отец, как заправский римский легионер-копьеметатель, швырнул вилы с такой силой, что они воткнулись где-то рядом с моей пяткой. Юрка окольной дорогой побежал спасаться у бабушки, а когда меня позвал отец, я услышал: «Лавро, я вижу тебе сено дороже сына и не только своего, но и моего. Поэтому не прими в обиду, но с сегодняшнего дня давай будем сено готовить каждый сам по себе».

Лавро потом несколько раз, подвыпив, приходил уговаривать отца продолжать работу совместно, но отец ему вежливо отказывал.

И отец и мать стремились всегда со всеми поддерживать ровные если не сказать добрые отношения в противоположность некоторым другим соседям, особенно семье Миро-

ненко, воевавшей со своей соседкой, бабкой Демьяненко, которую они обвиняли в том, что она по ночам превращается в ведьму и выдаивает молоко у их коровы, что наводит «порчу на их свиней и урожай овощей».

Мы, дети, следуя примеру своих родителей, дружили со всеми соседскими ребятишками за исключением одной выбражулистой девчонки — Верки Литовчеко, которая вообразила себя будущей балериной или, на крайний случай, «знаменитой артисткой». Она никогда не загорала, говоря, что «у балерин лицо должно быть нежным, а тело — белоснежным». Это вызывало у сверстников насмешки, в ответ на которые она давала «бой», придумывая всякие прозвища, часто нелепые. Так про нашу семью она кричала через дорогу: «Рязан, барабан, нарисованный кабан».

У неё же было несколько уязвимых конкретных мест. Во-первых, вся их семья немного говорила в нос — гундосило, во-вторых, на фоне всех нас, загорелых до черна, она выглядела белой вороной, а точнее не вороной, а бараном, поскольку опять-таки единственной была очень кудрявой, что тоже становилось мишенью. Но самым её слабым, я бы сказал губительным, в деле детских кричалок было её пристрастие к сладкому зелёному горошку. Надев шляпку и красную кофту, она набивала её кармашки этим горохом, ходила вдоль своих ворот и манерно поглощала его, оттопырив мизинчик. Как только появлялся кто-то из нас, она напевала свой «куплет».

Силы были явно неравны, на нашу сторону немедленно становились другие соседние ребятишки, не жаловавшие Верку-зазнайку, и недостатка в выдумках со стороны моих приятелей и подружек сестры Тони не было.

«Кучерявый баран, не ори по дворам, стыд и срам, стыд и срам», — кричали одни.

«Гундоз-паровоз, пыхтишь будто тащишь воз», — добавляли другие.

«Кофта — красна, тело — бело, как конгор не загорела». (конгор — белый, толстый, навозный червяк).

Самая же убийственная «речовка» для Верки возникала в тот момент, когда её переполненный горохом кишечник не выдерживал и предательски издавал громкий звук, вызывающий у всех злорадную радость и возможность пустить в неё самый обидный и тяжёлый снаряд: «Верунья — серунья, Верунья — пердунья». Но она даже и тогда не сдавалась, а продолжала «сражаться», подбадривая неожиданно возникшего союзника. «Молодец, Вовка-морковка!» — кричала она нашему трёхлетнему братишке, который невпопад повторял: «Рязан — барабан, нарисованный кабан»

«Ах ты, маленький негодяй! на врага работаешь?» — кто-то бросил ему упрёк. «Нет, я годяй! Ты сам негодяй!» — вопил брат.

«Ах, он ещё и спорит! Она тебя морковкой обзывает, а ты за ней повторяешь, предател, шпион японшкий — уходи домой», — говорила ему сестрёнка Валя.

«Сама ты дятел, сама япон шпионшкий», — вопил он в ответ.

Проходивший мимо нашей баталии отец, спросил: «Что за шум, а драки нет?» И потом добавил: «Нехорошо на всю улицу кричать. Криком никогда ничего не сделать». И, усмехнувшись, добавил: «Если бы криком к примеру, можно было построить дом, то ишак бы выстроил целую улицу», — и пошёл в дом, а у нас пропала охота сражаться.

Взвешенная мудрость отца очень хорошо сочеталась с природным быстрым умом и острой интуицией матери, которые позволяли ей мгновенно оценивать и людей, и любую жизненную ситуацию. Она обладала редкостной проницательностью.

Так, однажды, уже через пять минут после прихода моего нового знакомого, она с тревогой меня спросила: «Он никуда не заведёт тебя?» — «Куда?» — «Ну куда-нибудь…»

В то время как мои братья и сёстры лишь посмеивались над отсутствием у него вкуса и скромности, присвоив ему с чувством своего превосходства кличку «хмырь», мама как рентген сразу просветила всю ситуацию, всю возможную опасность от моего нового знакомства. Действительно, мы с ним в это время написали письмо главе государства — Хрущёву, предъявив ему обвинения по многим преступлениям перед народом, в том числе за передачу Крыма Украине, за уничтожение подсобных хозяйств у рабочих не только заводов, но и совхозов, бездумное опустошение целинных земель и т.д.

Владимир был незаурядным, высокоодарённым человеком с трагической судьбой. Его отец — крупный специалист в самолётостроении, работавший главным инженером авиационного завода в г. Комсомольске-на-Амуре, был репрессирован и расстрелян в 1937 году, когда Володя был ещё в утробе матери, он унаследовал от отца дар к точным наукам. Уже на первом курсе института он решал для старшекурсников задачи по сопромату и даже по теоретической механике, не говоря уже об интегральных исчислениях. Из него мог выйти большой учёный или крупный инженер.

Я проучился с ним на заочном отделении электромеханического факультета два года, когда понял, что техника — это не моё, она меня интересует меньше гораздо, чем люди, их общение. И в какой-то момент стало ясно, что невозможно совмещать технический факультет и мои гуманитарные запросы (я учился в Москве на заочных курсах немецкого языка, посещал вечернюю школу журналистов, готовившую рабочих корреспондентов, был лектором, пытался самостоятельно освоить язык эсперанто, руководил агитбригадой и т.д.) И всё это после тяжёлой физической работы на пилораме.

Интересы Володи были не менее многообразны, а в чём-то он был ещё более жадный до знаний, чем я. Он успешно

конструировал, уже имел патенты на изобретения, изучал иностранные языки и очень увлекался и международной и внутренней политикой. И вот однажды на остановке у мединститута мы, два «ненормальных» затеяли соответственно ненормальный разговор о том, что чертовски глупо нынешняя цивилизация использует время — во сне проводит аж треть жизни. И о чём это медики, химики-алхимики думают. Давно бы занялись этой проблемой. Стоявшие на остановке студенты-медики, слыша наши тирады в сторону медицины, сказали смеясь: «А вы к нашей Кире сходите, она кажется вообще не спит».

Мы с радостью молодых здоровых и неукротимых идиотов зимой по темноте на первом автобусе примчались в виварий мединститута, где с 5 утра уже колдовала над своими животными зав.кафедрой фармакалогии Кира Александровна Мещерская.

Это была выдающаяся женщина. Все 900 дней блокады она провела в осаждённом Ленинграде и затем Победу встретила в Берлине. Начав войну выпускницей института, в 1945 году она уже была полковником медицинской службы и начальником санитарного поезда. Пережившая ужасы блокады и фронта, она ненавидела войну, возглавила областной Фонд Мира и перечисляла в него почти всю свою профессорскую зарплату, одеваясь всегда в одну и ту же одежду и питаясь почти впроголодь. Когда её сын Сергей, талантливый журналист, упрекал за это, она отвечала: «По сравнению с блокадным рационом эта еда если не обжорство, то пиршество».

Общение с Кирой Александровной принесло мне и радостные, и сложные моменты в жизни. Так, когда на четвёртом курсе института Амурское телевидение, где я вёл еженедельный журнал «Мир сегодня» (в нём было три страницы по 10 минут, «Внутренняя политика», «Международная жизнь» и «Культура»), мне предложили провести вечер

встречи с фронтовиками в канун Дня Победы, первой я пригласил именно Киру Александровну. На мой вопрос: «Какой момент на войне стал для вас самым сильным эмоциональным потрясением?» Она ответила коротко: «Половинка годовалого детского трупика в кроватке, повисшей на балконе разрушенного дома. Для женщины и врача может ли быть ужаснее картина?, — и добавила, — Война — это сплошной ужас. Не ищите юноши романтики в войне.»

Наутро меня вызвали в приёмную первого секретаря обкома партии, где сидело трое генералов (двое, как я понял, из Дальневосточного округа, бывшие в командировке в Благовещенске, и один местный), которые сразу обрушились на меня: «Вот он — красавчик. В армии служил?» Я ответил отрицательно. Они обрадовались: «Прекрасно! Позвони военкому, пусть он его приберёт и направит туда, где ему мозги прочистят». Я не понимал, чего они на меня набросились. А они продолжали: «Мало того, что один недоумок сорвал нам набор в морские и танковые училища, то тут второй нашёлся, такой же умник — на всю армию накатил». Поясню — после того, как Хрущёв заявил, что в век ракет военный флот уже не нужен, а танки насквозь «прошивают» в ПТУРСы (противотанковые ракетные управляемые снаряды) военно-морские и танковые училища не смогли обеспечить новый набор курсантов, что и вызвало такое резкое возмущение генералов опальным генсеком. «Да, когда это Хрущ умником то был, поросячья морда». (Хрущёв действительно был похож на поросёнка). «Не поросячья морда, а свиная харя, тупая рожа!» «Ну не совсем тупая, — вмешался третий, — всех соратников Сталина под корень извёл, не только из Политбюро, из ЦК изгнал, тут тоже надо было мозги иметь». «Какие там мозги, — не унимался первый, — одна хитрость и коварство, а хитрость как известно, ум дураков». «А Суворов разве не учил хитростью брать врага?» «Так то врага, а не товарищей по партии. Ну, доко-

мандовался, полетел наконец со всех постов и сам». Я был рад возникшей полемике, переключившей внимание с меня на Хрущёва.

На беседе у второго секретаря обкома к…? Лавунова П.П. (первый нас принять не успел, как не рвались генералы, — спешил в аэропорт). Мне предъявили обвинения в пацифизме, заявив, что война не есть «сплошной ужас», а что там присутствует и героизм, и, во-вторых, заявление «политически незрелой профессории», как они назвали Мещерскую, о том, чтобы юноши не искали романтики в войне, недопустимо, как недопустимо мне —телеведущему —«не давать ей отпор» и вообще приглашать её когда-либо в студию.

Лавунов — чистый хозяйственник, отвечавший за промышленность и строительство, и далёкий от идеологии, после всех разгневанных генеральских речей погрозил мне и сказал с грубоватой простотой: «Ты там смотри у меня, понимаешь, а то сам знаешь»… На этом выволочка моя закончилась.

Я, конечно, никогда не говорил Кире Александровне об этом разбирательстве и дружил с ней до конца её жизни. В Благовещенске она подверглась нападению насильника и сразу решила уехать во Владивосток к сыну. Здесь она привила мне вкус к морской капусте и икре морских ежей, в которых она видела большую ценность, занимаясь их изучением.

В то раннее зимнее утро, в виварии, она вспомнила, что когда была на преддипломной практике, то возвращаясь в полночь с танцев, она уже в 4 утра шла на ферму к лисам, по пути собирая на лугу букетик, и чувствовала себя прекрасно. Мы уже пропустили главное — во-первых, она была на практике (это всего месяц!), а во-вторых, кроме короткого пребывания на ферме и собирания букетиков, других занятий у неё не было. А мы были обвешаны ими как новогодние ёлки игрушками.

Но… энергий было много, а ума не очень, спросив, что нужно есть, что пить (совет — «пить лимонник и элеутерокок»). Мы сразу взяли с места в карьер — начали спать по 4 часа — ложились в два ночи, вставали в 6 утра. Молодым дуракам помогал мороз — я выходил по пояс обнажённый и тягал «штангу» — цельнолитую ось с колёсами от железнодорожной вагонетки. Иногда часть кожи с ладоней прилипала к морозному металлу, оставаясь на оси.

Володя в 40-градусные морозы, чтобы не уснуть, натирался снегом и через три месяца, получив пневмонию, сошёл с дистанции. А я с упорством достойным лучшего применения продолжал наш эксперимент.

Моя мудрая мать довольно скоро поняла, куда заведут меня мои ночные бдения и сокращённый сон. Пока тягал на морозе «штангу», она успевала прятать то книги, то конспект, а иногда и настольную лампу, чтобы я лёг спать. И на четвёртом месяце таких занятий, как она позднее рассказала, я с закрытыми глазами встал ночью на кровати и стал смахивать со стены висевшие семейные фотографии. Потом рухнул без сознания, которое вернулось ко мне лишь днём в больничной палате, куда меня доставила скорая помощь. В больнице в неврологии я спал сутками около трёх недель, а всего пробыл в стационаре больше четырёх. Запомнилось, что кроме брома глюкозы я получал ежедневно мензурку граммов 30-40 кагора.

Таким фиаско закончился наш глупый эксперимент, в котором я выиграл 400 часов, а потерял (проспал) 600, т.е. в полтора раза больше и отнял у себя месяц нормальной жизни. Но этого оказалось нам мало и мы (молодость бесшабашна, а иногда и безбашенна) совершили другой, ещё более рискованный, как оказалось, шаг, который стоил одному из нас жизни. Мы не придумали ничего лучше, как написать письмо. Не дождавшись письменного ответа, Владимир не нашёл ничего лучше, как отправиться в Москву за разъ-

яснением в приёмную ЦК КПСС. Его тут же отправили в психбольницу г. Энгельс (на Волге), где и «залечили» вскоре насмерть.

Я же отделался лишь «беседой» в КГБ. Это произошло только потому, что по счастью, я к тому времени был уже избран первым секретарём Благовещенского райкома комсомола и входил в номенклатуру обкома партии. КГБ было невыгодно показывать, что они «прозевали» меня и я уцелел.

Не могу не отметить и другую, яркую способность матери — её абсолютно правильную, я бы сказал, грамотную речь. И это при её церковно-приходском образовании (всего 2 класса), которое в шутку называли «скотско-приходским». Сама её речь и интонация разительно отличалась от того как говорили почти все соседи вокруг.

Их словечки «туды», «сюды», «надысь», «чевой-то», «эт самое, ну как его», «тверёзые», «сурьёзный», «характерный», «вчерась», «спинджак» («пинджак»),«покупаеть», «обижаеть», мы никогда не слышали в её лексиконе. А ведь были словечки у соседушек и похлеще, те, которые без перевода и понять-то было невозможно.

Например, одна из них сказала такую фразу: «Да мы посидели на тизевире вчерась до поздна». Я с интересом спросил, услышав новое слово: «На чём вы посидели?» И мама перевела: «На телевизоре». Другая соседка заявила: «Натолий-то Марусин токо что недавно карточку присылал, так хорошо на ей выглядывал, — справный был такой, а вчерась уже и сам приехал, облизовался (демобилизовался) по болезни-то».

Когда я их поправлял (например, не кахеист, а хоккеист), они отмахивались смеясь: «Мал-мал подходяще и ладно».

Мне их сегодня напоминают наши безграмотные «слуги народа» — депутаты всех уровней. Делают паузы по полминуты, ааокают, эээкоют и друг другу так натужно возражают, как будто воз рожают.

В отличие от этих «ораторов», которые только умеют громко орать, речь у мамы была быстрая, точная, ёмкая и часто очень образная. Это уже от природы. Мне (простите за этот пример) тоже от неё по наследству немного перепало. Когда меня в школе нередко спрашивали: «Как это у тебя одного без ошибок сочинение получается?» Я сам удивлялся и отвечал искренне: «Не знаю — пишу как рука сама выводит».

Гораздо больше маминой природной одарённости досталось твоей любимой, Тёмочка, тёте и соответственно твоей мамочке, Анечка. Ирина, закончившая без всяких репетиторов в далёкой провинции и школу, и университет, успешно преподаёт (подумать только) английский язык в англоязычной стране, Канаде. Это, конечно, воплощение через поколение наследственного дара от вашей прабабушки Надежды Ивановны, моей и моих братьев и сестёр, мамы.

У отца тоже была хорошая речь. От него я не слышал речевых отклонений, если не считать укоренившихся народных словечек типа «назём» (чернозём), заплот (забор), «курник» вместо курятник. Это не вступает в антагонизм с литературным языком. Отец любил читать. Он был единственным из всех соседей, кто выписывал газету. Очень уважал знания, гордился, что может решать задачи по математике за 5-6 классы, имея за плечами двухклассную школу, что он единственный в бригаде «берёт дроби» и может в уме высчитать проценты.

Главное же, что объединяло наших родителей, — это безраздельная любовь к нам, детям, которую они старались закрепить и в нас. Помню, когда я однажды маме сказал: «Ну что уж ты прямо в голые ягодицы внука целуешь»? Она весело отвечала: «Вот появятся свои у тебя внуки и сам станешь целовать, не удержишься».

Их обоих роднила друг с другом и с нами большая и безраздельная любовь к нам. Мы им платили такой же глубокой

привязанностью, причём называли, как тогда было принято, во многих трудовых семьях «на Вы» (мама, правда звала своего отца, нашего деда, «тятя»).

Как мы могли ещё к ним относиться, если забота их о нас была поистине жертвенной, основанной, можно сказать, на непосильном труде. Стоило лишь взглянуть на огромные кисти рук, расплющенные, как бы распухшие от непрерывного, по 16 часов, ежедневного труда, мозолистые, узловатые пальцы, чтобы убедиться в этом. Мама говорила о своих руках: «Не руки, а крюки! Отрубить, собакам бросить — есть не будут, пробегут».

Причём, несмотря на непреходящую усталость, мать и отец постоянно показывали нам, что ничего нельзя делать «абы как», что результаты труда были красивы, «чтобы не было стыдно перед людьми». Поэтому и стога сена у отца были так смётаны, завершены и обтёсаны, что стояли как свечи, что во время вспашки огорода борозды у него ложились ровно, как полоски в тетради, без единого огреха. Поленницу он выкладывал как произведение искусства — она стояла такой идеально ровной стеной, как будто распилил и уложил её не человек, а какая-то машина высокой точности.

Хлеба, которого давали по карточкам, абсолютно не хватало, так как полагалось отцу, как работающему, — 800 граммов, Юрию, пятнадцатилетнему старшему брату, ученику токаря, — 400 граммов, и на всех остальных «иждивенцев», как мы назывались, — 200 граммов. Итого 1400 граммов, то есть по 80 граммов на человека, а также всего лишь 1 кг селёдки или рыбы на месяц, 2кг пшена и полкило жиров. И чтобы продлить хоть чуть-чуть насыщение, мы закладывали на ночь в эту поленницу свою хлебную долю, замораживали, а потом сосали как леденцы. Но однажды зимним утром 1945 года мы увидели во дворе на свежем снегу следы соседской собаки и у нас сжалось сердце… Так и есть! Она достала наши мизерные кусочки и съела.

Моя сестрёнка, Валюшка, которой шёл четвёртый год, горько расплакалась. Я стал утешать её, говоря, что мы напишем письмо дедушке Калинину (председателю ВЦИК, по нынешнему Госдумы), как советует бабушка Шершун, и он пришлёт нам целую булку хлеба. «Не пришлёт», — всхлипывая, продолжала Валюшка. «Ну, тогда я напишу самому Сталину. Он с высокой кремлёвской стены всё видит и твои слёзы видит тоже». «А ты не умеешь ещё писать», — не унималась горемыка. «Ну потерпи, в следующем году пойду в первый класс и тогда сразу напишу». (Я невольно обманул сестрицу, потому что сам не знал, что из-за отсутствия обуви я смогу пойти в школу не в семь, а только в восемь лет). «Сталину хорошо, — продолжала всхлипывать разобиженная на весь свет девочка, — он за своей стеной может сколько хочешь съесть и хлеба, и пряников даже, и конфеток даже». вдруг, перестав плакать, она спросила: «А какая она, стена у Сталина?» «Вот как эта поленница, — сказал я, — Только поленница наша ещё красивше, потому что её папка делал, и она из ровненьких поленьев, а не из каких-то там кирпичей, иди с краю глянь, только надо один глаз прищурить». Она посмотрела и со вздохом, перестав плакать, удовлетворённо сказала: «Наша красивше», — хотя никогда не видела стен древнего кремля. Ей было вполне достаточно знать, что делал стену из поленницы наш отец, а значит она по определению лучшая.

У мамы в работе также всё обстояло, если не лучше. Весь огород, а не только грядки под овощами и зеленью, руками, в основном матери, был распланирован как по линейке, как какой-то опытный участок, и вызывал восхищение у всех, кто приходил к нам. Не говоря уж о том, что имея 9 детей, домашних животных и мелкую живность, мать ухитрялась при этом разводить цветы не только на подоконнике, в соседстве со стрелками зелёного лука, но и в палисаднике , в горячую весенне-летнюю пору.

В июле у неё уже царственно цвели георгины, среди которых особенно выделялись лимонно-жёлтые, будто напитанные мёдом и её любимые пёстрые, или китайские, ярко-бордовые с белыми кончиками лепестков, а также ромашки и, полыхавшие тёмно-синим насыщенным цветом, изумительной красоты петунии.

Отправляя меня в первый класс, она собрала букетик именно из них, сказав: «Гладиолусы любой принесёт, пусть эти попробуют вырастить».

В августе дом оплетали цветущие вьюнки, источали густой пряный запах бархатцы, или, как она звала их, «хохлушки», и, конечно, гладиолусы. Из Хабаровского питомника я привёз ей кустарник иргу с крупными сладкими ягодами, и декоративный курильский чай с очень ветвистой красивой кроной, а также сирень и жасмин. О трёх последних — я опасался, что она откажется ввиду практической бесполезности. Но она приняла их и даже отвела хорошее место.

У неё хватало сил и на красоту в доме, которая требовала долгой, кропотливой работы — вечерами он вязала кружева, подшивая их к покрывалам и делая из них красивые накидки на сверкавшие белизной подушки. Как она говорила дочерям: «Наволочки и занавески должны быть кипельно-белые, а иначе их не стоит вовсе надевать и вешать». Стены дома, на которых висели семейные фотографии в рамках, были украшены большими картинами, вышитыми Тоней гладью и крестом в больших рамках под стеклом. Тоня была в этом большая и усердная мастерица.

Мать была почти маниакально требовательна к чистоте во всём — к посуде, к нашей одежде, даже ко двору, совершая вместе с моими сёстрами невообразимое — зимой, в мороз, они отскабливали голиком и даже ножом до бела не только сенцы и крыльцо, но и доски тротуара до самой калитки.

Подобного я не видел больше нигде. С закрывающимися от усталости и недосыпания (а какой сон, где находит-

ся 9 человек, в том числе постоянно один из новорожденных, орущий по ночам) воспалёнными глазами она сначала раскатывала рубелём (обрубок доски с ручкой и поперечными бороздками) не только рубашку или штанишки, но и латаное-перелатаное бельишко, и затем, насыпав в утюг (в который то раз!) раскалённых углей (электрических утюгов в рабочих семьях не было), скрупулёзно разглаживала все морщинки на каждом предмете. Когда же ей отец говорил: «Пожалела бы себя, дала бы девчонкам постирать, да и погладить». Она непременно отвечала: «Ну, да! Постирают! — всё пережулькают да и только, погладят — складок понаделают на воротничках-то, потом в школе покажутся».

К школе у неё (как впрочем и у отца) было особое, я бы сказал, святое отношение. Школа была местом общественного признания её заслуг, оценки её колоссального, но неприметного внешне труда. Да, у неё было три красивых эмалевых ордена «Материнская слава» и к ним медали 1ой, 2ой и 3ей степени. Но она никогда их не надевала, не вынимала из атласных коробочек, а говорила: «Лучше бы денег дали». Это сейчас в России женщина уже с тремя детьми считается многодетной матерью и имеет преференции по ипотеке, по земельному участку, материнскому капиталу и т.д. Тогда же за материнские ордена, как и фронтовикам за боевые, выплаты отменили. Это сейчас многодетных матерей принимает в Кремле президент, а тогда никакого общественного признания они не получали. Поэтому так важно было для неё, что её труд получал достойную оценку в школе. Она очень гордилась тем, что на родительских собраниях её приводили всегда в пример остальным, отмечая, что при таком количестве школьников (а нас всегда было не меньше пяти) дети ухожены образцово, не говоря уж о том, что у нас ни разу не находили в волосах головы «формы 20», как тогда называли насекомых, расплодившихся в годы войны из-за нехватки мыла.

Особенно разительное отличие было между нами и детьми другой многодетной семьи — Кравченко. Мама приходила с собрания и недоумевала: «Мотя, да и сам (её муж) люди как люди, а в кого же уродились их дети? Сплошные сорванцы и неряхи, даже их девочек ругают на каждом собрании. И помощь им дают — то обутку, то одежёнку, а нам почему-то никогда и всё равно ходят как оборвыши, всё на них горит».

Размышляя сейчас об этом, я думаю — а как на них могло не гореть, если их папаша (двухметрового роста) всю жизнь сидел на ничтожной зарплате счетовода, не пытаясь где-то ещё подработать или хотя бы привести в порядок двор, на котором по щиколотку стояла навозная жижа. А Матрёна, весёлая бойкая баба, большую часть времени проводила в лясах-разговорах с соседками, в то время как её полуголодные-полуоборванные сорванцы делали набеги на соседние усадьбы, чужие погреба и кладовки. Когда школа их пыталась образумить, Матрёна давала школе решительный отпор. В результате школа для детей была чем-то почти враждебным. В итоге ни один из этих десяти детей не получил даже среднего образования, хотя абсолютное их большинство пошло в школу уже после войны.

В нашей же семье от родителей нам досталось уважительное отношение к школе. Шестеро детей пошли учиться ещё до войны и во время её и тем не менее только трое самых старших, вынужденных работать во время войны не закончили среднюю школу, а 6 человек получили диплом о высшем, незаконченном высшем, среднем специальном и профессионально-техническом образовании. И мы были, как и все дети, сорванцами, и на нас всё «огнём горело», как часто повторяла мама. Но почему мы выглядели вполне благополучно одетыми и нам не давали, как кравченковым детям, «помощь»? Потому что за нашим «благополучием» стоял огромный труд наших родителей и особенно нашей

матери. Да! Воистину это достигалось 18-20 часовым ежесуточным трудом матери, которая ночами штопала нашу ветхую одежду.

По стольку же трудился ежедневно и отец, подшивая нам валенки кусками ленты от транспортёра, подбивая и подшивая по многу раз наши ботинки и сапоги. За все десять лет, как я помню отца, он ни разу не был в отпуске, и при этом часто, не только в войну, но и после неё, трудился по 15-16 часов, потому что за сверхурочные работы платили больше. И начал он свою трудовую жизнь в 9 лет батраком. И поэтому в основном он «сгорел», как отмечалось, прожив всего 45 лет, несмотря на своё богатырское сложение.

Хотя не исключено и той причины его онкологии (желудка и пищевода), что работал он кочегаром, да ещё часто в две смены, а угольная пыль и зола обладают выраженными канцерогенными свойствами. Когда он ушёл, нам его очень и очень не хватало, не только потому что он был нашим главным кормильцем, но и от того, что остро не хватало его любви к нам, его щедрой доброты и поддержки.

В воспитании детей, и он, и мать, имевшие, как я уже отмечал, всего два класса образования, проявляли удивительную мудрость. Отец, во-первых, нас никогда не ругал, не отчитывал. Даже, когда я случайно порвал портрет Сталина, и над нашей семьёй сгустились опасные тучи. Он и тогда мне не сказал ни слова. Мне эта история принесла много горя. Моя жизнь как бы разделилась на две части — до этого проклятого портрета и после того, как он был порван.

Всё произошло почти мгновенно. Все уже начали выходить из пионерской комнаты, когда ко мне протиснулся Колька Остапенко, и попросил горн попробовать подудеть. Резко потянул трубу к себе, взявшись за мундштук. Мундштук выскользнул и «дудельщик» потеряв равновесие стал спиной падать на портрет, стоявший на полу по случаю предстоявшей побелки. Чтобы удержаться на ногах он ухва-

тился за меня, и мы оба ввалились в изображение «Великого вождя». На портрете Сталин приобнимал правой рукой девочку, протягивающею ему огромный букет роз. Внизу была надпись «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство». Когда мы вылезли из разорванного нами портрета, нас оглушила внезапная тишина — в комнате не было ни души. Стало ещё страшнее, когда мы дёрнули ручку двери, но дверь оказалась снаружи закрытой. Страх парализовал всех: и детей, и взрослых.

Мне было очень обидно и непонятно, почему ещё три дня назад мне как лучшему ученику доверили почётное право быть горнистом пионерской дружины. Для чего я три дня ходил по 7 км в Дом пионеров на курсы горнистов, а сейчас сижу как арестант. Я не знаю сколько прошло времени, оно казалось вечностью, как приехал капитан МГБ (Министерство госбезопасности). С ним в комнату вошли директор и пионер-вожатая — молодая женщина, секретарь сельского совета Зинаида, которая тут же сняла с меня пионерский галстук.

После того, как директор объяснил, почему портрет вождя стоял на полу, а вожатая, что мы должны были идти приветствовать матросов речного дивизиона с Днём Армии, их отпустили. Затем начался допрос по всей форме , с записью протокола. После того, как мы в очередной, очевидно, в десятый раз, объяснили, как было дело, капитан стукнул ладонью по столу так, что подпрыгнула чернильница, и вздрогнули не только мы, но и Зина, капитан раздельно по слогам произнёс: «А теперь ска-жи-те, кто вас на-у-чил это сде-лать!»

На следующий день допрос уже проходил в сельсовете. Вернувшись с него я спросил отца: — А что такое кулацкое отродье?

— А к чему это ты? — вопросом на вопрос ответил отец.

— Да, капитан сказал мне, что он выведет меня, кулацкое отродье, на чистую воду.

— Вон оно как! Ты посмотри на него, ребёнка мордовать вздумал, — и, надевая на ходу телогрейку, двинул к сельсовету.

— Ой, беги за ним, доигрался со своими пионерами, ой посадят отца, ой посадят, — запричитала мать.

Отец шагал широченным шагом, соответственно своему росту, а я с трудом нагнал его у самого сельсовета. Заходя в него, отец рывком открыл дверь и с порога громко спросил:

«Так кто тут нарёк моего сына кулацким отродьем?» Сидевший в одной майке (китель с накладными карманами и портупея с наганом висели на стуле) на кровати в смежной с сельсоветом комнате, принадлежавшей Зине, оперуполномоченный с трудом повернув осоловевший взор в сторону отца сердито бросил: «Чего ты тут разоряешься, кто тебя сюда звал?» Увидев меня, он, со злорадной усмешкой, продолжил:

— Ну так и есть, кулацкий выкормыш, портрет вождя рвёт. Я не уеду, пока всё кулацкое осиное гнездо не раскопаю.

— Это я–то кулак? — на горьком выдохе воскликнул отец.

— Ну не я же, — гоготнул эмгэбист, — Не мой же родственник всем известный кулак Кирсан Рязанов! Мироед этот Астрахановский.

— Да он никакой не мироед, а крепкий хозяин, и никакой мне не родственник, я у него 9 лет в батраках был.

— А где у тебя документ? Покажи документ с печатью.

Отец шагнул своим огромным шагом, преодолев половину маленькой комнатёнки Зины, и резко выбросил свои широченные ладони в больших заскорузлых мозолях диаметром с пятак. Эмгэбэшник с испугом отшатнулся от могучих ладоней отца. Его гладкая холёная лоснящаяся физиономия вдруг противно сморщилась, как будто его ужалила оса, и он взвизгнул тонким голосом: «Зина, запиши для протокола,

потом перепечатаешь. Первое — восхваление кулацкого хозяйства. Второе — физическая угроза при исполнении служебных, нет-нет, государственных обязанностей!...»

Ночью отца забрали. Стремясь скрыть от народа масштабы репрессий, власти всегда посылали «воронки» (арестантские машины) по ночам. Я проснулся, когда отца уже уводили и услышал только две фразы отца: «Ничего, перемелется, мука будет. А, Анатолия, не ругайте, его вины нет».

Тем не менее, постоянные глубокие вздохи матери и укоризненные взгляды старшего брата для меня были страшной пыткой, куда как хуже, чем те нешуточные муки, которые выпали на долю Кольки Остапенко.

Его мать, потерявшая на фронте мужа и будучи болезненной, слабой женщиной, после ареста моего отца, страшно боялась, что посадят Кольку, единственную надежду в жизни. Поэтому, уходя утром на работу, она загоняла его поленом в подполье. Там было холодно, поскольку их квартирка находилась в заводском дощатом бараке, а главное, его искусали крысы. Поэтому он жутко ревел. Мы, с моим приятелем Бесом, каждое утро открывали согнутым гвоздиком маленький замок входной двери и вместе с девочкой-соседкой, жившей через стенку и сообщившей нам о Колькиных страданиях, с трудом отодвигали кухонный шкаф, который подвигала на крышку подпола мать, чтобы Колька не мог вылезти. А за пять минут до заводского гудка, бедный Колька весь в синяках и крысиных укусах, опять лез в подполье. После гудка в конце смены мать приходила (их квартирка была в 100 метрах от проходной) и позволяла сыну выйти на свободу.

Отца выпустили через неделю. Мы ходили с матерью и старшим братом, пытаясь навестить его. Но нам не дали свидания и не взяли передачи, коротко отрезав: «По 58 статье не положено». Возможно, статья отца, как ни странно, и послужила причиной освобождения. Дело в том, что у поли-

тических, если их семьи не порывали официально с ними, не отрекались от «врагов народа», как правило, забирали детей. Но после войны детские дома и приюты были переполнены — в стране было огромное количество беспризорников, потерявших родителей не только в огне пожарищ, в 1946-1947 годах, умерших от голода.

От голода взрослые порой теряли рассудок. Через два дома от нас жила Ганна Ткаченко, которую с тремя детьми оставил муж, перешедший через дорогу к её родственнице. И я слышал, как соседка поведала нашей матери такую ужасную историю, которую ей рассказала «разлучница». Эту разлучницу всё же мучила совесть, или ей просто было жаль голодающих детей, время от времени она пыталась подбрасывать им еду. Однажды она передала Ганне кусок мяса от свежезарезанного кабанчика. На просьбы детей сварить его, Ганна пообещала сделать это утром. Рано утром, когда дети спали, она, не доварив его, не выдержала голода и стала есть полусырым. Она его грызла и струйки крови стекали у неё по подбородку. Остановиться она уже не могла и съела весь кусок. Утром дети её спросили: — Матка, а матка, а дэ мьясо?

— А яко, дитки, мьясо?

— А то, шо тётка дала.

— Ой диточки, диточки, мьясо крыса захувала (украла, спрятала).

Долгое время соседи и школа просили вместе определить детей в детский дом. У них от голода развился рахит, сквозь кожу видны были все косточки, а животы были вздуты. И когда я однажды проходил мимо их дома, младшенький сидел на подоконнике и мутным взглядом смотря на меня жалобно протянул: «Рязан, Рязан, дай ногу, нечего есть». Едва живых их всё же забрали в детдом, но повторяю — после хлопот всех соседей, в том числе и нашей матери, которая на родительском собрании школы несколько раз

поднимала этот вопрос. Так что некуда нас было отправить, осудив отца.

С другой стороны, в это время шла борьба с космополитизмом (нелюбви к своей родине) и за любой политический анекдот, людей сажали в тюрьму, а также набирало оборот «дело врачей-вредителей» еврейской национальности, якобы по заданию сионистов, готовивших покушение на Сталина. Одного из таких врачей очень уважала наша мать и как врача, и как доброго, хорошего человека и много раз повторяла: «Ну за что посадили её в тюрьму? Ей надо в ноги кланяться». Я не знаю, как писалась её фамилия –Хоммерша ли или ещё как, с одним ли «м» или с двумя. Знаю только со слов матери, что человек она была достойный, как и другие врачи, попавшие к МГЭ-бистам в застенки.

Дом предварительного заключения находился на углу Красноармейской и Ленинской. Когда охраннику надоели наши просьбы принять передачу отцу, он бросил: «Идите вы со своей передачей, здесь в коридоре люди стоят, не протолкнуться, а им передачи разносить. Идите, пока вас самих в подвал не определили».

Учитывая все эти обстоятельства, отцу и повезло. Придя домой, он отказался обедать, сказал: «Сначала схожу в душ, а потом к Клаве». Ему, привыкшему мыться каждый день на работе, думаю, нахождение в переполненной камере было не менее тяжко, чем допросы по целым ночам. С другой стороны, его угнетало, что не успел пообщаться с матерью Коли, сына своего друга, уберечь его от её диких побоев.

Отец Кольки был близким другом моего отца. Когда он уходил на фронт, попросил отца поддержать Клаву и сына, если что и это «если что» не заставило себя ждать. Отец получил от друга прощальное письмо-треугольник (свёрнутый треугольником листок, без конверта). И долго носил его в нагрудном кармане серой рубахи, так долго, что оно совсем истрепалось и на сгибах не читалось, но я так много

читал его отцу и Клаве, что помню до сих пор каждое в нём слово.

Вот оно: «Здравствуй, Сергей. Пишет тебе твой друг Николай. Это моя прощальная весточка. Сейчас она уйдёт с последним, видимо, донесением на Большую землю. Мы окружены под Севастополем. Бьёмся не с немцами, а с румынами и предателями — крымскими татарами. Сдаваться не намерены, не дождутся. Не забывай меня и подсобляй в чём сможешь Клаве и сыну. Прощай, твой Николай.»

Я уже не перечитывал, а пересказывал наизусть это горькое и мужественное послание. Отец ещё сразу после тюрьмы сказал Клаве, защищавшей своё избиение Кольки поговоркой:

— За одного битого двух небитых дают.

— Глупость ты несёшь, Клавдия, не о том речь в этой поговорке. Уразумей ты — за одного битого, а не забитого. А ты забьёшь парня, мозги не будут работать, опоры в нём не получишь и ему жизнь испортишь. А ты, — обернувшись ко мне, сказал, — Ты помогай ему , что-ж он и дальше в каждом классе по два года будет сидеть?

И всякий раз послушав письмо друга, он спрашивал меня: «Помогаешь ли ты ему?» Сам он постоянно помогал Клаве. Весной огород в поле пахал, осенью картошку вывозил с полей, дверь ли починить, стекло ли вставить в окне — всегда она в первую очередь к отцу обращалась. И он каким бы ни был усталым или занятым (а занятым он был почти всегда) оставлял все свои дела и шёл ей помогать.

И я тоже старался помогать Кольке в учёбе, но мне, скажу честно, это не очень удавалось — уж слишком он был запущенным учеником. В «Детской повести» я описываю трагикомичную историю, как мы прикололи к обратной стороне классной доски стихотворение (у нас доски стояли на подставках, а не висели на стене)и все подсматривая прочитали его «наизусть», получив отличные оценки. Но на нашу беду

вызвался читать и Колька, и прочитал по слогам! И это в 4-ом то классе… Учительница, разоблачив из-за него шпаргалку, ему поставила двойку, а нам всем по единице. И хотя мне было обидно — знал наизусть, но пришлось заступиться перед мальчишками за него, чтобы они его не поколотили. Отец похвалил меня за это. Но, повторю, за порванный портрет Сталина ни разу не ругал и никогда не припоминал горькую для меня эту историю.

Полушутя всем нам говорил: «Смотрите у меня, еж ли что — на одну ногу наступлю, а за другую дёрну». Но мы только улыбались, понимая, что никогда этот почти двухметровый великан так не сделает, потому что обладает очень добрым и привязчивым сердцем. Даже когда надо было забивать кабана или бычка, он звал кого-нибудь из знакомых, сам не мог это делать — так привыкал к животным и любил их.

Во-вторых, и это самая великая в педагогике мудрость, — он за всё, даже часто с авансом, хвалил нас, показывал, что гордится нами и очень верит в нас. А это всегда любого ребёнка окрыляет, удесятеряет его силы. Так, одной своей фразой он однажды сделал меня почти отличником.

А было это так. Почти каждый день, если отец работал в первую смену, я ходил встречать его у проходной. Все охранники на проходной меня уже знали, и если дело было зимой, а отец задерживался после заводского гудка (он гудел 3 раза в сутки – в 8, в 16 и в 24 часа), они меня пускали в свою каморку погреться. Отец выходил, неся на плече огромную лопату, которую он называл «кормилицей», я садился в неё, и он вёз меня до дому.

Это было самое надёжное и самое желанное в мире средство передвижения, потому что, сидя в ней, я общался с отцом, рассказывал ему о своих «делах», о чём-то спрашивал его, а вопросов в моей беспечной голове было всегда великое множество, и он отвечал мне охотно на них. Я старался

их успеть выпалить все, потому что знал — придя домой, отец начнёт непрерывно заниматься хозяйством и тут уже не до бесед. Но часто перед концом смены я пролезал в узенькую щель в заборе и, перебежав тупик, оказывался у него в кочегарке, из которой он со своим напарником шёл в душ. Это тоже было счастьем, это не то, что таскаться с тазиком по холодноватой и мрачноватой бане, куда мы могли ходить всего раз в неделю. И вот как-то, стоя под блаженными струями горячей воды, испускавшей туманный пар, я на лету поймал обмылок отцова напарника. «Смотри, какой пострел, шустрый и ловкий! — сказал не то с удивлением, не то с восхищением и спросил — Наверное, хорошо учишься?» «Он у меня молодец, отличник!» — бросил отец, довольный похвалой в мой адрес.

Хорошо помню, как мной одновременно овладели два несовместимых чувства — стыд и радость. Стыд от того, что я не был никаким отличником, у меня была тройка по чистописанию, а радость — потому что отцу где-то там под потолком в пару не было видно, как краска стыда залила мне лицо. Я-то знал, что моё чистописание вернее было бы назвать грязнописанием и следовало поставить мне в четверти за него не тройку, а даже двойку. Но моя первая старенькая учительница, Вера Ивановна или как мы её не то ласково, не то пренебрежительно звали «Верушкой», уже плохо видела и, так как я много, запоем, читал и, обладая хорошей зрительной памятью, никогда не делал ошибок по грамматике, она просила меня проверять у неё на дому тетради учеников. Я с тем большей охотой это делал, что исправлял ошибки большим красным карандашом, который меня восхищал.

Во всём классе, кроме дочери директора завода Светки Педченко, ни у кого не было ни одного цветного карандаша, к тому же писали мы на тёмно-серой бумаге и яркий красный цвет завораживал. И вот за эту «помощь» «Верушка» в моей тетради, заляпанной то красной свёклой, то жёлтой морков-

кой, летевших из под ножа сестры, помогавшей матери готовить обед, то желтком яйца, или зелёнкой, или ещё чем, исходившем от шкодливых пальчиков моих младших братишек Вовочки и Санечки, всегда крутившихся вокруг маленького стола, на уголке которого я, скособочась от тесноты, малевал своё «чистописание», ставила мне незаслуженные тройки.

Я так любил и уважал своего отца, так переживал случившееся в душе, что долго не мог в тот вечер заснуть. А утром проснулся с твёрдым намерением исправить эту злосчастную тройку. И хотя в следующей четверти я так и не стал отличником, но исправил-таки её на четвёрку и получил звание «ударника», или как позже стали звать — «хорошиста», — того, кто имел все пятёрки и одну четвёрку.

Вот что делает похвала, пусть даже не вполне заслуженная, и вера родителей в ребёнка. Этот бесхитростный метод, которым по наитию владел отец дал такой результат! Очень часто мы слышали от него: «Ну, молодца! Хвалю за ухватку», — касалось ли это успехов в школе или маленькой помощи в хозяйственных делах с нашей стороны. Когда же у нас что-то не сразу получалось, не выходило, и мы делали ошибки из-за спешки, он успокаивал нас простыми, но очень убедительными сравнениями, говоря, например: «Когда ребёнок начинает ходить, он же не раз падает, а потом научается и твёрдо стоит на ногах, или, скажем, конь — он на четырёх ногах и то спотыкается, а у вас всего две, всяко случается у всех, главно дело, не отчаиваться».

Помню, я комплексовал по поводу своего отставания в росте. Особенно это было заметно в сравнении с моими друзьями, которые и так были старше на целых два года, первые свои четыре года (особенно важные для роста) прожили до войны, а у меня половина из них выпала на голодное военное время.

Позже, начиная с 15 лет, я их не только догнал, но некоторых и перегнал в росте, но до того времени это меня

беспокоило, и отец, утешая меня, сказал: «Мал золотник, да дорог, а большая фигура, да дура. Это помни. И другое — главно не суетись, соблюдай себя… Вот видишь, большая минутная стрелка вон какой круг обежит и сделает-то всего одну минуту, а малая часовая спокойно — скок и целый-то час готов. Так что бери не ростом, не числом, а умом, а главно не что у тебя снаружи, какой там рост и прочее, а что у тебя внутри. К примеру, вот возьми баржу или пароход (отец хорошо знал эту тему поскольку несколько лет до женитьбы и два года после неё проплавал по Амуру в качестве рулевого). Еж ли нагруженные, они едва возвышены над водой, а пустые — высокие, ватерлиния от воды на несколько метров аж! А кто из них ценнее? Правильно! — Те, которые внутри наполнены.

Так что успокойся и не бери в голову насчёт роста, погоди, харчишки скоро будут получше, карточки на хлеб скоро отменят, быстро в рост пойдёшь, ещё всех перегонишь — ты же мой сын, а я смотри какой высокий. Так-то вот!»

Мать, как и отец, тоже никогда не пускалась в общие долгие поучения и нравоучительные беседы, тем более, что у неё свободного времени для этого не то что было ещё меньше, чем у отца, а его, этого времени, у неё не было вообще.

Если справедливо выражение, что «дом хозяйкой стоит», то по отношению к нашей матери оно справедливее в десять раз больше. С утра до вечера она крутилась среди оравы детей, как белка в колесе, попутно, на ходу осыпая нас хлёсткими замечаниями по поводу нашей неряшливости, принесённой всеми на обуви уличной грязи, разбросанной одежды и т.д. и т.п. Делала она это мастерски, потому что знала бесчисленное множество метких для каждого случая кратких и ёмких очень острых пословиц и поговорок, порой и не печатных, о которых она говорила: «Это не грех, это пустолайство».

Они ей экономили время и сразу всё ставили по своим местам. К примеру, если кто строил не очень реальные прожекты на будущее или завирался, или лицемерно жалел, она, прерывая пустые разглагольствования бросала: «Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела», или «Семь вёрст до небес и все лесом», или «Пожалел волк кобылу — оставил хвост да гриву». Не успевшим собраться и сделать все дела вовремя: «Как на охоту, так собак кормить». Речь её была очень образна. Про ленивую, медлительную сплетницу она говорила: «Ходит важно, как стельная корова с утра по дворам, языком чешет, да других осуждает, сплетни всякие гоняет, а во дворе у себя чёрт ногу сломит». Про нашу неряшливую неосмотрительность, затаптывания грязной обувью крыльца или сенцев: «Токо подмела, подтёрла, опять земли натаскали, наворочали стоко, хоть цветы сажай, хоть на лошади въезжай». По поводу нашей беготни: «Носитесь как савраски без узды, хлопаете дверями так, что весь дом ходуном ходит, отцу не даёте поспать, а ему в третью смену всю ночь работать».

Слова типа «ходуном», как и многие другие меткие образные словечки, я уверен, рождались ею самой, (у неё был явный словесно-художественный дар) потому что я потом нигде и никогда не встречал таких словечек, хотя около десяти лет в частых поездках общался по разным районам Приамурья и Приморья с сельскими жителями.

Вот только некоторые её удивительные слова, которые были в её обиходе:

– «рубаха-пермалаха» (перешитая, перезашитая рубаха),

– «лихоститься» (злиться от «лихо» — в древности означало «зло»),

– «сибитрушка» (егоза, непоседа),

– «злыдни» (злые, ничтожные копейки, на которые выживали),

– «космачом» (ходить по морозу, по ветру с непокрытой головой, распускать космы),

– «колготиться» (суетиться, топтаться на ногах по мелким делам),

– «мантулить», «кажилиться» (тяжело трудиться, вытягивать на работе все жилы),

– «оглоушить» (выпить сразу стакан водки или оглушить ударом по голове, что почти одно и то же),

– «скосоротился» (искривил лицо),

– «подбусал» (подвыпил),

– «разлоусился» (размечтался),

– «раскрылился» — это вообще гениальное словцо — подвыпивший ведь обычно идёт, важничая, показывая, что он навеселе, отставляя руки в стороны важно как гусь,

– «форменный дурак» (полный дурак, настоящий дурак),

– «свинья грязи найдёт» (о человеке, напившемся при неработающих магазинах).

Выражения её с одной стороны восхищали своей образностью: «Ветер с огня рвёт, метёт пурга, в таку погоду хозяин из дому собаку не выпустит гулять, а он (о соседе) мальчонку в магазин послал», «Его как за смертью посылать» (о медлительности), «Руки, как крюки, совсем одервенели от холодной воды», «Он чё-то тяжело вздыхает, дышит будто больная корова. Не заболел ли?», «Со стыда скрозь землю провалиться, а ему хоть бы что, хоть кол на голове теши».

А с другой стороны её фразы поражали своей мудростью: «Ничего не получится у них, ничего путного не выйдет, слишком разные они люди, воду с молоком не смешаешь». Или: «У таких душа раньше кожи старится».

Особенно жёстко от неё доставалось тем, кто сплетничал, нарушал молоканскую святую для неё заповедь «Не судите, да не судимы будете». Она не выносила никакого осуждения «за глаза», а говорила: «Если хочешь что сказать, скажи человеку напрямик, в лицо, а в моём доме ничего ни о ком не надо говорить».

Она говорила напрямик, всё, что думала и о партии и правительстве, в целом о власти. При этом, когда она начинала резать громко правду-матку, соседки, напуганные страхом прошлых репрессий, в испуге закрывали себе рот, пытались её остановить, но им обычно это не удавалось, и тогда они, не прощаясь, поспешно уходили. Она, конечно, тоже никогда не забывала о 1937 годе, когда, как вспоминала много позже, ноги прирастали к земле у всех, видевших как по переулку идёт «тройка» — уполномоченный НКВД (госбезопасности) и двое «понятых» (свидетелей), и каждый в ужасе думал: «Хоть бы не вошли на мой двор». Тем не менее, когда диктор по радио с торжеством в голосе говорил: «Трудящиеся Советского Союза с большим воодушевлением восприняли постановление правительства о выпуске облигаций нового трёхпроцентного займа и массово добровольно выкупают их». (На самом деле их под большим давлением вынуждали всех приобретать.) Мать, подойдя к круглой бумажной чёрной «тарелке» радиопродуктора и, потрясая своими огромными, как у мужиков, изработавшимися руками, говорила едко и метко: «Не с воодушевлением, а с за-ду-шев-лени-ем, совсем задушили налогами, не дают людям даже вздохнуть. Стыда у вас нету совсем, все жилы из народа повытянули, а всё вам мало. Ладно, была война! На что нам эти бумажки? Что ими можно ребятишек накормить или одежонку как исправить? Выброшенные деньги! — И, сев у стола и опустив голову, с глубоким вздохом роняла, — Да, совершенно не дают людям вздохнуть. Сытый, голодного не разумеет, им всё можно, а нам — ничего!»

А в это время из репродуктора неслась бодрая, жизнерадостная песня:

«Над страною вольный ветер веет,
С каждым днём всё радостнее жить,
И никто на свете не умеет
Лучше нас смеяться и дружить».

На что тут же следовало саркастическая реплика: «Ну да! Только и осталось, что смеяться. Есть нечего, зато жить весело…»

Да! Часто было не до веселья. Но родители никогда не падали духом, умели держать удары судьбы, особенно мать, когда она осталась одна.

Только несколько дней ей потребовалось, чтобы полностью прийти в себя после смерти нашего отца, а ведь было ей не полных сорок четыре года и «на руках» у неё оставалось шесть несовершеннолетних детей (двое до пяти лет и ещё четверо школьников) при ничтожно маленьком пособии. Но эти несколько дней нам запомнились навсегда, ибо они были не только для нас очень тревожными, но даже и страшными.

Мать ни разу не заплакала, но стала чёрной от горя и, полностью уйдя в себя, не говорила вообще ни слова — поистине подлинное горе — немо. Тот, кто рыдает и кричит при потере близких, часто кричит больше о себе, жалеет себя, многое потерявшего с уходом родного человека. Но мать думала в это время, такое ужасное и тяжёлое, только об отце и о нас.

Вечером, уложив всех и дождавшись, когда мы уснём, она тихонько уходила на кладбище и там, на могиле отца, обняв надгробную тумбочку, застывала в буквальном и переносном смысле. Проснувшись и спохватившись, что её нет, мы поспешно одевались и подходили в полной темноте холодных октябрьских ночей к кладбищу, от страха взявши друг друга под локоть, находили её полузастывшую и, с трудом отрывая от памятника, приводили домой, оттирали и отпаивали горячим чаем.

Она никогда и ни в чём не жалела себя. Для неё, выросшей в достаточно обеспеченной, если не сказать богатой, семье, имевшей несколько домов и наёмных работников, для неё и по характеру гордой и независимой было, как я

теперь понимаю, величайшей моральной мукой нередко за два-три дня до нищенского пособия на детей, когда в доме не оставалось ни копейки, идти на поклон и занимать деньги у соседей.

Бытовые трудности и непомерная работа никогда не страшили её, она изворачивалась как могла и делала это успешнее других. Несколько раз после зимы, когда оканчивалась единственная подмога — картошка, мы с ней ходили по пустым весенним полям и собирали показавшиеся из оттаявшей земли, обмытой первыми дождями, полусгнившие прошлогодние клубни, в которых по большей части оставался лишь крахмал да кожура. Она потом делала из них котлеты, хотя и отдававшие гнильцой и прелостью, за что мой старший брат прозвал их «тошнотиками», но они спасали от голода. А чтобы хоть как-то подкрепить нас витаминами, она варила суп из первых мартовских побегов лебеды, крапивы, щавеля, кисель из овса, а из вымоченных горьковатых одуванчиков делала салаты, из собранных нами их соцветий наваривала целые тазы мёда. Поэтому у нас никогда на веках не вскакивал «ячмень» от авитаминоза, как у многих других детей. Кроме того, чтобы мы были здоровы, мать кормила грудью каждого из нас аж до двух лет.

Когда же кто-то пытался обидеть нас, тогда она не знала никаких преград и ограничений и буквально тигрицей бросалась на нашу защиту, как например, однажды произошло с моей сестрой Тоней. Она и несколько других ребятишек пробрались к огромным кучам зерна, пускаемого спиртзаводом на производство спирта, и когда внезапно появился охранник, то мальчишки, набравшие зерно, кто в карманы, кто в сапоги, успели перемахнуть через забор или поднырнуть в подзаборную ямку, а она и ещё один мальчик растерялись, были схвачены и с зажатыми в кулачках горсточками зёрен посажены в тёмный подвал. Узнавшая об этом мать, ворвалась в заводскую проходную и... Что там было, я не

видел, могу только предположить, зная её умение обложить разящими словечками и выражениями, только видел, как выскочил ошалевший от её натиска старший охранник и побежал в сторону подвала, а она, не отставая от него, уже на территории завода колотила его по шее своими широченными ладонями, приговаривая: «Я тебе покажу «при исполнении», ты будешь знать, как детей пугать, да в темноте заиками делать, ты сейчас у меня сам заикой станешь!»

Она и в самом деле верно предвидела последствия этого «заключения» детей, — Тоня какое-то время заикалась и выручила, как всегда, сестра нашего деда, умелая народная целительница. Я тоже несколько дней с сестрой ходил на сеансы к слепой бабе Ане, потому что, испугавшись за сестру и потрясённый громким «сражением» матери с тучным и как мне казалось страшным охранником, я тоже стал немного заикаться и, главное, «вскрикивать во сне».

Мы лишь однажды видели слёзы в глазах матери, в 1947 году, когда отменили хлебные карточки и можно было покупать хлеб свободно. Правда, сделать это было в первый день очень непросто — уже с раннего утра, задолго до открытия магазина, около него стояла огромная очередь. Нас, детей, в неё мать на сей раз не послала, боясь, что нас или затопчут или мы задохнёмся в ней. И в самом деле, я видел, что вошедшие в магазин стояли такой плотной стеной, что тем, кто получил заветную булку (а давали лишь по одной, в одни руки на семью за один заход) с большим трудом удавалось пробиться к выходу, чтобы, наконец, вздохнуть полной грудью и утереть обильный пот с лица.

Мать, измученная и одновременно счастливая принесла эту булку — не чёрную, водянистую, из которой можно было лепить фигурки, потому что при сжатии из неё капала вода, а белую, пахнущую настоящим хлебом, без всяких примесей и не полученную по карточке, сделанной из плотной тёмно-серой бумаги, а купленной свободно, за день-

ги. Но булка эта оказалась злосчастной, и когда мы, помыв руки, с нетерпеливым предвкушением уселись на лавке и табуретах, а мама разрезала её вдоль, то все вскрикнули — по всей её длине лежала большая дохлая крыса, а мать, глухо застонав и зажмурившись, прижала подбородком грудь, как если бы почувствовала в этой груди сильную боль. Да так видимо и было. Когда она открыла глаза, мы в первый и последний раз увидели в них слёзы. Нет, она не плакала, они просто сами непроизвольно хлынули, скорее всего не от обиды, а от досады, что так был испорчен долгожданный праздник — наесться всем досыта настоящим хлебом.

А в целом, настрой и у отца, и у матери был всегда оптимистичным, в уныние никогда не впадали.

«Эх, жизнь, жестянка! — восклицала иногда мать и добавляла, — Кайлишь, кайлишь, мантулишь, мантулишь, а всё нехватки… Ладно, как-нибудь!» А отец тут же весело и уверенно говорил: «Ну, ничего, скоро завод встанет на ремонт, на сверхурочных заработаю побольше и купим детям ещё обутки и одежонки». Сам он имел только две телогрейки (по иному «ватники») — одну серую, потёртую, свалявшуюся, для работы, другую чёрную, новую, пухлую — выходную, и единственный старенький серый хлопчатобумажный пиджак. Но тогда так одевалось большинство рабочих, поэтому мы никогда не чувствовали себя хуже других, а учитывая позитивный настрой родителей, любовь и дружескую атмосферу, царившую, в целом, в семье, мы, дети, пока жил отец были вполне счастливы. В доме не было ни одной игрушки, но это не мешало нам весело играть.

Вспоминается, как однажды на новый год, как только родители ушли в гости, мы с младшей сестрёнкой, Валюшкой, соорудили «ёлку» сами — воткнули веник в половую щель, обвешали его разноцветными пуговицами, катушками цветных ниток и водили «хоровод», я играл роль Деда Мороза, она Снегурочку, развивали таким образом воображение, или

как говорится «голь на выдумки хитра». Самое удивительное — нам было очень весело и мы были вполне счастливы. Главная основа этого счастья была в щедрой родительской любви к нам, любви жертвенной, до самозабвения, и мы, естественно, родителям платили такой же любовью.

Особенно это контрастно выглядело на фоне других семей. Так, как-то раз соседка пришла занять два кусочка сахара,: «А то Ванюшка (муж, тот самый Сысой) без него чай пить не может». На это мать буквально взорвалась: «Ах ты, голова садовая! Значит у детей сахара нет ни крошки — это нормально! Если бы им, я бы последнее отдала, а этому кабану, этому гоисту окаянному (так она произносила слово эгоист) ни песчинки из принципа не дам. В войну она детей одним сахарином кормила, а ему сахар на базаре выменивала и сейчас ещё! Обойдётся. О детях надо сперва думать!»

В нашей семье наоборот — всё лучшее отдавалось нам, детям. Однажды, правда, произошло следующее. Мама разделила хлебный паёк всем поровну, но остался как бы лишний маленький кусочек — меньше спичечного коробка, и она ножом пододвинула его к отцу, сказав: «Ты в две смены почти кажный день работаешь, тебя уже шатает, съешь». На что он ответил: «А у тебя малыш грудь сосёт, тебе питаться нужно», — и вилкой отодвинул кусочек назад в сторону матери, которая быстро разрезав его на совсем малюсенькие кусочки, раздала нам. Мы, кто постарше, отказались, а малыши, конечно, быстро их проглотили.

Мы настолько уважали родителей за их любовь к нам, что без разрешения никогда не позволяли себе ничего лишнего. Я, например, был в шоке, когда увидел, что мой одноклассник Лёшка Мироненко украл у матери целых 30 рублей — большую красную купюру, и покупал себе целыми пакетами конфеты «подушечки», и «крыжовники», и медовые пряники. До сих пор помню ту красную 30-рублёвую ассигнацию.

У нас в семье деньги никто не прятал, они лежали под стопкой мелких тарелок, и не было случая, чтобы кто-нибудь из нас мог взять их самовольно. Если было сказано, что чего-то «нельзя», то мы это не делали, даже если не понимали, почему нельзя.

Так, в том же 1947, счастливом для нас году (отменили хлебные карточки), нам выпало ещё одно счастье — провели электричество. Мы с братом ошкурили столб, помогали копать под него яму, носили камни для утрамбовки, трамбовали вокруг него землю. Наконец на металлических когтях электрик залез на верхушку столба, присоединил к линии провода, потом протянул их в доме по потолку, отец прикрутил под потолок электросчётчик и поставил выключатель. Электрик, уходя, сказал: «Через полчаса можете включать». Но отец, тоже уходя по делам, произнёс: «Включим, когда я вернусь». Прошло не полчаса, а несколько часов, и мы с братом извелись в ожидании включения света, которого у нас никогда в доме не было. Смеркалось, пришёл отец, зажёг всё ту же семилинейную керосиновую лампу, которая освещала лишь обеденный стол. Мы ничего не понимали и просили его включить электричество. Наконец, когда совсем стало за окном темно, он щёлкнул выключателем, и от контраста темноты и электрической лампочки мы зажмурились, свет ослепил нас, высветив все углы дома.

Мы встретили это воплями восторга и поняли, что отец ждал полного эффекта, в полной темноте, тем самым хотел устроить настоящий праздник. И, надо сказать, он получился. Мы пребывали долго в радостном возбуждении.

Сами праздники устраивались в доме не часто, но они отличались настоящим, искренним, безудержным весельем. Не беда, что не было ни одного музыкального инструмента. А зачем они, если отец набрасывал в металлический таз ножей, вилок, пару колокольчиков, алюминиевую посуду и в такт пляскам подымал такой шум и звон, что мог заглу-

шить любой оркестр, классический или шумовой. От такого «аккомпанемента» и плясок весь дом дрожал. Умели таким образом веселиться от души.

Песни же наоборот были большей частью народные, распевные, такие как «Степь да степь кругом», «Когда я на почте служил ямщиком», «Вот мчится тройка почтовая», «Глухой неведомой тайгою», «Ермак», «По диким степям Забайкалья». Их пели очень задушевно, раздумчиво, а такие как «Из-за острова на стрежень» напротив — широко, раздольно, мощно. Последнюю песню я недолюбливал за то, что Разин выкинул за борт безжалостно и жестоко невинную молодую княжну.

Таким образом в песнях давали выход душе.

И мечтать умели. Ночью, когда расходились гости, отец говорил маме: «Ничего, всё будет хорошо… Вот вырастут ребята, я уйду на пенсию, и будем с тобой тоже разъезжать по гостям, навещать детей, внуков, да радоваться за них. У них ведь жизнь-то будет другая, получше, чем у нас с тобой выпала, — и заканчивал твёрдо, — Нет, всё будет хорошо!» В этих словах не было какого-либо расчёта, выгоды, а была рождённая не умом, а сердцем, светлая мечта о радости общения с детьми, когда появится, наконец, свободное время для этого, вера в хорошее будущее для нас.

Так бесконечно жаль, что нашему прекрасному отцу совершенно не удалось хотя бы краешком захватить это время. Да и маму очень жаль. Ей не было и 44 лет, когда она осталась навсегда одна, без мужа, и всю оставшуюся жизнь посвятила только нам, детям, хотя, не смотря на то, что у неё был такой «хвост» в виде нас семерых, к ней пытались свататься мужики, но она и слышать не хотела о таком.

И при этом, даже потеряв нашего отца, с которым всё было весело и споро, она никогда не падала духом. Озабоченность, сосредоточенность в будничных делах и заботах сочетались у неё с весёлой шуткой, а часто и с весьма озор-

ной частушкой и прибауткой. Выловив и неся назад внучонка, выскочившего со двора на дорогу, она приговаривала: «Эх, мать вашу так с вашим городишком, не даёте погулять нашим ребятишкам». Или, подавая соседке, бабушке Шершун, горячие оладьи, она пела: «Мамочке да бабушке оладушки, а отцу басмачу басурману-палачу в же…сальную свечу».

Если же та жаловалась на аппетит, то весело ей бросала: «Ешь давай! Эт богатому аппетит, а бедному когда влетит, ешь тятькин плеш, а на закуску схрумкай материну гуску».

Жизнелюбие, молодость души сохранялись у неё до конца жизни, не считая разве что последних месяцев тяжёлой болезни, в которой она тоже сохраняла и выдержку, и мужество. Она, например, и на девятом десятке не пропускала хоккейных матчей, особенно восхищалась вратарём Третьяком и великим спортивным комментатором Николаем Озеровым и вообще была очень живым, открытым, гостеприимным человеком.

Хотя мою старшую сестру Аллу и меня упрекала за излишнюю щедрость и простодушие, говоря: «Простота хуже воровства, всё готовы отдать, норовите с копейки каждому рубль сдать»,— а сама при этом никогда не хитрила, не скаредничала, была приветлива со всеми, выставляя на стол последнее, что было в доме.

Однажды, когда мы уже в нетерпеливом ожидании постукивали ложками по столу, слыша вкусные запахи толчёнки (пюре-картошка была тогда основой питания) и дожариваемого на сале золотистого лука, в дверь тихонько кто-то постучал. Я открыл её настежь и обомлел — в сенях толпилось трое военнопленных японцев.

— Мама, папа! Там японцы!

— Ну, так что? Приглашай! — ответила мать.

Они вошли в своих лёгких пальтишках цвета хаки с редким мехом на воротниках и незнакомым запахом, типа наф-

талинового, только более мягкого. Все оторопело смотрели на них, а они, смущаясь и кланяясь, выпалили три слова: «Здластуйте, щипачибо, дощвиданя», — видимо, это был весь их словарный запас. Старший брат, как и мы все, сразу понял, что сейчас отдадут им наше любимое и к тому же единственное на ужин блюдо, саркастически бросил: «Ну и до свиданьица». «Как не совестно!» — вскипела мать, а отец строго добавил: «Чего сидите-то, гости пришли, а они высиживают, ну-ка освободили живо место людям». Мама велела тут же мне достать из подпола банки солёных огурцов и помидоров, поставила тарелку квашеной капусты, полила её постным (подсолнечным) маслом и наложила полные тарелки толчёнки, которая так понравилась гостям, что съели они и по второй порции, опустошив полностью весь чугун.

Мать, наблюдая за ними, говорила сочувственно:

— Видите как едят, не хватает им, видимо, наверно их плохо кормют, чёртова война! Вон и пальтишонки каки тонки, в такие-то морозы...

— Ага! Жалейте их, мам, побольше. Им не хватает, а у нас всего через край, одна картошка да капуста, хлеба по крошке всего, а им рожки дают, чумизу, гаолян и даже рыбу, — вставил брат.

— Ну, так говорят, что для них хлеб — это рис, а его им не всегда дают, так что и им хлебушка-то не хватает, а без хлеба, знать, какая еда, — опять вступается мать.

— А кто их сюда звал-то, захотелось воевать? — продолжал своё брат.

Отец резко вскинулся на него взглядом, а потом сказал:

— Разговоры потом, пусть люди сперва спокойно поедят.

Японцы всё доели, обтёрли платочками пот с лица — в избе было жарко натоплено, и, одевшись, опять несколько раз поклонились, повторяя три известных им слова, и ушли.

Мать с сёстрами снова стала чистить ведро картошки, готовить ужин уже нам, а отец строго сказал: «Гость, каков бы

он ни был, завсегда гость и мы должны его принять по-людски и чтобы впредь никаких разговоров я не слыхал, ясно?» Нам на всю жизнь стало ясно и других разъяснений больше не требовалось, хотя к разговору на тему пленных японцев мы всё же вернулись, но это было некоторое время спустя и об этом я расскажу дальше, в основной части книги.

Учитывая доброжелательность ко всем наших родителей, у нас в доме любили бывать наши друзья и подружки. Мой друг, Сысоев Вовка, заходя к нам, весело объявлял: «А вот и десятый сын пожаловал», а подруга сестры называла себя «десятой дочерью». Доброты и гостеприимства, несмотря на тесноту и напряжённый семейный бюджет, одинаково хватало на всех приходивших и приезжавших, независимо от национальности, цвета кожи и статуса.

И через многие годы мой друг, грузин Нодар Адамия, уже живший в Москве (а когда он приезжал к нам домой, то как и я, работал доцентом в Благовещенском Пединституте), вспоминая о маме, говорил: «Её гостеприимство не уступает нашему грузинскому, только её сердечность ещё более искренняя, чем у нас, грузин, которые могут иногда показать её только внешне, а у неё всё всегда идёт от души, от сердца».

Другой мой друг, известный советский поэт Джеймс Паттерсон (в кинофильме «Цирк» Л. Орлова поёт ему, маленькому негритёнку, колыбельную) был у нас дома всего один раз, но когда в 90-е годы собрался переезжать в США, к своей негритянской родне, мне при прощании говорил: «Жаль, что мама далеко от Москвы, была бы ближе обязательно съездил бы попрощаться, я всегда буду её помнить, как и всех моих русских друзей».

Виктор Григорьевич Волошенко, необыкновенно интеллигентный человек, с каким-то врождённым аристократизмом, повидавший на своей работе (корреспондента Центрального агентства АПН) немало людей знаменитых, в

том числе делавший специальный репортаж о посещении в г. Хабаровске Юрием Гагариным известного садовода (меня он тоже тогда взял с собой, якобы как помощника, и у меня есть фотография первого космонавта с той встречи) всегда восхищался нашей матерью, её открытостью, скромной простотой и в то же время достоинством, с которым она держалась со всеми людьми. «В ней, — говорил он, — никогда нет подобострастия, желания угодить, понравиться, но от этого её уважаешь ещё больше».

И сама она уважала достоинство других, в том числе в нас, детях. Как и отец, она никогда никого не наказывала. Самым большим наказанием для нас была словесная, часто довольно громкая и эмоциональная, трёпка, которой в общем-то по большому счёту никто особенно не боялся. Но всякий раз в таком случае было стыдно, что опять довели её до необходимости этой словесной выволочки. В целом же, повторяю, мы чувствовали себя свободно и жили, особенно пока был жив отец, с ощущением полного детского счастья, в атмосфере любви, защищённости и дружеской близости каждого со всеми. Но об этом чуть позже.

А сейчас скажу о другом: мы росли и формировались на основе главного принципа воспитания — привлечения к труду с самого раннего возраста. Как известно, только ежедневный, а не по случаю, труд формирует в человеке ответственность, волю и в целом — характер.

Мудрая пословица гласит:«Хотите дать детям счастье — приучите их к труду и научите работать». На этой великой истине и строилось наше воспитание.

Если говорить о себе, то мой первый «трудовой» опыт был случайным и необычным. Осенью 1945 года солдаты бывшей армии маршала Рокосовского — рокосовцы, известные тем, что их набирали из тюрем и лагерей и соответственно отличавшихся не только своей удалью, но и лексиконом и фольклором, пригнали эшелон трофеев из Маньчжурии, ко-

торый стоял в тупике недалеко от нашего дома. Мы с моим другом, отчаянным парнишкой Бесом (о котором вы уже многое знаете), каждый день исполняли песни и куплеты по заявкам рокосовцев и получали за них вознаграждение — американские галеты и тушёнку, японское печенье и китайские конфеты-липучки.

Наш «репертуар» обычно состоял из трёх частей. Первая часть — военная. В ней были куплеты про гитлеровскую верхушку, наподобие такого:

Гитлер, Гебельс, Гимлер — суки,
А ты, Гебельс, — педераст.
Я устрою всем вам муки,
Натяну на ж…глаз.

Большей же частью военной тематики были известные песни, но с переделанным текстом. Так песни махновцев

Любо, братцы, любо,
Любо, братцы, жить!
С нашим атаманом
Не приходится тужить.

Звучала так:

Любо, братцы, любо
Любо, братцы, жить!
С нашим командиром
Не приходится тужить.

А первая болванка
Попала танку в лоб,
Механика – водителя
Чуть не загнала в гроб.

А втора болванка,
Так врезала по танку,
Что (далее непечатное…)

А в песне из кинофильма «Два бойца» вместо слов:

Ты меня ждёшь
И у детской кроватки тайком
Ты слезу утираешь

шли слова:

И у детской кроватки тайком
лейтенанта ласкаешь.

Вторая часть — блатные песни типа:

Кресты и медали блестели на мне,
Московские б… ходили ко мне.

Или:

Ну что ж, ну брось,
Жалеть не стану.
Я таких как ты
Мешок достану.
Или поздно, или рано.
Эх, да всё равно ко мне придёшь, зараза.
Кто тебя по переулкам ждал, зараза?
Кто тебя по кабакам спасал
От ударов острого ножа,
Зараза.

Эта вторая часть обычно сопровождалась чечёткой и аккомпанементом трофейного аккордеона или немецкой губной гармоники.

Заключительная же часть давала нам больше всего подарков, потому что она посвящалась уголовно-тюремной романтике — одиноким матерям, несчастным брошенным детям, загубленной юности и вызывала самый сочувственный отклик у слушателей. Особенно их трогала песня, которую мы с Бесом тянули очень грустно и протяжно, с некоторым надрывом. Вот эта песня:

Тихо луна озарила
Тот старый кладбищенский двор,
А над сырою могилой
Слёзы лил маленький вор.
«О, милая, добрая мама,
Зачем ты так рано ушла,
Свет белый покинула рано
Отца-подлеца мне нашла.
В том замке роскошном и пышном
Семьёю живёт прокурор
Он женщин всё ищет богатых,
Не зная, что сын его вор.
А на скамье подсудимых
Хорошенький мальчик сидел
И голубыми глазами
На прокурора глядел.
Окончена речь прокурора
Преступнику слово дано:
— Судите же, граждане-судьи,
Лицо здесь пред вами моё.
Я — сын трудового народа,
Отец мой сейчас прокурор
Он сына лишает свободы
Скажите же: Кто из нас вор?
Вот ранние птички пропели,
Цветы здесь кругом расцвели,
А с голубыми глазами,
Пирата к расстрелу вели.
Тихо луна озарила
Тот старый кладбищенский двор,
А над двойною могилой
Слёзы лил сам прокурор.

Когда наше пение оканчивалось, суровые фронтовики с рядами орденов, медалей, колодок ранений на груди сдвигали повлажневшие глаза к переносице, стискивали зубы и глубоко вздохнув, не глядя в нашу сторону, протягивали нам бесценные лакомства.

Вечером отец, поставив меня между своих ног, сказал мне: «Слышал я сегодня, проходя мимо, как ты пел взрослые песни. Ты и в правду уже стал большой. Но это — баловство, а тебе, сын, уже седьмой год и пора начинать заниматься делом.»

На следующий день он привёл меня в стайку (так назывался хлев или сарай, где жили корова и её сынок — телёнок) и сказал: «Вот с сегодняшнего дня ты будешь ухаживать за нашими кормильцами.»

Отец любил животных, очень заботился о них и требовал от нас такой же заботы к ним. Он никогда сам не забивал их, а просил это сделать знакомых. Не признавал охоты и осуждал всякую жестокость к животным.

Когда однажды сосед похвастался, что зарезал запутавшегося в проволоке дикого козла, отец горько заметил: «Его поди волки загнали, он у людей искал защиты, а ты…» И после паузы добавил: «Это всё равно, что раненого или пленного пристрелить».

Для него жизнь любого живого существа имела такую же ценность, как и жизнь человека. И относился он к животным с такой же добротой и любовью как к людям. Только что родившегося в суровые морозы телёночка, которого едва успела облизать корова, он бережно, как ребёнка, вносил в избу и аккуратно, я бы сказал нежно, укладывал его за печку на чистую пелёнку, постеленную мамой на клеёнку. Потом наливал в миску молока и, широко улыбаясь, говорил: «Ну, учите его пить молоко, он ведь ещё малыш неразумный, умеет только сосать, а пить-то не умеет».

Мы с удовольствием макали свои пальцы в чашку, подносили к его симпатичной мордочке, и он начинал причмокивая их сосать. Мы весело смеялись, и вместе с нами смеялся отец, приговаривая: «Молодца, молодца», — и нежно его поглаживал.

Когда малыш уже твёрдо стоял на ногах и умел самостоятельно пить из посудины, отец так же бережно и любовно унёс в сарай к его мамаше-коровке.

«Вот теперь за тобой будет постоянно такая работа — стели подстилку из сенной трухи на этот ледяной пол, чтобы ни корова, ни телок не простужались, но сначала все ледяные камешки, все катышки кайлом, лопатой и метлой убери, чтобы они в бок не впивались скотине, чтобы ей было мягко спать».

Я отдолбил ото льда большие круглые коровьи лепёшки и маленькие от бычка, перетаскал их в навозную кучу, потом отбил ледяные шарики, образованные когда Машка (так звали корову) и Мишка (её сынок) справляли свою малую нужду, убрал их подборной лопатой и, тщательно подметя ледяной пол, наносил из яслей (короб, в который клали коровам сено) соломенных отходов и ровным слоем набросал везде. Отец, зайдя вечером в стайку, снял рукавицу и привстав на колено, в разных местах пола простучал ладонью подстилку. Не найдя ни одного комочка, он, приобняв меня руками за плечи и глядя мне в глаза, сказал: «Ну, ты молодец, Анатолий, всё сделал путём, хвалю за ухватку».

В тот момент я испытал большую гордость и почувствовал себя большим. И как было не почувствовать, если отец впервые меня, как взрослого, назвал моим полным именем. Признаюсь, я терпеть не мог, когда меня почти все называли слащавым, малышовым именем «Толик», а мне, как всякому мальчишке, очень хотелось побыстрее стать взрослым. Меня тогда куда больше устраивало грубоватое «Толян», чем сладенькое «Толик».

И вот отец по своей мудрой народной интуиции прочувствовал этот момент и назвал меня полным именем, к тому же добавив: «Теперь я и за тебя, и за коров спокоен».

И как я мог не оправдать его доверие! И это было во всех делах, даже самых нелюбимых. Да, были и такие. Например, летом, когда темнело очень поздно, почти в 10 часов вечера, и пока мы в длинной очереди в одном тазике перемывали себе ноги, умывались, уже было не менее 23 часов, а то и позже, а очень рано утром — в 5 часов, или не позднее половины шестого (самое сладкое время сна), я должен был вставать полусонный и отправляться в поле пасти коров, не только своих, но часто и некоторых соседских, за которых мне платили соседки молоком и за которых на мне лежала большая ответственность, немало напрягавшая меня, потому что могло случиться и случалось всякое.

Так бычок моего друга Юрки Житникова буквально на мгновение (когда наше стадо разрезала на дороге встречная машина) забрёл на картофельную делянку, владелец которой, Улькин, как раз половший её, сразу же бросил в бычка острой тяпкой и перерубил ему сухожилие на ноге. Пастись тот уже не мог и пришлось в жаркое время, когда на базаре мясо не продашь, сдавать его за копейки на бойню.

Бедолага-Юрка, боясь своего вспыльчивого, как я уже рассказывал до «бешенства», отца, несколько дней скрывался у своей бабушки.

У меня тоже при пастьбе был почти несчастный случай. Мой упрямый бычок Мишка очень невзлюбил пронзительные свистки маневрового паровоза, которого мы называли «кукушка» и который по заводскому тупику часами сортировал вагоны. И однажды Мишка решил-таки «проучить» его — забодать. Как мы с Юркой не пытались его согнать, сдвинуть с насыпи, нам, восьмилетним, это не удалось. После «бодания» с паровозом Мишка оказался без рога и с

окровавленной мордой под насыпью в кювете. (О проделках этого упрямца и хитрована я ещё напишу в повести).

Мои родители были более мудрые и любящие, чем у Юрки. Отец сказал: «Будь впредь осторожней, сынок, а то вон у Дуплищевых тёлку зарезал поезд, да протащил изрядно и столько набилось в мясо песку и мазута, что нельзя ни продать, ни самим съесть». «Да главно сам-то не попади под поезд-то, господи!» — заволновалась мать.

Были и другие волнения в этой пастьбе, о чём я тоже напишу. Но главное, что доводило почти до слёз, а иногда я признаться и плакал, было то, что после обеда, в самую жару, в самое пекло, когда все сверстники наслаждаются купанием на реке, загорают на песочке, я должен был опять гнать коров, причём босиком по раскалённой иссохшей комковатой дороге, которая обжигала подошвы ног и врезалась в них своими камешками и комочками почти так же больно, как и колкая стерня на обкошенных полях. На таких участках я морщился, стискивал зубы от боли, и, скажу честно, с недобрыми мыслями переносил своё босоножество. Впрочем, тогда босиком бегали почти все дети.

Лишь став взрослым, я прочёл о великой пользе ходьбы босиком для закаливания и особенно для укрепления нервной системы. В частности, я узнал, что в Древней Греции считалось необходимым ходить босиком до 18 лет, что великий Сократ призывал ходить босиком для обострения мысли. Так же считали тибетские монахи, всегда начинавшие утро со 108 шагов босиком по острокаменистой дорожке.

После обеда под палящим солнцем время тянулось с мучительной и томительной медленностью, постоянно клонило в сон, от которого спасали только больно кусающие оводы и пауты. К вечеру становилось прохладнее, но тут налетали тучами комары и, самое противное, — мошка, от которой невозможно было увернуться, так как она забива-

лась и в уши, и в ноздри и лезла в глаза, больно кусала шею, руки и ноги, оставляя после этого зуд.

Конечно, и в пастьбе были свои хорошие моменты, особенно когда вставал ветерок и можно было спокойно вдыхая аромат трав лежать на спине и подолгу наблюдать за движением облаков, кружением в поднебесье птиц, слушать их пение, как и музыку кузнечиков, шмелей и прочей мелкой братии. Это воспитывало известную наблюдательность.

Были и другие, более живые занятия, которые мы придумывали, чтобы убить тягомотное послеобеденное время. (и о них расскажу тоже).

По утрам же, когда воздух был свеж, запахи трав и цветов чувствовались острее, головки цветов ещё не закрывались от зноя, являя собой яркую картину, разноцветный ковёр, а жара ещё не донимала, мы любовались природой, наблюдали за жизнью жуков и муравьёв, и время летело быстрее.

Уже к концу моего первого «пастушьего» лета я знал названия почти всех полевых и луговых трав и цветов, что тоже было немалым приобретением для того возраста.

Безусловно, не только мне приходилось в семье делать скучную работу. У моих старших сестёр Аллы и Тони, а позже и Валюшки, тоже летом, когда хотелось бежать на реку, были такие занятия, как например, стояние в очередях в магазине, нудная для ребёнка прополка грядок, укачивание в зыбке или кроватке-качалке грудничков или «пастьба» уже ползающих малышей, постоянная уборка в доме, когда из-за ворот тебя кличут подружки, собравшиеся купаться. Все это были малоприятные, оговорюсь, именно для лета, занятия, но необходимые и нам вполне посильные.

Бывали и другие поручения, от которых хотелось бы отказаться. Так, однажды нам с Тоней пришлось весной нести 6 километров тяжёлое ведро с капустой в военный городок «Моховая падь», а главное, ходить с ним по квартирам и

продавать. Тоня была уже юной девушкой и, я думаю, весьма смущалась. Но она преодолела себя, потому что для семьи очень важно было продать излишки этой капусты и выручить какие-то деньги, помочь родителям.

Вообще я не помню случая, чтобы кто-то из нас сказал: «А почему я?» — или отказался выполнить просьбу или поручение родителей. Но они при этом никогда не перегружали нас, беря самую трудную и тяжёлую работу на себя.

Лишь однажды мы с братом Юрой еле добрели до дому от усталости и без сил уснули сразу же на полу, не раздеваясь. Было это в сентябре 1945 года. Только что закончилась война с Японией и мы с братом посадили у дома в честь Победы ветку тополя, причём просто голую ветку, без корней, которая хорошо принялась, и из которой вырос красавец-тополь, живой до сих пор.

А тогда, видя как мы весело утаптываем землю вокруг саженца под песню «И летели наземь самураи под напором стали и огня», отец сказал нам: «Поберегите силёнки, завтра пойдём на пекарню. Хочешь с нами пойти?» — спросил он меня. Ещё бы! Пойти с отцом и с братом на работу. Я был очень рад.

На пекарне работали одни женщины. В их обязанности входило не только печь хлеб, но и самим пилить брёвнышки на чурки и колоть их на поленья. Но некоторые сучковатые и смолистые чурки они топорами расколоть не могли, для этого нужно было орудовать кувалдами с применением стальных клиньев, что женщинам было не под силу. И когда таких чурок-монстров накапливалось изрядно, примерно раз в месяц, заведующая обращалась за помощью к отцу, потому что на такую тяжёлую работу видимо никто больше не соглашался, тем более что «платили» за неё плохо — давали срезанные чёрные горелые верхушки буханок, которые шли на корм птицам и маленькие «блинчики-ошлёпки» — натёки, образованные от стекания изли-

шек теста и прилипавшие к бокам хлебных булок. Вот их отлепляли и давали нам, причём набиралось таких «ошлёпок» иногда целая наволочка, которую мать могла растянуть порой на целую неделю.

В тот раз две из четырёх пекарниц не вышли на работу, так как получили похоронки на мужей (одна из немецкого госпиталя, другая из Хабаровского) и, лишившись последних сил, были не в состоянии прийти на тяжёлую работу — они вручную тягали мешки с мукой, да ещё распилка, колка и перетаскивание дров. Поэтому отцу и брату пришлось сначала пилить брёвна, а потом ещё колоть и свежие чурки, и «трудные» чурбаны, а мне шестилетнему — перетаскивать по одному полену (больше было не поднять) в пекарню. Я так набегался, а отец и брат так на махались кувалдами, что до дому, как я сказал, еле дошли.

Во всех остальных случаях, пока был жив отец, нам не давалось подобных «уроков». Начиная с 13 лет я с удовольствием летом работал на заводе. Это было куда приятнее и интереснее, чем пастьба. Но и тот умеренный труд, который мы все любили, неплохо физически подготовил нас к испытаниям, выпавшим нам после того, как мы потеряли отца. Они закаляли и физически для тех случаев, когда, стиснув зубы, приходилось преодолевать, казалось бы, непосильное для раннего возраста.

Подростками мы выгружали ночью 60-тонные вагоны с зерном, часто протравленные ядом (от грызунов). Под утро, когда и сон сваливал с ног, и от работы поясница уже не разгибалась, а пальцы рук наоборот непроизвольно разжимались, выпуская вдруг невероятно отяжелевший металлический совок, казалось, что невозможно закончить разгрузку, что больше нет сил, но я вспоминал пекарню, отца с братом на ней и становилось чуть легче.

Утром в школе на первых уроках мы с другом Толей Тихоновым засыпали по-настоящему на партах и добрые учи-

теля, зная, что у нас недавно ушли из жизни отцы и мы подрабатываем, не трогали нас.

Даже и такой труд как этот, когда от ядов было горько в глотке и постоянно подташнивало, я всё равно вспоминаю с благодарностью, потому что он создавал нам характер. Но это было потом, а когда был жив отец, то совместная дружная работа в семье давала ни с чем несравнимую радость бодрого весёлого общения.

В один из таких моментов всеобщей занятости, когда кто-то мыл пол в доме, кто-то подметал в сенях, кто-то скоблил ножом и отмывал деревянный тротуар во дворе, некоторые были заняты прополкой в огороде, кормили хрюшек, пришла наша любимая и добрейшая тётя Вера (родная сестра отца) посидела на крыльце и со вздохом промолвила: «Пойду, наверное, народу много, а поговорить не с кем, у всех свои дела». И так бывало.

Надо сказать, что мы все любили физическую работу, всякий раз испытывая, как говорил И.П. Павлов, «мышечную радость», особенно если она была совместная, быстро спорилась, когда все старались друг перед другом, бегали наперегонки, как например, когда таскали привезённый уголь с улицы в сарай. Или когда помогали убирать урожай кукурузы или тыквы и, особенно, капусты при её засолке. У каждого, начиная с трёх-четырёх лет, было своё занятие. Брат Володя, вцепившись в рукоятку японского штыкового кинжала, никому его не хотел отдавать, говоря, что кочаны капусты — это самураи, и он будет рубить им головы. Он срубал кочаны, сестра Валюшка снимала аккуратно с них верхние листья, я относил кочаны в сенцы, где мама, разрезав их на несколько частей, шинковала в двадцативедёрную деревянную бочку, на которую предварительно старший брат Юрий набил потуже стальные обручи.

Старшая сестра Алла в это время, намыв большую кастрюлю моркови, которую ей натаскал брат Саша, тщательно её скоблила на летней кухне.

Самые маленькие — пятилетний Серёжа и трёхлетняя Ксеничка — были заняты своим делом. Серёжа вырывал из земли кочерыжки, отряхивая их корни от земли, и сносил в компостную кучу. То же самое он терпеливо постоянно предлагал делать и Ксеничке, но она всё отказывалась, заявляя: «Я буду лучше носить листья в эту кучу», — но сходив разок-другой, тайком бежала к свинарнику, где её ждала свинья со своими подросшими поросятами. Те уже стояли на задних копытцах, опираясь передними о невысокий штакетник. Они с хрюканьем и визгом набрасывались на листья, мгновенно выхватывая их из рук маленькой шаловницы, и та визжала от радости посильнее, чем сами поросята.

Устав от беготни с листьями для прожорливой свиной братии, она уговаривала меня шёпотом (чтобы не слышала мама):

— Хрюшки просят, чтобы ты почесал им животики, они так любят, когда им чешут пузики».

— Мне некогда, чеши сама.

— Я боюсь.

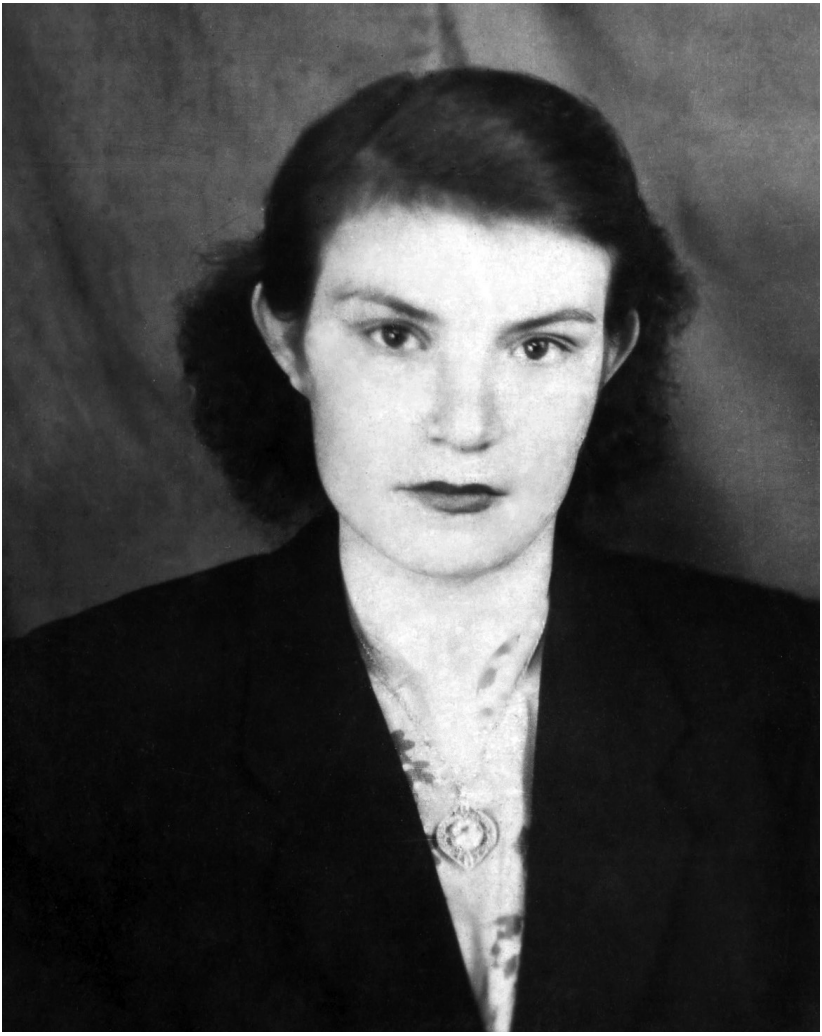
И, когда я щепкой чесал им брюшки и они, млея от наслаждения, заваливались на бок, закрыв свои маленькие глазки, сладостно похрюкивая, радости у неутомимой шаловницы не было предела.

И так было всегда, при любой совместной дружной работе. Глядя как мы весело трудимся, мой друг Вовка Сысоев пошутил: «Гуртом и батьку веселей бить», — на что отец заметил: «Не очень хорошая поговорка, кто ж батьку-то бьёт?»

У нас в семье никто никогда никого не бил, все были дружны, в отличие от некоторых соседских семей, например, от той же семьи Мироненко, где все и в детстве и позже, во взрослой жизни, жили сами по себе, не заботясь о других, оставаясь совершенно чужими друг другу и даже к матери. Хотя ведь тоже семья была многодетной и, казалось бы, должны быть тоже дружны все, как мы. Но хорошо ещё, что не обернулось

так, как у Тафинцевых, где старшие братья во время ссоры забили насмерть ногами младшего брата.

В нашей семье всегда все любили друг друга и старшие всегда опекали младших, заботились о них и это потом всё перешло и во взрослую жизнь.

Моя старшая сестра Антонида

Так, не успев ещё обжиться на новом месте, на далёких Курилах, старшая сестра Тоня взяла к себе в свою маленькую квартирку братишку Сашу, который благодаря её заботе благополучно закончил среднюю школу и ушёл в армию здоровым красавцем-парнем, и позже, закончив заочно Пединститут, добился больших административных должностей, сам много лет опекал и воспитывал младшего брата Сергея, а сейчас на его заботливом попечении захоронения родителей и всех других родственников нашего семейного рода.

Моя младшая сестра Валентина и средние братья (стоит — Владимир, сидит — Александр)

Сестра Валентина перетянула в свой город Красноярск другого брата — Владимира, и всю жизнь неотступно следит за его судьбой, принимая близко к сердцу все его радости, проблемы и переживания, хотя он давно и благополучно устроил свою жизнь, также закончив заочно институт, став директором колледжа, заслужив всякие почётные звания.

Ему самому с самого раннего детства было присуще обострённое чувство ответственности за других и желание внести в семью свой вклад. Именно это подвигло его, одиннадцатилетнего ребёнка, после смерти отца уйти в интернат, чтобы маме было легче растить и воспитывать остальных пятерых братьев и сестёр. При этом он проявил не по годам упорную твёрдость — как я не отговаривал его не уходить из семьи, он был непреклонен и настоял-таки на своём, — пришлось отвозить его в школу-интернат, в которой он не только не сломался, не потерял себя, но в первый же год службы в армии стал гордостью воинской части, первым был занесён в Книгу Почёта.

В немалой степени во всём этом сказалась та трудовая и человеческая закалка, которую получили в раннем детстве и Владимир, и Александр в семье, основы самостояния человека, той любви и моральной поддержки, которую они получили от матери и отца.

О том насколько важны и даже определяющи эти два фактора воспитания говорит судьба моего младшего брата Сергея. Он рос, когда у нас уже не было домашних животных и связанных с ними хозяйственных забот. Поэтому ему не удалось приобрести никакой трудовой закалки в детстве. С другой стороны, он получил слишком много материнской опеки.

Отец и мать к нам, старшим его братьям, относились с самого раннего детства как к самостоятельным личностям. Нас никогда не донимали мелочной опекой, не сюсюкали с нами, а разговаривали как с равными, во всём доверяли нам и очень верили в нас.

Когда ушёл из жизни отец, Сергею было всего 5 лет, и мать, раньше тратившая себя на всех нас и на отца, всю свою заботу направила на «младшенького» Сергея, к тому же очень похожего на отца. Он этим сразу же воспользовался и стал расти ничем себя не утруждая.

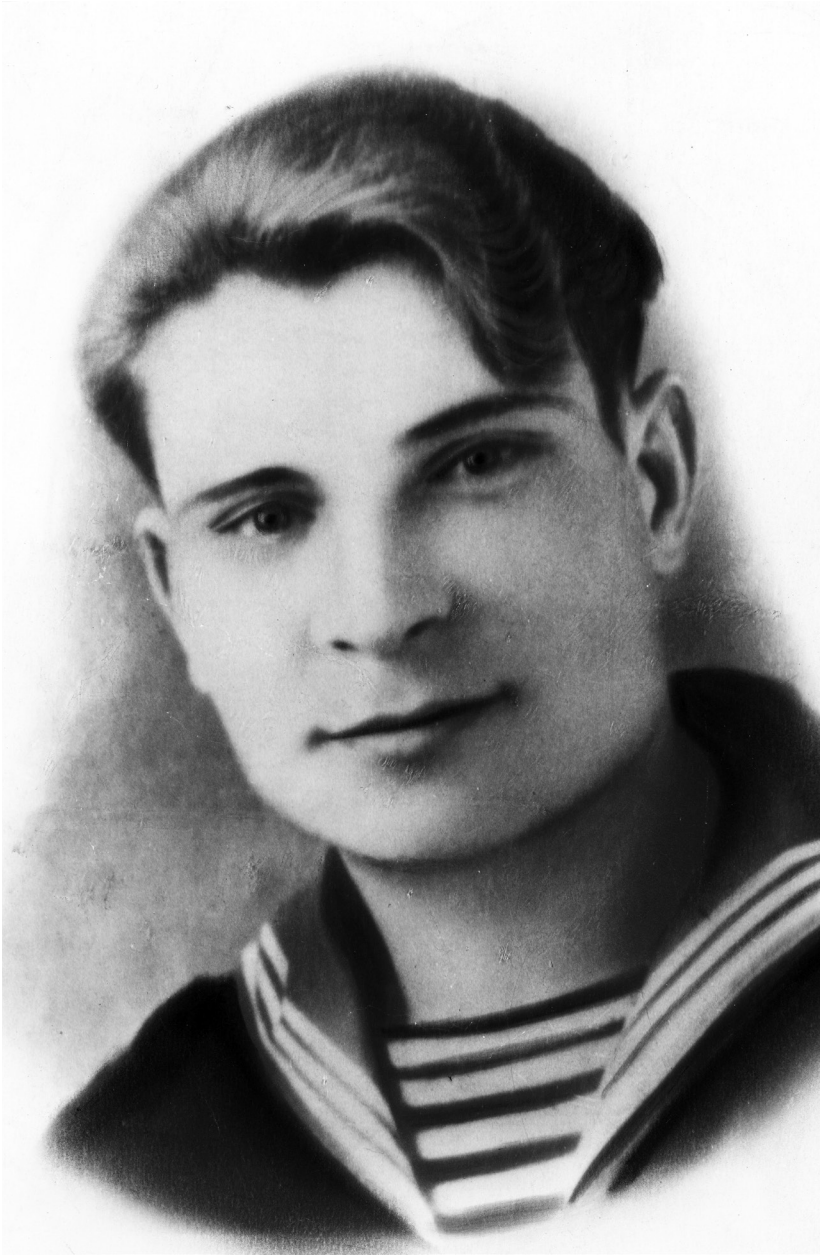

Слева — самый младший брат Сергей
и рядом с ним самая младшая сестра Ксения,
справа — мама и я

Мать же до двенадцати лет (пока мы резко не вмешались) зашнуровывала ему ботинки и до 50 лет отмывала и чистила ему обувь, не смотря на все наши протесты.

В итоге он вырос хотя и добрым, но совершенно безвольным человеком, не способным противостоять негативному окружению, которое не очень ограничивало себя в употреблении алкоголя. Поэтому он очень рано — в 50 с небольшим лет — ушёл из жизни.

В отличие от судьбы Сергея, сложившейся столь драматически, жизнь моего старшего брата Юрия была поистине трагической. Он прожил всего 27 лет и, к моему великому несчастью, погиб, по существу, на моих глазах. И причиной этому стали не безволие или водка, как чаще всего это бывает в подобных случаях на Руси, а именно стечение целого ряда трагических обстоятельств.

Мой старший брат — Юрий

Хотя он вырос в районе спиртзавода, но, как некоторые его сверстники, к водке не имел пристрастия. До армии он лишь один раз заметно «приложился» к вину, пришёл домой «на кривых ногах» как говорят.

— Ты что это, сын? — спокойно, но строго спросил отец.

— А что, ну выпил с друзьями, все же выпивают, что, всем можно, а мне нельзя? Иначе друзья не поймут.

— Выпить можно, и то не часто, а пить нельзя вообще, — ответил отец. — Пока человек слегка и редко выпивает, он командует водкой. Когда же начнёт часто выпивать, она его самого до дна выпьет. А тебе вообще и выпивать-то рано, ты ещё человек не полного стояния, сначала мужиком надо стать.

— А что я — не мужик что ли, — вскинулся Юрка.

— А это мы скоро проверим, — ответил отец и добавил, — Ну всё, иди-ка спать — поговорим завтра.

После этого разговора брат, если и соглашался выпивать с друзьями, то домой приходил на цыпочках.

«Проверка» на звание мужика состоялась ровно через месяц, на проводах брата в армию.

— Выходи, сын, посмотрим, какой ты мужик, поборемся, — сказал отец.

— К чему это! — забеспокоилась мать, — столы перевернёте, изгородь поломаете, а не то ещё покалечитесь перед самой службой.

— Ничего, во дворе места хватит, — сказал отец, подальше отходя к воротам от крайнего стола.

Гости повскакивали с мест, загудели. Отец и сын, оба под два метра, оба — косая сажень в плечах, с круглыми шарами бицепсов на руках и могучими спинами, по которым перекатывались бугроватые мускулы, резко схватились в объятья, попеременно отрывая друг друга от земли, ломая низенький штакетник, отгораживавший двор от цветника, пока ещё пустого, поскольку был апрель и мать ещё не достала из подпола и не высадила зимовавшие там клубни своих любимых георгинов.

Борцы сделали уже несколько кругов, подхлёстываемые улюлюканьем гостей. Но, сочувствуя переживаниям матери, девушки стали кричать: «Ничья, ничья!» И в этот самый момент отец всё же приподнял соперника выше обычного и бережно уложил на крыльцо. Смущённый брат стал требовать повторения схватки, но в этот момент, привлечённые шумными криками и наблюдавшие борьбу за воротами, несколько прохожих громко зааплодировали, и брату пришлось приглашать их к столу.

— Ничего, сынок, приедешь в отпуск, поборемся ещё, посмотрим, чему тебя в армии научат, — примирительно сказал отец. — Но всё равно, ты и сегодня уже ничего…

В голосе его звучало удовлетворение и от победы, и от того, что сын силён и крепок, оказал ему достойное сопротивление.

У отца всегда стоял на комоде гранёный графин с крепко разведённой на спирту водкой, настоянной на мандариновых корках или каких-нибудь ягодах. Она шла в ход только по выходным или праздникам, когда приходили гости. Выпивали в меру, пели дружно песни,

А отец, набросав ложек и вилок в таз, в такт весёлым плясовым песням грохотал этим своим «ударным инструментом», притоптывая так, что сотрясался весь дом.

Потом графин пополнялся и ждал нового прихода гостей. Но пример отца (хотя он и самое важное и даже решающее в воспитании), иногда оказывается бессильным, если сын попадает в среду, которой почти невозможно противостоять ввиду её абсолютного, тотального воздействия.

Армейское товарищество, даже если оно ложнопонятое, очень сильно, и идти против него подчас почти невозможно.

Служа на холодной сырой Камчатке, имея постоянно доступ к спиртосодержащей смеси, которой протирались контакты элементов торпед, а также и к чистому спирту — ректификату, в 96 градусов крепости, матросы частенько

прикладывались к нему «для сугреву» и постепенно привыкали к выпивкам.

Юрий, помня наказ отца, которого он очень чтил, вначале держался. Для этого записался в секцию бокса и вскоре, ещё не имея достаточной техники, но обладая колоссальной физической силой и выносливостью, стал чемпионом Тихоокеанского флота в тяжёлом весе.

Через два года, приехав в отпуск, он довольно быстро поборол отца, который, кажется, не огорчился, а скорее был доволен выправкой, сноровкой и ловкостью сына.

— Ну, вижу, что служба не проходит даром, переводя дух после борцовской схватки, сказал он, как и всегда, немногословно.

Но прошло ещё два года, и свершились два трагических события, которые сильно изменили и его жизнь, и его самого.

Четыре долгих года он ждал демобилизации, но за две недели до неё командир части сказал ему, что его вынуждены оставить ещё на полгода как лучшего специалиста для обучения новичков из нового призыва. В это время у отца обнаружили рак желудка и пищевода. Несмотря на это и на несколько рапортов брата, его не отпускали. Только через полгода, когда отцу сделали операцию и сказали, что жить ему осталось не более месяца, брата отпустили на несколько дней в отпуск.

Исхудавшего до неузнаваемости отца с припухшим, одутловато-водянистым лицом, еле стоявшего на ногах, обутых в валенки в жаркий июльский день, Юрий узнал не сразу. По его широким скулам заходили желваки и покатились слёзы. Он двое суток не отходил от отца.

Но через два дня его ждал новый жестокий удар. Один из «доброхотов» сообщил ему, что ещё в прошлом году, после того как его красавица-невеста Людмила вновь до бесчувствия напилась на коллективном пикнике на другом берегу Зеи, куда выезжала вся фабрика, несколько парней в очередь воспользовались ею.

Пока длился отпуск, целую неделю брат крепко выпивал каждый день.

Простившись с отцом, опять же с трудом подавляя слёзы, улетел на Камчатку дослуживать в свою часть в Авачинской бухте. Демобилизовался уже в ноябре, Отца он уже не застал, его схоронили в сентябре. Трезвый он был внешне такой же, как и раньше, только не балагурил, а молчал, но стоило ему выпить, как резко менялся. Глаза становились холодными, зубы часто сжимались, обнажая дёсны, взгляд блуждал по сторонам, словно ища какую-нибудь жертву. На другой же день такой жертвой стали два матроса из местного речного дивизиона. Они стояли у киоска и пили пиво, когда мы с ним подошли туда же. На нём, несмотря на мороз, была бескозырка с гордой ленточкой — «Тихоокеанский флот». Матросы почтительно отодвинулись в сторону. Но этого показалось ему мало.

— А ну, пошли отсюда, флот позорите, ракушечники речные, какие вы моряки…

Те попытались ему что-то возразить, но тут же хуками (короткими, но мощными ударами — одного слева, другого справа) он уложил их на землю, только бокалы покатились в разные стороны.

Я с трудом увёл его оттуда, что было непросто, ибо он был изрядно захмелевший и покачивался, мотая меня из стороны в сторону своей могучей фигурой.

Вечером пошли в клуб на танцы. Он постоял в углу немного и ушёл домой. Вскоре появился один из ударенных им матросов с автоматом на перевес пьяный, он искал брата. Когда патруль речдива попытался вырвать у него ствол, тот нажал на спусковой курок и очередь прошлась по карнизу клуба, а затем в борьбе уже с комендантским патрулём, когда автомат наклонили стволом вниз, он дал вторую очередь в землю и прострелил заодно обе ступни одного из матросов.

Когда я утром спросил брата, зачем он бил матросов, тот хмуро ответил: «Не знаю, пьяный был». А если бы был трезвый? Конечно бы не стал. Нехорошо вышло. Теперь матросику срок приляпают. Нехорошо. Не по делу. Что делает водка с нормальным человеком! Вот он сидит передо мной, совсем ещё салагой, не служившим в армии и полузастенчиво, виновато вскидывает взгляд и всё наровит отвести его в сторону.

До армии, до этого события с невестой он был очень весёлым, часто озорным и шебутным заводилой. Помню ещё совсем маленькому он весело и зажигательно пел мне такую забавную песенку:

Жил был у бабушки серенький козлик,
Серенький козлик
Сандырь мой мандырь бабаясин, ясин
Бабаюнькин — тпру — трюнькин серенький козлик.
Вздумалось козлику в лес погуляти,
в лес погуляти,
напали на козлика серые волки,
серые волки и т.д.

Изображая все события песни очень страшно и весело одновременно, доводил меня до коликов и сам хохотал не меньше. Сейчас же чаще молчит или мягко улыбается своей доброй улыбкой, своими золотисто-карими большими солнечными глазами. И трудно представить, что вчера он мог так необдуманно и жестоко вести себя с матросами.

Понятно, что его взяла обида, что они носят морскую форму, а служат на суше всего два года, а он оттрубил четыре, да ещё 8 месяцев, даже проститься с отцом не удалось. Но они-то не виноваты. И трезвый он понимает и сожалеет о вчерашнем, как и многие другие, творящие по пьянке невесть бог знает что, потом — сожалеют и каются.

Гибель его, в 27 лет, оказалась столь же неожиданна, как и случайна.

Происходило всё как-то слишком быстро. Несмотря на свою раненную гордую натуру тем, что сотворила его любимая, а вернее что сотворили с ней, и большое внимание к себе со стороны девушек, он всё никак не мог забыть Людмилу и сошёлся с ней. О свадьбе, конечно, не могло быть и речи ввиду постоянных пересудов — слишком красивы были оба, слишком они ярко выделялись, и слишком большой резонанс в рабочем посёлке оставила та ужасная история с Людмилой.

Жить им, как и всем молодым в то время, было негде. Только у них условия были, наверное, наихудшие: в нашем маленьком доме, состоявшем из одной комнаты площадью 25 квадратных метров кроме матери было ещё семеро ребятишек, а в деревянном фабричном бараке в комнатушке на семь квадратов, где жила Людмила с матерью и сестрой, две кровати стояли почти впритык. Их разделял только малюсенький самодельный туалетный столик.

Промучившись три месяца в тесноте и гвалте в нашем перенаселённом доме, Юрий с Людмилой перешли к её матери, где на двух кроватях спали подвое. На одной тёща с младшей дочерью, на другой, в метре от них, молодые.

И когда через полгода им всё же выделили тоже в старом бараке крохотную комнатёнку, они переносили свои два узла уже без особого воодушевления, тем более, что в последний месяц Людмила опять сорвалась и пока брат был во второй смене, наклюкалась до бесчувствия (она становилась пьяной уже после первой рюмки).

Тогда что-то окончательно надломилось в гордой и сильной натуре брата. Быть может, ему казалось, что все вокруг ведут пересуды о Людмиле и злорадствуют в отношении него.

Он ушёл. Стал вести у мальчишек секцию бокса. Я руководил комсомольской организацией и агитбригадой, а также вёл секцию спортивного ориентирования и проводил производственную гимнастику в рабочих цехах.

Поэтому по ходатайству фабкома нам выделили, хотя и в бараке и с тремя соседями и общей кухней, достаточно просторную и светлую комнату, куда стала часто наведываться со всем вкусненьким крепкая, с сочными губами, пышной грудью и огромными добрыми и ласковыми «коровьими» глазами весёлая Галина, которая без памяти и давно любила Юру.

И однажды она увлекла его к себе на несколько дней.

Вернулся он хмурый, много курил, предложил мне распить бутылку. Но я отказался, сославшись на заочную учёбу, на то, что «три недели после выпивки мозг в целом и особенно память не в тонусе».

Брат молча кивнув, откупорил бутылку перцовки, которую звали «коньячок в один стручок» и стал периодически выпивать, иногда повторяя: «Ну что ж, она сама выбрала свою судьбу, сама всё испортила». Я понял, что речь идёт о Людмиле, о которой всё ещё сожалел брат.

После несмелого стука вошла смущённая Галина, теребя концы голубой газовой косынки. Было такое ощущение, что она этой косынкой за шею с трудом себя затянула в комнату.

Я вышел на общую кухню, куда одновременно ввалился Славка, мой школьный приятель и партнёр по народному фабричному театру.

Но не успели мы с ним начать разговор, как на кухню влетела Галина с криком: «У него ружьё! Он хочет стреляться!!»

Мы мгновенно вбежали в комнату, с большим усилием вырвали из левой руки уже изрядно захмелевшего брата ружьё, а из правого огромного кулака, с трудом разжав его, вынули два патрона. На кухне мы, осмотрев патроны, увидели, что дробь из них, предусмотрительно вынута, а под единственным пыжом один только порох. Так что он не мог бы себе навредить даже если бы выстрелил в себя.

На кухню опять вошла Галя и сказала, что он согласился лечь спать, но сначала хочет, чтобы вы вернули ружьё. «Да бог с

ним, бери, патронов у него всё равно нет, угомонится хоть», — наконец сказал Славка. Галина ушла, но через несколько минут раздался её крик. Мы вбежали в комнату. На полу лежал, сжавшись в комок и сгибаясь от боли, Юрка. Из ствола ещё шёл лёгкий дымок. Кинулись вызывать скорую. Бежали изо всех ног к фабричной проходной. Только там был телефон.

Это произошло в праздник — День столетнего юбилея Благовещенска, когда состоялось несколько массовых пьяных драк и скорые помощи катастрофически не успевали на вызовы, развозя по больницам многочисленных побитых и порезанных. Машина пришла только через час. Дежурный врач сказал, что опоздали на каких-нибудь десять-пятнадцать минут, он умер от потери крови.

Этой смерти не должно было быть вообще и по другой причине. Если бы ствол отстоял от груди хотя бы на несколько миллиметров, то бумажный пыж, без дроби, не повредил бы даже поверхность кожи, лишь только ударив по ней, но Юрка, будучи пьян качнувшись в очередной раз, видимо, зажал грудью отверстие ствола. Создалась большая компрессия и картон пробил лёгкое насквозь. Он погиб от потери крови и болевого шока.

Отец уходил целый год — могучий организм долго боролся за жизнь, хотя врачи, разрезавшие желудок и увидевшие, что слишком поздно делать операцию, объявили: «Готовьтесь, ждать не более месяца».

Уход же брата был мгновенным, и я недели две почти не спал. А когда ненадолго засыпал, то мне всегда снился один и тот же сон. Я спрашивал Юрку:

— Зачем ты это сделал?

Тот отвечал:

— Я не смог жить ни с Людкой, ни без неё.

— Но возможно ты бы привык к Галине.

— Нет, мне было её только жаль и стало неудобно, что я прожил у неё 3 дня, дал надежду и ушёл.

— Но ты же стрелялся не по-настоящему, раз дробь вынул. Зачем?

— Чтобы Галя поняла, что не буду с ней жить.

— Прости меня, брат, — говорил я в слезах, что я не усмотрел, что у тебя был ещё один патрон.

— Ты не виноват, отвечал он, такая жизнь…— в этот момент я обычно просыпался весь в слезах.

Прошедшие годы даже десятилетия не устранили мою боль, а только притупили её, как бывает со всеми, кто теряет своих близких, ибо душа никогда не может примириться с их потерей.

Вот вкратце всё о моих братьях.

И я и другие мои братья, мы всегда очень любили и любим наших сестёр (ваших двоюродных бабушек) за их золотые души и весёлый, неунывающий характер. Хотя и в начале их жизни и сейчас, судьба дала им нелёгкие испытания. Детство их пришлось на войну и послевоенное тяжкое время, а в последние же годы (а у Тони аж четверть века назад) они потеряли мужей, остались вдовами. Но при этом они не утратили жизнелюбия, чувства юмора, сохранили весёлый нрав, своё неиссякаемое как бы врождённое трудолюбие и неистощимую потребность помогать детям, внукам, заботиться о них, принимая близко к сердцу при этом не только их проблемы, но и переживая за каждого из братьев.

Сначала о нашей самой старшей сестре — Алле. Это была поистине светлая душа. Её отличала не только любовь к нам, младшим братьям и сёстрам, к родителям и другим людям, но и ко всем животным. В этом также проявлялось её большое и нежное сердце. Когда старший брат только ещё собирался зарубить на суп курицу, она уже бежала за калитку в слезах и горестных упрёках нам, «извергам», которые «никак не наедятся», у которых «нет за душой никакой жалости». Всю жизнь она подбирала брошенных кошек, подкармливала бродячих собак, жалела всех и каждого.

Жизнь же обходилась с ней, как и со всеми подобными очень добрыми людьми, очень сурово, если не сказать жестоко. В 17 лет она по большой первой любви вышла замуж за статного красавца-солдата, в 18 лет родила дочку Люду, отец которой как раз демобилизовался из армии.

В нашем доме с площадью 27 метров, включая печь, молодой семье, тем более с ребёнком, жить было негде — вместе с родителями нас и так было 10 человек (Юра уже служил в армии), а чтобы ехать в далёкую Башкирию совершенно не было денег на билет. Пришлось её мужу уезжать одному, предполагая, что он заработает и вышлет ей на билет нужную сумму. Но его родители были недовольны, что сын выбрал в жёны русскую, а не башкирку, не желали приезда Аллы и постепенно отговорили его от этого. Алла была красавица, с весёлым лёгким характером и, как сказано, с добрейшей душой. И видя такую её натуру, к ней постоянно пытались прибиться «халявщики», мужики с ленцой, со стремлением использовать её доброту, её безотказность, с одним желанием: прожить за счёт её усилий и затрат, а сами тратиться во всех смыслах не хотели. В результате из нескольких попыток создать настоящую семью, где была бы любовь и взаимная поддержка, ни одна не оказалась счастливой.

Всю любовь она переключила на детей, но сынок пошёл в отца и многие годы не работал, доставляя ей, трудоголику, начавшей трудиться с 13 лет, немалые моральные страдания. Сама, не износив в юности ни одного хорошего платья, ни одной пары красивой обуви, она старалась изо всех сил, чтобы у дочери всё было лучше и, не щадя себя, работала на вредных производствах (маляром), где платили больше, часто сразу в нескольких местах. Уже будучи на пенсии, неоднократно не долечившись после очередной операции, не берегла себя, а брала новые подработки и таким образом погубила себя, до срока ушла из жизни. Мама всегда жалела её и без неё часто горестно повторяла: «Бедному Ванюшке вез-

Моя самая старшая сестра Альбина

де одни только камешки, так и нашей Алюшке», — как мы одновременно и нежно и сочувственно звали её. Но при ней, из-за присутствия её очередного не очень радивого мужа, мама всем видом своим выражала неудовольствие, что, конечно же, доставляло Алле моральные переживания и, думаю, даже страдания. Но она всё равно каждое воскресенье, купив на последние жалкие гроши кулёчек гостинцев, приезжала к нам.

Бедная, любимая Алюшка! Великая всепрощающая душа, вечно комплексующая в своей невинной виновности перед всеми. Мать, с ней всегда строго-сдержанная, в отсутствие её давала волю своей жалости, приговаривая: «За что ей такая судьба! Как будто кто на роду ей написал весь век бедовать». Да и натура, а люди пользуются. Кто несёт, того и нагружают, кто везёт того и погоняют. Я всегда переживал за неё, особенно после одного случая, который произошёл, когда мне было всего лет 6.

Идя на реку, мы нашли стёртую блестящую подкову. Сразу все выстроились в шеренгу, чтобы всем обеспечить «счастье в жизни», перебросив подкову через всех. Мы не то чтобы уж очень верили в приметы, но всё-таки всегда их соблюдали — старались отпугнуть чёрного кота, переходившего нам дорогу, опередить женщину с пустыми вёдрами — не будет счастья, пугались, когда рассыпали соль. Теперь-то я знаю откуда эта примета — быть ссоре — в древности соль была очень дорогой и рассыпов её, в доме поднимался скандал.

Было и множество других примет — не свисти в доме, а то денег не будет, упала вилка — женщина придёт, а нож — мужчина, чешется ладонь — к деньгам, а нос — к выпивке, кот лапкой умывает мордочку — гости приедут и т.д. Но в подкову верили почему-то особо. Её прибивали у дверей над притолкой. И сейчас, через годы, у меня в душе вырывается взволнованная и укоризненная строка поэта: «Подкова счастья, что же ты подкова!»

Оставаясь ребёнком, я долгие годы винил эту подкову, которая, благополучно перелетев всю шеренгу, бабахнула Аллу, мою бедную Алюшку, прямо в лоб. Та упала навзничь, прямо в горячую пыль, кровь яркой струйкой стекала по её и без того бледному лицу, но поболевшему ещё больше. Эта сцена и сейчас меня не отпускает, хотя прошло более 70 лет.

Сестра Валюшка, повторяя мать, как-то добродушно упрекнула меня в непомерной щедрости в том, что я «с копейки рубль сдачи» всем сдаю. Было бы справедливо отнести эти слова к каждому из моих братьев и сестриц. В большой семье, видимо, и не может вырасти скряга или жмот. Но самой щедрой из нас, несомненно, была Алюшка. Придёт к матери, поработает на огороде, не присев, потом сорвёт по парочке огурцов и помидоров и по щепотки зелени и ставит сумку открытой на лавку, чтобы было видно — взяла совсем немножко.

А у подъезда своего дома, стесняясь пройти и не угостить соседок, тут же всё и раздаст. А если из остатков получались заготовки в банках, то и они в основном уходили за порог вместе с гостями, постоянно толпившимися у неё на кухне.

Но удивительное дело! — Скромная, до застенчивости (даже в зрелом возрасте), она совершенно преображалась во время каких-нибудь празднеств, прежде всего свадеб. Здесь она вдруг становилась смелой, весёлой, озорной, плясала и пела, смешно нарядившись, довольно острые частушки — такие как «Мой милёнок, как телёнок, только разница одна — мой милёнок пьёт помои, а телёнок никогда!»

Бывали частушки и поострее. Но в основном смешные и добродушные, вроде «Ой, до свиданья, уезжаю! Кому должен, всем — прощаю», пела она, нарядившись в мужской костюм.

Мне всегда было бесконечно жаль её. Эта непреходящая боль за неё, за её несчастливую судьбу будет жить во мне всегда, до конца моих дней. Как постоянно живёт и будет жить во мне, к сожалению, слишком позднее, а главное, уже

бесполезное раскаяние перед матерью за то, что недостаточно часто, как все мы, писал ей.

Пока живы родители, мы все думаем, что они бессмертны и что всё ещё успеем — и написать и приласкать, поддержать добрым словом. И чаще всего не успеваем это сделать, за что потом мучают нас угрызения совести и её главного обвинителя — стыда.

Однажды, когда мы все съехались домой в отпуск, мама сказала за столом спокойно, но с оттенком упрёка всем нам: «Все ведь вы грамотные люди и руки у всех молодые, не то что у меня — деревянные, как грабли, не гнутся вовсе, ручку совсем не держат, да и глаза не видят, буквы-то прыгают, по два часа каракули вывожу, а вам чо стоит письмо-то написать, одна-две минуты»…

Все загалдели: «Мам, ну мы и так тебя все любим! Не пишем — значит всё у нас хорошо. Так что не беспокойся». Не понимали и не чувствовали, пока сами не оказались в её положении. Как жаль, что не было тогда ни скайпов, ни сотовых телефонов, вообще в её частном домишке никакой связи не было. Однажды, когда до стипендии в аспирантуре оставалось два дня, а у меня с другом всего три рубля, я предложил ему поголодать два дня для здоровья, а эти три рубля, которые отложены были на две баночки китового мяса с зелёным горошком (наш дневной рацион), потратить на приобретение лотерейного билета, чтобы что-нибудь выиграть и этим поздравить мою мать с приближающимся её днём рождения. Друг согласился, хотя в удачу не верил совершенно. Но чудеса, если в них очень верить, всё же случаются, и я выиграл оренбургский пуховый платок. Он успел прийти к её дню рождения, и потом я два месяца до самого нового года на радостях не писал ей, считая, что этот подарок будет греть ей и плечи и душу. Она гордилась перед соседями платком, сохраняя его даже всего в дырах. Но сердце матери ждёт не подарков, а хочет всегда общения с детьми

(а для родителей дети в любом возрасте — дети). Жаль, что эту её досаду уже не исправить.

В этом отношении для всех нас без исключения, особенно для меня и братьев, настоящим примером, можно сказать образцом, всегда являлась другая моя старшая сестра — Тоня. Она в течение двадцати лет строго ежемесячно отправляла маме полновесные посылки и, кроме того, регулярно писала длинные письма, начинавшиеся всегда с одной и той же торжественной фразы «Во-первых строках моего письма» и далее со всеми мельчайшими подробностями о своей жизни. Если сложить все её посылки и чемоданы подарков, которые она привозила в каждый свой отпуск, то потребовался бы не один почтовый грузовик. В те годы, уже без отца, это было не только проявлением большого внимания, но и ценнейшей помощью нашей семье, и мы, все, кто моложе её, должны всегда помнить об этом. И особенно, конечно, в неоплатном долгу перед ней её внуки, ради которых она в своё время оставив благоустроенную квартиру и налаженный спокойный быт во Владивостоке переехала опять на далёкий Сахалин и там себя полностью посвящала им многие годы, делая для них часто больше, чем могла.

Не меньшей любви и уважения, дорогие внуки, заслуживают и мои младшие сестрёнки — Валюшка и Ксеничка. Помимо душевной щедрости их обеих отличает необыкновенное чувство юмора, они во всём очень тонко подмечают смешные моменты и часто взрываются, как и моя мама, ваша прабабушка, безудержным весёлым смехом. И, как мама, они такие же неизлечимые трудоголики. И та и другая по-существу в одиночку обрабатывают свои дачные участки, а Ксеня ещё и сохраняет, содержит в порядке наш семейный дом, наше родовое гнездо.

Обе они начали очень рано работать. Валюша при этом закончила вечернюю школу и несколько курсов вечернего же института, но рождение второго ребёнка не позво-

лило ей завершить учёбу. Зато она воспитала и выучила двух замечательных парней — Андрея, он получил диплом инженера, и Глеба, который стал врачом. Она, как и Тоня, тоже не забывала писать письма матери, но особенно меня восхищало, что несмотря и на дальнюю дорогу из Красноярска и отсутствия свободных денег, она с ещё совсем маленькими детьми приезжала к матери, радовала её своими внуками, которых бабушка, как и всех других внуков, любила безмерно.

Ксеня тоже большой молодец — закончила финансовый техникум, воспитала двух прекрасных детей — дочку Лену и сына Артёма, и на пенсии продолжает всё работать. Ей мы все особенно благодарны за то, что она все последние годы по существу одна заботилась о маме, её здоровье, поддержании родительского дома, а также о нашем младшем брате Сергее с его непростой болезнью.

Вот очень краткий очерк о моей семье, о всех мне самых близких людях.

Но родные люди — это не только родители, братья и сёстры, но и другие ближайшие родственники по крови — бабушки и дедушки, дяди и тёти, которые тоже оставили неизгладимый след в душе и сердце, о которых, естественно, также нельзя не сказать.

Сначала о семье моего отца, вашего прадедушки Сергея Петровича Рязанова. Тем более, что история его рода, которая мне известна, совсем небольшая.

Нашего прапрадеда (дедушку моего отца) звали Варфоломей Иванович Рязанов, у него было три сына: Алексей, Иван и Пётр. Сам наш прадедушка Варфоломей и старший сын его Алексей жили в Астрахановке, а землёй владели в Тамбовской и Гильчинской волостях Амурской области, причём отцу принадлежало 117 десятин (десятина равнялась 1,09 гектара), а сыну —605 десятин. У Ивана (среднего брата) в Астрахановке было всего 2,5 десятины, правда и 3 лошади и даже

один наёмный работник. У прадеда нашего, Петра Варфоломеевича, земли не было вообще, и жилось его семье очень непросто. Отец наш с 9 лет батрачил, то есть работал на богатого крестьянина. У Варфоломея Ивановича кроме земли была ещё галантерея и мануфактура в деревне Ново-Алексеевская, но дела его шли не очень успешно, если не сказать хуже — по 16 лет был должен 25 руб. то купцу, то мещанину, за что имущество его в 1896 г. было описано. У сына Алексея дела шли гораздо лучше — он награждался медалями на выставках за образцы хлебов и злаков и породистых лошадей. Но в 1931 г. (т.е. ещё за год до массового раскулачивания) были репрессированы его дети: Андрей — расстрелян, Александр и Василий получили по 10 лет концлагерей.

О Петре Варфоломеевиче, нашем прадедушке, ничего пока не нашёл, только дату рождения — 1890 г., и что жену его, нашу прабабушку по отцу, звали Анна Михайловна, 1892 г, а также уточнил даты рождения сестёр и братьев отца: Ильи — 20 июня 1908, отца — 31 августа 1910, Владимира — 6 июля 1914, Веры — 13 ноября 1919, Надежды — 14 октября 1922, Петра не нашёл.

Судьба их всех была драматической или, что вернее, трагической. В 1929 году их маму, Анну Михайловну, которой было тогда 36 лет, убили бандиты, когда она возвращалась на двуколке (двухколёсной конской тележке) с городского совещания, на котором она присутствовала в качестве не то секретаря, не то председателя сельского совета (орган муниципальной власти посёлка Астрахановка).

Старший брат отца, Илья, погиб на фронте в годы Великой Отечественной войны, средний, Владимир, умер в возрасте 33 лет от туберкулёза, а младший Пётр, которому в год гибели матери было не более 3 лет, воспитывался в казённых учреждениях и потом всю жизнь проработал в типографии поддерживал весьма слабые связи с нами. Младшая же сестра, Надежда, совсем молодой погибла в авиакатастрофе.

Сестра отца — моя тётя Вера

Поэтому единственно с кем из семьи отца мы поддерживали самые близкие отношения была наша милейшая и добрейшая, как я уже написал, тётушка Вера.

К ней самой судьба, однако, была не столь добра, как она ко всем людям, более того, ей выпала жизнь, полная страданий. Её первый муж-красавец майор Кадочников, не единожды раненый на фронте, вскоре после войны от последствий этих ранений умер. Она осталась одна с маленькой дочкой. Она была очень привлекательна — небесно-голубые, лучистые глаза излучали доброту. Её взгляд, тонкую нежную кожу лица унаследовала наша Дашенька. Как и у тёти Веры и нашего отца, у Даши на висках через такую же

тонкую нежную кожу, как и у них, пробиваются синие жилки, и во взгляде голубых глаз светится такой же весёлый и добрый нрав.

Смерть первого мужа после гибели её матери в раннем возрасте была не последним её несчастьем. Вскоре случайное падение маленькой дочки оставило её на всю жизнь хромой. И когда после нескольких лет одиноких мытарств тётя Вера обрела, наконец, семейное счастье, выйдя вторично замуж за весёлого, никогда неунывающего мужчину, и у них родилось двое прекрасных мальчиков. Но случилась новая огромная беда. Возвращаясь с рыбалки на быстроходной дюралевой моторной лодке, муж вместе с родственником и двумя её детьми в темноте налетели на затопленную корягу и перевернулись. Муж с родственником и младшеньким сынком, которому исполнилось всего 6 лет, мгновенно погибли, а старший сын, которому не было и 10, зацепившись за ветки, пробыл всю ночь в воде. Стресс, пережитый им в ту страшную роковую ночь, имел свои серьёзные последствия — он не только потом долго заикался, но и испытывал немалые сложности в общении с близкими, и в том числе с матерью, нашей замечательной, славной тётей Верой, и принёс ей в жизни немало трудных минут. Но несмотря на все эти невероятные переживания, она оставалась всегда открытой и доброжелательной ко всем людям, особенно к нам, излучала свою доброту на всех, кто с ней общался. Вот всё, что мне известно о нашей родне по отцовской линии.

Теперь о клане Лепёхиных — родных по линии мамы. У бабушки Ксении, или как мы её звали, баба Окся, и дедушки Ивана Исаевича Лепёхина кроме моей мамы было ещё двое детей — дочь, тётя Зина, и младший их брат, дядя Ваня — «последыш», как говорила тётя и называла его смешным именем — Ванёка, что очень нас забавляло.

Брат мамы, мой дядя, — Иван Иванович Лепёхин, справа — сестра мамы, моя тётя Зинаида Ивановна

Тётя Зина была такая же красивая и яркая, как наша мать и бабушка, но только с более выпуклыми глазами и походила не то на армянку, не то на цыганку. Она моложе мамы на три года, была любимицей у бабушки, которая её баловала и наряжала, как могла. А та, имея красивый и сильный голос, выступала в самодеятельности, любила петь и танцевать. Вся же домашняя работа и ведение хозяйства ложилось на плечи старшей дочери — моей матери, которая звала снисходительно сестрицу «барыней», тем более когда муж тёти Зины, став подполковником и заместителем командира воинской строительной части, получил шикарную квартиру в центре Хабаровска, которую ремонтировали и всячески обихаживали подчинённые ему солдаты. Я любил тётю Зину — весёлую, хлебосольную и жизнерадостную. Жаль, что ушла она всего в 52 года.

О дяде Ване разговор особый. Когда бабушки не стало, мама кратко объяснила нам, почему та почти никогда не приходила к нам и никто из нас не получал от неё ни ласки ни внимания. Причина, по её словам, была в том, что мама ослушалась бабушку и вышла замуж не за того, кого ей та выбрала в мужья, парня из богатой семьи, а за нашего отца, у которого не было никакого состояния, но которого мама полюбила всей душой.

Отчасти, как стало теперь понятно, это было так. Но главное было в другом. В пору нашего детства бабушка, тогда ещё довольно молодая, уже была очень больной, её плохо слушались ноги (она и прожила-то всего 59 лет) и ей при её самочувствии было не до нас. Чаще всего она была погружена, как и дед наш, в какие-то только им известные думы. Откуда эти думы происходили, чем они были рождены, я узнал только совсем недавно, из архивов и воспоминаний родственников, чудом оставшихся в живых после огромных потрясений и суровых испытаний, которые выпали роду Лепёхиных в эпоху советской власти, в страшные годы ничем не оправданных жестоких политических репрессий. Поэтому мы, их внуки, не должны на них обижаться, тем более винить в том, что не получили от них положенной и необходимой любви, заботы и ласки, которые обычно исходят от бабушек и дедушек. По ним прошлась такая тяжёлая колесница судьбы, что у них на нас просто не осталось ни эмоций, ни моральных, ни физических сил.

Таким образом, мы стали не только детьми войны, но и внуками кровавых политических репрессий, опосредованно отразившихся и на нас, отчасти так, как говорил поэт-фронтовик «Я прошёл по той войне, та война прошла по мне…»

И на первый взгляд удивительно — как совсем не сломались ни дед, ни бабушка, ни наша мать, ни её брат, удивительный дядя Ваня.

Но это лишь на первый взгляд, а чтобы более глубоко и целостно понять это, необходимо обратиться к истокам этой жизненной силы и стойкости — для начала, к 18 веку, а затем с неизбежностью их гораздо более глубокой истории, по меньшей мере, на 500 лет раньше — к 13 веку. Но вначале век восемнадцатый, от которого идёт история протестантской (молоканской) веры Лепёхиных, которая помогла выработать им многие черты характера, в том числе невероятную нравственную и в целом жизненную стойкость, доброту, щедрость и отзывчивость души.

Наблюдая эти качества в них и всех приезжавших к нам в гости тётушек и других наших родственников по материнской линии (линии Лепёхиных), видя как они при встречах троекратно целуются, выражая при этом громкую радость, восклицание, счастливое возбуждение, и как это разительно отличалось от общения соседей между собой и с их сородичами, я не раз спрашивал мать:

— Почему наша родня вся именно такая, почему мы совсем другие, чем все вокруг?

На это мать со вздохом отвечала:

— А кто их знает, почему они такие!

— Ну, хорошо, — говорил я — А почему тогда мы такие?

И устав от меня отнекиваться, она однажды, закончив мыть посуду, вытерев руки и поправив белоснежную косынку на голове, как-то вся выпрямившись и приняв необычный для нас несколько торжественно-важный вид, начала:

— Ну вот, слушай. Мы все, Лепёхины, родом из молокан.

— А кто такие молокане? — не утерпел я.

— Подожди, сейчас поймёшь, — ответила она и продолжила, — У одного брата было шесть детей и все — девки. На девок-то земельный надел не давали. А как прокормить-

ся на одном его наделе? Ну, все братья и сёстры помогали ему, как могли, многие давали в долг. А как он понял, что отдать долги-то никогда не сможет, то залез на крышу, встал на конёк и начал, значит, руками махать. Ну, собрались все молокане все братья и сёстры и спрашивают его: «Ты почто, брат Василий, так высоко забрался и почто руками-то машешь, не ровён час сорвёсся, не дай Бог, скажи ты нам, чего удумал-то?» А он им отвечает: «Ох братья и сёстры, невмоготу больше мне на земле, раз земли нет. Сами знаете, шесть девок у меня, наделов на них не дают, а недоимки обществу, а долги… долги пред вами все растут. Выхода нет, и я решил покинуть вас и улететь на небо, вот и махаю руками, чтобы, значить взлететь». Тогда все запричитали: «Ой, любезный наш брат Василий, не делай этого, чего эт ещё такое — слезай быстрей — мы тебе все долги прощаем, а налоги-то и недоимки за тебя уплотим все». И он вернулся к ним.

— И всё? — спросил я.

— А что тебе ещё? — вопросом на вопрос ответила она.

С трудом мне удалось сдержать ироническую улыбку, а она, видя, что я не очень проникся этой историей, которая для неё была вполне реальной, саркастично бросила мне:

— Ну да, как сейчас, када у многих одни деньги в глазах, то, поди, ему сказали бы: «Лети, мать твою итти, где-нибудь прибьёсся, горькая…» — и нахмуренная вышла в огород, как вроде за делом, лишь бы не продолжать неприятный ей разговор о том, что отзывчивость людская куда-то у очень многих отошла на самый задний план и так глубоко упрятана, что её и днём с фонарём не увидать.

Теперь, когда я узнал о молоканах довольно много, я её очень понимаю. К сожалению, прозрение слишком позднее, потому что уже невозможно перед ней извиниться за своё невежество и невольно нанесённую ей обиду полунасмешливым «и всё?», в котором молоканская притча представала как наивная сказочка, а не как яркое и, главное, реальное

отражение нравственных основ молоканства? о чём я поведаю далее.

Протестантское вероучение духовных христиан молокан зародилось в Тамбовской губернии по одним сведениям в XVII в., а по другим в XVIII в. Дореволюционным российским историком Н.М. Анфимовым приводятся факты, свидетельствующие о существовании секты духовных христиан молокан в Тамбовской губернии и до XVII века. Быстрое распространение протестантского вероучения духовных христиан молокан неразрывно связано с именем Семёна Матвеевича Уклеина, идеолога и организатора молоканского вероучения. Он был человек начитанный и «искал правды». В течение 15 лет Уклеин изучал Библию и затем пришёл к выводу, «что практика Православной церкви не согласна со словом Священного Писания».

Я попытался выяснить, откуда пошло название «молокане»? Оказалось, что оно было присвоено православными молоканам за «вкушение» молока в постные дни (когда православным это не разрешалось). Сами молокане связывали происхождение слова «молокане» с евангельскими фразами: «Я питал вас молоком», «…как новорожденные младенцы возлюбите чистое словесное молоко» и другими библейскими аллегориями. Свою веру они, как и духоборы, называли «чистым молоком духовным», и поэтому не признавали никаких вещественных атрибутов православия — ни икон, ни мощей, ни крестов. Православные обряды — водное крещение, причастие, или хлебопреломления, омывание ног — также отрицались. Не соблюдались и никакие посты, кроме страстной недели (перед Пасхой). Из всех праздников они отмечали лишь Рождество и Пасху, которая у них проводилась как самое великое торжество. При этом праздник Пасхи они понимали тоже духовно, как избавление от грехов, а воскресение Христа как воскресение его учения в их душах.

Бог для них — это вездесущий дух и поэтому крещение ими понималось как крещение учением и духом, а причащение как вкушение глагола (слова) Божия.

Троицу они тоже толковали иносказательно: Бог отец — это память, Бог сын — ум, Бог дух святой — это воля.

Молитвенные собрания у них ничем не отличались от собраний протестантских (Евангельских) течений. Во время молитвенных собраний руководитель читал на память псалмы-стихи, последние строки которых подхватывались и пелись всеми присутствующими. Кроме того, руководителем читалась и разъяснялась Библия и произносились проповеди. Остальные только слушали, обсуждения не практиковались. Библию они считали единственным источником истины, главным руководством жизни в целом, а истинный смысл жизни усматривали в раскрытии заложенного Богом в человеке доброго начала. В этом коренилась основа их любви, доброты, взаимовыручки в обращении не только с членами своей группы, но и приятие и стремление оказать поддержку представителям другой веры — не только духоборам, с которыми они были очень близки, но и православным, а когда жили на Кавказе, дружили с общинами, исповедовавшими ислам. (Как, например, в Азербайджане). Никакой «десятины», денежных отчислений и сборов не было. Но милосердие, или, как бы сказали сейчас, благотворительность, были у них непреложным неписанным внутренним законом.

«Брат братом силён» — это выражение было их главным принципом. В случае болезни, пожара, постройки дома на новом месте или других необходимых затрат, часто непосильных отдельной семье, помощь и участие каждого члена общины проявлялась непременно и всесторонне — от моральной до материальной. Причём помогали всем, включая и православных. Многих людей привлекали ценностные ориентации молокан — умеренность во всём, трудолюбие, трезвость, неприятие курения, честность, верность семье и домашнему

очагу. В этом они были близки к английскому протестантизму 16–17 веков. Естественно, что многие православные тянулись к общине, а некоторые и переходили от православия к молоканству. Это, естественно, вызывало не только недовольство православной церкви, но и её активные действия по дискредитации молоканских общин и прямому гонению их вкупе со светскими властями. Молоканство считалось «самой вредной ересью» из всех «раскольничьих групп» и поэтому подвергалось самым жестоким, а нередко и жесточайшим преследованиям. Молокан стали массово ссылать в отдалённые необжитые, самые трудные для проживания территории, подальше от православного мира, от центра России.

До 18 века местом ссылки духовной оппозиции, как известно, был русский север, удалённые монастыри — Соловецкий, Белозёрский и другие. Одним из последних отголосков этой традиции была возникшая угроза тюремного заключения А.С. Пушкина в Соловецкий монастырь или высылка в Сибирь за его оду «Вольность». Лишь благодаря отчаянному обращению Чаадаева к писателю Карамзину, близкому к царскому двору, и заступничеству того перед императором, в последний момент удалось спасти поэта. Но в целом ссылка на север уступила своё первенство уже со второй половины 16 века вновь приобретённым территориям — в 1552 году пало Казанское ханство, три года спустя — Астраханское, в 1783 году и последний осколок «Золотой орды» — Крымское ханство; с 1801 года присоединена восточная часть Грузии, а в 1828 году — Азербайджан и восток Армении, ну и, конечно, Сибирь, как крайняя степень наказания. И через все эти круги, если не ада, то тяжких мытарств и испытаний молокане прошли, сохранив своё достоинство и веру.

Наша родословная молоканская ветвь семьи Лепёхиных происходила из Поволжья, а именно из Самарской губернии. В 18 веке нашего прародителя (имя его неизвестно) за молоканскую веру выслали из родных мест в Астраханскую губер-

нию, в село Пришибское, Никольской волости Енотаевского уезда, откуда 13 февраля 1826 г. уже отправили на поселение в Таврическую губернию по той же причине. Семью тогда возглавлял Денис Лепёхин (отчества нет), у которого был сын Матвей 1796 года рождения. Этот Матвей Денисович с Киреем Поповым за содержание молоканской общины в 1859 г. были определены к высылке уже в Якутию.

Три другие части большого рода Лепёхиных из Таврической губернии были высланы — одна в Армению, под озеро Севан, другая в Грузию, в Тифлисскую губернию, третья — в Азербайджан. Зачем это было сделано? Прежде всего, преследовалась цель оградить русское православное население, переезжавшее на Таврию после падения татарского Крыма, а во-вторых была надежда на то, что у молокан возникнут конфликты с местным кавказским населением, да и малярия частично выкосит, ну и, конечно, для закрепления новых территорий Закавказья. Бенкендорф, начальник личной тайной канцелярии царя, на вопрос о том, как наказать М.Ю. Лермонтова за стихотворение «На смерть поэта» и за дуэль с сыном посла Франции, войны с которой Николай 1 панически всю жизнь боялся (и умер сразу же, когда она разразилась): «Можно в Сибирь, но не хуже и на Кавказ, где и стычки с враждебными племенами и малярия».

Но надежды правительства оправдались лишь частично. Конечно, малярия донимала, но с кавказцами во всех трёх регионах у молокан сложились не только мирные, но и самые добрые и даже дружественные отношения. Молокане научили местных жителей выращивать немало огородных и зерновых культур, а те в свою очередь передали секреты виноградарства, производства фруктов. Примечательно, что все три группы основали сёла со своим родным названием: в Азербайджане — Астрахановку (по азербайджански — «Гизмейдин»), в Грузии — Иово — Астрахановку, в Армении — Астраханку. И хотя сёла находились под постоянным надзором полиции,

не было свободы передвижения, но и не было такого преследования со стороны православной церкви и администрации, как в Центре, где в начале 19 века состоялись открытые, довольно массовые волнения верующих протестантов.

Результатом их стал царский указ Александра 1 о свободе вероисповедования. Но исполнительная власть и светейший Синод сразу же забеспокоились и вскоре перешли в контрнаступление. Подключились активно к гонениям на молокан помимо властей и церкви и помещики. Они часто применяли к верующим насилие в попытках отвратить от веры. Имеются многочисленные свидетельства и жалобы со стороны молокан из числа крепостных крестьян и мещан на наносимые им увечья и побои. Молокан ссылали в монастырь на вечную ссылку, сажали в тюрьмы, секли насмерть. Им не давали паспортов на въезд и выезд в другие города. В 1843 году запретили собираться группами. Если собирались три сектанта, то в этом усматривалось молитвенное собрание, за что их арестовывали. Если молоканин оказывался в группе православных, то его могли объявить совратителем и арестовать.

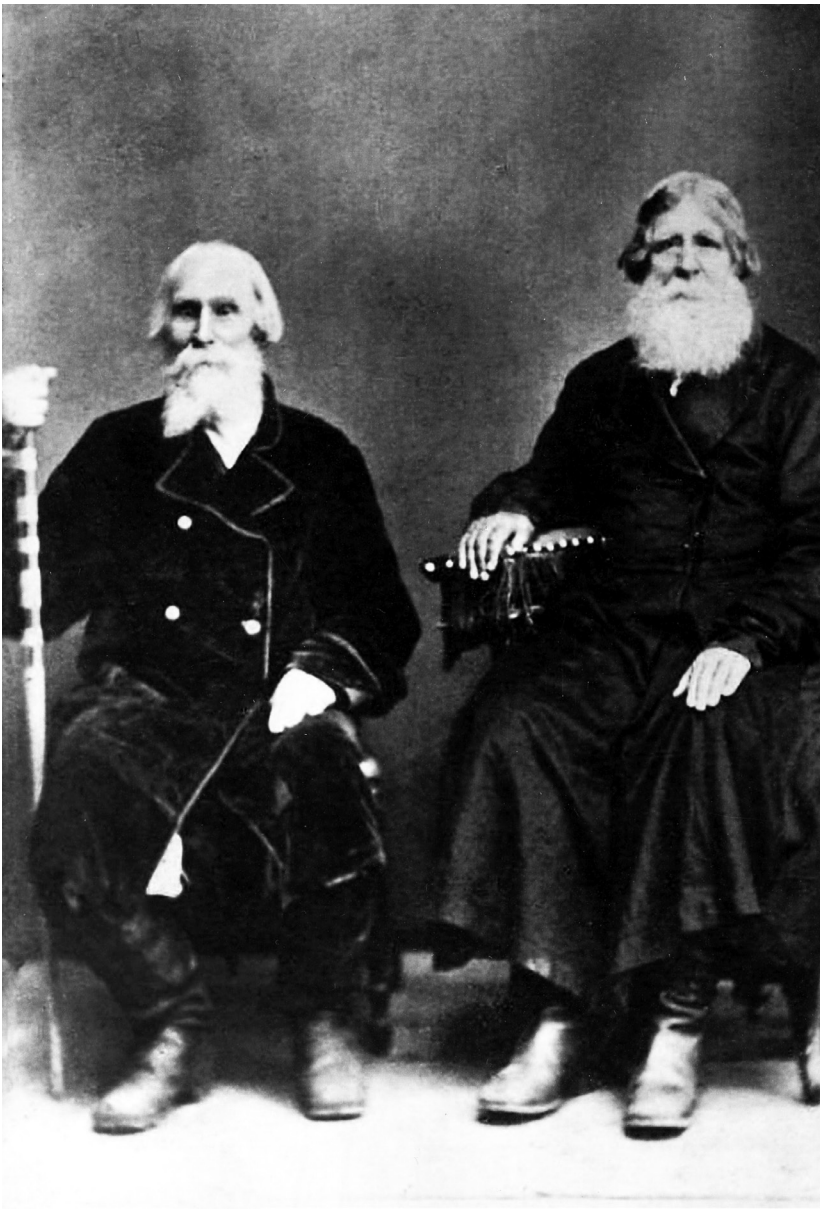
Молоканские собрания не разрешались, а частные дома, в которых собирались верующие, разрушались, а брёвна продавались. Их бывших владельцев заковывали в кандалы и препровождали в тюрьму. Имущество при этом конфисковывалось, а всё семейство дробилось: отца — в Сибирь, мать — на Кавказ, детей — в приюты или в монастыри. Таким жестоким преследованиям молокане подвергались весь 19 век, за исключением начала царствования Александра 1 (с 1801 по 1806 г). До 1905 года они были ограничены в гражданских и политических правах, не только не могли занимать должности на гражданской службе, но также избираться на многие общественные должности.

Указ Николая 1 от 17.01.1836 года ставил целью уничтожение молокан экономическими санкциями. Им запрещалось наниматься на работу к православным и самим

нанимать последних. Запрещалось приобретать землю и совершать поездки дальше 30 вёрст, как крестьянам, так и горожанам. Запрещали вести торговлю с православными или даже между собой, запрещалось собираться вместе группами более трёх человек. Всё это говорило о крайней нетерпимости их вероучения со стороны духовенства и властей.

По «высочайшему повелению» Императора от 15 декабря 1857 года «за вредные действия» то есть за распространение молоканского вероучения государственные крестьяне Матвей Денисович Лепёхин (мой прапрапрадед) и его сподвижник К.П. Попов со всеми их семействами подлежали выселению из деревни Астраханка Бердянского уезда Таврической губернии в Восточную Сибирь, а именно — в Якутию. Почему именно туда? Потому что Восточная Сибирь была наиболее удалена от Центра России и наименее населена православными, которых могли «растлить» своей верой раскольники.

Первым политическим ссыльным России в Восточной Сибири (в г. Илимске), как известно, стал в 1790 г. А.Н. Радищев, которого Екатерина 2 назвала преступником «хуже Пугачёва» за его идеи отмены крепостного права. За эти же идеи провёл 22 года каторги и ссылки в Восточной Сибири Н.Г. Чернышевский, но его отправили уже не в Илимск, в котором за 80 прошедших лет появилось немало русских, а в Якутию, в Вилюйск, где жили практически одни якуты. Там он от дикой глухомани, полностью оторванный от цивилизации, был на грани помешательства, бросаясь в припадке отчаяний на бревенчатые стены деревянного дома, почти срывая ногти. (Характерно, что, отбыв наказание, Чернышевский был определён для проживания в Астрахань — место первой ссылки прапрапрадеда). Вот в этот полудикий тогда край и сослан царь нашего предка, чтобы лишить его всякой возможности нести русским людям слово божие, к чему у него был большой талант, а также огромная эрудиция.

Мой прапрадед Матвей Денисович Лепёхин (слева)
и его сподвижник по протестантской вере — К.П. Попов

В помиловании и ему и К.П.Попову было отказано и 8 октября 1858 года их отправили в кандалах по арестантскому этапу. Жестокость наказания объяснялась тем, что за две недели до этого — 24.09.1858 года был выпущен императорский указ об усилении борьбы с раскольниками. Но судьба их сделала неожиданный поворот — вместо Якутии они были перенаправлены по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьёва в Амурскую область, отошедшую в 1858 году к России и остро нуждавшуюся в заселении русскими людьми. В сопроводительном документе в адрес военного губернатора области говорилось, что «указанные молокане без суда и следствия по подозрению в распространении своего учения назначены к поселению в Якутскую область. Однако Его сиятельство (Н.И. Муравьёв) приказал отправить их для поселения в Амурскую область». При этом указывалось, что поселить их «за вредную ересь» необходимо «в отдалении от православных жителей и под строгим наблюдением, дабы они не могли распространять эту ересь». Поэтому селиться им пришлось в 7 верстах от г. Благовещенска на берегу реки Зея, где они и основали Астрахановку. Закреплялись на новом месте они «на вечное поселение». И когда через 8 лет (в январе 1867 года) сын Матвея Денисовича Самойло Матвеевич Лепёхин обратился к военному губернатору с просьбой разрешить его семейству вернуться в Таврическую губернию, где остались родственники, дом и другое имущество, ему было отказано. Добираться до нового места обитания им пришлось с превеликими трудностями пешком. Маршрут их этапирования пролегал от Бердянска через Екатеринослав (ныне Днепропетровск), Казань, Красноярск, Иркутск затем через Забайкалье и далее сплавом по Амуру.

Как арестанты они должны были получать в пути по 15 копеек серебром в день на взрослого и по 7 копеек на ребёнка. Однако выдали им от Бердянска до Казани лишь по

3 коп. на взрослого в качестве кормовых денег, а от Казани до Иркутска они не получили ничего. Обращение (дважды) к генерал-губернатору Н.Н. Муравьёву не привело к успеху.

Для сплава сначала по реке Шилке, а потом по Амуру они построили однорядные плоты длиной 10-13м. Большой плот состоял из нескольких сплоток. Сплотки вязали из толстых, по полметра, трёхметровых брёвен, по 18-20 штук. На конце плота крепили вёсла для управления. При небольшом волнении на реке вода плескалась поверх брёвен.

На плоту устраивали низкие, перекрытые берестой шалаши и очаг для приготовления пищи. По пути переселенцы питались сухарями, солониной, картошкой, капустой. На плотах стояли лошади и телеги. Женщины и дети спали в шалашах, а мужчины — на телегах. Скорость продвижения на плоту составляла 40-45 вёрст в сутки.

На своём длинном и долгом девятимесячном пути (с 8.10.1858 по 2.06.1859 г.) арестанты, как следовало из их воспоминаний «перенесли много мытарств, потеряли много здоровья и сил». На новом месте их ждали не меньшие трудности.

Что касалось властей, то в целом власти, с одной стороны, видели несомненную пользу от молокан и их активной хозяйственной деятельности по развитию и освоению Приамурского края, а с другой, их беспокоила опасность распространения еретического вероучения среди православных. Чтобы как-то свести к минимуму общение населения области с сектантами был даже пущен слух, что у молокан один глаз (вариант: три глаза). По сведениям Марии Фёдоровны Коротаевой (в замужестве Кузнецовой), основанных на воспоминаниях её старших сородичей, когда молокане прибыли на Амур, посмотреть на них собирались толпы народа, и все убеждались, что молокане такие же люди как все. Более того, нужно сказать, что переселяющиеся с берегов Волги молокане представляли из себя в физическом плане лучший

элемент великорусского этноса: в большинстве то были рослые мужчины, красивые, хорошо сложенные женщины, с правильными чертами лица.

Православные миссионеры здесь так же их не донимали, то есть была относительная свобода для отправления молоканского вероисповедания. Но предстояло положить поистине великий, нечеловеческий труд, чтобы на новом, совершенно не обжитом месте «встать на ноги», начав всё с нуля.

Сначала вырубили лес, построили маленькие домики. Вокруг были неудобья, и чтобы создать пашню, надо было выкорчевать вручную пни, осушить и обработать болотную почву. Сенокос начать удалось только в октябре к великому изумлению городских жителей.

Нужно было приноровиться к новому климату, который выдавал огромные, часто невосполнимые потери особенно во время наводнений. Так, в первый год наводнение затопило и уничтожило весь урожай зерновых, унесло накошенное на лугу сено. Но самое ужасное, что пропал огромный труд — распаханные с великим напряжением всех сил целинные луговые участки пришлось бросить ввиду неизбежности новых наводнений и раскорчёвывать новые делянки на более возвышенных местах. Не мало трудов пришлось положить чтобы расчистить землю от кустарников, проложить дороги и построить мостки, которые потом приходилось и самим содержать, так как от властей никакой помощи в этом не было.

Случались и засухи, хлеба выгорали и тогда, чтобы выжить приходилось заниматься разными кустарными промыслами: делать телеги, сани, оглобли, разную бондарную посуду и др. Молокане, причём все члены семьи — от мала до велика, были не только очень трудолюбивы, но и весьма мастеровиты, владели, помимо крестьянского труда, многими профессиями.

У главы рода Лепёхиных, Матвея Денисовича, была жена Домна и 5 сыновей: Андрей, Матвей, Михаил, Пётр, Самойло (единственный, кому удалось в порядке исключения сра-

зу поселиться в Благовещенске и завести торговую лавку, т.к. капитал у них в семье имелся).

У Петра, нашего прапрадеда родились три сына — Арефий, Исай и Максим. Исай — это непосредственно наш прадед, отец нашего деда Ивана Исаевича (1889 г. рождения), у которого было 4 сестры и брат Пётр.

И каждый владел несколькими видами хозяйственной деятельности. Но трудность состояла в том, что Благовещенск и спустя два года после их прибытия в него, даже в 1861 году ещё был не городом, а захолустной деревушкой, состоявшей из одной улицы, насчитывавшей 15 домов, разбросанных вдоль берега Амура на 2 километра.

Торговли почти не было. Негде было купить гвозди, петли, металлическую утварь, зубья для борон, стекло. Поэтому первое время окна заделывали скотской требухой. А то, что продавалось, стоило невозможно дорого. К примеру, топор — 7, а железный лемех к плугу — аж 25 рублей. Для сравнения — дневной заработок плотника составлял лишь 50 копеек.

Первое время приходилось питаться лишь растениями, выращенными китайцами — соей, картофелем, горохом, просом буду, которое толкли в ступах и пекли из него хлеб, и то покупать всё это у них приходилось с большим трудом, так как в бумажных деньгах они не разбирались, брали лишь серебренными и золотыми монетами, которые достать было негде из-за отсутствия в городе разменных касс (пунктов обмена валюты по-нынешнему). Приходилось посылать гонцов в Россию, откуда они возвращались лишь через год. Поэтому помимо основного своего дела — хлебопашества пришлось заниматься гончарным производством (лепкой горшков и другой глиняной посуды), бондарным ремеслом, производством кирпичей и ещё многим другим.

Таким образом (простите, милые внуки, за каламбур), чтобы приобрести топор, надо было полмесяца отмахать за

него топором. И поэтому вначале, чтобы выжить, а позже, чтобы создать крепкое и даже богатое хозяйство, всем членам рода Лепёхиных пришлось приложить поистине великий, ни с чем не сравнимый труд, труд от темна до темна в течение многих лет, нескончаемая, невероятно тяжёлая, но и творческая работа, в которой по трудолюбию им пришлось превзойти самих трудолюбивых и упорных китайцев, причём превзойти абсолютно, хотя все исходные позиции безусловно были на стороне последних.

Вот что писал о наших предках их современник К.И. Чукаев: «Великороссы (молокане), особенно выходцы из Самарской и Астраханской губерний, отличаются широким размахом в постановке дела, пользуясь при этом всяким кредитом, несомненной крепостью семейного начала и чрезвычайной подвижностью. Редкий молоканин на Амуре не прошёл суровую жизненную школу: не раз принимался за землю, сплавлял лес, торговал скотом, кузнечил. Китайцы для молокан не опасны, китаец не выбьет своей культурой молоканина из занятых позиций. И молоканин будет ехать на китайце, как он едет на нём в настоящий момент».

Внуки мои! В этом месте я хотел бы оговориться. В приведённой цитате не усмотрите, пожалуйста, чувства национального превосходства над азиатами. Русским людям вообще, а молоканам в особенности (они считают всех людей «божьими людьми»), при нашей самой огромной в мире территории и великой отечественной истории никогда не был свойственен комплекс неполноценности, рождающий чувство национального превосходства и тем более его крайних форм — шовинизма и смыкающегося с ним расизма. И в данном случае сложились хорошие отношения у русских переселенцев и особенно у молокан не только с китайцами, но и с более осторожными маньчжурами, которые доверяли молоканам, которые «хорошо ладили» с ними, доставали у них первое время семена пшеницы и овса.

Автор вышеприведённого отрывка хотел выразить вполне обоснованную гордость за большие и быстрые достижения наших соотечественников. Казалось бы, удивительно, как им удалось добиться таких успехов! Но это только на первый взгляд. На самом деле, как и в любом явлении, тем более в общественно-хозяйственной жизни, как и вообще в жизни людей, всегда лежат свои веские глубинные причины.

Одну из них я бы назвал, если так можно выразиться, социально-генетической. Корни её — в истории русского народа, в особости русского характера, русской натуры, о чём я скажу позже. Другая причина, или другое условие более заметного успеха наших предков-молокан по сравнению со своими ближайшими соседями — китайцами и маньчжурами, в их морали, в устройстве всего их жизненного уклада.

В самом деле — с чего начинали русские люди, переселенцы, впервые приехавшие в совершенно новые, незнакомые природно-климатические условия, в которых уже тысячелетиями жили и трудились китайцы и маньчжуры? Буквально — с выживания! С натурального хозяйства! Главная задача на первых порах была прокормиться. Для этого использовалась любая предоставлявшаяся возможность, в том числе рыбалка и охота, сбора ягод и грибов.

Так как молокане к каждому делу подходили основательно и осуществляли его, как правило, сообща, то и в случае с охотой они поступали так же — создавали специальные артели зимой, когда были свободны от сельхозработ, и выезжали на низкорослых косматых лошадках монгольской породы, не пугавшихся ни выстрелов, ни дикого зверя, в тайгу — за 30-40 вёрст для охоты на косулей и за 100-200 вёрст — на оленей, а осенью и весной осуществляли охоту на перелётных птиц, в которой уже принимали участие и подростки 10-12 лет. Этот артельный принцип был господствующим и на основных сельхозработах, тем более

что абсолютно всё приходилось вначале делать вручную, примитивным способом, на самодельных орудиях. Так пахали такими тяжеловесными плугами, что в них надо было впрягать не одну-две лошади, а от четырёх до шести лошадей. Зерно сеяли вразброс из мешка, повешенного на шее сеятеля, хлеб жали вручную серпом или литовками (косами), связывали его в суслоны, перетянутые осокой (позже изготовленной самими особой бечевой-мотаузом), потом сообща («помочью») поочерёдно у одного за другим молотили копытами лошадей или ездили на запряжённых телегах по разостланным на земле снопам и затем зерно сортировали, просеивали на ветру.

Таким образом немало было пролито пота в первые годы жизни молокан в Приамурье. Но через 30 лет они первыми в области стали механизировать труд, использовать машины и различную сельскохозяйственную технику, плуги высокого качества, в основном американского производства. Механизмы доставляли морем из США в устье Амура, а оттуда по реке пароходом в Благовещенск. Как им удалось, начав с нуля, скопить большие средства на приобретение и оплату такой дальней доставки очень дорогой иностранной техники? Конечно, прежде всего за счёт невероятно огромного труда. Но так же и за счёт самой организации их жизни.

Семьи у них были большими — от 20 до 40 человек. И девушки, рано выходившие замуж (в 16-17 лет), и молодые люди, женившиеся в 18-20 лет, оставались в родительской семье. Дружеские братские отношения между собой позволяли им многие годы не разделяться, а продолжать дружно вести совместное хозяйство. К тому же они вели своё хозяйство очень рационально, что проявлялось буквально во всём. К примеру, будучи весьма зажиточными, они не выращивали для изготовления самодельной одежды такие трудоёмкие культуры, как лён и конопля, а покупали для пошива одежды фабричные ткани и готовые платья. А лён и коно-

плю засевали лишь в небольших количествах, необходимых для изготовления мешков, дратвы, верёвок, а также для получения семян конопли (знали толк в их целебной пользе), которые они жарили и поедали вместо семечек подсолнечника. Их они пускали на производство выгодно для продажи подсолнечного масла.

Как в Закавказье и в Крыму, так и здесь они стали лучшими поселенцами. Объясняется это тремя главными факторами: особым трудолюбием, стремлением к новаторству и предприимчивости и, наконец, особым складом внутрисемейных и родовых взаимоотношений. Что касается первого, то можно без преувеличения сказать, что у них был культ труда, священного отношения к нему. Трудиться они начинали с самого раннего возраста — работать уже в поле с 7-8 лет, а нянчиться, пасти птиц, ухаживать за скотом и того раньше.

«Работные дети — отцу хлебы», — говорилось в их поговорке. Так начиналась их трудовая жизнь.

Когда они уходили из неё, то последний их путь сопровождался пением, можно сказать гимном, во славу труда — десятым стихом 89 псалма «Молитвы Моисея, человека божия»: «Дней лет наших 70, а при большой крепости 80 лет и самая лучшая пора их — труд и болезни, ибо проходят быстрей и мы летим».

Они постоянно повторяли одно из положений притчей Соломоновых: «Трудолюбивые приобретают богатство» (11,16). Они считали, что богатство есть награда от Бога, за честный и упорный труд, что достигнуть Бога можно только через личное спасение, а оно угодно через труд во имя Бога. К богатству вдруг случайно, неожиданно возникшему, а не приобретённому от предков или своими усилиями, молокане относились с подозрением, усматривая в этом «мошенничество, душегубство, алчность». Молоканская этика резко осуждала эти проявления порока, приветствуя только добросовестный тяжёлый труд.

В общинах нетерпимо относились к лентяям, тунеядцам, пьяницам, игрокам азартных игр — их старались исправить увещеваниями на собраниях, а если это не помогало — изгоняли из общины.

Энергичные предприниматели, крепкие хозяйственники, они больше всего ценили внутреннюю дисциплину, ответственность за начатое дело, упорство в достижении цели. Иное поведение вызывало у них недоумение и решительное осуждение. «Безделье — мать всех пороков», — говорили они. В ходу была пословица: «Живи так, как будто завтра умрёшь, а работай так, как будто будешь жить вечно».

Они стремились сохранить в чистоте свои обычаи и верования. Может быть вам, внуки мои, покажется забавным, но это проявлялось даже в использовании домашнего скота. Так, они совершенно из-за соблюдения религиозных предписаний не употребляли свинину, говоря: «Свинья не видит неба, она вниз смотрит, Бога не видит». Православных же и казаков вместе с некоторыми единоверцами, употреблявших свиное мясо или сало, они называли «свиногрызами». Если же иногда и держали свиней, то только на продажу.

Причём за год у них было всего полдесятка праздников, причём работали даже иногда и в религиозные праздники, не говоря уже о воскресенье, считая, как оправдание, что «Бог труженика простит», что «Бог любит работника». Поэтому молокане обрабатывали в расчёте на одного человека земли в два раза больше, чем православные, и в полтора раза больше, чем даже староверы, известные своим трудолюбием.

Откуда же они черпали силы, на чём основывалась их такая выносливость, невероятные даже в сравнении с другими русскими людьми, с которыми в долгом физическом напряжении никто в мире не мог тогда сравниться (о причинах этого скажу чуть позже)?

Прежде всего, это, как бы сказали сейчас, здоровый образ жизни. Трезвость. Умение создать разумный быт, проду-

манная организация труда. Так, на пашню и на сенокос они вывозили целые «дома на колёсах», в которых можно было удобно спать, устраивать отдых. Сами же дома, в которых они жили, были просторными, в них было много света, воздуха и уюта, с красивыми занавесками, с цветами на окнах, в палисадниках и садиках, в образцовых огородах. Дети их были ухоженными, здоровыми, краснощёкими. Никто из взрослых, за очень редким исключением, никогда не курил, не пил спиртного, даже на свадьбе, где лучшим и традиционным угощением были лапша с гусятиной и различные фрукты и лакомства из Китая. Сберегалась и сохранялась их нервно-психическая энергия самим климатом взаимоотношений и в семьях, и в общине в целом, в которых царила дружеская, братская атмосфера. На собраниях они обращались друг к другу словами «Братья мои! Друзья мои!». Тон отношений у них был сдержанный, степенный, доброжелательный. Они очень не любили скандалов, крика, проявлений невыдержанности, истерии и вообще не одобряли суету, всякий шум. Даже во время похорон не допускались стенания, рыдания, причитания.

Я помню, сколько горести было в словах матери: «Это мне как нож в сердце», — когда мои младшие братья одно время увлекались шумными увеселительными застольями и горячими спорами в них. Думаю, теперь они сожалеют об этом, потому что мать, воспитанная в молоканском духе, морально страдала от такой невоздержанности. Она даже на похоронах отца молчала, будто окаменев. Речь у молокан была чиста, в ней не допускалось не только нецензурных выражений, но недопустимыми считались и просто грубые слова, типа «врёшь», «орёшь» и другие такого же рода. Вообще их отношения отличались необыкновенной терпимостью ко всем. Правда, было одно исключение — запрещался брак с православными, но отношение с ними оставались при этом самыми дружественными и даже часто им оказывалась вся-

ческая помощь. Тем большая благотворительность распространялась на членов общины, любому из которых в случае нужды или трудного дела оказывалась сообща немедленная помощь.

На первое место молокане всегда ставили непосредственное общение с Богом. При этом смысл их жизни состоял в «спасении и достижении блаженства», что означало раскрытие заложенного Богом в человеке доброго начала, «явленной доброты», каждый был уверен, что его всегда поддержат, если будет надо. Поэтому и в семьях, и в целом в общине всегда царил оптимистичный и даже жизнерадостный настрой, который позволял с гораздо большим успехом и меньшими затратами душевных и физических сил преодолевать немалые трудности и препятствия, возникавшие в нелёгком крестьянском труде.

И, наконец, ещё одним условием успехов (помимо трудолюбия и высоких моральных качеств) было стремление молокан к познанию, что с детства формировало в них дух новаторства и предприимчивости, утверждало рациональное начало в хозяйственной жизни. Этому способствовало то, что в отличие от остальных крестьян, в абсолютном большинстве неграмотных, среди молокан таковых не было вообще. В общине особенно почитались те, кто мог хорошо излагать библию, глубоко её знал. Но также в ходу была и гражданская литература, книги по естественной истории агрономии и другим отраслям знаний.

Впервые в области они применили научный севооборот зерновых, способствовавший восстановлению плодородия почвы, путём чередования посевов пшеницы, овса, ячменя, проса с посевами кукурузы, гречихи и китайской сои. Также первыми они переняли у маньчжур опыт возделывания культур на переувлажнённых дальневосточных почвах путём создания грядок, стали пионерами в селекции огородных, бахчевых и садовых растений и деревьев, первыми освоили

пчеловодство, разведение племенных пород в коневодстве. В частности, они были единственными продавцами арбузов на рынке, доставляли их туда возами.

Всё это позволило им занять ведущие позиции в торговле и промышленности Амурской области, сосредоточить в своих руках большую недвижимость — заводы, мельницы, кузницы, а также пароходы, баржи, заняться золотодобычей.

Как отмечалось губернатором, всё это «способствовало повышению уровня и хозяйствования и благосостояния в области». Так, если в киевской губернии (с её более плодородными землями, заметим) на один вклад в сберегательных кассах селян приходилось 125 рублей, то в Амурской области — 367 рублей. Поэтому естественно, что молокане заняли видное общественное положение и в области, и в Благовещенске, пребывая на многих важных общественных должностях, составляя значительную часть городской думы. Наш род Лепёхиных, состоявший из 11 семей, так же заметно выделялся и своими зажиточностью и общественным положением, получая от губернатора, его различных департаментов наградные дипломы, благодарности, медали за хозяйственные успехи.

Но совершился «октябрьский переворот» 1917 года. Сами большевики в первые годы его так и называли. Лишь через 10 лет, спохватившись, присвоили ему название революции, да ещё и «Великой», хотя на самом деле народная революция произошла в феврале-марте 1917 года.

Вместе с этим «переворотом», произведённым кучкой большевиков, произошёл и переворот всей жизни, прежде всего крестьянства и особенно болезненно он ударил по молоканам. Вместо напряжённого труда, дисциплины, трезвости, ответственности за себя, свою семью, солидарной поддержки, взаимовыручки молоканских семей после 1917 года пришёл новый принцип — «отнять и разделить». И отняли, и разделили, вернее всё растащили, сломали судьбы людей.

С 1929 года непомерными налогами на «единоличников», а с 1930 года и многими административными мерами всех крестьян стали принуждать, а точнее загонять в колхозы. Молокане, как и другие крепкие, зажиточные крестьяне, которых называли кулаками, этому воспротивились.

Крестьяне Амурской области, как и в годы гражданской войны сибирские крестьяне, ещё раньше, в 1924 году оказали вооружённое сопротивление в Зазейском восстании, в котором приняли участие тысячи человек, из которых 400 было потом расстреляно, 1500 приговорено к тюремным срокам, а несколько тысяч успели спастись, уйдя в Китай. Протестанты-молокане, как противники всякого насилия в восстании участия не принимали. Тем не менее в 1932 фактически без всякого суда (решением так называемых «троек») было принято постановление об их немедленной высылке и раскулачивании, то есть отнятии у них не только земли, которую они многие годы выкупали, но и всего нажитого ими имущества. Если хозяин имел двух лошадей, он уже подвергался раскулачиванию, считался враждебным элементом, хотя на самом деле эти так называемые «кулаки» составляли цвет крестьянства, были его лучшим воплощением. В 1932 году растерзали и раскулачили весь большой род Лепёхиных, все 11 семей. За этим бездумным и преступным раскулачиванием и, по существу, насильственной коллективизацией (загоном всех в колхозы) тут же последовала катастрофа — уже на следующий (1933 год) в стране возник массовый голод, длившийся целых три года и унесший миллионы жизней, а позже (в войну и несколько лет после неё) действовал закон «о 5 колосках», по которому за 5 колосков поднятых (даже после уборки урожая) с колхозного поля все лица осуждались на длительные тюремные сроки.

Для молокан жестокие гонения стали настоящей жизненной катастрофой, повергшей их в многолетнюю беспросветную полосу унижений и незаслуженных страданий.

Младший брат моего деда, Пётр Исаевич Лепёхин (1899 года рождения), несмотря на то что после раскулачивания в силу своего авторитета стал успешным председателем колхоза, в 1938 году как бывший кулак был расстрелян, как и двоюродный брат деда, Яков Михайлович (1877 года рождения), и дядя, Фёдор Тимофеевич. Кроме того, одна часть семьи Лепёхиных была направлена на спец-поселение, в частности Лепёхин Тимофей Иванович (1899), Иван Моисеевич (1872), Павел Михайлович, Тимофей Михайлович, Василий Николаевич (1901). Другие направлены в концлагеря. Среди них Лепёхин Андрей Иванович (1886), Григорий Андреевич (1907), Иван Иванович (1890), Михаил Михайлович (1886), Василий Николаевич (1904), Юрий Алексеевич (1932). Третьи были осуждены на разные сроки заключения: Лепёхин Захар Иванович (1907), Николай Осипович (1894), Николай Иванович (1890).

В книгу памяти жертв политических репрессий вписаны: Лепёхин Алексей Иванович (1890), Григорий Феоктистович (1924), Лепёхин Евгений Феоктистович (1932), Юрий Алексеевич (1932), Александра Никифоровна (1916), Лепёхин Марк Тимофеевич (1925). В 1938 году посадили и деда. Его спасло то, что в 1939 Сталин сбавил масштаб репрессий (кого боялся — уже уничтожил) и некоторых даже выпустили из переполненных тюрем. Дед рассказывал, что в его камеру столько напрессовали людей, которые помещались только стоя, что когда утром открыли двери, то многие упали замертво, они уже ночью задохнулись. Деду выбили часть зубов, сломали три ребра, вывихнули руку, которую потом вправила ему его сестра — слепая народная целительница, мамина тётка Анна, мать пастора молокан Исая Дмитриевича Щербакова, который тоже год отбыл в тюрьме. Когда спрашивали этого смиренного и во всём праведного «божьего» человека: «А Вас-то за что?» «Вот именно «ЗАЧТО», — отвечал он с улыбкой, якобы «за членство троцкистской ор-

ганизации», «за подготовку взрыва на спиртзаводе в 1938 г. и подготовку японского вторжения в СССР». И дед, и Исай Дмитриевич прошли жестокие «садистские» пытки на допросах (как позже отмечалось в расследовании дела палачей — следователей, переусердствовавших в дознании). Но тем не менее, как это не поразительно, они оба не ожесточились ни на жестокую власть, ни на мир в целом. Вот что значит протестантское воспитание, не допускающее никакого ожесточения и озлобление! несмотря на перенесённые нечеловеческие страдания.

Но в концлагерях, которые назывались спец поселениями этих страданий было в сумме, пожалуй, не меньше, если учесть, что люди, туда попавшие потом проводили в них большую часть своей жизни, назвать которую нормальной не повернулся бы язык ни у одного честного человека. О том, какую чашу страданий приходилось там испить, обличающе рассказывают воспоминания Марка Тимофеевича Лепёхина, племянника моего деда.

Я передаю их в кратком изложении. Дело обстояло так. После нескольких периодически повторявшихся допросов отца Марка в НКВД, один из оперативных сотрудников, как бы сочувствуя (а в действительности, чтобы спихнуть дело с разваливающимися обвинениями) посоветовал ему уехать в тихое место, в посёлок Сиваки Тыгдинского района (северо-западный район области), где и переждать опасное время. Тимофея Ивановича побоялся отпустить, однако, его старший брат, Алексей Иванович, и поехал вместе с ним и его сынишкой, 8-летним Марком.

Но по приезде в Сиваки они попали не в тихое место, а в спецпоселение, концлагерь, где у них сразу же отобрали паспорта и определили в условия, представляющие собой сущий ад. «Одна лишь смерть там была радостью освобождения от мук», — напишет позже Марк. 8 января 1943 года он, будучи 15-летним мальчишкой, бежал из концлагеря и,

приписав себе 2 года, устроился в школу младших командиров. Но через 9 месяцев, когда он уже должен был получить офицерское звание, прознали, что он из раскулаченных, да к тому же ещё из молокан, его отправили рядовым в арестантском вагоне вместе с уголовниками. На фронте, на передовой командир постоянно издевался над 16 летним парнишкой, называя его «врагом народа», «отребьем» и посылал на самые опасные задания, связанные всегда со смертельным риском. Марк чудом выжил, хотя и был не раз очень тяжело ранен. Но, несмотря на все боевые заслуги, на награды, ему не позволили жить в Благовещенске, а принудили вернуться опять в тот же самый концлагерь, называемый спецпоселением, из которого он с таким трудом вырвался. Не принимая во внимание боли и болезни, связанные с последствиями тяжких ранений, его, бывшего фронтовика, заставляли трудиться на самых тяжёлых работах в течение ещё 16 лет, вплоть до 1961 года, хотя многих, в том числе уголовников, начали выпускать из лагерей уже после смерти Сталина, в 1953 и особенно в 1956 году. Здесь, очевидно, сказалась религиозная подоплёка. По возвращении в Благовещенск, его младшего сына не хотели брать в школу, как бывшего кулацкого отпрыска. Но всё же он, следуя молоканской традиции, сумел получить образование в Новосибирске, проявил себя как выдающийся специалист на металлургическом комбинате и был удостоен Государственной премии. В 1990 году он попытался вернуть свой бывший семейный дом в Астрахановке — большое светлое каменное здание — бывшая школа №33, в которой и я, и мои братья и сёстры учились, не подозревая, что оно принадлежало одному из наших близких родственников рода Лепёхиных.

Такая же трагическая судьба постигла не только наш род, но и другие молоканские семьи, в частности семью Горелкиных, с которой все Лепёхины были в тесной дружбе, в братских отношениях. Горелкиных сослали на 10 лет аж в

далёкий Магадан. Когда я читал о всех таких же трагических историях в книгах Памяти жертв политических репрессий Амурской области (а их вышло 18 томов), я думал — как жаль, что мы, молодые потомки этих великомучеников не знали тогда (пусть не в детстве, это бы нас придавило, а в уже взрослом возрасте, когда мы могли бы найти им слова утешения и поддержки, с большим пониманием и прощением отнеслись бы к их некоторым слабостям, которые как казались проявлением характера, а на самом деле они были отражением их трагической судьбы.

Особенно мне жаль, бесконечно жаль нашего деда, Ивана Исаевича. Когда я сейчас, уже зная как жестоко судьба переломала всю его жизнь, пытаюсь уже который раз начать эти строки, то невольно комок подкатывает к горлу и слёзы непроизвольно наворачиваются на глаза, мешая писать. Пусть вроде бы без вины виноваты, но всё же мы, его внуки, виноваты перед ним. Конечно, зная его истинную судьбу, наверное и скорее всего мы бы совсем по иному, более внимательно относились к нему, несмотря на тот общественный «закон», по которому внуки чаще всего (за редким исключением) рассматривают бабушек и дедушек лишь как приятное бесплатное приложение, от которого можно что-то приятное или даже что-то желаемое получать и начинают сожалеть о том, что сами-то ничего им не успели дать даже просто внимания, лишь после того как они уже уйдут навсегда, после того как потеряют их.

Лично у меня вроде бы есть некоторое, правда небольшое, оправдание. Оно в том, что мама нетерпимо и резко осуждала деда за его пристрастие к выпивке. Воспитанная в молоканской среде трезвости, она никак не могла смириться с этой его новой привычкой: «до 30-х годов ведь в рот не брал», — сокрушалась она. Но 30-е годы — это же пора раскулачивания, а потом у деда тюрьма, допросы, пытки, скитания в поисках себя и работы…

Мать, боясь, что мы можем по молодости не удержаться и что-то сказать, или как она говорила «ляпнуть», в осуждение власти или жизни вообще, скрывала всё, что случилось с её родителями и с ней самой. Лишь изредка у неё вырывались отдельные горестные фразы об этом, типа «Родова наша как будто проклятая» или «Всю жизнь одни только переживания... В начале 30-х хватили мурцовки, не приведи господи никому, то война, а сейчас войны нет и жизни тоже. Ну, в вербовку-то (так она называла почему-то аресты в годы сталинских репрессий) не только мы, но и все натерпелись. Идёт тройка с понятыми, а у всех ноги к земле прирастают — в какой двор завернут?»

В этом «не только мы» подразумевалось и раскулачивание, но мы, естественно, по этой оговорке о том догадаться никак не могли. И фразу о начале 30-х лично я понимал как время страшного голода в стране в 1933–1935 годах, а не как разгром молоканских семей.

Её эзоповский язык и был рассчитан на то, чтобы мы никак не догадались об этом, так как она ясно понимала, что с нами будет, если мы неосторожно вслух употребим эту запрещённую информацию.

Законы были драконовские тогда, сроки за политические, даже не высказывания, а отдельные фразы или слова, анекдоты давали огромные сроки — от 10 до 25 лет лагерей. Можно было «сесть» только за то, что завернул селёдку в газету с портретом Сталина. Когда я порвал его портрет в 1949 году, то меня допрашивал следователь НКВД целую неделю, всё повторяя одни и те же вопросы: «Кто научил», «Что говорят родители или родственники о любимом вожде», «О родной советской власти», «а может от чужих дядей или тётей слышал разговоры, которые тебе, советскому пионеру, ударнику учёбы, члену совета дружины и притом горнисту показались неправильными, не нашими», «может их какой враг научил, а они не понимая этого, повторяют за

ним, так помоги нам, если ты настоящий пионер, выявить этих врагов» и т.д.

Я, как и мать, и сам почти никогда (за исключением первого года после школы, когда не мог ещё отказать друзьям) не выпивал и тоже резко осуждал всех выпивающих, в том числе деда. Он приходил к нам лишь тогда, когда намечалось застолье по какому-нибудь радостному поводу (приезд, отъезд родственников, свадьбы и прочее). В обычные дни, зная, что на комоде всегда стоит литровый графин с водкой, настоянной на мандариновых корках (сохранённых после новогодних заводских детских подарков — в обычные месяцы никаких мандаринов или даже яблок мы, конечно, не видели) или сушёных ягодах черёмухи. Но сколько бы дед ни взглядывал искоса на графин, мать никогда ему не наливала. Водка предназначалась только для гостей или шла на то, чтобы выменять хозяйственное мыло или байковые портянки у солдат (из портянок мать шила детские мягкие рубашонки).

Когда же соседка после его ухода, рассчитывавшая и сама выпить с ним за компанию, бросала матери полуупрёк: «Ушёл, бедный, ни с чем, а приходил, знать подлечиться». «Этим не лечатся, — парировала мать, — от этого все ещё несчастнее становятся. Отец в ночную смену подрабатывает, чтобы «магарыч» заработать, да в дело пустить, а ему лечиться!» «Магарыч», внуки, — это по-нынешнему «бонус» такой был на спирт-заводе. Если ночью работал, выгружая вагоны с зерном или с углем, то платили вдвойне — не 101, а 202 рубля за 60-тонный вагон и плюс по фляжке спирта. Даже нам 13-14-летним подросткам в такой смене давали каждому по фляге чистого спирта (96%).

У моих братьев, как я уже заметил, особого отторжения от водки, как у меня с матерью, никогда не замечалось, и у них не было веских оснований сторониться деда. Но они, видимо, считали, что если он к внукам не проявляет вни-

мания, то и они вправе ему отвечать тем же. Как теперь я понимаю, он и не был уже в состоянии проявлять к нам какое-либо внимание, тем более заботу. У него на нас после всего пережитого просто не осталось ни физических, ни моральных сил. Физические силы после раскулачивания все ушли на выживание. Идти в колхоз он отказался. На любую другую работу в городе раскулаченному устроиться было невозможно, а нужно было ещё и отстроить другой дом, потому что из прежнего просторного отцовского и его и брата вместе с семьями выселили, не дав взять из дома ничего из имущества. И пришлось ему жить вдали от семьи, в тайге двадцать лет, (за исключением одного года работы на бойне, куда после ареста его уже назад не взяли), зимой в землянке, занимаясь охотой, а летом в палатке, промывая золото.

Добытого зверя он не имел право продавать сам, а обязан был сдавать в охоткооперацию, где платили за него копейки. Намытое же золото не имел право сам даже сдавать, всё оставалось у руководства артели, которое так же обязано было сдавать его в промкооперацию и тоже по низкой цене. Живя многие годы в условиях, мало пригодных для человеческого жилья, на изматывающей работе и имея серьёзные последствия для здоровья после немецких газовых атак, контузии, ранения, полученных в окопах первой мировой войны, в которых он непрерывно провёл три года, после избиений, пыток в застенках НКВД он к 60-ти годам (в 1950 году) уже был обессиленным стариком. Какое внимание он мог тогда оказать пятилетнему Володе или трёхлетнему Саше, когда сам еле двигался. Я и сестрёнка Валя, были немного постарше возрастом, а дедушка немного помоложе и поэтому нам с ней хоть изредка, но перепадало от него. Он, в частности угощал нас маленькими, ярко красными изнутри и очень сладкими арбузами. Этот сорт вывели экономные и во всём расчётливые молокане. «Большой арбуз враз не съешь, остаток в жару может про-

пасть, а маленький можно съесть сразу целиком», — так мне объяснял дед.

И ещё два случая его внимания ко мне, которые я запомнил на всю жизнь. Первый — когда я страшно тяжело болел корью, сопровождаемой очень высокой температурой, лихорадкой, сыпью. Я до сих пор помню, как я задыхался и всё вокруг казалось огненно-красным. Температура за 40 держалась несколько суток и несколько суток я не мог ничего есть. Я видел испуганные лица толпившихся вокруг меня, слышал, как все твердили: «Температура не спадает», — и часто мерили её. И когда пришёл дед и спросил: «Чего бы ты хотел поесть? — я прошептал, — Ваших мороженых яблочек». И дед в метель пошёл за этими дикими яблочками, которые он собирал с яблони в своём дворе и, залив их сиропом, замораживал. Он принёс их, и, я помню, мне сразу стало легче.

Второй случай, который я тоже вспоминаю всю жизнь — прожитые вместе с ним в шалаше несколько дней на покосе. Об этих незабываемых днях, за которые я очень благодарен деду, расскажу дальше, в самой повести. Мне было там хорошо с ним, всегда спокойный, он с улыбкой воспринимал все мои наивные вопросы, не отмахивался от них и коротко иронично на них отвечал и с добродушным смехом встречал мои усилия в 10 лет казаться взрослым. На природе он «оттаивал», отходил от того вечно задумчиво-грустного, а часто и печального настроения, в котором всегда пребывал дома.

Здесь же я впервые (не считая случая с яблочками) не осознал, но почувствовал, что дедушка, несмотря на равнодушный вроде бы внешний вид, на самом деле глубоко страдает в душе и что он очень добрый.

Дети особенно ощущают — добрый или нет взрослый по отношению его к животным, которых сами они любят безотчётно. И я это ощутил после следующего разговора и

реакции на него со стороны деда. Мы с ним завтракали отваренной в котелке молодой картошкой, малосольными огурцами и диким зелёным луком, когда к нам подошёл пожилой пастух, пасший колхозное стадо коров. В это же время мимо проходил мой сосед Сысоев, сторживший неподалёку чьи-то стога.

— Бог, в помощь, — брякнул он некстати.

На что дед хмуро ответил:

— Еда — не работа, чтобы Бога в суе призывать.

— А у него это — работа, знай себе ест да спит, ровно тюлень ленивый, — бросил негромко ему вслед пастух.

Дед возразил:

— Тюленю-то, поди потрудиться надо изрядно, понырять за едой, прежде чем поесть.

— Да, — согласился пастух и добавил, — так всю жизнь на дурничка и проокалачивается. — Ладно, хватит о нём, поговорить о хорошем человеке…— сказал дед поморщившись. Он не любил досужие разговоры, особенно с осуждением кого-либо.

— Да как не сказать? Слышал, как он загнанную волком на околицу косулю, котора залетела на свалку и запуталася в клубках проволоки, как тать (разбойник) зарезал на глазах у людей, да ещё летом, вместо того чтобы помочь зверю. Косуля-то окотная, выходит у людей защиты искала, а он, басурман эдакий, никого не постеснялся, пакостник. Совсем люди душу потеряли, — это ровно в безоружного стрелить, — горестно выдохнул дед.

Я удивился, что дед сказал почти одинаковыми словами об этом случае, как и ранее мой отец.

— Кака там душа, кака щас душа! Посмотрел бы ты чо у нас на ферме деется. Две коровы отелились на майский праздник, их раздаивать надо, а ихняя доярка запила, не выходила несколько дён. Которых разобрали на други группы, а этих никто после отёла не захотел раздаивать. Вымя у их

раздулося, соски полопалися, теперь коровам больно, када их доют они брыкають, а нова доярка их палкой бьёт. Нещасна скотина!

Дед бросил есть, встал и заходил кругами. А пастух продолжал:

— Да это раз что ли! С того времени всё и началось, как вас всех отправили — так всё и идёт кувырком с самого начала… Тогда чо! Нагнали таку массу с ваших дворов и чо! — помещений нет, одна маленька брошена казарма, полуразвалюха. Коров набили до отказу. Теснота, ранют друг дружку рогами. Лошади — те вообще на морозе. А главно дело, корма то ваши превезть не успевают, скотина полуголодна. Падёж случился. Бычков-то, тех сразу сдали, а падёж, ни падёж, а план по мясу давай, начальство жмёт, добралися и до удойных. В энтой сутолоке когда разбираться! — отправили под нож и ваших племенных, что вы из Самары да из Таврии (Крыма) выписывали, да везли через тыщи вёрст. Таку длинну дорогу они одолели и под нож! А давали-то по 20-40 литров в день, не то что эти, — он показал рукояткой бича в сторону своего стада, — по 5-6 литров, даже сейчас на молодой травке не более 10 литров, что тебе козы… Таких коров на бойню! Ты тогда ещё там не работал, в тайге был, к счастью, не пришлось те их самому забивать. Хорошо, что ты этого не видел ничего. А нам-то много чего пришлось насмотреться. Одна ваша корова сбежала из стада домой, положила шею на калитку и давай протяжно мычать, назад, значит, просилась. А лошадь, так-то раз прямо впряженная в водовозку тоже с фермы, значит, прискакала, голову-то в окно прямо просунула и жалобно ржёт, жалится. А кому жалится? В вашем доме уже чужи люди жили. Или опять же — ваш дядя Максим в больнице лежал, со всеми его не отправили тогда. Ну и вышел подышать из палаты. Видит по другой стороне улицы на его лошади кто-то незнакомый в бричке едет. Ну он возьми и свистни — узнает

ли его Малыш, он же был лучший его верховой конь, как ты помнишь, он все ему медали приносил, на ипподроме всех бил. Ну, Малыш и рванул прямо с бричкой через кювет к дяде. Все вокруг засмеялися. А дядю — прямо из больницы в камеру за подрыв авторитету «красного директора», за дикридацию (дискредитацию) советского руководителя, энтого директора бани, значит, который в бричкег то сидел и в кювет «вылетел».

Дед зажал уши обеими руками и, зажмурившись, не проговорил, а простонал:

— Хватит, перестань, не могу больше всё это слышать, лучше бы ты мне этого никогда не рассказывал! — и ушёл к озеру, так и не позавтракав.

Весь день он не проронил ни слова, а только глубоко вздыхал. Мы тогда не готовили ни обед, ни ужин, как обычно, а вечером он ушёл на берег Зеи, к охотникам, дожидавшим у костра утреннюю зорьку, и вернулся сильно пахнущий водкой, хотя на покосе, как сам до того говорил, пить «непотребное баловство и грех». Весь следующий день дед почти не разговаривал, с его бледного и осунувшегося лица ручьями стекал пот, он то и дело утирал его рукавом, каждый раз глубоко вздыхая. Я, конечно, не мог тогда догадаться, что ему не только было нестерпимо жаль животных, о которых рассказал пастух, и к которым все молокане относились как к существам одушевлённым, как к членам семьи, называя их человеческими именами — типа Машка, Мишка, Борька, Юлька, Милка или нежно-поэтически — Красуля, Зорька, Рада, Весёлка, Апрель, Майк. Пастух, не желая того, раскровавил ещё не совсем затянувшуюся, не зажившую рану, нанесённую деду раскулачиванием, разрушившим всю привычную жизнь, с которой он и его родные были в самом добром ладу.

Не зная этого, я очень жалел его и пытался неуклюже отвлечь его разными расспросами и разговорами.

— Дедушка, я понимаю, Вам жалко косулю, но Вы ведь и сами их убивали, — говорил я ему.

— Я их никогда не убивал, — озадачил меня его ответ.

— Как?! — удивился я.

Я отлично знал, что дед несколько лет промышлял охотой, о чём свидетельствовали две медвежьи шкуры, одна из которых распласталась у порога, другая же значительно крупнее была — растянута почти во всю стену его спальни. Большими чёрными загнутыми когтями она первое время немного пугала меня, и я без деда не решался заходить в его комнату. Мне больше нравилось разглядывать красивые фазаньи перья, торчавшие букетом в высокой треугольной вазе, в комнате бабушки.

Долгие годы дед был одет в охотничьи трофеи — носил козью белую доху с жёлтыми подпалинами, а обувался в унты — лёгкие мягкие и тёплые сапоги из оленьей шкуры, покрытой блестящими рыжими волосками. На голове его красовалась неизносимая и очень тёплая волчья шапка с широкими ушами, завязанными тесёмками на затылке. Даже в таком положении её уши покрывали половинки дедовых щёк. Но дед, в ответ на моё удивление, твёрдо повторил:

— Не убивал, а добывал.

— А какая разница? — не отступал я.

— А такая. Охота — это всегда «кто кого».

— Что, тебя косуля могла забодать? — спросил я.

— Нет конечно, она же не вепрь (дикий кабан, секач с клыками), но у каждого своё оружие.

— Какое у неё оружие? — удивился я.

— Как какое? Острый нюх, острый слух — токо с подветренной стороны и можно подобраться и, главно, быстрые ноги. Знаешь, каки прыжки делает — по 3 сажени, да притом в сторону на ходу, как заяц. Поди покади… Но в проволоке, ножом — это как в упор в безоружного…

— Деда, так Вы даже на бойне работали? — спросил я, не в силах уразуметь, как можно любить животных и работать на бойне.

— Даже, — хмуро ответил он.

— Вам было сильно жалко убивать животных?

— Конечно, — после паузы произнёс он. — Лошадей особенно жалко. Они особенно умные. И коровы то и свиньи тоже умны.

Ухватившись за слово «особенно», я продолжал:

— А кто ещё умный?

— Коровы. Вот говорят некоторые, что она глупая, мол, скотина, половые тряпки даже жуёт. Того не поймут, что ей надо всё время жевать, чтобы выработать молоко. А как подгонют стадо-то к бойне, они, коровы-то, давай реветь сразу, чуют, что их на погибель пригнали. Вот тебе и глупые.

— А если было их всех жалко, зачем тогда на бойне работал?

— Больше никуда не брали.

— А туда почему брали?

— Потому. Охотников туда мало. Кто туда пойдёт за копейки, одна кровь да грязь, да сырость с ревматизмом, что тебе на войне.

Когда же я, воспользовавшись упоминанием о войне, попытался расспросить его о ней, он лишь отмахнулся. Рассказывал он о войне только в компании и несколько захмелев. Вспоминал при этом всегда и только с добродушным юмором один и тот же момент — как немцы их звали в баню.

— У них, у немцев-то, как и у нас, — говорил он, смеясь, — порядок был заведён — кажну субботу обязательно баня. И вот они баню то нажгут и из окопов всякий раз кричат: «Иван, ходи здесь, в баня куп-куп. Давай, Иван! Иди Иван!» Я даже изначально, в первый–то раз, подумал, что это они мне кричат, и говорю соседу: «Откуль это они моё имя знают?» Мой-то пост аккурат против их, значит, бани

был? Потом сообразил, что эт они всех нас русских Иванами-то зовут, как мы их Гансами да Фрицами.

И когда я ему однажды сказал:

— Вы смеётесь, но ведь они были ваши враги, они газом вас хотели уничтожить, они вон и руку Вам покалечили.

Ответ был совершенно неожиданный:

— Да это не они, пуля-дура зацепила. А они то чо, таки же солдаты, как и я. Им приказали, они стрелили. Я ить тоже стрелял. А в кого там попадёшь, ты ж не знаешь.

— Но из-за них Вы 3 года в Пинских болотах в Белоруссии сидели в грязи и холоде!

— Ну да, — охотно соглашался он. — Дак и они сидели.

— Но ведь не вы к ним пришли, а они явились на нашу землю.

— И не, они не явились, их пригнали, как и нас. Цари чот не поделили, а мы что? Что мы, что они, мы просто солдаты. Прикажут, и всё, куды денесся.

— Ну и что ещё тебе запомнилось там, в Пинских болотах?

— Дак это, бабы белорусские.

— А чем они запомнились-то?

— Очень бедно живут, одну, понимаешь, картошку едят, они её бульбой почему-то зовут. Дак с неё у них такие зады огромные, веришь, как печки шириной. А трудяги ить, работяги, как и мы. Сказывают, они под литовцами и Польшей долго были.

— Нет, ты про войну расскажи ещё.

— А чо про неё рассказывать? Кровь да грязь, грязь да кровь. Стоко народу положили за зря. Людей жалко.

Да, многое и многих было ему искренне жалко, хотя он редко об этом говорил, лишь в минуты горестных откровений. И так уж, к несчастью, получилось, что его самого в силу целого ряда трагических событий в самом конце его многострадальной жизни около него не оказалось никого,

кто бы мог его согреть и утешить. В силу его гордого характера могло показаться, что он в этом и не нуждался. Но думаю, что это не так, вряд ли есть человек, которому внимание, забота и доброе слово претили бы особенно в старости. Причин-событий, приведших его к одиночеству, было три: первая — раскулачивание, вторая — относительно ранняя смерть жены, третья — появление брошенного матерью младенца — внука, из-за споров о воспитании которого произошёл разрыв с единственным сыном.

Раскулачивание сломало весь привычный жизненный уклад и принесло, и ежедневно повторяло, помимо лишения всех материальных основ, глубокие моральные страдания. Я хорошо себе представляю, с какой душевной мукой взирал он каждый день на большой, богатый, когда-то ухоженный, а ныне запущенный родительский дом, отстоящий всего в 100 метрах от его нового наспех построенного жилья, на своё родное родовое гнездо, где ещё недавно дружно жили его родители, он и его брат с семьями и где теперь хозяйничают совершенно чужие люди, поправшие все его права и открыто насмехающиеся над ним.

Жестокие тюремные пытки, ярлык врага народа, связанные с этим оскорбления, унижения и лишение перспективы в жизни — всё это не могло не усилить его душевный надлом и способствовало появлению и закреплению немыслимой ранее в молоканской среде привычки к спиртному, которая привела к охлаждению отношений с дочерями — моей матерью и её сестрой тётей Зиной, выросших в трезвенной молоканской семье, а также к полному разрыву с сыном, удивительным и любимым моим дядей Ваней, которому так же, как и деду, выпало невероятно много жизненных испытаний, сильнейших ударов судьбы. Подростком перенёсший трагическую драму раскулачивания и последовавшие за этим тяготы, лишения и особенно остракизм, отчуждение и предательство со стороны бывших приятелей и знакомых,

что в юношеском возрасте особенно ощутимо и губительно для души, он не только выстоял, но и проявил невероятную жизненную стойкость, сохранил доброту, весёлый, неунывающий нрав и жизнелюбие. Как «кулацкому элементу» ему были закрыты (или как тогда говорили «заказаны») пути в техникум, а тем более в институт, и он, окончив водительские курсы, стал работать шофёром на «полуторке» — грузовичке «Амо» с грузоподъёмностью в полторы тонны, но долго потрудиться на нём ему не пришлось. В том же 1938 году, когда был арестован как «враг народа» отец, его осуждают по статье ненамного менее страшной — «за умышленное вредительство», присовокупляя к ней ещё статью «за воровство», к суммированному сроку заключения в 10 лет.

Произошло следующее. Однажды в метель на дороге заглох мотор его изношенной полуторки, и ему пришлось отправиться на поиски трактора. Но когда он вернулся, то часть продуктов (два мешка муки), которые он доставлял в магазин, уже грузчики, остававшиеся в машине, украли. Все подозрения, конечно, пали на «раскулаченного». «Вредительство» ему приписали якобы за то, что он вывел специально из строя мотор. После тюрьмы его отправили в лагерь в село Мазаново, находившееся в одном из северных районов Амурской области. Там он, оставаясь в спецпоселении женился, у него родился сын. Но с первых месяцев все заботы о малыше легли на плечи дяди, ибо жена, увлекшись спиртным, как и большинство тамошних поселенцев, по существу, отказалась от обязанностей матери. И в один из студёных январских дней 1945 года около нашего дома остановился странный автомобиль. Это тоже была полуторка, но какая!

— О, смотрите какая усастая масына к нам подъехала, — радостно заявила моя младшая сестрёнка Валя.

— Что ещё за усатая машина? — спросил я на ходу, подбегая к окну. — Где ты у неё нашла усы?

— Не усы, а усы.

— А, ты хотела сказать, ушастая, — понял я, увидев через стекло забавную и даже смешную машину с двумя и в самом деле похожими на большие уши приложенными по бокам кабины высокими баками. Это было устройство газогенератора. Оно выдавало топливо, а именно газ, получаемый от сжигания в нём маленьких деревянных чурочек. Машина казалась каким-то внеземным живым существом, потому что от работавшего мотора вся тряслась, как в лихорадке. Из кабины вылез незнакомый мужчина, за спиной которого висел вещьмешок с торчавшей из него маленькой головкой, закутанной в женский тёплый платок, с нахлобученной на него солдатской шапкой. Эта необычная картинка сильно нас взбудоражила, и мы стали вопить:

— Мама, смотри, какая смешная машина, какой смешной дядька с мешком!

— Это никакой не дядька, а ваш родной дядя — дядя Ваня.

— А в мешке у него ещё кто-то!

— В мешке у него ваш двоюродный брат. Его, кстати, тоже Толей зовут.

— Ну вот и добрались наконец, — сказал дядя, ещё не переступив до конца порога. — Старики, видно, в баню подались, дома нет, так я прямо к тебе, сестра. Возвращаться велено сразу, за опоздание в 5 минут 5 лет срока припаять могут. Ну-ка помоги быстрей снять ношу-то, а то вся спина отваливается, считай, 300 вёрст отмахал.

Мама помогла ему снять с плеч вещмешок с торчавшей не то полусонной, не то полумёртвой детской головкой.

— Закрывай плотнее дверь, холоду напустишь, дитя застудишь, — сказала мать.

— Моего-то? —переспросил дядя, устремив к потолку подбородок и со сладкой болью и изнеможением прогнулся в спине, отведя локти назад. — Он, понимашь — нет, на се-

вере родился, в Мазаново, а там морозы-то куда как покрепче, чем здесь, сразу не застудится.

Мама быстро приняла рюкзак и горестно вздыхая, стала раскутывать маленького человечка, приглаживая ему торчавшие во все стороны космы пшеничного цвета, говорившие о том, что его ни разу ещё никто не подстригал.

— Такая крошка, а уж сызмальства хлебнул всего!

— Это он выглядит как годовалый, а ему уже скоро два года, — весело продолжал дядя. — Подождите, он ещё задаст всем перцу. Ишь, как глазищами-то зыркает, — опять весело произнёс дядя.

Его предсказание тотчас же самым неожиданным и чудесным образом сбылось, и причём на самом дяде. Будучи у мамы на руках, новоявленный, скорее отъявленный, родственничек, выгнувшись, резко наклонился к столу, в мгновение ока схватил ярко-красный, очень горький даже жгучий перец (любимое лакомство нашего отца), лежавший на горке мёрзлой капусты, принесённой из сеней для приготовления обеда, куснул его и, искривившись как от боли, запустил в глаз своему отцу.

— А я что говорил! — воскликнул дядя, вытирая глаз и, как бы радуясь, что его слова нашли мгновенное подтверждение.

Все засмеялись. А маленький разбойник, быстро, как зверёк стал переводить взгляд с одного из нас на другого, как бы определяя для себя, кто над ним смеялся громче всех. Поняв, что это был я с Валюшкой, он цапнул своим кулачком с давно не стриженными ноготками полную горсть капусты и запустил в наши смеющиеся рожицы. Но это не стало единственным подтверждением дядиного пророчества. На своё несчастье, увидев у ворот машину и возможную выпивку, заявилась (как это она всегда делала в подобных случаях) соседка, баба Ганя Шершун.

— А это ещё кто такой малепусенький, ах, ты, господи, ты чо ж такой тощенький, ну прямо кожа да кости, — заве-

рещала она, взяв его на колени и повращала указательным пальцем у него на животе.

Он изучающе посмотрел немигающим взглядом своих больших казалось огромных глаз на маленьком остреньком бледном личике, потянулся к столу, с трудом вытянул двумя ручонками из ступы увесистый чугунный пестик и, внимательно посмотрев вниз на бабкины ноги, бросил его ей на колено. Та, в свою очередь, взвыв от дикой боли, резко бросила чертёнка на стол и, охватив колено ладонями и приволакивая ногу, стала метаться по избе, причитая: «Ох, матушка, пресвятая богородица, и чо изделал, ох!ох!ох!», — выдыхая часто широко открытым ртом, в котором как будто была вынутая только что из костра обжигающая печёная картофелина.

А чо вы хотите! — воскликнул дядя Ваня, резко разведя руки. — Я неделями на лесоповале, а она со своими подружками, да дружками-поселенцами, устраивает праздник каждый день, а ребёнок брошенный, вот и образовался, потому и привёз, иначе толку не будет совсем.

Но толку не стало и потом. Пока дядя ещё три года отбывал свой незаслуженный срок, сынком занимался дед, поскольку бабушка уже была тяжело больна. Но все его «занятия» сводились к одному — любя и жалея внука, «сиротинку», он не то, чтобы его баловал (баловать-то особо нечем было), а потакал всем его прихотям, ни к чему не приучал и не привлекал, как когда-то сызмальства привлекали родители его самого. Да и мал он был ещё для этого. В результате, когда через три года вернулся отец, наш двоюродный братец уже был совершенно неуправляем. Любые попытки изменить ситуацию приводили только к бурной полемике, в которой дед всегда стеной стоял за внука. Когда же дядя женился и у него родились свои дети, деду стало казаться, что мачеха обделяет любимого внука, хотя тётя Люба была очень доброй, терпеливой ко всем его выходкам, заботилась о нём так же,

как о своих родных детях и при этом сохраняла всегда спокойный, ровный тон, несмотря на скандалы, на споры вокруг пасынка, которые постоянно возникали у деда с дядей Ваней и которые всё чаще превращались в скандалы.

Иначе быть и не могло при заступнической позиции деда — в 8 лет любимый внучек стал покуривать его табак, в 10 лет — приобщился, а вернее пристрастился к курению конопли, учиться не хотел, но имел поползновения к воровству. Дяде, вечно великому труженику, мириться с этим было невозможно и когда он попросил однажды деда не вмешиваться в воспитание сына, дед, будучи не очень трезвым, схватился за топор и потребовал, чтобы дядя со своим семейством оставил их на следующее же утро, «иначе он за себя не ручается». И дяде Ване пришлось на другой день собрать в узлы свои скудные пожитки и с маленькими детьми перебраться жить к соседям, давшим ему временный приют.

Помню, когда много лет спустя дядя поведал об этой драме, я про себя удивился тому, каким весёлым тоном он говорил об этом, так, как будто речь шла о каком-то забавном приключении. И мне подумалось: «Такое великое всепрощение свойственно ведь лишь глубоко верующим людям, а дядя вроде бы никогда таковым не считался». Но я не знал тогда, что он впитал с детства сам дух, этику молокан, среди которых он рос, и его великодушие было для меня загадкой.

Для того, чтобы скопить деньги для постройки хоть какого-то жилья, ему пришлось совмещать три работы сразу: свою непосредственную — шофёра на разбитой машине, «колымаге», как он её называл, и под которой каждый день ему приходилось «валяться», чтобы она ездила, но ещё и обязанности двух грузчиков, ставки которых он выпросил себе. И это притом, что здоровье его на лагерном лесоповале было сильно подорвано — болели и поясница, и искривлённый позвоночник, и опущенный желудок, и больные суставы. О всей этой «энциклопедии» болезней мне поведала, притом шёпо-

том, тётя Люба, а сам он никогда никому не жаловался, всегда имел неунывающий вид. Лишь однажды, видя, как, ковыляя между грядок, прихрамывает, я спросил его:

— Чего хромаешь?

Он ответил, резко взмахнув рукой и, как обычно, улыбаясь:

— Да этот ревматизм, зараза!

— Сильно мучает?

— Да, понимаешь — нет? Днём-то расхромаюсь, разбегаюсь (а он резкий и стремительный и, правда, всегда, как и наша мать, не ходил, а можно сказать бегал) и…отпускает. А ночью, понимаешь — нет? крутит, конечно, зараза.

— А руки?

— О!... ети ночью ещё хуже, ну, — ничо, ночью-то не работаешь, валяйся себе, да и всё, — весело рассмеялся он и, чтобы прекратить разговор о болезнях (о которых сам никогда не говорил), стал мне показывать какие огромные помидоры он вывел.

Я смотрел на эти помидоры, на ухоженные грядки, на его сад, на аккуратно покрашенный весёлого вида домик, на его самого, с его быстрым, весёлым взглядом больших слегка на выкате красивых тёмно-карих глаз, на всю его кривоногую, сутуловатую невысокую фигуру с огромными до колен опущенными мозолистыми кистями рук, на весь его живой и подвижный облик, его детскую неунывающую улыбку, и у меня невольно возник вопрос — откуда в нём столько укорененной жизненной силы, создавшей на пятом десятке искалеченной в прямом и переносном смысле жизни и этот любовно отделанный домик, и прекрасный огород, хороший садик и даже забор, не просто абы какой, а красивый, ладный, не мог найти ответа.

Этот вопрос не отпускал меня много лет, но тогда, не зная всерьёз и древнерусской истории, и совсем не имея сведений об истории нашего рода, из которого вышел любимый

дядя, я, конечно, не мог себе на него ответить. Сейчас, мои дорогие, всё же попробую сделать это, хотя наполовину я на него уже вроде бы ответил, когда писал о протестантской морали и вообще о жизни нашего молоканского рода, закладывавшего в детях с раннего возраста трудолюбие, самоотверженность, сильную волю и в целом крепкий характер, в любой ситуации позволяющий не терять оптимизма и жизнелюбия и в любой момент, не отчаиваясь, всё начинать с нуля и одолевать испытания судьбы.

И здесь как раз мы выходим на другой источник укоренения всех этих качеств — на социально-генетическую основу (это моё определение) русского человека как такового, безотносительно к какой он вере причисляет себя: к молоканской ли, православной, или даже не принадлежит ни к какой вере вообще. И здесь же мы должны будем сказать о том значении, которое имеет для характера человека его Родина. Лучше всего, мне кажется, это понятие раскрыто выдающимся русским мыслителем и педагогом К.Д. Ушинским. Он его определил следующим образом —

> «Наше ОТЕЧЕСТВО, наша РОДИНА — МАТУШКА Россия. ОТЕЧЕСТВОМ мы зовём Россию потому, что в ней жили испокон веку отцы и деды наши. РОДИНОЙ мы зовём её потому, что в ней мы родились, в ней говорят родным нам языком и всё в ней для нас родное; а МАТЕРЬЮ — потому, что она вскормила своим хлебом, вспоила своими водами, выучила своему языку, как мать защищает и бережёт нас от всяких врагов… Много есть на свете, и кроме России, всяких хороших государств и земель, но одна у человека родная мать — одна у него и родина».

Ваша Родина — великая Россия. Она великая не только потому, что занимает самую огромную в мире территорию, на которой могли бы разместиться 6 Индий, 2,5 Австралии (а это целый континент!), и почти по 2 Европы, Канады, а также США и Китая — самых крупных стран мира. Притом её территория отличается самым большим в мире многообразием природных ландшафтов и пейзажных красот. В ней есть всё: полярные льды, северная тундра, непроходимая тайга, субтропики, дюны и пустыни, горячие гейзеры и вулканы, архипелаги островов, самое большое число полноводных рек, она омывается двумя океанами и двенадцатью морями.

Побывав на всех континентах (кроме Антарктиды) я пришёл к абсолютному убеждению, что в мире нет страны красивее России. Её недра являются самыми богатыми по природным ресурсам, в них содержатся практически все элементы таблицы Менделеева.

Самым же большим богатством Российской Федерации является многообразие культур, населяющих её 190 народов, живущих в дружбе и имеющих великую общую историю и огромный творческий потенциал.

МИФЫ О РОССИИ

«Злословие даже без доказательств
Оставляет вечные следы».
А.С. Пушкин

О русском человеке, его характере и в целом о России написано очень много иностранными авторами и, к сожалению, в основном, мягко говоря, с необъективных позиций. Продолжает господствовать эта необъективность и в наши дни, только ещё более пристрастно. Чем же это вызвано? Попробую на это ответить.

Благодаря своему неодолимому и упорному характеру русские люди освоили самые огромные в мире пространства, создали из разрозненных племён мощное централизованное государство, которое смогло в течение многих веков не только отбить нападение её отдельных врагов, но и дважды остановить нашествие объединённой Европы и наголову разбить агрессоров.

Поскольку одолеть в открытой борьбе и Русь, и Россию никому не удавалось, то в ход всегда пускались вымыслы, мифы, домыслы, с тем чтобы хотя бы ослабить нашу страну, сделав её слабым конкурентом.

Сегодня большая часть этих домыслов «гуляет» именно по двум странам: Англии, извечного соперника и недруга России, и США — нынешнего её геостратегического соперника и конкурента. Сейчас, после воссоединения России с Крымом, незаконно принадлежавшим Украине, и когда США и Англия развернули тотальную антироссийскую пропаганду, канадские СМИ и политический истеблишмент (в отличие от простых канадцев, среди которых много украинцев и которые удивительно толерантны ко всем) тоже печатают и произносят в эфире много надуманного и лживого о России.

Поэтому я вынужден написать хотя бы краткий исторический очерк, чтоб вы сами, сопоставив все исторические факты, смогли отличить правду от лжи, уяснить, что было на самом деле, отличить от того, что пишут о вашей великой Родине, которая во Второй мировой войне спасла и Англию от захвата фашистской Германией, и когда-то США в её борьбе с Англией за Независимость. (флот России пришёл в США и предотвратил нападение на молодую американскую республику английской армады), да и всё человечество, в том числе и Канаду, от фашистской чумы гитлеровцев, строивших планы мирового господства сразу после предполагавшейся победы над Советским Союзом.

Тем не менее, «нет народа, о котором было бы выдумано столько лжи, нелепости и клеветы, как народ русский», — писала Екатерина Великая урождённая немка. Нелепости часто столь дикие, что их без смеха и читать-то невозможно. Ну, наподобие такого перла: «Реки Сибири кишат бегемотами. Жители Сибири добывают и продают их, если просыпаются после зимней спячки». Из доклада парламенту в 1742 г. командора ЭР ПЕРРИ.

Но, оговорюсь сразу, что откровенная ложь и всякие вымыслы о России существовали далеко не всегда, лишь в последние 500 лет. До этого же о ней, её людях мы наблюдали по всем историческим документам лишь положительные отзывы. Древняя Русь была в большом авторитете у европейцев, а русские люди были в непременном уважении не только у простолюдинов, но и самих властителей Европы. Об этом прежде всего говорит такой знаменательный момент, как многочисленные браки русских с представителями правящих династий.

До принятия христианства великим князем Владимиром четверо из его жён были скандинавками, остальные из касожек, болгарок и других. Его сын, Ярослав Мудрый, хотя

уже не язычник, а христианин, но его семья — средоточие международного родства.

Между 862 и 1237 годом (годом монгольского нашествия) половина(!) всех браков была заключена между русскими княжнами и князьями и иноземными принцами и принцессами. Это ярко подтверждает высокий статус и авторитет Руси на международной арене.

С Русью охотно торговала вся Европа, русские купцы и мастера считались высокими профессионалами и деловыми партнёрами. Шла оживлённая торговля с Европой через Богемию-Чехию и Польшу, через Галич и Любек. Новгородские купцы не только активно торговали с немецкими купцами Риги и Дерпта, но и немецкого Ратисборна (основная точка торговли с Германией).

Новгородцы были активнейшими мореплавателями. Они имели флот в сотни «вымпелов», которые были ничем не хуже, чем корабли датчан или шведов. Они не только регулярно плавали в Данию, в Любек и Шлезвинг, но и основали свою колонию в Висби, главном городе шведского острова Готланд.

В 1187 г. император Священной Римской империи Фридрих второй даровал равные права торговли в Любеке голландцам и русским. Уже в 12 веке в Новгороде появился Готский двор, а с конца 12 века Немецкий двор и посольство Ганзы. В эти времена никаких чёрных мифов о Руси не было. Все отзывы о русской земле и её людях были исключительно положительными.

Летописец Титмар из Мариенбурга (975–1018 гг.) подчёркивал богатство Руси и её великие торговые обороты. По его словам, он не видел нигде в Европе города больше и красивее Киева, где было бы больше красивых церквей, жители которого бы были богаче и достойнее.

Историк Каноник Адам из Бремена в книге Гамбургской епархии называл Киев соперником Константинополя и украшением христианского мира.

В 1229 году подписан торговый договор между Смоленском и немецкими городами Бременом, Дортмундом, Грюнингемом, Сестом, Мюнстером, Любеком и Ригой.

Русь и русские часто упоминаются во французской поэзии 11–12 веков и всегда самым положительным образом, как и в сочинениях и зарисовках торговцев и путешественников из Польши, Византии, Персии, из арабских стран.

О Руси слагались саги как о сказочно богатой «стране городов». В скандинавских сагах описан красочный образ Руси, из которой выходят сильные воины, богатства которых неисчислимы, а города которых велики и красивы. Говорится, что городов здесь «больше во много раз, чем во всём остальном мире».

Потомки же иноземных современников Древней Руси сделали вид, что не было этих свидетельств, и сочинили множество чёрных мифов о нас.

Почему эти мифы возникают (а они есть о каждой нации, о каждом народе) можно хорошо увидеть на примере Германии. В 1840–1850-х годах немец во Франции и в Англии воспринимался добродушным, туповатым и трудолюбивым, что они сентиментальны и не умели считать деньги. В общем, безобидными, но в 1860-е годы выяснилось, что Германия производит товары уже лучшего качества, чем французские и английские. И тут же новоявленного конкурента стали изображать во французских газетах не как милейших добряков с трубочками во рту и пивными отвисшими брюшками, безобидными и симпатичными, а жестокими и наглыми, пронырливыми и жадными.

Возник целый ряд чёрных политических мифов о Германии и немецком народе. В этих мифах немцы предстали поголовными садистами, любителями маршировать и преступниками по нравственному убеждению. Почему этот миф возник именно в 19 веке? Только потому, что Германия именно в это время стала серьёзным конкурентом Англии

и Франции не только в Европе, но и покушалась на их заморские колонии. Этот миф ушёл лишь в середине 20 века, когда Германия перестала быть врагом и сделалась стратегическим союзником против большевиков СССР. Тогда-то немцы из садистов и тупиц «превратились» в «трудолюбивых» и «хороших».

Таким же примерно образом возникали и складывались мифы и о других народах. В частности, измышления англичан о шотландцах в период расширения колониальной Британской империи. Англичане усердно убеждали всех в скупости шотландцев, лени и тупости ирландцев, предварительно ограбив их. Ещё большую лень и неспособность управлять собой, своими делами они приписали индийцам и другим народам, попавшим в колониальную зависимость от них. Американцы же преуспели в мифах о тупости, лени и криминогенности негров, агрессивности, кровожадности и дикости индейцев Дикого Запада, коренное население которого они уничтожили сначала физически, а потом литературно и кинематографически в жанре вестерна. Естественно, вся эта наглая тотальная ложь не позволяла пробиться истинной правде о высочайшей культуре инков, ацтеков и майя, долгие века существовавшей на континенте.

В начале 20 века (если почитать Томаса Манна и Эрих Мария Ремарка) русские считались добрыми и весёлыми людьми. К середине же 30-х годов (когда возросла мощь СССР) преобладающим стало мнение о русских как о людях мрачных и недружелюбных. Это предубеждение стойко сохраняется и в наши дни, и поэтому сделаем небольшое отступление.

Современные зарубежные путеводители, отмечая открытость, искренность, терпеливость и гостеприимство русских, одновременно сообщают, что мы в то же время чаще всего мрачные в силу некой таинственной особенности загадочной русской души. Это недалеко от истины. Учёные

наши считают, что «не мрачные мы, наоборот весёлые, жизнерадостные, остроумные, но просто в быту неулыбчивые». У нас не принято улыбаться в большинстве тех случаев, когда иностранцы улыбнутся обязательно.

Принципиальное отличие, выражаясь научным языком, коммуникативного поведения их и всех нас вывел профессор И. Стернин — мы не улыбаемся из вежливости. Иностранцы улыбками приветствуют друг друга. Мы считаем такие улыбки неискренними, к тому же у нас вообще не принято улыбаться незнакомым, равно «автоматически» отвечать улыбкой на улыбку. Или улыбаться, случайно встретившись с кем-то взглядом, как в США или Канаде. Мы привыкли отводить взгляд увидев адресованную себе улыбку.

Русский человек начинает чаще всего хмуриться, потому что начинает мучиться в догадках: «Мы что знакомы?». Или, наоборот, расценивает улыбку, как приглашение вступить в контакт. Кстати, может, мы не улыбаемся ещё и потому, что и сами опасаемся: вдруг незнакомец или незнакомка полезут знакомиться. У нас не принято совместно умильно улыбаться, глядя на маленьких детей или домашних животных. Умильные улыбки у нас считаются неискренними. Мы улыбаемся только тем людям, к которым лично расположены и относимся с искренней личной симпатией.

Русский человек не будет улыбаться просто так, потому что убеждён: причина его улыбки должна быть понятна окружающим, чтобы не быть превратно истолкованным. В отличие от принципа Д. Карнеги: «в любых ситуациях улыбайтесь!», у русских существует пословица: «Смех без причины — признак дурачины». Но когда есть причина и основание, русские люди улыбаются очень широко и смеются от всей души.

По отзывам иностранцев, проживших несколько лет в России и поближе узнавших русских людей, мы предстаём милыми, добрыми, нежными и ласковыми в глубине души.

Польские исследователи русского языка (несмотря на то что польские политики сегодня развернули настоящую русофобию) отмечают, что эмоциональность, нежность, ласковость русской души ярко проявляется в том, что в русском языке (как ни в одном другом) существует 13 уменьшительно-ласкательных суффиксов.

В английском языке, например, существуют лишь два названия зайца — большой и маленький, а в русском языке есть и зайка, и зайчонок, зайчоночек, и зайчишка, и заюшка, и заинька, и зайчонушка. Эти 16 суффиксов русского языка выражают не столько 16 различных смысловых понятий, сколько эмоциональное богатство души русского человека, широкую палитру её оттенков, которая никак не сводится к слову «мрачный».

Но вернёмся к немецким мифам о нас.

Если в начале 20 века в Германии мы изображались, как было отмечено, добрыми и весёлыми, в середине 30-х годов — мрачными и недружелюбными, то к началу 40-х годов, времени подготовки нападения на СССР, мы предстаём уже злобными и жестокими, и от нас надо «спасать» Европу. Тезис этот был совершенно не нов, а заимствован, как мы увидим далее, у другого «спасителя» европейских народов — Наполеона.

К моменту нападения на СССР фашистская идеология о превосходстве арийской расы над представителями других наций — «недочеловеками» — достигла предела отупления собственного народа. Солдаты страны с всеобщим средним образованием (Германия была единственной такой страной в Европе) в первых боях прощупывали под пилотками убитых советских красноармейцев волосы, пытаясь обнаружить там рога, ибо верили, что все русские — дьяволы. Как говорится, куда уж дальше… Современные немцы, хотя больше не употребляют выражения «русишен швайн» (русские свиньи), введённое некогда англичанами, но колеблют-

ся между комплексом вины перед русскими и представлениями о русских дикарях, которых надо учить пользоваться телефоном и унитазом.

Ну что ж! Есть смысл посмотреть на факты, которые расскажут о том, кто действительно ещё совсем недавно (по историческим меркам) был настоящей «швайн» и жил во многом свински, и чему всем европейцам можно было поучиться у русских, чему они многие века завидовали, приезжая в Россию.

Некоторые идеологи западноевропейских государств, имеющих сегодня более высокий уровень жизни, призывают соседей, в том числе и Россию, выйти из тупикового пути развития и «вернуться на большак цивилизации». При этом они «забывают», что их государства, причисляемые к западной модели цивилизации, таковыми стали лишь 100 (некоторые — 150) лет назад. Путь же их к представительной демократии, либеральной экономике, гражданскому обществу и соблюдению прав и свобод личности был отнюдь далеко не блестящим, и, напротив, некоторые отставшие страны, и прежде всего Россия, часто превосходили их в уровне и в качестве жизни. К тому же не стоит забывать, что и материальный уровень жизни, и более либеральные законы о труде, профсоюзах и избирательных правах правящие элиты этих государств осуществили только после переворота в России в 1917 году из-за страха повторения у себя подобных разрушительных катаклизмов.

О «лени» русских

Сопоставим же различные аспекты жизни в средневековой Европе и на Руси, где жили те самые «русские ленивые свиньи», которых так оскорбительно называли в Англии и Германии в 19–20 веках. По всем основным показателям уровня жизни Русь значительно превосходила и эти, и все другие европейские страны.

Немаловажно уже, во что одевались простые люди средневековой России. Их одежда и убранства вызывали изумление и зависть со стороны европейцев, но рассмотрим прежде всего две основополагающие стороны «качества жизни» — питание и гигиену.

Питание на Руси было более разнообразным и богатым, чем в Европе. Об этом свидетельствует такая деталь. В Европе число кушаний было за обедом невелико, и они все подавались на стол сразу, тогда как в России такое было невозможно, так как трапеза здесь состояла в нескольких переменах блюд.

Позже этот обычай переняли в Европе, а затем на Востоке. Описывая эту эволюцию, немецкий автор А. Мед напоминает: любопытны свидетельства путешественников, касающиеся доступности съестного в допетровской России.

«Изобилие в хлебе и мясе так велико здесь, что говядину продают не на вес, а по глазомеру» (венецианец Иосафат Барбаро был в Москве в 1479 году).

«В этой стране нет бедняков, потому что съестные припасы столь дёшевы, что люди выходят на дорогу отыскивать, кому бы их отдать». (Дон Хуан Персидский, секретарь посольства персидского шаха в Испании, перешедший там в католичество, был в России 120 лет спустя — в 1599–1600 годах).

И привычка простолюдинов одеваться «не по чину» также убедительно говорила не о бедности страны (как пишут сегодня всякие борзописцы, в том числе и отечественные), что подтверждается документально требованием Стоглавого Собора 1551 г. с участием Ивана Грозного, чтобы по одежде было видно «кто есть коего чина»: «Ино одеяние воину, ино одеяние тысячнику (выборный старшина от крестьян), ино пятидесятнику (тоже самое); и ино одеяние купцу, и ино златарю (ювелиру), ино железному ковачу (кузнецу), и ино орарю (крестьянину), и ино жёнам, яко же им носити (так же им носить) и глаголемые (называемые) торлопы (укра-

шенные платья или шубы). Их же обычай имеют и причётницы (жёны низших церковнослужителей, псаломщиков, певчих, пономарей и звонарей) носити златом, и бисером, и каменьями украшены и сие неподобно есть».

Отпетые либералы-западники особенно талдычат о лени русского крестьянина, которая объясняет его нищету. А на самом деле? Вот что писал в 19 веке В. Ключевский о типичном малоземельном (всего 1 га) крестьянском дворе в 1630 году (после шестилетней разрухи Смутного времени): «Каждый двор имел 3–4 улья, 2–3 лошади с жеребятами, 1–3 коровы с подтёлками, 3–6 овец, 3–4 свиньи и в клетях 6–10 четвертей (1,26–2,1) куб. м. всякого хлеба».

С совершенно неожиданной стороны освещал уровень благополучия допетровской России Юрий Крижаныч, хорват и католик, проживший у нас во времена царствования Алексея Михайловича (отца Петра 1) 17 лет (с 1659 по 1676) и увидевший значительную часть тогдашнего русского государства — от его западных границ до сибирского Тобольска. Он осуждает — что бы вы думали? — расточительность русского народа и приходит в ужас от этой расточительности простонародья: «Люди даже низшего сословия подбивают соболями целые шапки и целые шубы… даже чёрные люди и крестьяне носят рубахи, шитые золотом и жемчугом… шапки, однорядки и воротники украшают и твезами, шариками, завязками, шнурами из жемчуга, золота и шёлка». И далее автор пишет, что «следовало бы запретить простым людям употреблять шёлк, золотую пряжу и дорогие алые ткани, чтобы боярское сословие отличалось от простых людей. Ибо никогда не гоже, чтобы ничтожный писец ходил в одинаковом платье со знатным боярином, что наигоршие чёрные люди носят шёлковые платья и их жён не отличить от первейших боярынь».

Таким образом, Россия в этих цитатах предстаёт как страна, опередившая самоназванные «цивилизованные страны»

на 300 лет. Сегодня «писца» почти везде в мире стало невозможно отличить по одежде от «боярина». В своём веке Крижаныч таких вольностей в одежде не видел нигде, кроме России, в которой каждый одевался как хотел. В других же странах, даже в «продвинутых» городах-республиках вельможи одевались как вельможи, а простые люди куда как проще и скромнее.

О том, насколько скромнее и своих вельмож, и русских людей самых низших сословий одевались простые люди Европы, можно судить по свидетельству видного французского историка Жуля Мишле. Он, в частности, в 1846 году писал следующее: «Раньше женщины из простого народа лет по десять носили одно и то же синее или чёрное платье, не стирая его из страха, чтобы от частой стирки оно не расползлось».

Конечно, в 19 веке в одежде простых людей России произошли существенные изменения. Крайнее напряжение всех сил страны на протяжении 150 лет (когда Европа начала свой путь к процветанию), начиная с Петра 1, в борьбе за возврат северных русских территорий и выход к Балтийскому морю, отвоевание наших южных и западных земель у Турции, Польши и Литвы привело к истощению почти всех материальных ресурсов и обеднению значительной части российского населения.

Тем не менее, рассуждая (уже во второй половине 19 века) на русском материале о живописной бедности, Теофиль Готье подмечает главное: «Под своим рубищем русский мужик чист телом, в отличие от моделей Риберы и Мурильо». Здесь Готье затронул фактор исключительного значения — фактор гигиенический, по которому русские люди неизмеримо превосходили жителей не только всей Европы, но и многих других регионов, по которому они разительно от них отличались, что сразу «бросалось в глаза». Видимо, не многие знают, что ещё за 250 лет до наблюдения Готье,

Лжедмитрия уличили в том, что он не русский просто по тому, что тот не ходил в баню.

Для русских это была первейшая примета «немца», «ляха» (поляка), «латинянина» (итальянца) и т.д. Не то было в Европе. Во время правления французского короля Людовика 14 (современника Петра 1 и его отца — Алексея Михайловича в 17 веке) придворные дамы непрерывно почёсывались не только из-за клопов и блох. Для такого занятия у дам всегда были с собой специальные чесалки, сделанные обычно из дорогой слоновой кости.

Замечу, что французы этим изобретением опередили японцев, которые, не имея его, вынуждены были мучительно страдать. Так одна знатная японка писала: «Блохи — препротивные существа. Скачут под платьем так, что кажется, оно ходит ходуном». Что уж говорить о придворных дамах, если даже сами царствующие особы не знали ни воды, ни мочалки.

Изабелла Кастильская, королева Испании в 15 веке, за всю жизнь мылась лишь дважды: при рождении и в день свадьбы. Дочь одного французского короля даже заели вши. А о гордом Людовике-Солнце, (Людовике 14), русские послы писали, что «их величество смердит аки дикий зверь».

Но нет худа без добра — чтобы умерить смердящий запах от никогда не мытых тел, были изобретены духи. А как выглядели средневековые улицы в Европе, в том числе в столичных городах? Все отбросы и отходы жизнедеятельности выбрасывались из окон или через специальные отверстия на уровне пола, поэтому горожане обзаводились широкополыми шляпами от опасности сверху и ходулями, чтобы как-то пробраться через потоки нечистот снизу.

Историк Юджин Вебер, изучив эволюцию городского хозяйства Парижа и Лондона, отмечает, что их дома (не в средневековье, а уже в Новом времени) стояли меж зловонных болот. У порогов гнили отбросы, здания утопали в них

всё глубже и глубже. Париж стоял на выгребных ямах, они источали миазмы и зловоние. Профессия мусорщика, говорит Вебер, появилась лишь в конце 18 века.

В 19 веке бытовой мусор, вперемешку с требухой, испражнениями и падалью сваливали в тянувшиеся вдоль улиц открытые сточные канавы. Туда же выбрасывали трупы недоношенных младенцев. Ещё в конце 19 (девятнадцатого!) века префекты Парижа издавали циркуляр за циркуляром, предписывавших обязательное захоронение мёртвого плода. Трупы младенцев выбрасывали в канавы, реки, оставляли в общественных уборных, а после 1900(!) года — в коридорах метро, ибо за самые дешёвые похороны надо было отдать пятидневную зарплату.

Сточные канавы напоминали овраги, во время ливней по ним с ревом неслись грязевые потоки и вплоть до 19 века бедняки промышляли тем, что помогали своим богатым согражданам одолевать эти препятствия, переводя их за небольшую плату по шатким самодельным мосткам. Из канав, помои стекали без всякого отстоя прямо в Сену.

Нестерпимое зловоние даже в районе Лувра вынудило королей переселиться в Тюильри, но и там вонь была ненамного меньше.

Париж не был исключением. Такова была городская жизнь во всех странах, которые у нас сейчас ласково зовут «цивилизованными», имея в виду, что таковыми они были всегда и с блеском и бодростью маршировали «по большаку».

Как подчёркивает Вебер, «Англию антисанитария терзала веками», причём чопорные англичане вполне сжились с ней, о чём свидетельствует их поговорка, которую приводит Вебер: «Где грязь, там и карась».

При этом верхушка королевского общества страдала от антисанитарии не меньше, чем простой люд.

Жители королевского Виндзорского замка постоянно болели «гнилостными лихорадками», ставшими причиной

преждевременной смерти очень многих (включая принца Альберта, мужа королевы Виктории (1819–1901).

Никто не станет спорить о том, что города на Руси вплоть до 19 века, а малые пункты и позже были довольно грязными. Но в отличие от скученных европейских городов, Москва (как и другие русские города) была «большой деревней» с просторным расположением домов, каждый из которых имел колодец с чистой водой и баню. А много ли мог потреблять качественной воды для питья, не говоря уже о мытье простой народ в городах западной Европы, где общественные колодцы до появления водопровода были лишь на некоторых площадях (вдобавок из этих колодцев вечно вылавливали трупы кошек и крыс).

О русской бане

Не удивительно поэтому, что западные жители всегда презирали русских варваров за то, что те пристрастились к дикому обычаю не только мыться в бане, но и подвергать себя самоистязанию в парилке и избиению распаренного тела вениками. Они до сих пор не могут понять пользы от этой процедуры.

Одна англичанка купила в России банный веник, решив, что это что-то вроде лаврового листа, и долгое время благополучно клала берёзовые листочки в суп.

Русская парилка до сих пор повергает в ужас изнеженных англичан и немцев, особенно окатывание себя холодной водой, прыганье после парилки в ледяную реку или барахтанье в снегу. Только по поговорке «Что русскому здорово, то немцу — смерть».

А между тем, и современная медицина соглашается, что наша баня излечивает от множества хворей. Целебное воздействие её на организм неоспоримо. Но когда мы говорим «в здоровом теле — здоровый дух», мы должны иметь в виду, что и сам дух и во время банной процедуры, и после

неё укрепляется, возрастает позитивное настроение. Это видно по распаренной блаженной физиономии даже городского жителя, идущего с веником под мышкой из бани.

А что уж говорить о сельских жителях! Даже сам процесс подготовки бани — принесение воды, отбор и колка дров, распаривание душистого веника — всё это сродни священнодействию, не говоря уже о неторопливой дружеской беседе за чаепитием с морсом или с берёзовым соком после парилки… всё это ведёт не только к закалке, но и повышению иммунитета.

Наша баня старше даже нашей исторической памяти. Геродот в 5 веке до Рождества Христова (Р.Х.), упоминает о жителях степей, паривших в хижинах, поливавших воду на раскалённые камни.

Предания, вошедшие в русские летописи, говорят о наличии бань у новгородцев во время Легендарного путешествия апостола Андрея к славянам в 1 веке по Р.Х.

Общеизвестны изумлённые рассказы арабских путешественников 8–9 вв. на ту же тему. Существуют упоминания о банях Киевской Руси, начиная с времён княгини Ольги, которая велит приготовить баню древлянским послам.

Южные славяне и белорусы предпочитали мыться в печах. Малороссы же (украинцы) бани не знали и мыться не любили, как указывают этнографические источники 19 века. И этот факт очень подкрепляет уверенность тех, кто считает их пришлым населением с Запада (не имевшего бань), выходцами с Карпат, постепенно заселившими обезлюдевшие после ордынского нашествия земли Киевской Руси, к которой малороссы не имеют никакого отношения ибо это было древнерусское государство.

В Европе народ оставался немытым и это обошлось континенту очень дорого. Страшная чума («чёрная смерть») 1347–1353 годов заставила Англию и Францию даже на время остановить военные действия и заключить перемирие в

Столетней войне, которую они с бульдожьим упорством вели между собой не сто, а 116 лет. Франция потеряла от этой чумы треть населения, Англия, Италия и многие другие страны Европы — до половины, а в процветавшей Флоренции до 80%.

Историки констатируют, что великая чума, явившись из Китая и Индии и обойдя всю Западную и Центральную Европу, остановилась где-то в Польше. Да не «где-то», а на границе Великого княжества Литовского (где население состояло на 90% из русских, в связи с чем его называли Литовской Русью), то есть на границе распространения бани, а ещё точнее на стыке наличия и отсутствия гигиены.

Отголоски чумы точечно проникли тогда и в некоторые русские города, особенно посещаемые иностранцами (привозившими «чёрную смерть»), но размах бедствия был среди русских (а также среди финнов, ещё одного «банного» народа) несопоставим с тем, что пережили наши западные соседи.

Даже самые тяжкие чумные моры русской истории, особенно в 1603, 1655 и 1770 годах, ни разу не стали причиной ощутимого демографического урона для страны. Шведский дипломат Пстрей Эрлезунда отмечал в своём труде о «Московском государстве», что «моровая язва» чаще появляется на его границах, чем во внутренних областях.

По свидетельству английского врача Самюэля Коллинса, путешествовавшего в России 9 лет, когда в 1655 году в Смоленске появилась «моровая язва», «все были изумлены, тем более, что никто не помнил ничего подобного.

Подытоживая два века этнографических наблюдений в России, Зеленин констатировал, что из всех восточных славян «самой большой и даже болезненной чистоплотностью отличаются северорусские», снижаясь к югу, в места более позднего смешанно-русского заселения.

Именно в северорусских областях был культ чистого тела и святого отношения к водным процедурам, и в первую очередь к бане, которая явилась мощным средством профи-

лактики многих болезней и недугов. О бане русские люди сложили множество пословиц и поговорок. Приведу лишь некоторые из них, которые ярко свидетельствуют о великом уважении этого атрибута жизни со стороны простых людей. Они ставят её на такое же почётное место, как …мать, по существу уравнивает их. «Когда б не баня, все б мы пропали. Баня — мать вторая. Баня — мать родная». «Баня парит, баня правит. Баня всё поправит». «Без бани бурлак пропадёт. Помни день субботний — иди в баню». У солдат была своя поговорка: «Бессрочную амуничку побелить (в баню сходить, тело помыть)» и т.д.

Важную роль для профилактики здоровья имело и другое изобретение наших людей — русская печь с широкой лежанкой в её верхней части. Спать на печи было очень комфортно и полезно — осуществлялась профилактика многих заболеваний — простуда, ревматизм, простатит и других, связанных с переохлаждением, прежде всего.

Всё это благотворно сказывалось на здоровье и жизни русских людей. Об этом говорит и статистика — за три века с 1500 до 1796 года число только великороссов (без малороссов и белорусов) возросло в 4 раза (с 5 до 20 млн), тогда как французов — лишь на 80% (с 15,5 до 28 млн), а итальянцев — на 64 % (с 11 до 17 млн).

Видимо, можно дальше не продолжать. Совершенно очевидно, что при всех возможных (и законных) оговорках, и уровень, и качество жизни простых людей Руси-России, до промышленной революции (конец 18 – начало 19 веков) были выше, чем в странах Запада.

Посланник римского императора Леопольда Лизек Адольф писал в 1675 году, что русский простой народ «в делах торговых хитёр и оборотлив, презирает всё иностранное, а всё своё считает превосходным». Ему вторит генерал Патрик Гордон, проведший на русской службе 38 лет (с 1661 по 1699). В своём дневнике он находит русских надменны-

ми (INSOLENT), высокомерными (OVERWEENING) и «ценящими себя выше всех народов».

Почти дословно того же мнения и австрийский посол барон Августин Мейерберг, называвший русских «высокомерными от природы» и ставящими себя «в любых смыслах превыше всего на земле». И этот настрой от века к веку менялся мало. Он преобладал даже в 19 веке, хотя его немного поколебало поражение нашей страны в Крымской войне 1853–1855 против ведущих европейских государств.

Несмотря на это, проведённое обследование показало, что в народе существовало глубокое убеждение в непобедимости России. В конце 19 века русские люди совершают небывалый подвиг в истории, проведя через множество рек и гор через непроходимую тайгу, в суровые морозы, жару великую Транссибирскую железную дорогу длиной более 9 тысяч километров. Трудно представить, но совершено это великое деяние всего за 10 лет (1891–1901). Это было абсолютно выдающееся достижение, сопоставимое по своей трудности с высадкой человека на луну. Оно вызвало восхищение во всём мире и законную гордость русских людей, ибо второго такого широтного пересечения Азии нет до сих пор, хотя проектов существовало предостаточно. Трансиб укреплял веру народа в его великие созидательные возможности, а также чувство гордости за Россию.

И в социальном отношении Россия вовсе не была отсталой, а во многих аспектах ушла вперёд. Несравнимы, например, данные о личных свободах граждан в России и странах Европы и США, не только в средневековье, но даже и в 19 веке.

Возьмём для примера Великобританию, которая особенно кичится тем, что она как сама считает, родоначальница парламентаризма и обеспеченных гражданских свобод (мы далее увидим, что первая законодательная демократическая власть появилась в России — в Новгороде). Обратимся к истории.

О свободах в Англии

С конца 18 века неофициальным гимном Англии являлась песня «Правь, Британия, морями», в которой с особенным чувством пелись слова: «Никогда, никогда, никогда англичанин не будет рабом».

У Куприна в «Гамбринусе» показано, как гордо англичане поют этот народный гимн, демонстрируя, какие они свободные, независимые и самостоятельные. Как высоко ценят каждую личность в их замечательной стране.

Однако, и в 17, и в 18, и даже в 19 веках англичан продавали. Да! Продавали в рабство, причём вполне официально, по закону. Но при этом англичане с пренебрежением относились к крепостному праву в Пруссии, в Польше и в России, осуждали его как варварство. И плантационное рабство в США тоже осуждали как дикое занятие, недостойное джентльмена. И в то же время торговали неграми, скупая их в Африке и продавая в Америке рабовладельцам — плантаторам.

В 1800 году доходы англичан от работорговли превысили 100 тысяч фунтов стерлингов, что на 20% превысило доход королевской семьи, состояние которой составляло 2 миллиона, принося ежегодный доход в 80 тысяч фунтов. Джентльмены «Ост-Индской» компании в одном только 1830 году извлекли дохода от участия в работорговле на 500 тысяч фунтов. А служили в компании порядка 3000 офицеров. Причём их офицерский патент признавался Британским государством.

С «варварской» Россией англичане прекрасно торговали, а в войне с наполеоновской армией не считали постыдным быть её союзником.

Самое поразительное, что и самих англичан свободно и официально продавали в рабство вплоть до середины 19 века и писали об этом британцы совершенно открыто. Главный герой романа Стивенсона был продан в рабство в

Америку своим дядюшкой, желавшим присвоить имение племянника.

Вы думаете это художественные фантазии известного английского писателя? Отнюдь! Уже первым колониям в Америке не хватало рабочих рук для уничтожения первобытных лесов и превращения их в плантации табака и сахарного тростника. В 1619 году в Джеймстаун (современный штат Виргиния) ввезли из Англии 20 белых рабов и 90 женщин — в жёны колонистам. За каждую «голову» колония заплатила по 120 фунтов отменного виргинского табака.

Колонисты за жён тоже платили деньги или отрабатывали. Эта живая собственность потом венчалась в церкви, оставаясь собственностью того, кто её купил. И когда на колонию обрушился голод, один из колонистов свою жену съел. Убил и ел, а чтобы мясо не испортилось, часть его засолил, а часть закоптил. Любая фантазия писателя отдыхает!...

Весьма характерно, что современники вовсе не считали его поступок противоправным — хочу люблю, хочу ем, — священное право частной собственности! Более того, некоторые современники даже изволили шутить по этому поводу. Так, один шутник писал, что «хотя сегодня это блюдо можно приготовить гораздо лучше, я что-то не слышал, чтобы кто-то ещё предлагал попробовать жену в солёном соусе».

Мы тоже не слышали, чтобы в России помещик ел своих крепостных. Помещица «Салтычиха» (Д.Н. Салтыкова) в 18 веке, уличённая в бесчеловечном отношении к своим крестьянам, была приговорена к смертной казни, заменённой ей, как женщине и дворянке, пожизненным заключением в тюрьме с пометкой в указе Екатерины Второй «Урод — рода человеческого».

Тут, как говорится, не пахнет шуточками. Тем не менее в глазах английских политологов Россия до середины 19 века — это варварская страна с крепостным правом, хотя в год его отмены (1861) крепостных-то оставалось, как я от-

мечал, лишь 18%, а не 65%, как рабов в США, отменивших рабство позже России. Сами же англичане своих соотечественников и после упомянутого случая каннибальства продолжали продавать. Последних же белых рабов ввезли из «благопристойной» Англии в Америку в 1774 году. Их было немного — всего 35 человек. Но зато великое множество людей, ставших первыми жителями Австралии, было ввезено из Британии в качестве фактических рабов под видом «уголовников», большинство которых таковыми, по существу, не являлись. «Каторжниками» становились люди, по нашим понятиям, никак не подпадавшие под уголовный кодекс. По нему в Великобритании 215 статей присуждали смертную казнь. (В России лишь по 68 статьям). Смертью карались за хищение растений из чужого сада (сорвал цветок — и на виселицу!), блуд с сестрой жены священника, богохульство, оскорбление членов королевской фамилии, даже тридцатиюродного родственника короля, самовольное перенесение дорожных знаков, подача неправильных знаков идущему в море судну, попытка(!) кражи чужой лошади, помеха в движении королевского чиновника, повреждение чужого коровника, отказ оплатить налог на строительство дорог, самовольное возвращение из ссылки и т.д. и т.п. — всего 215 статей.

И верхом этого «правосудия», каравшего смертью, была кара за хищение любой собственности на сумму больше 6 пенсов (пенс — мелкая бронзовая монета до 1971 года равная 1/240 фунтов стерлинга).

Известен случай, когда в конце 18 века боевой английский офицер отправил свою дочку домой, но пока она плыла на корабле, её тётка умерла. Пойти ей было некуда, и она три дня голодная бродила по Лондону вместе с двумя другими девочками. Спасаясь от голодной смерти, они украли шаль у одной богатой старухи, так как не видели другого выхода. Всё это они объяснили судье, но его остановило от

смертного приговора только одно: шаль старухи стоила всего 11 пенсов. Значит на каждую преступницу приходилось менее 6 пенсов. Поэтому их не смогли казнить, но можно «только» сослать навечно в Австралию.

В Австралию сослали и парня, который похитил овцу: умирающий отец просил бульон, но денег на мясо не было ни пенса. За это его приговорили к 100 ударам плетью и к смертной казни. Затем заменили наказание ссылкой в Австралию без права возвращения в Англию. Пока парень сидел в тюрьме отец скончался, так и не дождавшись бульона.

Эти истории с девушкой и парнем стали известны, поскольку эта пара якобы «каторжников» вошла в историю как организаторы массового побега в 1789 году в результате захвата морского судна, на котором они прошли около 3 тысяч километров вдоль восточного побережья Австралии.

Тем, кому смертную казнь заменили на ссылку в Австралию, везли в кандалах на край света. Первые колонии в Австралии создавались именно так называемыми «каторжниками». Сидней, например, в 1781 году и был основан такой колонией. В том году на австралийский берег сошло около тысячи «преступников». А общее их число составило со временем более 30 тысяч. Все они бесплатно работали на английскую корону — кто 10, кто — 20 лет. Все они могли быть проданы официально фермерам или на рудники по сходной цене. Английская корона давала и рассрочку на год или даже на два для уплаты ссыльными назначенного штрафа, выплатить который чаще всего было невозможно и большинство из них попадало в рабство. Кто же они были, если не рабы? После окончания срока у проданных в рабство чаще всего не было уплаченных за него 40 фунтов, как и возможности вернуться на родину, в Англию.

До 1861 года (отмена крепостного права в России) крепостные крестьяне составляли только 18 % от общего населения страны. В то время на юге США до 1865 года основ-

ную массу населения составляли рабы, причём самые что ни на есть натуральные, которых продавали почём зря и с семьями, и без.

В России же продавать врозь членов семьи было запрещено, потому что крепостные крестьяне никогда не были полными холопами. Именно поэтому они, чувствуя себя гражданами Отечества, проявили массовый героизм и жертвенность во время войны с Наполеоном в 1812 году. Они не только прятали и уничтожали фураж, необходимый для французской конницы, но даже поджигали свои собственные дома, чтобы ими не воспользовался враг, и уходили в партизанские отряды уничтожать неприятеля. Один из таких отрядов возглавила даже женщина — крестьянка по имени Василиса. Так что ни англичанам, ни, тем более, американцам, не пристало разглагольствовать о варварстве и крепостничестве в России. Добавим при этом, что в отличие от английских крестьян, подвергшихся в 16–19 вв. жесточайшей пауперизации (абсолютному обнищанию), и американских негров, не имевших никаких собственных средств и перспектив после освобождения, русские крепостные владели нажитым имуществом и многие заняли очень видное положение в различных сферах государства. Воронин — стал гениальным архитектором, создав всемирно известный Казанский собор в Санкт-Петербурге, Гучков — банкир, председатель Государственной Думы, был лидером одной из правительственных партий, а Милюков — лидером партии кадетов, министром иностранных дел в 1917 году.

Известно и много других видных деятелей России, вышедших из семей крепостных крестьян. Авторитет России в мире был довольно высок. Об этом говорит и иммиграция в Россию. Уже при Екатерине Второй въехало 100 тысяч немцев, а с 1828 по 1915 — аж 4,2 млн иностранцев, в том числе из Германии — 1,5 млн, из Австро-Венгрии — 0,8 млн. К 1914 году Россия была вторым (после США) мировым центром

иммиграции — впереди Канады, Аргентины, Бразилии и Австралии. Многие великие граждане других стран с большим уважением и даже восхищением относились к России. Среди них: Ф.Ницше, О.Шпенглер, Т.Манн и другие. Выдающийся австро-немецкий поэт и мыслитель Рильке Р.М., живший в разные годы в Праге, Берлине, Париже, в городах Швейцарии, совершивший 2 паломничества в Россию в 1899 г. и 1900 г., писал: «То, что Россия — моя родина, есть одна из великих и таинственных данностей моей жизни».

И сегодня прогрессивные люди прежде всего Европы испытывают к россиянам уважение, а также, глубокое удовлетворение от того, что переход России к демократии от тоталитарного государства, перегруженного химическим и ядерным оружием, осуществился без гражданской войны, которая могла привести мир к всеобщей катастрофе. Этот факт заслуживает в глазах всех честных людей тем большее уважение, если учесть, что такие страны, как Германия, Италия, Япония, кичащиеся своей демократией, получили её не своими усилиями и жертвами, как Россия, (или, например, Португалия и Испания), а из рук иностранных армий — победительниц во Второй мировой войне.

Рассмотрим, почему же несмотря на всё это, оказываются живучи исторические чёрные мифы о России и откуда они возникли.

О «пьянстве» на Руси

Первые же, и притом самые негативные, отклики о Руси, о русском народе и созданные на их основе чёрные мифы о нас исходили от католиков. Почему от них?

Ватикан, несколько веков находившийся в распре с православной Византией, оспаривая своё верховенство после её падения, переключился на Россию, ставшую центром мирового православия. Почему Запад не спас Византию, не пришёл ей на помощь в борьбе с турками? Потому что

и Папа Римский, и все государи Европы жаждали полного и повсеместного господства католицизма. Естественно, что Ватикан стал очень стремиться к унии(союзу) с Русью, правда на неравноправной основе — полного подчинения православной церкви, перехода православия в католицизм.

С этой целью предложили — сначала Ивану 3, а затем Ивану 4 (позже ими названному Грозным) — королевское звание. Но так как русский царский двор сохранял верность православию, в Россию поочерёдно стали направляться папские группы миссионеров, призванных склонить страну к католической вере.

Когда же посланникам Папы Римского не удалось это осуществить, то они, стремясь оправдать свою неудачу, понапридумывали разные мифы о дикости, пьянстве и жестокости русских.

Папский нунций Альберто Кампенезе в 16 веке докладывал в Ватикане о посещении Руси в чёрных красках: русские де не умеют и не любят работать, они лживы и вечно пьяны. И тут же разоблачает себя, отмечая, что у русских «почему-то в стране полное изобилие товаров, продовольствия, золотых и серебряных денег, и всего этого гораздо больше, чем в других странах». Вот именно — почему, спрашивается? Далее, также опровергая свой тезис о лживости русских, о их приверженности языческим обрядам, он пишет о высоком уровне бытовой морали и честности русских в делах. А иначе бы не ехали в Московию со всех концов Европы покупатели, «которые ежегодно привозят множество денег за товары, которые для москвитян не имеют почти никакой ценности, но весьма дорого стоят в наших краях».

Если мы ленивы, откуда у нас столько товаров, за которые привозили европейцы «множество денег»? А если мы горькие пьяницы, то как это сочеталось с тем, что у нас «высокий уровень бытовой морали и честность в делах».

Тем не менее, эти басни католических миссионеров о вечном пьянстве на Руси охотно были подхвачены и продолжают муссироваться по сей день. А как же было и есть на самом деле?

Виноделие в Европе, как известно, возникло не на Руси, а в Греции и Риме, где впервые начали перегонять виноград на спиртное. Постепенно здесь вино стало непреложным напитком. Уже в средневековье поклонения Бахусу во многом перешло в самое настоящее пьянство. Так в начале 16 века глава протестантов М. Лютер писал, что «Европа полностью зачумлена пьянством? И никакие наши проповеди не помогают».

В 17 веке в Европе получили широкое распространение очень крепкие напитки: во Франции — коньяк, в Шотландии и Ирландии — виски, а в Англии, Нидерландах и Германии — джин, привлекавшей особо низкой ценой и высоким градусом. Правительства пытались бороться с беспробудным пьянством своих народов, издавали законы и указы по ограничению спиртного. Так, король Англии Яков 1 издавал их трижды за 7 лет (в 1603, 1607, 1610 годах). Но они не действовали.

Сохранились воспоминания современников — в большом употреблении были следующие афиши на пабах: «Простое опьянение — пенс, мертвецкое — два пенса и солома даром».

«В королевстве пьянство приняло размеры возмутительные — в пабах давка постоянно. Пьянство — это мода, и каждый ей честь оказывает, непьющий не считается джентльменом», — писал доктор Бартон, осуждавший алкоголизм.

«В Лондоне появились целые улицы, где нельзя было встретить ни одного трезвого человека. На знаменитой гравюре Уильяма Хогарта воспроизведена одна из пьяных лондонских улиц того времени, где народ лежит вповалку».

Когда же правительство, поощрявшее пьянство, опомнилось и повысило (в 1743) налог на алкоголь, в крупнейших городах разыгрались кровавые мятежи.

Поэтому не случайно к концу 18 века именно британцы, а вовсе не русские, считались самыми большими пьяницами. В США начали борьбу за трезвость уже в 18 веке, которая привела к введению сухого закона, повлекшего за собой криминальные алкогольные войны в 1924–1936 годах.

Воистину правы политологи, замечая, что «у политики двойных стандартов (процветающей сегодня в Европе и США) очень глубокие корни». Утверждение 17 века о том, что «русские пьют больше всех в мире» было таким образом грязной ложью, которая таковой остаётся и в наше время.

Безусловно, частично добавил красок в эту чёрную картину и наш царь Пётр 1. Он не знал меры ни в чём, ни в труде, ни в самопожертвовании, ни в необузданном разгуле, который он использовал в противостоянии с Церковью и старыми традициями народа. Характерно, что основным местом буйных увеселений молодого царя была немецкая Слобода в Москве, где жили немецкие торговцы и ремесленники, отличавшиеся поголовным пьянством. У москвичей даже была про них пословица: «Пьяница — что немец». В то же время он осуждал пьянство и учредил восьмикилограммовую чугунную медаль, которую вешали на шею алкоголиков и не снимали её, пока они не исправятся.

В Финляндии также был принят сухой закон в 1901 году. Он повлёк за собой резкий рост контрабанды и самогоноварения и в результате был отменён в 1931 году.

А как же было исстари на Руси? У славян никогда не было бога вина в отличие от Греции и Рима. В былинах никогда не упоминаются напившиеся люди, как в эпосе других европейских народов. Единственное исключение об этом мы найдём лишь в сказании о Садко. Но он происходил из Новгорода — самого европейского города Руси, где часто пировали заморские купцы.

До 15 века в укладе и культуре русских людей водке не было места.

В России до 14 века вообще не знали водки (её завезли после 14 века итальянцы), а русские люди пили такие малоалкогольные напитки, как берёзовица (берёзовый сок), медовуха, сладкий сбитень, брага и пиво — крепость их не превышала 7–8 градусов. В 14 веке генуэзские купцы пытались приобщить Русь к алкоголю. Но эти попытки оказались безуспешны.

Русь лишь с 15 века начинает приобщаться к алкоголю. И то очень умеренно. Вводится ограничение не только потребления водки, но и менее крепких напитков. Об этом прямо пишет такой известный недоброжелатель России как Сигизмунд Герберштейн (1517–1527): «Русским, за исключением нескольких дней в году, запрещено пить мёд и пиво».

А не менее недружелюбный Михаил Литвин в 1550 году указывает на, казалось бы, невозможное (учитывая все европейские небылицы о повальном русском пьянстве): «В Московии же (в Московском государстве!) нигде нет кабаков». Появились же они (назывались «корчмы») не снизу, не от народа и частных инициатив, а как «кормление» воевод, назначаемых царём управителями городов. Таким образом, алкоголь внедрялся сверху, самим государством, его монопольным правом. Само государство начало спаивать народ. Правда, в столице разрешалось пить только по праздникам.

Корчмы превратились в кабаки (по-татарски в постоялые дворы) со спиртным. И вначале по требованию духовенства и народа их уничтожали порой, но постепенно и само духовенство (в том числе и монастыри) стало промышлять продажей алкоголя и кабаки распространились.

За 16–17 века народ с помощью самого государства, постепенно отвыкая от мёда (медовухи) и пива, привыкал к водке. Правда, правительство хотя своей политикой и положило начало пьянству, но всё же стремилось его ограничить. Так при Алексее Михайловиче (отце Петра 1) на город

разрешалось иметь лишь одно питейное заведение. В целом в России пили гораздо меньше, чем в Европе.

Известный публицист 19 века А.Н. Энгельгардт писал: «Начитавшись в газетах о необыкновенном развитии у нас пьянства, я был удивлён той трезвостью, которую увидал в наших деревнях. Всё, что пишется в газетах о непомерном пьянстве, пишется корреспондентами, преимущественно чиновниками, из городов».

После развала СССР из-за резкого слома всего привычного уклада в жизни — экономики, идеологии, социальных статусов, огромной инфляции и девальвации профессий, вопиющего социального неравенства рождалось у россиян чувство униженности, подавленности, ненужности и часто безысходности. Если добавить к этому оголтелую массированную западную рекламу спиртного и пива, то становится понятным резкий рост алкоголизма в 90-ые годы и до 21 века. Тем не менее, если сравнивать реальную ситуацию с алкогольной проблемой в России и на Западе, то мы увидим картину обратную тому, что пишут западные политологи.

Сегодня, согласно статистике, европейские страны намного превосходят Россию по потреблению алкоголя. Так, россияне в среднем на человека потребляют 6,5 литров в год, в то время как французы 55,4 литра, португальцы 52,6 литра, а итальянцы 51,1 литра. Алкоголизм и пьянство сегодня проблема всеобщая, международная, причём даже в странах, исповедующих ислам, индуизм, таких как Индия и Филиппины.

Во Франции, как известно, после второй мировой войны в 40-х годах правительству пришлось принимать специальную программу по борьбе с алкоголизмом молодёжи, особенно подростков, из-за которого рождение уродов и умственно отсталых детей приобрело характер национального бедствия.

В 60-х годах прошлого века властям Финляндии пришлось вводить «сухой закон», и финны на тысячах автобусах приезжали в Россию и напивались «до чёртиков» и вели себя при этом совсем неподобающе.

В Британии сегодня каждая пятая женщина выпивает «на потенциально опасном уровне», а у многих женщин 30-40 лет обнаруживают цирроз печени.

Немалые проблемы создаёт алкоголизм и в США, где за 10 лет погибло 250 тысяч человек по вине пьяных водителей. Это в 6 раз больше, чем за 10 лет войны США во Вьетнаме.

Известен «пивной алкоголизм» и среди «добропорядочных и аккуратных» немецких бюргеров. В целом по официальным данным ЕС от последствий злоупотребления алкоголем ежегодно умирают почти 200 тысяч европейцев. Но стереотип и миф о русских, как самой пьющей нации, до сих пор живуч, хотя Россия стоит по уровню потребления алкоголя на душу лишь на 20 месте в мире.

А по свидетельству исследования ROMIR MONITORING более трети россиян (37%) вообще не пьют водку. Не является угрожающим, как в ряде других стран, и проблема женского алкоголизма в России. Тем не менее миф о нашей стране как самой пьющей остаётся непоколебимым. К сожалению, этот миф, как и другие противоречивые в своей основе бытовые басни 16–17 веков, стал базой для многих уже политически ориентированных мифов в 18–20 веках. Почему именно в это время? Да потому что Россия до 18 века не являлась конкурентом Западу. Хотя если смотреть глубже, то уже в 16 веке (после покорения Пскова царю), с момента создания централизованного Российского государства, Московия становится и экономическим, и политическим, и геостратегическим конкурентом Европе. Именно с этого времени Россию начинают опасаться, а некоторые бояться, как конкурента на уровне противника, и применять против

неё некорректные меры, и прежде всего политические чёрные мифы.

Россия, завоевавшая огромные пространства за счёт разгрома Казанского Ногайского Астраханского ханств (осколков Золотой орды), осуществлявших постоянные набеги на её границы, и открывшая себе путь к освоению новых огромных территорий за Волгой и Уралом, стала вызывать опасение, как потенциальный серьёзный конкурент, с которым надо вести борьбу, пока он не превратился в реального политического и экономического конкурента.

Начинается всегда эта борьба с идеологического противостояния, через стремление опорочить, унизить, опозорить будущего противника, ослабив его, тем самым подготовив почву для разложения изнутри и умалив возможности по внешней политике.

За идеологической ширмой обычно подготавливается экономическая, а затем и военная экспансия, которая в Европе началась с крестовых походов, в том числе даже против своих же христиан, если они являются конкурентами, — так был разгромлен Константинополь, уничтожена Византия.

Уже в 16 веке в след за идеологическими нападками на Россию последовали не только жёсткие, но даже жестокие практические меры экономического противодействия её развитию. Так, когда по заданию Ивана Грозного послу Гансу Шлитте привезти из Европы мастеров различного профиля для создания многих отраслей и производств было набрано 123 специалиста, то по просьбе Ливонского ордена их всех на границе задержали и посадили на 5 лет в тюрьму. Когда же один из них, Мейстер Ганс, освободившись, всё же попытался пробраться в Россию, то был казнён. Эта история была типична для того времени. В ней отчётливо виден страх перед предстоящим возрастанием экономической мощи России. Причём это очень напоминает историю пресловутой поправки Джексона Веника, которая многие

десятилетия сдерживала торговое и техническое сотрудничество СССР и США.

После развала СССР в 1991 году Вашингтон стал считать Россию придаточным государством. При Ельцине, по воспоминанию профессора Гуськовой (специалист по Балканам), один натовский адмирал на международной конференции (причём в Москве!) нагло и безапелляционно заявил: «Мы (НАТО И США) разделим Россию на зоны влияния — Восточной Сибирью будет управлять Япония, Западной — США, Европейской частью России — Европа, югом России — Турция». Таким образом был чётко и неприкрыто обозначен курс на закрепление нашей страны в качестве сырьевого придатка Европы и США.

В начале изложения адмиралом этого курса все участники конференции улыбались, посчитав его тезис просто за шутку. Но, увидев всю серьёзность излагаемого адмиралом, многие, в том числе представители Европы, испытали явное смущение и даже шок от такой откровенности.

Но начало этой бесцеремонной агрессивности, как мы уже отмечали, лежит в создании чёрных политических мифов о России, и особенно популярных из них мифов о жестокости и агрессивности русских.

О «жестокости» русских

Жестокостью русских западные политтехнологи извечно пугали соседей России и самих себя, заявляя, что жестокость как бы в крови у русских, что они деспотичны и жестоки по своей натуре, по своему характеру. На этом основывалось множество лживых мифов о жестокости русских людей. И эти мифы использовались в оправдании агрессии против России.

Наполеон в объяснение своего нападения на Россию в 1812 году распространял по Европе тезис, что он идёт на Россию, чтобы «защитить Европу от жестоких русских».

И нападение гитлеровской Германии на СССР обосновывалось в Европе почти таким же образом: «Гитлер решил спасти европейцев от жестоких русских большевиков».

На самом же деле крови русских пролито несравнимо меньше, чем других народов, мы гораздо добрее, терпеливее и снисходительнее, чем о нас пишут. Русские люди от природы обладают мягкой, добродушной и отзывчивой натурой. Одним из подтверждений этого может служить такой, например, общеизвестный факт. Когда закоренелые разбойники, как правило беглые каторжане, нападали на Сибирские санные золотые обозы или на царскую почту, они никогда не убивали обозников и почтовиков, а довозили их до какого-нибудь жилья, чтобы те не замёрзли в тайге, а золотом они позволяли себе воспользоваться только после третьего чистосердечного покаяния. Сравните с описанием нравов, царивших в США в период золотых «лихорадок» среди золотоискателей, бывших не беглыми каторжанами, а вроде бы обычными людьми.

Наша отечественная история гораздо менее жестока и кровопролитна, чем история Европы и США. Она отличается в сравнении с этими странами именно немногочисленностью кровавых процессов вообще и смертных казней в частности. Смертные приговоры в России в отличие от европейских государств выносились крайне редко и подписывались только лично царём. В Англии же к смерти приговаривали даже на муниципальном уровне. В России совершалось гораздо меньше жестокостей, чем в Европе. Во многом это объясняется различием их исторических условий.

Известно, что германские племена, победившие Рим и господствовавшие в Европе в раннем средневековье, унаследовали немало принципов рабовладельческого строя и прежде всего его главный принцип — «право сильного», или что дозволено Юпитеру, не дозволено быку. Тех, кто не соблюдал «право сильного», подвергали самым жестоким

наказаниям. И хотя церковь, сама организовавшая несколько кровопролитных крестовых походов, затем уже стала пытаться в какой-то мере смягчать нравы людей, но жестокость в средневековой Европе процветала махровым цветом, она вошла в плоть и кровь общества, что ярко отразилось в народном эпосе.

«Саги севера», «Песнь о Роланде», «Песнь о Нибелунгах» отразили войны, в которых изобилует жестокость, потоками льётся кровь. При этом в «Песне о Нибелунгах» в кровавых сценах участвуют и женщины, которые беспощадно отрубают головы младенцам. В русских же былинах никогда нельзя встретить тени подобного описания жестокостей. У Руси, как известно, не было никакого наследия рабовладельческой эпохи. Фашизм, как известно, широко использовал древнегерманский эпос, их символику в своих идеологических целях. Это легко понять, потому что пафос германского эпоса — захват, а лейтмотив же русского эпоса — объединение и защита. Поэтому русские богатыри добрее рыцарей.

В русских народных сказаниях нет описания крови и злобных героев — враги изображаются лишь в обобщённом виде. И совершенно отсутствует тема религиозной войны, поскольку Русь такой войны никогда не знала.

Между тем в Европе такие войны, приносившие неизмеримые страдания населению, носили необыкновенно жестокий в своей беспощадности характер. Так, в 1209 году, при штурме Иерусалима рыцарям было сказано: «Убивайте всех без разбору, своих Бог узнает». И было убито 70 тысяч человек.

В целом же в религиозных войнах «всех против всех», длившихся в Европе целых 700 лет (с 6 по 13 века) под знаменем «Икона и топор» погибли многие миллионы верующих.

Только в одной 30-летней войне 17 века между католиками и протестантами погибло в сражениях и от голода, вы-

званного этой войной, более 8 млн человек. А положение живых было не лучше, чем мёртвых, ибо они ужасно страдали от чудовищного голода, приобретшего такие масштабы, что возникла торговля человеческим мясом.

Как ни удивительно, но такая жестокость обосновывалась отцами католической церкви. Фома Аквинский, в частности, прославлял жестокость в форме здравого смысла: «Если так происходило, значит так надо. Иначе было бы хуже».

Истоки жестокого обращения с протестующими также восходят к рабовладельческому Риму, который распял на крестах 6 тысяч участников восстания Спартака (до Спартака на виселицах уже побывало 60 тысяч участников Сицилийского восстания рабов), а в целом уничтожил до 3 миллионов первых христиан.

«Цивилизованные» и «гуманные» французские правители, не колеблясь, уничтожили в 14 веке от 50 до 70 тысяч участников крестьянского восстания под названием Жокерия.

В Германии в 1524–26 гг. были уничтожены десятки тысяч участников крестьянского движения под руководством Томаса Мюнцера.

В Англии в конце 18 – начале 19 века было казнено более 12 тысяч луддитов (разрушителей фабричных машин), протестовавших против невыносимых условий. Жестоко преследовались участники мирного протестного движения под названием чартизм и представителей уж совсем мирного религиозного инакомыслия протестанты.

В России же участники подобных восстаний под предводительством Степана Разина, а также Емельяна Пугачёва были только высечены, а казнены были лишь одни эти вожаки. Не было вынесено ни одного смертного приговора и дворянам-предателям, поддержавшим Пугачёва. Так же поступили и с участниками трёх польских повстанческих движений, о которых мы скажем позже. Характерно и различие в поведении присутствующих на казнях в России и Европе.

Для европейцев, в определённой степени, унаследовавших лозунг древних римлян «Хлеба и зрелищ!», казни являлись в основном не столько публичным актом, сколько привычным зрелищем.

В России же публичные казни применялись редко, и реакция на них со стороны населения была соответствующей. Так, при царице Елизавете (дочери Петра 1) в течение тридцати лет не было совершено ни одной казни. И когда отрубили голову преступнику, люди, в ужасе отшатнувшись, попадали друг на друга. Согнанные на казнь Е. Пугачёва люди, молча выслушав (все женщины при этом плакали) указ о смертном приговоре, не стали дожидаться его осуществления и, подавленные, разошлись. В Европе же пока преступников везли на казнь в открытой «позорной» колымаге толпы людей улюлюкали, выкрикивали оскорбления преступникам, оплёвывали их и закидывали камнями. С радостью и одобрением толпа подкидывала поленья в костёр, на котором сжигали так называемых «еретиков», «ведьм», «колдунов», которыми были невиновные люди. Многие тысячи людей были казнены на виселицах за бродяжничество.

В одной только Германии таких оказалось 100 тысяч, чуть меньше — 70 тысяч — по всей Англии. Заметим, однако, что это количество составляло в то время треть всего населения Лондона. Виселицы являлись непременным «украшением» европейских городов. На Руси такого атрибута городского пейзажа никогда не наблюдалось, как и не было опытных палачей-вешателей. И когда после подавления восстания декабристов стали вешать пятерых его руководителей, то из-за отсутствия опытного палача трое из них сорвались и их пришлось вешать во второй раз. Стереотипно России приписывают застенки, дыбу, плаху, лобное место, которые на самом деле применялись лишь в исключительных случаях. К тому же с лобного места на Красной площади (каменный помост рядом с памятником Минину и Пожарскому) лишь

оглашались указы царя, а казнён на нём был лишь один человек — Степан Разин, руководивший крестьянскими волнениями.

В Европе же пытки, как и казни, многие века были повседневностью. Для пыток можно было купить везде специальные инструменты, многие из которых можно увидеть сегодня в музеях Европы. Я был просто поражён, когда увидел аж целых сто таких орудий пыток, этих дьявольских изобретений человека в милом маленьком столичном Сан-Марино, насчитывающем менее 3 тысяч человек при общей численности населения одноимённой Республики в 25 тысяч человек.

В России же никогда не существовало торговли такими инструментами, потому что они не применялись. Символом жестокости Руси при этом всегда представало и предстаёт сегодня имя русского царя Ивана IV (Грозного). Его изображают абсолютным тираном, маньяком, мучителем и убийцей людей, в том числе собственного сына. Почему именно с Ивана Грозного началась демонизация русских и абсолютизация якобы присущей им жестокости? Понять нетрудно. Иван Грозный, победив Казанское и Ногайское ханство, совершив поход на Азов, где хозяйничал крымский хан, освободив при этом тысячи страдавших пленённых русских людей и положив конец набегам, исходившим от этих ханств, превращался в мощную политическую и военную фигуру. Он стал с неизбежностью главной мишенью конкурентов России, становившихся её противниками.

После захвата турками Константинополя (ныне Стамбул) — столицы Византии, Москва стала Центром мирового православия, её называли третьим Римом. Новая роль Москвы не могла не вызвать яростных нападок на Русь и на возглавлявшего его Ивана Грозного со стороны прежде всего католического мира.

Папа Римский, предлагавший королевское звание Ивану III и Ивану Грозному в обмен на переход их в католичество

и не добившись этого, объединил всю Европу в Ливонской войне против Руси и московского царя.

Его имя стали демонизировать в Европе, что было совершенно несправедливо, если посмотреть на жестокость других царствующих особ Европы.

Создатели мифа о жестокости Ивана Грозного, который допустил гибель 3 тысячи человек при покорении Новгорода, никак не осуждают Карла IX, санкционировавшего Варфоломеевскую ночь, в которой погибло более 30 тысяч человек, из которых более трёх десятков были убиты лично его матерью (Е. Медичи), причём массовые убийства протестантов католиками осуществлялись неслыханной, поистине зверской беспощадностью. Убивали всех, в том числе стариков, женщин и детей! У живых беременных женщин вырезали младенческий плод и били его с размаху о мостовую. Сравним — 30 тысяч зверски убитых за одну ночь и 6 тысяч погибших в период всего правления Ивана Грозного, который считается самой мрачной и жестокой страницей истории России! По истине интересная картина! Карл IX и его матушка Медичи, пролившие за одну ночь кровь 30 тысяч невинных жертв, считаются вполне нормальными правителями, а русскому царю Ивану IV, при котором за все годы его царствования погибло 6 тысяч человек, европейцы навесили ярлык «Грозный». Как говорится, комментарии излишни! ...

Версию об Иване Грозном, как самом жестоком правителе, обычно увязывают с фактом жестокого убийства собственного сына. Но был ли Грозный сознательным и жестоким убийцей своего сына? В этом сомневался и сам И. Репин, создавший страшное по своей силе художественное полотно, на котором мы видим потоки крови умирающего сына, поддерживаемого полуобезумевшим от горя отцом.

Репин был правдив в изображении страданий и раскаяния отца. Но он не знал, что сын умер не на руках отца в

Кремле, а в Слободе, предместье Москвы, и притом лишь через 12 дней после нанесённого ему отцом удара посохом по голове во время несчастной ссоры из-за жены сына. Не знал он также и того, что не было никаких потоков крови, заливающих лицо сына, которые изобразил в своей талантливой жутковатой картине.

В апреле 1963 года вскрыли гробницу сына Грозного, просеяли все мельчайшие частицы её содержимого и не нашли никаких следов крови ни на них, ни на волосах царевича. Иван Грозный долго горевал об убитом сыне, страдал, публично каялся во всех своих грехах, раздавал большие суммы денег на поминки загубленных жертв и даже несколько раз отъезжал в монастырь, в намерении оставить царскую власть. Здесь будет уместно отметить, что, пожалуй, не один народ в мире не замечен в таком покаянии, какое было на «Святой Руси». Уже при Иване III Российское государство провозгласило своей моральной основой вечные христианские ценности, среди которых покаяние являлось самой отличительной способностью людей при избавлении от греха и жестокости.

Русь в сравнении с другими европейскими государствами всегда отличалась немногочисленностью кровавых процессов, открытых публичных казней. Как мы уже отмечали, на лобном месте (предназначенном для казни) в Москве была совершена лишь одна казнь — Степана Разина (да и то в 1671г), а в Париже, например, публичные казни продолжались ещё три века, и последняя из них была совершена аж в 1939 году. И в целом на Руси пролита крови в этих процессах гораздо меньше, чем в других странах. При императрице Елизавете не было вообще ни одной казни. Старалась избегать их Екатерина II, утвердившая лишь один смертный приговор из многих, предложенных ей для участников восстания Пугачёва. При Петре I казнили в основном только участников повторных кровавых стрелецких бунтов и по-

громов, в которых погибли ближайшие родственники Петра I, а сам он получил тяжёлую психическую травму, сопровождавшуюся сильнейшими приступами головной боли всю его оставшуюся жизнь.

Западные историки и политологи, а также некоторые отечественные неолибералы, часто далёкие от науки и увязшие в пиаре (к которым я должен был обратиться со словом «уважаемые», да язык не поворачивается произнести это), стыдливо умалчивают, а точнее сказать, намеренно скрывают сравнение количества жертв на Руси и в своих странах и сравнительные степени жестокости их государей, потому что эти сравнения будут явно не в их пользу.

В период правления Ивана IV (самой жестокой эпохи в России), погибло всего от 5 до 7 тысяч человек, а при Карле IX только за одну Варфоломеевскую ночь было уничтожено, как отмечалось, 30 тысяч человек. Бояр при этом русском царе пострадало несколько десятков, в то время, как аристократов при английской королеве Елизавете было уничтожено несколько тысяч, а при Людовиках бежали в эмиграцию из Франции сотни тысяч аристократов под угрозой выдаваемого на них королями «карт-бланша» (расправы). Тем не менее и Карл IX, и Елизавета, и все Людовики в сочинениях историков выглядят вполне респектабельными, «не грозными», а Ивану IV приклеен ярлык (а точнее сказать «клеймо») — «Грозный».

Почему это происходит? Во-первых, из-за того, что были и есть страны кичливые (как Англия в эпоху рассвета Британской империи, Франция — в годы триумфа Наполеона, Германия — в период фашизма и гегемонии Гитлера, США сегодня) и скромные, как Россия. Первые склонны к бесконечному восхищению собой, они стремятся преувеличить свои успехи, роль и значения и стараются меньше говорить о своих просчётах и недостатках, а при освещении биографий своих исторических деятелей излагать материал о них

только в благожелательном тоне, а об их ошибках и даже огромных преступлениях писать не более чем двумя-тремя фразами.

8 февраля 2019 года президент США Трамп в Послании Национальному конгрессу с апломбом заявил: «США — самая выдающаяся страна за всю мировую историю». При этом без зазрения совести он утверждал далее, что «США в одиночку победили и фашизм, и сокрушили мусульманское террористическое государство ИГИЛ». Ни его, ни конгрессменов не смутила эта чистейшая фальсификация исторических фактов, а если говорить прямо — беспардонная безапелляционная ложь!

США вместе с Англией и экспедиционным корпусом Франции (до того находившимся в Великобритании), как всем известно, вступили в военные действия против фашистской Германии (как и в годы первой мировой войны) лишь за несколько месяцев до победы, которая была уже предрешена, потому что СССР к тому времени уничтожил 90% процентов армии Вермахта. Американцы вместе со своими союзниками при этом вели наступления на значительно ослабленные позиции немцев (основные ударные силы которых были переброшены на восточные участки фронта против советских войск). И тем не менее, при первом же серьёзном контрударе фашистов (в Арденнах), они в панике бежали целых 100 километров, побросав всё вооружение. Дело для них должно было закончиться полной катастрофой, но после их умоляющих призывов Советская Армия, не успев закончить подготовку Квисло-Одерской операции, идя на вынужденные, в связи с этим многочисленные потери своего личного состава, предприняло наступление и спасло союзников от неминуемого краха.

Что же касается победы США «в одиночку над ИГИЛ», то опять же, весь мир видел, что все основные базы террористов в Сирии были уничтожены военно-космическими

силами России. США же «прославились» лишь бомбёжкой ряда мелких террористических очагов, а главным образом уничтожением нескольких жилых кварталов и городков с мирным сирийским населением, как до этого они «геройски отличились» вместе с союзниками по НАТО, ковровыми бомбардировками мирной безвинной Сербии и полным бесчеловечным разрушением двух процветавших, ни в чём не повинных стран — Ирака и Ливии.

Россия никогда не занималась самовосхвалением, тем более преувеличением своих заслуг уже в силу самого характера русского народа. В отличие, скажем, от североамериканцев, живущих в Канаде и США на вопрос «Как идут дела?» русский человек почти никогда не ответит «всё отлично». В лучшем случае он скажет «Нормально», а чаще всего произнесёт «Да так…» или начнёт говорить о своих проблемах, о своих или чужих упущениях и ошибках.

Русскому народу, особенно представителям нашей культуры, очень свойственно благожелательное отношение к иностранцам и в то же время ироничное, а чаще всего критическое отношение к самим себе, своей истории и достижениям. С одной стороны, это полезное качество, своеобразная гигиена души, благодаря которой делается прививка от зазнайства, спеси и мании величия, в определённой степени присущих, как мы уже отмечали, некоторым нациям. С другой стороны, мы склонны принимать это лекарство в непомерных дозах, проявлять чрезмерную самокритику и доводить её до самобичевания, особенно свойственное нашей интеллигенции. Свидетельством этого может служить отношение к двум историческим персонажам: Александру I и Наполеону. Русскому монарху досталось немало язвительной критики от национальной прогрессивной общественности за консервативность взглядов. «Властитель слабый и лукавый» — это самая мягкая из эпиграмм юного Пушкина в адрес Александра I, за которые он был отправлен царём в

свою первую ссылку. В этом проявилось священное отношение к свободе и общественному благу кровно присущее русской интеллигенции, о котором А. Чехов в своё время заметит: «Русского интеллигента хлебом не корми, ему лишь бы за кого-нибудь пострадать».

Но кто сегодня знает (даже из числа русских людей) о благороднейшем поступке Александра I, который отказался заминировать город Вильно и взорвать его, когда туда войдут наступающие войска Наполеона, представлявшие в тот момент смертельную опасность для России.

А как же поступил Наполеон в ситуации, прямо противоположной вышеописанной. Он покидал Москву и его Франции в тот момент ничто не угрожало. Тем не менее в его дневнике биографы позже прочли: «Я покинул Москву, приказав взорвать Кремль». Как тут не вспомнить его заявление перед нашествием на нашу страну: «Я решил покончить с Россией раз и навсегда, поскольку русские варвары — враги всего европейского». По счастливой случайности, из-за поспешного, почти панического бегства наполеоновского воинства из Москвы и связанной с этим неразберихой, осуществить это, уж действительно варварское преступление не удалось. Но всё равно, краткое пребывание «цивилизованных» войск оставило страшную картину разрушений в Кремле — памятник всемирного значения. Вот как об этом докладывал царю генерал А.Х. Бенкендорф: «Вид города внушает ужас. Помещения закрыты, чтобы не увидели разгром церквей на территории Кремля». Тем не менее, русские люди в силу присущего им всепрощения не пишут негативно о Наполеоне, как о человеке, допускавшем в России подлинное варварство. В европейской же литературе с удовольствием повторяют слова историков большевиков о том, что Александр I, после разгрома Наполеона создал Священный союз для подавления революции в Европе. При этом опускается, что данный союз, к которому присоедини-

лись все европейские державы (кроме Англии и Ватикана), провозглашал и обеспечение «вечного мира». Не упоминается также и о том, что Александр I не потребовал никаких территорий для России, хотя вполне мог это сделать, учитывая большие потери, нанесённые стране этой войной. Но те же западные историки с удовольствием и даже с радостью подхватывают «изыскания» тех, кто хотел бы очернить русских, абсолютизировать «прегрешения» их исторических деятелей.

Так, вслед за Иваном Грозным они охотно добавляют в ряд жестоких и беспощадных правителей Петра I, Николая I, прозванного русскими революционерами-демократами «Николаем Палкиным», и Николая II, получившего от большевиков прозвище «Николай Кровавый».

Но если сравнить их с некоторыми государями Европы, ни один из которых не наречён подобными «званиями», то получим интересные выкладки.

После восстания декабристов в 1825 году, планировавших убить Николая I и всю царскую семью, включая его детей, к смерти были осуждены лишь пять человек, а из нескольких тысяч, участвовавших в восстании, осуждены (после каторги) к поселению всего 125 человек. После восстания в Польше, в котором было множество раненых правительственных солдат и участвовало сто процентов польских дворян, были осуждены на высылку всего лишь двое польских юношей.

В Париже, однако, примерно в те же годы, Наполеоном III через полевые суды было повешено 30 тысяч участников революции 1848 года. Австрийский император Франц Иосиф уничтожил десятки тысяч восставших поляков, чехов, словаков, а также 100 тысяч венгров, боровшихся за свою независимость. И тем не менее, ни Наполеон III, ни Франц Иосиф не называются ни «Палкиными», ни «Кровавыми», хотя это прозвище Николай II получил за расстрел демон-

страции, названной «Кровавое воскресенье», где погибло лишь тысяча человек.

Европейцы не прибавляют слово «кровавый» не только к имени Карла Великого, убившего 4500 саксов, или к имени Карла IX, сгубившего только за одну ночь 30 тысяч человек, а также и к именам Генриха VIII, на совести которого 72 тысяч повешенных за «бродяжничество» обездоленных крестьян, и Кромвеля, безжалостно уничтожившего в ходе подавления восстания в Ирландии каждого седьмого жителя, но даже и Карла V, самолично сетовавшего великому Тициану: «Я устал от пролитой крови».

Уместно при этом сравнить трёх последних «цивилизованных» правителей с Иваном IV (Грозным), начавшим свою «опричнину» (террор), как месть боярам за отравление его горячо любимой жены, с которой он до того счастливо прожил 17 лет, не совершив за эти годы никаких преследований. В отравлении жены он усмотрел к тому же проявление государственной измены, стремление бояр подорвать царскую власть, ослабить государство. Позже, как уже отмечалось, он горячо и искренне сожалел о пострадавших во время опричнины, в то время как Кромвель не только ни на минуту не раскаялся в массовом убийстве шотландцев, в том числе женщин, стариков и детей, но и с гордостью заявлял: «Я приказал убить всех!».

Иван IV трагически страдал из-за смерти жены и не сдержался в своей мести из-за её гибели, в то время как Генрих VIII хладнокровно и бесчеловечно убивал всех своих вчерашних жён и любовниц. Историки и писатели Англии не наделяют его никаким суровым прозвищем, отмечая в то же время его гуманную «милость» — замену четвертования отсечением головы Томасу Мору, виднейшему гуманисту, который отказался признать главу государства одновременно и главой церкви.

Эти сравнения можно было бы продолжать и далее, да их всё равно проигнорируют западные мифотворцы с их двойной моралью.

Об «агрессивности» русских

Другим мифом о русских людях, как бы вытекающем из мифа об их жестокости, является миф о нашей агрессивности. Но Россия вела обычно оборонительные войны, в то время, как, например, Англия воевала постоянно с соседней Францией, а Германия вообще на протяжении двух веков являлась центром европейских войн. Пользуясь доброжелательством русских с конфликтующей Европы, в Россию постоянно переселялись большие массы европейцев, из которых половину составляли немцы. Началось это переселение при Иване 3 — по 30 тысяч ежегодно и продолжилось при Петре 1 (по 40 тысяч в год) и ещё более возросло при Екатерине Второй.

Россия давала приют всем людям, бежавшим от военных конфликтов, помогала им обустроиться на новой родине. Так, для бежавших от турок греков был основан целый город — Мариуполь.

Тем не менее, идеологи Запада, как и их предшественники по мифологиям, постоянно пытаются внушить своему населению, что слово Кремль означает прежде всего не величайший архитектурный памятник всемирного значения, а военную угрозу со стороны России. На самом же деле Россия всегда стремилась к миру. Создавая в 1815 году после разгрома Наполеона Священный союз из Австрии, Пруссии, Франции и других европейских государств, российский царь Александр I ставил целью не только подавление революции в Европе, но и утверждение длительного и прочного мира на континенте. Но ещё почти за сто лет до этого (1721) другой российский царь — Пётр Великий — при заключении Ништадтского мира со Швецией призывал шведов и всех европейцев к «вечному миру».

Хорошо известно, что все большие европейские войны начинали иностранцы, а заканчивать их приходилось русским, на которых несколько раз нападала объединённая

Европа. Русским же приходилось в этих войнах, защищая себя и спасая Европу, нести самые большие жертвы, потому что нападение совершалось всегда коварно и внезапно. А кто как ни европейцы и США вёл в течение многих веков разбойные и грабительские колониальные войны. Громада России якобы всегда страшила европейцев, которые между тем колонизировали огромные пространства, причём самыми бесчеловечными методами.

Посмотрим на проблему освоения Сибири и Америки. Можно сразу увидеть, что совершенно неправомерно сравнивать Ермака, первого землепроходца Сибири, с испанскими жестокими и алчными конкистадорами, авантюристами типа Кортеса и Писарро, истреблявшими и порабощавшими в своих грабительских походах коренное население тех территорий, в которые они вторгались. Многие из них баснословно обогатились, вернувшись из разбойных экспедиций на судах, набитых золотом и серебром. У Ермака же в личной собственности оставалась одна простая железная кольчуга. А что приобрёл он в результате своих походов в Сибирь? Смешно и сравнивать с огромными добычами конкистадоров — подарок от царя, свёрток сукна, да небольшое количество денег из царской казны.

Россия никогда не ставила своей целью покорение и ограбление народов в открываемых ею новых землях. Здесь правильнее говорить о присоединении (инкорпорации), а не о завоевании. И сам Ермак, и его последователи отчётливо понимали, что мирным путём присоединить малые народы можно только через торговлю, уважение к их верованиям и обычаям.

Мудрые казаки не навязывали насильственно племенам свою веру, не заставляли их, как католики американских индейцев, клясться на Библии. Сибирские народности клятву приносили на мече — символе чести. Ходаков посланцев племён Ермак встречал ласково, и они ему платили тем же

радушием, когда принимали у себя. Враждебную позицию занял лишь воинственный туземный князь Кучум, от притеснения которого страдали многие аборигены. Он единственный, кто вступил в борьбу с Ермаком, неожиданно ночью напав на отряд казаков. Гибель Ермака в этой коварной вылазке Кучума туземные племена восприняли с сожалением, потому что они устали от притеснений этого князька. После конфликта с Кучумом дальнейшее продвижение русских на восток, до самого Тихого океана шло мирным путём.

С самого зарождения Российского государства его территория постоянно расширялась за счёт освоения новых земель. Это выработало в русских людях лёгкость к перемене мест, быстрое привыкание к этнически чуждой среде и мирное с ней сосуществование. Для русского человека никогда не было свойственно презрительное отношение к более отсталым народам.

Многочисленные малые сибирские народы остались невредимыми, сохранилась их самобытная культура, а также не только их родные языки, но и впервые была создана на их основе письменность. И что особенно характерно — возникло множество смешанных браков аборигенов с русскими людьми.

Так, мирным путём, складывалось уникальное, единственное в своём роде, многоконфессиональное и самое многонациональное государство — Россия. Неслучайно поэтому на главной башне Кремля — Спасской — с незапамятных времён находится изображение павлина — символа многообразия.

В Америке же, где доверчивые и добродушные индейцы поначалу тоже гостеприимно встречали первых европейцев, вскоре вынуждены были вступить с ними в длительную кровопролитную борьбу. Борьба эта была, по существу, на полное уничтожение коренных народов, потому что многие европейцы исходили из принципа, что «индейцы не люди,

а разновидность обезьян» и что их вполне можно истязать, убивать и скальпировать.

По словам американского автора Стенварда (в книге «Американский холокост, завоевание нового мира»), пришельцы из Старого Света образование США сопровождали самой страшной этнической чисткой в истории человечества, уничтожив около ста(!) миллионов коренных жителей.

Результатом этого бесчеловечного геноцида, применённого европейцами, индейское население сократилось на 90%.

О том, какая участь постигла ирландцев и шотландцев, «присоединённых» к Англии, уже было сказано в предыдущем разделе.

Бесспорен факт, что Англия путём агрессивных колониальных войн и геноцида, создала свою Британскую империю буквально на костях. Нещадная эксплуатация коренного населения, хищническое использование принадлежавших ему ресурсов, привели к голодной смерти 10 млн человек в Индии и Бенгалии, а также к полному уничтожению жителей острова Тасмания.

Эта же участь грозила малым государствам Средней Азии, на которые всё настойчивее устремляла в течение ряда веков свои взоры Великобритания. Чтобы обезопасить свои границы и традиционные пути торговли с Азией, Россия вынуждена была присоединить в результате недолголетних военных операций этот регион. Россия при этом не ставила его в положение колонии, а направляла все усилия на укрепление с ним прежде всего экономических и торговых связей. Поэтому уже с 1731 года все среднеазиатские ханы и эмиры признали российское подданство.

Что же касается закрепление России в государствах Кавказа, страдавших не только от агрессивных турецких и персидских посягательств, но и даже их геноцида (всем известное убийство турками миллиона армян), то уместно будет привести всего лишь такое заключение именно от англий-

ского путешественника 19 века, подданика Британской империи Джона Буддели, а именно: «Спасение христианских государств — Грузии, Имеретии, Мингрелии и Гурии — от уничтожения, которым им угрожала Турция, было чуть ли не самым благородным поводом, когда-либо вдохновлявшим военные или политические действия. Волею обстоятельств эта честь выпала России, которая была единственным государством, способным решить эту проблему».

О российской «агрессии» на Украине

Сначала кратко рассмотрим вопрос о том, является ли современная Украина хранительницей преемственности Киевской Руси. Ответим сразу — к древнерусскому государству Киевская Русь украинцы имеют такое же отношение, как, скажем, чешский танец «полька» к Польше. То есть никакого отношения не имеют. В 5–6 веках Киевскую землю населяло славянское племя «Поляне». С 9 по 12 век она — центр Древнерусского государства Киевская Русь.

Киев основали русские люди. Как повествует летописец Нестор — князь Олег, осмотрев возвышенное место на берегу Днепра изрёк: «Все будет город — мать городов русских». Город был назван Киевом и стал на несколько веков формальной столицей древне-русского государства, условно и не совсем удачно названного советскими историками «Киевская Русь».

Великие князья не всегда имели свою резиденцию в Киеве, их местом пребывания в разные века были и Владимир, и Суздаль, и другие города Древней Руси, из которых они осуществляли управление русским государством. Владимир Мономах и княгиня Ольга были из Пскова, Ярослав Мудрый из Переяславля и так далее. В 1299 году переезжает во Владимир и Митрополит Киевский. Одновременно с Киевом существовали Владимирская, Новгородская, Рязанская Русь.

В 1240 году Киев был разрушен татаро-монголами. Только наш народ сохранил память о Киевской Руси, о Киеве в былинах — князе Новгородском и великом князе Киевском, а также киевских богатырях.

Вблизи же Киева и вообще среди украинцев как ни пытались исследователи найти хоть какие-то следы этих народных сказаний, им сделать этого не удалось. Сведения на сей счёт, были собраны лишь в Олонецкой, Архангельской, Нижегородской, Московской, Владимирской и даже Сибирской губерниях.

На Украине же не зафиксировано народных исторических воспоминаний, идущих глубже 15–16 веков, (до этого, как мы уже отмечали, украинцев ещё не было на киевской земле, они жили в Карпатах). Их эпос отражён только «думами» про турецкую неволю и набеги запорожцев на ляхов (поляков).

Сторонники «автохтонной» теории, провозглашающей исконность заселения украинцами Киева замалчивают неприятный для них общеизвестный исторический факт, что из-за ордынского нашествия жители Киевской Руси бежали на северо-восток, в места, которые стали позже названными выше губерниями России. Южная же Русь была буквально уничтожена и запустела. Киев был полностью разрушен, в нём согласно Лаврентьевской летописи к 1299 году не осталось ни одного человека — разбежались все. Переславль заселили лесные звери, во Владимиро-Волынском были убиты все жители, тамошние церкви были переполнены трупами, та же судьба постигла Ладыжин на Буге и другие города.

Каким же образом украинцы оказались в составе России?

Английский историк Хью Сетон-Уотсон, как бы отвечая на этот вопрос, говорит, что «включение Россией в свой состав Украины имеет параллели в поглощении Францией Бургундии и Лотарингии».

Украинские же псевдоисторики — идут куда дальше! Они на всех углах сегодня талдычат о колониализме России по отношению к Украине. На деле же, и первая, тем более вторая позиция далеки от истины. Истина же состоит в том, что украинский народ веками стремился войти в состав России, избавившись тем самым от польского гнёта и получив защиту от турецко-крымских набегов.

Выражением этих народных чаяний служит письмо украинского гетмана Богдана Хмельницкого московскому царю Алексею Михайловичу, отправленное из Переяславля 8.02.1649. Прежде чем привести это письмо, отметим, что до него русскому царю с просьбой о помощи и о желании влиться в состав России Гетманом уже посылались два письма, в ответ на которые царь лишь посоветовал им мира «с Польшей и Литвой».

Приводим содержание третьего письма гетмана Б. Хмельницкого: «….писали есмо дважды до твоего царского величества через посланца воеводы путивльского и через посланца воеводы севского… чтобы ваше царское величество было над нами государём и царём православным, а не инверцы, яко самодержца». Но мы на те 2 листа ведомости (ответа) никакие не имели, аж ныне отдана нам грамота твоего царского величества, в которой обьявляючи желаешь, чтобы есма (мы) в покое жили с ляхами (поляками) и с княжеством Литовским. Но ляхи те… войско собирают на нас, несколько городов христиан высекли, попов и чернцов (монахов) имаючи (поймав) рубят и разные муки, яко как ирод, чинят. А мы как первые (вначале) також де и ныне желаем того, чтобы ваше царское величество нам нанижайшим слугам и подданным своим государем и царём, яко (как) православное светило (солнце) и самодержнею (самодержавием) за благословением божием учинился (стал)». И подпись: «Вашему царскому величеству нанижающий (нижайший) слуга Богдан Хмельницкий гетман со всем Войском Запорожским

рукою своею». Но русский царь целых четыре с половиной года (до 22 июня 1653 г) не давал положительного ответа на это прошение. Он не был готов к войне с Польшей и Литвой, под властью которых находилась большая часть украинского населения. Но всё же в 1653 году Земский собор одобрил соединение Украины с Россией. Таким образом, не было никакого поглощения Украины Россией, а было стремление двух братских славянских народов защитить себя в совместной борьбе с иностранными завоевателями.

Отметим сразу же, что большая часть территории, которую ныне занимает Украина, до середины 17 века являлась частью Польши, она не носила и не могла носить нынешнее название украинского государства. И в представлении поляков, и в сознании московитов, и самих украинцев это была исконно русская земля, населённая некогда «русичами», то есть русскими.

Война России с Польшей в 1654–1667 годах велась не за Украину, а за часть Руси, которая некогда принадлежала ей. Это понимали и в Польше, и в той части Московии, которая сейчас называется Украиной.

Ярким подтверждением этого является то, что когда в 1687 году поляки предложили Московии участвовать в войне с крымскими татарами и турками, Московия согласилась, но поставила условием возврат ей Киева, как своей исконной территории. В представлении и киевлян, и жителей Москвы Киевщина была частью Руси. И поляки Киев вернули Московии.

И в то время, и в течение нескольких веков вплоть до октябрьского переворота 1917 года, что бы сегодня ни говорили киевские националисты, все украинцы, как и белорусы, считали себя единым русским народом.

Отметим при этом, что древнерусская народность состояла из трёх племён, среди которых великороссов было втрое больше, чем малороссов и в девять раз больше, чем белору-

сов, составляя таким образом более двух третей от общей численности русского населения.

Сегодня националисты на всех перекрёстках кричат о подавлении украинцев в царской России и даже… при власти коммунистов (!), о стремлении обрести национальную свободу и независимость. Это самая беспардонная, а по отношению к коммунистическому режиму, во многом довершившему создание этой нации и её государства впервые в истории, поистине чёрная неблагодарность.

Обратимся к фактам. Украинская идея независимости до 1914 года, начала первой мировой войны (перевернувшей во многом существовавший мировой порядок), имела тогда небольшую кучку своих приверженцев, в основном среди молодой интеллигенции, а не в простом народе, да и то больше в австрийской Галиции.

Киевская или харьковская газета на украинском языке едва набирала 200-300 подписчиков. И даже журнал «Украинская жизнь» (под редакцией Симона Петлюры) выходил на русском (!) языке в Москве. Но даже после двух лет независимости, в 1919 году национальные чувства у украинцев оставались крайне слабыми. У них, как и у белорусов, превалировало чувство единства русского народа, что ярко видно из следующего. В августе 1919 года националисты-петлюровцы заняли Киев, но (как написано в советском учебнике) «на следующий день их выбили из города белые (деникинская армия)» …

Если бы! Вошло всего лишь три белых полка, и их командующий генерал Бредов приказал… трём украинским корпусам (корпус включает несколько полков, дивизий и других соединений и частей!) очистить Киев (свою столицу) и отправиться к городу Василькову, что и было выполнено. И не потому, что националисты-«самостийники» генералы Тарнавский (заметим, из Галиции — самой западной, самой отдалённой от России и ныне самой националистической

провинции) и Кравс — были трусы, а от того, что и они сами и их рядовые и офицеры украинских корпусов видели в деникинском генерале не врага, а русского генерала, и себя они считали русскими (даром что украинцы), и традиционно русское для них продолжало быть иерархически выше нового украинского, которое являлось для них непривычным и не вызывало полного доверия.

Только это позволяет нам понять, почему галицийская часть данного войска, порвав с Петлюрой, присоединилась к армии Деникина, врага украинской независимости в его походе на Москву — возрождать империю. Причём не в момент торжества деникинской Добровольческой армии, а в ноябре 1919 года, когда уже началось её отступление от Орла и Воронежа.

Украинские соединения вели бы себя иначе, если бы «незалежнисть» (независимость) стояла для них на первом месте. Ведь Деникин обещал украинцам не независимость, а лишь автономию, и то лишь для австрийской Галиции со столицей во Львове.

Ещё в 1914 году сегодняшнего деления на три разных народа не было. Большевистская целенаправленная украинизация ещё не состоялась и единство русского народа ощущалось всеми тремя славянскими субэтносами России вполне органично. Интересно, что самое большое число членов «Союза русского народа» — русской националистической организации было в Волынской (ныне украинской) губернии, к западу от Киева. Русское единство выглядело столь же незыблемым, как и Российская империя

Зачатки украинского сепаратизма маргинизировались (нивелировались) капиталистическим рынком труда, переселенческой политикой, школьным и гимназическим образованием, армейской службой.

О белорусском же сепаратизме вообще невозможно говорить. Православные крестьяне западных районов России

(нынешней Белоруссии) могли ощущать себя в узком смысле «пинчуками», «полищуками», «тутейшими», «лапацонами», «литвинами» (так их звали жители соседней Черниговской губернии «горюнами» или («белорусцами»), но не сомневались в том, что они русские.

Кстати, местных этнонимов вообще было довольно много. Например, забайкальский житель мог зваться сибиряком, даурцем, «семейским», в каких-то случаях чалдоном или гураном, оставаясь при этом великороссом и русским. Точно таким же русским был ахтырский малоросс, вчерашний казак и «чиркяс», он же «слобожанин», он же украинец, он же хохол (Гоголь не раз звал себя хохлом. Но никто, кроме малочисленных энтузиастов, не считал, что русский народ состоит из трёх обособленных наций).

Таким образом, ни о каком национальном подавлении украинцев русскими людьми, ни о каком колониальном «поглощении» Украины царской Россией заявлять нет никаких оснований. Да и какие могут быть основания, если даже самой Украины на карте ещё не существовало. Её создали и наделили огромными никогда не принадлежавшими украинцам русскими территориями те самые большевики, которых так неблагодарно клеймят сегодня украинские националисты.

Бывший президент Украины Порошенко ведёт основание Украины от князя Владимира Красно Солнышко, который не мог быть никаким основателем этой страны, поскольку он был великим князем, руководившим древнерусским государством «Киевская Русь» и который осуществил её крещение.

Приняв христианство, Русь стала называть себя «Святой Русью». Княгиня Ольга, принявшая первой новую веру, отказавшись от язычества, стала Святой равноапостольной, являясь символом христианства на Руси.

В народном представлении украинцев и белорусов не существует никакой «Святой Украины» или «Святой Белоруссии».

«Святой Русью» называла себя Русь — Великороссия, принимая эстафету у времён. И ещё один важный факт. Из всех славянских народов только на Руси народ станет называть себя «христианами» — на уровне самосознания. Христианин — христьянин-крестьянин — стало самоназванием русского народа. В Польше же сохранилось древнее славянское «хлопы», в котором угадывается «холопы».

Но предоставим слово директору института археологии Украины академику Петру Толочко: «Думаю, Пётр Алексеевич плохо знает историю. Владимир умер в 1015 году. Украина появилась через 600 лет. И то не как государство (Богдан Хмельницкий договор с

Москвой в 1654 году подписывал от имени Войска Запорожского, а не от имени Украины, которая ещё не существовала)».

Никто из восточных славян не знал, что через сотни лет они разделятся и будут разными народами: кто-то украинец, кто-то русский, кто-то белорус».

Даже самого понятия «украинцы» тогда не существовало. Доктор наук Олег Назаров: «Это поляки в начале 17 столетия стали называть жителей своих восточных окраин «окраинцами». Слово потом трансформировалось в «украинцы».

В каких же границах была Украина Богдана Хмельницкого и на каких условиях она вошла в состав России. Украина вошла в состав империи на правах автономии и занимала всего лишь несколько небольших областей по левую сторону Днепра. Были ещё две области на правобережье — Черкасская и Волынская, но там хозяйничали поляки.

После Переяславской рады, одобрившей вхождение Войска Запорожского в состав России, Украина оставалась некоторое время гетманской, но после измены Гетмана Мазепы, переметнувшегося под Полтавой от Петра 1 к шведскому королю Карлу 12, выборность гетманов была отменена, и Украина осталась в России в качестве одной из губерний

(отметим, что всего гетманы в истории России изменяли ей 8 раз). Как небольшая губернская территория под названием «Малороссия» приобрела свои нынешние размеры? Об этом чуть позже. А пока необходимо сказать о том, что такое Запорожское войско, потому что псевдоисторики и националисты обвиняют Россию в подавлении свободы украинцев, связанном с искоренением Запорожской сечи, как демократического явления и проявления свободы украинского народа.

Запорожская сечь, на самом деле представляла собой пиратскую республику и была ничем иным, как военно-кочевым образованием, со слабыми воинскими достоинствами, но активно промышлявшим грабительскими набегами и разбоем. Во многих песнях этих казаков фигурирует слово «добыча», которая в основном доставалась так называемой «старшине» — зажиточной командной верхушке казацкого войска. При этом грабежам подвергались не только иноземные поселения. Рядовое казачество и особенно украинское крестьянство постоянно страдали от притеснений и поборов этой «старшины», и вынуждены были бежать на левый берег Днепра, в Московию, и искать там убежище.

Эта «халявность» казацкой старшины генетически явно проявилась в действиях современного начальства Украины, распродавшего и разворовавшего национальные материальные ценности, созданные украинским народом, а точнее всеми народами СССР, а также в грабительских действиях националистических батальонов, орудовавших, как оккупанты, в конфликтных зонах Луганской и Донецкой областях и расформированных за мародёрство и другие тяжкие преступления. Проявилась она и в ожидании у части населения «манны небесной» (халявы) от ассоциации с Европой. Подчеркну — у части населения. Хотя среди солдат Советской армии существовала ироничная поговорка: «Хохол за лычку удавится» (за звание сержанта или старшины), и

считалось, что самые тёплые и «хлебные» армейские места — столовые и прод. склады по определению занимают старшины-украинцы, всё же не будем делать обобщений и говорить об украинском народе в этом плане в целом, поскольку любые обобщения страдают неполнотой.

Кто-то может спросить: «А как же с халявщиками из народа типа Пацюка из «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Гоголя, мечтающими о том, чтобы вареники сами окунались в сметану и сами же залетали в рот?

Ну, во-первых, подобные типы могут найтись в любом народе, а во-вторых, они составляют лишь часть его. Основная масса украинских крестьян отличалась огромным трудолюбием и страдала веками от запорожцев, которые в отличие от оседлых хозяйственных донских казаков предпочитали не упорный земледельческий труд, а лёгкую военную добычу, предлагая свои услуги то туркам, то полякам, то крымскому хану — тому, кто больше заплатит, и изменяя таким образом московскому царю. С 1654 года по 1709 год гетманы изменяли царю 8 раз, в том числе сын Богдана Хмельницкого — 3 раза, а гетман Сагайдачный в 1612 году вместе с поляками напал на Москву. Стоит ли уже говорить о том, что большинство гетманов не только изменяли царю и резали друг друга, но и вместе со всей верхушкой старшиной множество раз уличались в самом непристойном казённом воровстве?

Заметим при этом, что рядовое украинское население никогда не изменяло российскому государству, сохраняя ему верность, и ни разу не восставала против него.

Екатерина II пыталась сделать запорожцев оседлыми, выделяла им земли на плодородной Кубани, но на это пошла лишь часть казаков. Основная же масса предпочла прежние занятия — набеги, грабежи, анархические выпады.

Отметим, что анархизм запорожцев оставил свой исторический след, как и эхо национальной нетерпимости и этни-

ческих погромов (о чём уже было сказано) в истории Украины — только здесь во время гражданской войны в России в 1918–1920 годах разлилось широкой кровавой рекой бандитское движение анархистов, только здесь бесчинствовали крупные банды террористов-анархистов на уровне больших воинских соединений (банды Махно, Зелёного, Григорьева), принесших людям много горя.

В 1775 году казаки устроили не только анархический грабёж, но и массовую резню оседлых трудолюбивых сербов, спасавшихся вместе с болгарами на Руси от турецкого ига. Это подрывало усилия Екатерины II по заселению юга России, куда кроме сербов и болгар приглашались немцы и безземельные малороссы. Поэтому в том же 1775 году царица, отметив в указе, что «уродство сие терпимо быть не может», окончательно ликвидировала гетманщину.

Лишившись донорской поддержки казны, а фактически содержания, и не желая переходить в разряд оседлых земледельцев, большое число запорожцев бежало за кордон служить турецкому султану и крымскому хану. Так бесславно завершилась история пиратской республики под названием Запорожская сечь.

А теперь проясним вопрос о том, как же так случилось, что земли, занимавшиеся украинцами в момент подписания Богданом Хмельницким от имени Запорожского войска документа о вхождении в состав России, составляли всего 1/5 часть от территории Украины в её современных границах?

Приращение к России и соответственно к южным и юго-восточным областям Украины Новороссии (Причерноморья и Юго-востока) — не было для неё подарком русских царей. Они воспринимали это как увеличение территории единого государства, в котором украинский регион являлся всего лишь одной из губерний.

Была Сибирь, Урал, Малороссия. И общее приращение России не считали подарками Украине, ведь такой страны

не было. После того, как к России отошли земли Новороссии (Северное Причерноморье) и Крыма, которыми раньше владели Крымское ханство и Ногайская орда, их стали активно осваивать. Туда потянулись не только жители дальних российских губерний, но и часть населения Малороссии. Тогда же российские императоры заложили и многие нынешние украинские города… Основали Кировоград (он же был Елисаветградом) и Днепропетровск (его называли Екатеринославом). А ещё Херсон, Николаев и Одессу. Все крупные города нижнего Поднепровья и южной части Украины созданы по указам царских властей и в основном русским населением.

Кому же и зачем понадобилось изобретать Украину?

Российская империя после Февральской революции 1917 года распалась за несколько месяцев. Везде шла борьба за власть. Эту возню из Петрограда полноценно контролировать не могли. В Киеве возникла Центральная рада. Поначалу она выдвигала скромные требования автономии. Тут в Киеве и стали активно использовать термин «Украина» в пику прежней «Малороссии». Хотели подчеркнуть свою особость. Украинские националисты все наглели, требуя все больше земли, а Временное правительство только слабело. Всё установилось к 1918 году. В Киеве провозгласили Украинскую народную республику.

А как при этом оказались чисто русские области — Донецкая и Луганская — в составе Украины? Когда создавали СССР, встал вопрос о выделении Украины. Ленин решил, что надо прирезать к ней Донецко-Криворожскую республику, а она была в составе России. но это, по существу, вся Новороссия, Донецк и Кривой Рог. Ленин с соратниками передал Украине промышленные регионы Донбасса. Жители украинских местностей были в основном крестьянами, а большевикам требовались пролетарии, чтобы сохранить и упрочить в этом регионе свою власть.

Таким образом, отдав Украине две огромные территории с русским населением, а именно — Юг России, с его Причерноморьем и крупными портами, а также Юго-Восток с развитой промышленностью, Ленин сделал Украине поистине царский подарок. Но на этом «подарки» Украине от кремлёвских вождей и генсеков не закончились. Перед Великой Отечественной войной Сталин передал Украине западные области под бывшим общим названием Галиция, которая являлась частью России до 1920 года, когда её захватила Польша. Когда же в 1939 году на Польшу напала Германия, то Галиция по пакту Молотова – Риббентропа была возвращена Советскому Союзу. Довершил разбазаривание земель РСФСР Н.С. Хрущёв, волюнтаристски, самоуправно и беззаконно (без положенного референдума), передавший УССР Крым.

Подчеркну — именно Украинской Республике, а не Украине, как все сегодня говорят. До 1991 года такой страны не существовало, и поэтому совершенно неправомерно говорить о передаче Хрущёвым Крыма Украине.

Крым принадлежал России более 200 лет, когда Украины ещё не было в помине. Украина как государство возникло лишь в 1991 году после распада СССР. Поэтому неправомерно говорить, что Хрущёв передал Крым в 1954 году Украине как стране. Это было перемещение внутри государства — Советского Союза, административно-территориальной единицей, которого тогда являлась Советская Украина, не более того. И таким образом, стране Украине Крым никогда не принадлежал до 1991 года, потому что до этого времени такой страны в мире, как уже сказано, не существовало.

Как мне представляется, совершил он это, во-первых, из-за стремления загладить перед украинцами свою вину за массовые расстрелы в тридцатые годы на Украине, которой он тогда руководил, во-вторых, чтобы подкупить украинцев — членов ЦК КПСС в своей борьбе за власть в Кремле

против своих противников, политических «тяжеловесов» — Молотова, Маленкова, Кагановича и Булганина.

Таким образом, недальновидные вожди из-за сиюминутных политических интересов, а порой и просто из недомыслия заложили долговременную чрезвычайно опасную мину, готовую взорваться в любой момент из-за националистического угара безответственных политических сил.

Сегодня в отношениях между Россией и Украиной сохраняется острый кризис, который не может быть преодолён, пока украинские политики не откажутся от выбранного ими ложного и пагубного исторического пути разрыва всех связей с Россией.

Но я глубоко убеждён, что неизбежно возобладает здравый смысл и так же неизбежно восстановятся не только нормальные, но и дружественные отношения между двумя соседними и, что более важно, родственными народами, имеющими общую историю и связанные общей культурой и языком.

О «захвате» Россией Крыма

Наконец о Крыме и о заявлениях украинских националистах по поводу не только его аннексии Россией, но даже «вторичного» захвата русскими (первый якобы осуществился в 18 веке). Для большей ясности этого вопроса рассмотрим его так же исторически. Ещё в первом тысячелетии русские люди жили в Крыму, занимая его восточное побережье. Они были частью русского Тмутараканского княжества, занимавшего также Таманский полуостров. После гибели этого княжества под ударами половцев и почти двухсотлетнего господства монголов в Крыму утвердился татарский хан Хаджи Гирей, который установил дружбу с Русью, став её верным союзником в борьбе с остатками монгольской Золотой Орды. Но тут случилась геополитическая катастрофа.

В Крым вторглись османы. В 1475 году они разрушили греческие Херсон и Феодоро, смели с лица земли поселения татар… Крымское ханство — подпадает в зависимость от Турции. И крымские ханы отныне назначаются турецкими султанами, которые постоянно натравливают крымских татар на Русь, обеспечивая им военную поддержку. На целых два века (17–18 вв) Крым становится настоящим разбойничьим осиным гнездом, источником неисчислимых страданий русских людей от татарских опустошительных набегов. В этот период не было ни одного года, когда бы не осуществлялись набеги крымских татар на русскую землю. Каждый такой набег знаменовался разорением хозяйств, множеством убитых и уведённых в плен русских людей.

Пленные давали богатство владельцу, и 10 копеек с каждого пленника шло в казну хана. У каждого крымчанина было по нескольку пленных славян, (русских, украинцев, поляков и других), которых употребляли для залога, подарков, обмена. Маленьких мальчиков и девочек начиная с 7–8 лет «белили», румянили и продавали в гаремы. Невозможно и сейчас без острой боли смотреть на небольшую, но потрясающую по своей обличительности картину великого русского художника Василия Васильевича Верещагина «Меняла», на которой меняла протягивает работорговцу нитку цветных бус с нетерпеливым вожделением поглядывая на полностью обнажённого хорошенького, но бесконечно печального мальчика, цена которому на базаре лишь эта связка бус.

Продавали пленников в Бахчисарае и Гизляве, ими снабжались все восточные рынки. До 30 тысяч в год продавалось невольников в Кафе (Феодосии). Этот город многие века был ненасытным и беззаконным торжищем. Отсюда пленников развозили по всему Средиземноморью — в Анатолию, Египет, Палестину, Сирию, Италию.

Я трижды был в итальянской Венеции — первый раз с вашими мамами, а затем с группами туристов. И оба

последних раза нас возили на экскурсию на Славянский мол. Экскурсоводы, рассказывая, что здесь была торговля славянскими товарами; или по невежеству, или по стыдливому замалчиванию ни разу не говорили о том, что здесь торговали именно «живым товаром» и что итальянцы таким образом активно участвовали в работорговле славянами. При этом русских продавали на каждом таком рынке дешевле всех в силу их ненадёжности, склонности к побегам.

Развозили их по рудникам, каменоломням и галерам. На галеры, называвшиеся здесь «каторги», отправляли только русских. Пять-шесть гребцов держали одно тяжёлое весло. Их хлестал плетью надсмотрщик, обдавали волны, но они не могли встать с места, прикованные к нему до самой смерти. Отсюда и название каторги как воплощение самого изнурительного и безысходного наказания.

В Марокко и некоторых других странах пленников использовали в качестве живых мишеней, убивали для забавы.

Все южные русские города и поселения в течение нескольких веков теряли тысячами своих граждан, ежегодно уводимых в плен и вынуждены были тратить огромные усилия на свою оборону от крымских набегов. Нередко им удавалось отбиться и предотвратить захват пленных и своего имущества.

Но когда крымское нашествие достигало огромной численности, до 100 тысяч всадников, татарам удавалось прорываться даже к самой Москве. Так, в 1571 году крымский хан — Девлет Гирей осадил Москву и хитростью выманив делегацию москвичей якобы для заключения мирного договора перебил их и ворвавшись в открывшиеся ворота сжёг Москву. В плен было уведено 150 тысяч жителей. Это был единственный случай, штурмом же Кремль никому и никогда не удавалось взять. За своё коварство и жестокость Девлет дорого заплатил. В следующем 1572 году он был со

своим войском разгромлен на подступах к Москве и погиб вместе со своими сыновьями.

Эти набеги крымских татар очень обременяли Русь — приходилось с ранней весны до поздней осени держать большие воинские силы, привлекая «под ружьё» население не только городов, но и посадов и деревень, отрывая их от земледельческого и ремесленного труда и организуя на тяжёлые работы по воздвижению земляных валов и рытьё глубоких рвов. Остро необходимо было не только защитить себя, но и вернуть богатые чернозёмные земли, заселённые русскими людьми до монгольского нашествия, а ныне пустовавшие.

Уже начиная с 16 века Московская Русь вела упорную борьбу с крымскими татарами за возврат огромного южного пространства.

Русские постепенно продвигались всё дальше на юг, создавая укреплённые города, вокруг которых возникали деревни и сёла. Богатая чернозёмная почва привлекала всё большее население, вынужденно замкнутое после монголов в северных тундровых и лесных бедных угодьях.

Но для возврата своих исконных земель русским людям пришлось вести тяжёлую кровопролитную войну в течение 200 лет и принести большие жертвы, так как в противостоянии с крымскими татарами, приходилось сражаться и с их союзниками. Сначала это были казанские татары, и Ногайское ханство, а затем турки и европейцы, постоянно подстрекавшие крымских ханов набегам на Русь и оказывавшие им военную поддержку.

Так, в 1521 году крымский хан Мехмед Гирей, собрав вместе с казанскими татарами огромное войско в 80 тысяч сабель, полностью разорил окрестности Москвы. Через пять лет, в 1527 году, опять же вместе с казанцами он повторил такой же опустошительный набег. Множество русских людей стали пленниками. Их продали казанские татары в Астрахани, а крымские — в Кафе (Феодосии).

С 1385 года, когда Крымское ханство становится турецким вассалом, султаны Турции, не желавшие возврата русских к побережью Чёрного моря, не только постоянно натравливали крымских татар на Русь, но и сами участвовали в их набегах, подкрепляя их не только своими воинскими контингентами, но даже артиллерией. Так, в 1591 году в войско крымского хана Гязы II Гирея, вошли не только его подданные, но также ногайцы и турки со своими пушками. Это объединение сил им не помогло, и они были наголову разбиты, а сам хан при этом ранен.

Заметим, что турок в эту авантюру подбила Швеция, воевавшая в то время с Русью, как 10 лет до этого в 1580 году подговорила турецкого султана совершить вместе с его Сателлитом — крымским ханом, напасть на русские земли Ливония, которая вела тогда войну с Русью.

Эти кровавые подстрекательства европейцев, не желавших укрепления России, продолжились и в 17 и в 18 веках. Они не могли не привести к войне России с Турцией. По подстрекательству Польши и других европейских стран в 1769 году в Константинополе был арестован русский посланник, а затем отмобилизованные заранее турецкие войска вторглись на русскую землю. Не смотря на внезапность нападения и вынужденные в связи с этим длительные и утомительные переходы, наши войска под руководством выдающегося русского полководца, реформатора военного дела, генерал-фельдмаршала Петра Румянцева одним махом выбросили турок за Дунай и с ходу взяли крепость Хотин.

В следующем, 1770, году по приказу турецкого султана крымский хан попытался со своим войском задержать наши войска при Ларге (южная Бессарабия). Но его 80-тысячная армия в восьмичасовом непрерывном бою была начисто разгромлена 30-тысячным русским войском Румянцева. При этом были захвачены все орудия и обоз. На выручку крымским татарам из-за Дуная подошло 150 тысяч ту-

рок. Объединившись с остатками «крымчаков», эта почти двухсоттысячная громада напала у Кагула на горстку русских смельчаков численностью всего в 17 тысяч человек, и была ими наголову разбита. На сей раз добычей нашего бесстрашного войска стали 130 орудий. Вы спросите: «Как это могло быть?» Во – первых, это во многом определилось блестящим полководческим талантом Румянцева, а во-вторых, необыкновенной храбростью и великой стойкостью русских солдат, свято исполнявших его девиз, воспринятый им от древних полководцев — «Мы, русские, не спрашиваем: «Как велик неприятель?», а лишь вопрошаем: «Где он?».

В это время вторая армия под командованием генерала Петра Панина взяла штурмом сильно укреплённую крепость Бендеры.

Одновременно огромная победа была одержана на Чёрном море и русским флотом. Почти безумное по своей дерзкой храбрости нападение в Чесменской бухте наших всего лишь 9-ти больших и 2-х малых кораблей под командованием А. Орлова и адмирала Г. Спиридова на 16 турецких больших и десятки других военных судов увенчалось полным уничтожением турецкого флота. Через двадцать лет, создав гораздо более мощный флот, турки опять попытались испытать крепость русской эскадры и черноморских границ России. Они были абсолютно уверены в своей победе. Турецкий султан заявлял: «Скорее небо упадёт на землю, а Дунай потечёт вспять, чем русская эскадра сможет победить мой флот». Главный же визирь поклялся при этом султану, что он привезёт в железной клетке самого Ушак-Пашу (Фёдора Ушакова). Но этим самонадеянным планом, конечно, сбыться было не суждено. Они разбились о гениальный талант нашего легендарного флотоводца и мужество российских моряков. Фёдор Ушаков, при первой же попытке турок овладеть русским побережьем разгромил их эскадру, а в ряде последующих морских сражений окончательно уничтожил

и остатки турецкого флота. Это было совершенно не удивительно, учитывая, что великий русский флотоводец, каким являлся Фёдор Ушаков, из сорока трёх своих морских сражений не только не потерпел ни одного поражения, но даже не потерял ни одного корабля и ни одного матроса, который попал бы в плен.

Остатки сухопутных турецких войск бежали за Дунай в надежде, что русские не смогут преодолеть под их огнём такую трудную водную преграду. Но герои Румянцева сумели форсировать эту широкую реку и осадили турецкие крепости (Румянцев получил за этот подвиг звание Задунайский). Поняв, что от таких не отбиться, турки запросили мир.

По условиям мирного договора, заключённого в 1774 году, Россия получила доступ к Азовскому и Чёрному морям, право для своих торговых судов беспрепятственно плавать по Черному морю и проходить через Черноморские проливы, а также присоединить к себе Азов, Керчь и другие южные города.

А как же было с Крымом?

В Крыму события развивались следующим образом. После разгрома Румянцевым войска крымского хана при Ларге, генерал Василий Долгоруков (получивший за свои подвиги приставку Крымский) разбил остававшееся в Крыму 30-тысячное войско крымских татар и занял главные приморские города и всю середину Крыма.

Турецкий султан, армия которого была разбита русскими войсками, Крыму не смог больше помогать. Тогда крымские татары сменили наместника Султана и возвели на престол своего ставленника, нацеленного на мир с Россией. Крым становится не подвластным Турции, обретя свою независимость.

Турки не хотели примириться с этим и попытались было послать флот на усмирение крымчаков, но после предупреждения со стороны России Турция оставила эту попытку.

Россия же не стремилась подчинить себе Крым военной силой или, как говорил поэт Ф. Тютчев: «А мы попробуем любовью и там посмотрим — кто сильней». В этом противостоянии Турции и России за привлечение Крыма победила Россия.

Выдающийся государственник Григорий Потёмкин предпочитал мирным дипломатическим путём привести Крым в состав России. Он мог ещё до войны России с Турцией войти с войсками в Крым, чтобы силой освободить множество русских пленников (преимущественно девушек). Но не сделал этого, а потратил огромную сумму денег — целых двенадцать миллионов рублей, чтобы выкупить 10 тысяч православных пленных, среди которых были не только русские, но и представители других славянских народов. Татары это оценили и после русско-турецкой войны и обретения независимости благодаря России стали изъявлять желание войти в состав России. Первыми присягнули Потёмкину муллы Крыма, что было очень важно для остального татарского населения. Но в правительственных кругах России в течение нескольких лет сохранялось противодействие этому присоединению, так как отчётливо осознавалась огромность предстоящих затрат на Крым, «чтобы он был достойно благоустроен». Даже сам Потёмкин, активнейший поборник присоединения Крыма, писал царице: «Ни богатства, ни славы это вам не принесёт». Но тем не менее он пишет две записки Екатерине II, чтобы устранить возникшее препятствие. Во втором обращении к императрице он настойчиво предлагает: «Решайтесь, Ваше Величество!»

Дальновидная императрица не меньше Потёмкина осознавала, какие колоссальные расходы потребуются на переустройство полуострова — проведение дорог, создание морских причалов и портов и других объектов, но заявила: «Крым станет самой ценной жемчужиной в российской короне».

16 июля 1783 года Потёмкину было разрешено подписать документ о добровольном вхождении Крыма в состав Российской империи. И любимец царицы, обладавший огромным организаторским талантом, проявил такую кипучую энергию, доходившую до самопожертвования, привлёк столько талантливых русских людей, что буквально через несколько лет мир был изумлён тем, как русские преобразили Крым, до того совершенно экономически неразвитый.

Когда буквально через несколько лет Екатерина II пригласила в свою ознакомительную поездку в Крым множество знатных особ Европы, в том числе австрийского императора и нескольких принцев других европейских государств, а также дипломатов, то многие из них не только скептически улыбались, но между собою даже злорадствовали, предвкушая что царица оконфузится тем, что показать гостям в полудиком, только что вошедшим в Россию крае, будет совершенно нечего. Однако каково же было их изумление и даже шок, когда после пиршества вдруг на одной из стен были распахнуты портьеры и гостям предстала изумляющая панорама — уступами к морю расположился новый город из белоснежного камня, возникший на ещё недавно диком берегу, а под ним в бухте, вчера ещё пустынной, красовалась армада нового русского флота. Это был Севастополь — город-герой, которому судьба уготовила стать символом мужества и доблести русских моряков, алмазом в венце русской воинской славы. Ждать ему этой славы и величайших испытаний, связанных с этим, пришлось недолго.

Французы с завистью, ревностью и конкурентной опаской начали посматривать на Крым, ставший за несколько десятилетий не только главной курортной здравницей России, но и прославившийся своими виноградниками (первыми их заложила сама царская семья) с выведенными новыми ценными сортами винограда, из которого русские стали

делать самое лучшее в мире шампанское и другие вина, не уступавшие по качеству лучшим французским маркам.

Англия же, стремившаяся сохранить за собой положение владычицы морей, всеми силами старалась остановить укрепление и развитие России. Она разработала для этого грандиозные планы, которые ставили своей целью лишить Россию выходов к морям, отобрав при этом Крым, Одессу, Санкт-Петербург, Аляску, Камчатку и в целом Дальний Восток. В 1854 году она, объединив вокруг себя Францию, Турцию, королевство Сардинии, организовала нападение на Крым, одновременно блокировав финский залив и направив эскадру к берегам Петропавловска-Камчатского.

В центре Владивостока — между драматическим театром и институтом искусств (где я проработал 20 лет, преподавая эстетику и философию) стоит памятник Сергею Лазо. Он установлен на великолепном постаменте, обрамлённом гранитной композицией, выполненной, как мостик корабля. Тем, кто удивляется, почему под памятник герою гражданской войны и борьбы с японскими интервентами на Дальнем Востоке установлен такой постамент морского профиля, невдомёк, что он предназначен был для памятника совсем другому герою — адмиралу Василию Степановичу Завойко.

Большевики, «отцы» Владивостока проявили чёрную неблагодарность к прославленному адмиралу, уничтожив его памятник, потому что само рождение этого города было обязано именно Завойко, порекомендовавшего генерал-губернатору Восточной Сибири Муравьёву-Амурскому перенести главный военный порт из Николаевска-на-Амуре в бухту Золотой Рог и сделать его городом-крепостью.

Кстати, деньги на памятник Завойко, открытый в 1908 году, собирались методом народной подписки по всей России, и через 50 лет со времени героических событий продолжавшей восхищаться успешной доблестной обороной

моряков и жителей Петропавловска-Камчатского, блистательно организованной адмиралом.

На малюсенький Петропавловск, воинский контингент которого насчитывал всего 920 штыков при общей численности жителей чуть более четырёх тысяч, обрушилась англо-французская эскадра, включавшая 6 боевых линейных кораблей, на которых было 216 орудий и 3000 военных моряков. На защиту города встали все его жители, включая женщин, стариков и даже подростков. В кратчайший срок были отрыты и воздвигнуты укрепления для батарей. Гарнизон городка, нерассчитанный на длительную оборону, скоро израсходовав снаряды и отразив множество атак, сбил с господствующих высот интервентов и, опрокинув их в море знаменитым русским штыковым ударом, одержал полную победу.

Адмирал Прайс, командовавший объединённой эскадрой, не перенеся такого позора, вынужден был покончить с собой.

Я остановился на этих событиях, потому что они до сих пор не нашли заметного и должного отображения ни в популярной исторической, ни в значительной художественной литературе, достойной этой блистательной и славной страницы из истории защиты нашей родины.

Другое дело — героическая оборона осаждённого Севастополя, который в течение двух лет (1854–1855) отражал непрерывные атаки интервентов, подкрепляемых губительным огнём корабельных иноземных батарей.

О великом несгибаемом мужестве русских защитников города-героя вы узнаете, я надеюсь, прочтя «Севастопольские рассказы» Льва Толстова, как известно являвшегося активным участником этой героической обороны.

О том, ценой каких потерь досталось врагу взятие осаждённого Севастополя, может служить горькое и язвительное заявление одного из членов английского парламента по это-

му поводу: «Ещё одна такая победа, и мы останемся совершенно без армии».

Но и наши потери, с учётом многовековой борьбы России с Крымско-Турецкой агрессией и постоянными набегами крымских татар были огромны — они составили более четырёх миллионов человек. И вот этот благословенный край, за несколько веков возделанный русскими людьми, обильно политый их потом и кровью, в одночасье в 1954 году «одним росчерком пера» сумасбродного политика Н.С. Хрущёва, «под пьяную лавочку», был изъят у России и отдан украинской республике, причём не только без обязательного в таком случае референдума, но даже без обсуждения в законодательном или хотя бы в каком-либо исполнительном органе власти.

После распада СССР Крым должен был возвратиться к России, от которой он незаконно был отторгнут, как, скажем, Гданьск, Эльзас и Лотарингия, Калининград, которые отошли к Польше, Франции и СССР в 1945 году от Германии, незаконно удерживавшей их длительное время.

Но произошло следующее. Ещё существовал Советский Союз, когда новоявленные президенты трёх республик, входивших в него, — России, Украины и Белоруссии: Ельцин, Кравчук и Шушкевич, жаждавшие получить поскорее всю полноту личной власти, тайно (без представителей других союзных республик) собрались в Беловежской Пуще, в Белоруссии и договорились, развалив СССР, выйти из подчинения союзному центру и его президенту М. Горбачёву. Делалось это на ходу, в большой спешке. Многие вопросы при этом, очень важные для будущего, или были забыты и поэтому не обсуждались, или решения по ним принимались совершенно не продуманно.

В ряду таких вопросов оказался, в частности, Крым и город Севастополь. Последний и не должен был обсуждаться вообще, потому что ещё за пять лет до незаконной переда-

чи Крымской области из РСФСР Украине, а именно в 1948 году решением советского правительства Севастополь был наделён особым статусом непосредственного подчинения Москве, то есть он был городом союзного значения, как Москва и Ленинград.

Крым также должен был перейти к России, но в горячечной суете, обостряемой жаждой скорейшего получения всей полноты власти, Ельцину было не до Крыма.

Леонид Кравчук — президент Украины, участник Беловежского сговора, понимая, что Крым передан незаконно спросил осторожно: «А что, Крым тоже?» «Да бери!» — ответил «щедрый» Ельцин, которому важно было скорее захватить власть любой ценой. Позже Кравчук напишет: «Если бы тогда Ельцин потребовал возвращения Крыма России, я бы даже не подумал спорить об этом».

А про Севастополь, город союзного подчинения, вся изрядно подгулявшая компания и в том числе Б. Ельцин, особенно злоупотреблявший зельем, в тот момент вообще не вспомнили. Он, как подарок с неба, стал принадлежать Украине, и за аренду территории, занимаемой севастопольской военно-морской базой мы вынуждены были платить немалые средства.

С этим, хотелось бы сказать упущением, но назовём это своим именем — преступлением, не могли мириться ни в России, ни в Крыму. Народные депутаты России трижды принимают решение признать не имеющим юридической силы распоряжение Хрущёва 1954 года о передаче Крымской области в состав Украинской СССР. Но продолжения это решение не могло иметь, поскольку Ельцин арестовал руководителей Верховного Совета, расстреляв при этом из танков здание, в котором тот заседал. Таким образом, возвращать Крым было уже некому. Само же население Крыма ещё в 1990 году, за год до распада СССР, на референдуме проголосовало за провозглашение Республики Крым в со-

ставе Советского Союза, то есть о выходе из Украины и возвращении независимости от Киева. В следующем 1991 году референдум повторили и на нём за выход из состава Украины проголосовало 96% крымчан.

В 1992 году на очередном референдуме была принята конституция Республики Крым, в которой устанавливалась её автономность.

Этим первым трём референдумам не оказали никакой поддержки ни коммунист Горбачёв, ни «демократ» Ельцин, и их результаты, как и итоги ещё двух последовавших за ними референдумов крымского населения, не были приняты киевскими властями.

И это несмотря на то, что на них народ Крыма каждый раз единодушно (от 93 до 96%) голосовал за свободное и независимое самоопределение. Это единодушие вполне объяснимо.

Потому что к тому времени власти Украины украинский язык не только поставили выше русского языка, но и стали исключать последний из всех сфер государственного обращения — образования, медицины, социальных структур и даже торговли и транспорта. Почти все СМИ также перевели на один украинский язык. И это несмотря на то, что в целом на Украине по результатам переписи 1989 года русский язык считали родным 63,5% населения. В Крыму же украинцев почти не было. Подавляющее большинство населения было русским, которое все денежные расчёты между собой вело в русских рублях, а не в украинских гривнах — национальной валюты Украины.

Когда в Киеве в 1914 году свершился при помощи США антигосударственный бандитско-террористический переворот, то во власти оказалось немало откровенных нацистов, развернувших русофобскую пропаганду и начавших осуществлять гонение на русскую культуру и силой изгонять русский язык.

Здесь будет вполне уместным напомнить слова Достоевского: «Конечно, в таком случае даже многие благодетели человечества, не наследовавшие власти, а сами её захватившие, должны бы были быть казнены при самых первых своих шагах». Но они оказались под защитой и прикрытием США, а также ведущих стран Европы и не только продолжили тоталитарно-гуманитарный этнический геноцид, но более того создали угрозу прямого физического уничтожения русского населения Юго-Востока Украины (Донецк, Луганск) и Крыма.

Нацисты, захватив власть в Киеве вооружённым путём, попытались так же вооружённой силой захватить парламент Крыма, в котором ещё только обсуждался вопрос о воссоединении с Россией. А Ярош, главарь нацистов и вице-премьер путчистского правительства заявил: «Русских не должно быть в Крыму». Радикалы, получив достойный отпор, убрались восвояси. Но вскоре они перешли к более агрессивным и жестоким действиям, в результате которых пролилась кровь и возникло немало жертв.

Началось с Киева. Во время одной из мирных демонстраций в течение недели, проводимых под руководством дипломатов из спецслужб США (спецпосланник США в Украине Гуланд, не смущаясь, в открытую даже часто лично подкармливала протестующих пирожками), вдруг прозвучали выстрелы одновременно в милицию и участников митинга. Погибло с обеих сторон более 20 человек. Стреляли снайперы частного охранного агентства Грузии, рассказавшие в январе 2019 года европейским тележурналистам о том, что каждому из них за эту кровавую провокацию обещали выплатить по 10 тысяч долларов, но не выплатили полностью и поэтому они решили рассказать миру о том, как всё это было. Провокация была использована для смещения законно избранного президента Януковича и осуществления государственного переворота. Многие были не согласны с

этим, в том числе шахтёры Донецка, которые отправились на семи автобусах в Киев, чтобы высказать свою поддержку свергнутому в ходе путча законному правительству.

При возвращении домой эту мирную делегацию рабочих, среди которых были и женщины, под городом Корсунем ждали вооружённые нацисты. Они, разбив автобусы, жестоко избили каждого из двухсот человек, при этом девять человек забив до смерти, и увели с собой ещё 20 человек, о которых нет никаких вестей до сего времени. На следующий день в Донецк был направлен так называемый поезд «Дружбы» для усмирения шахтёров с вооружёнными молодчиками. Но на перроне их ожидала такая решительная толпа, оснащённая народным оружием — вилами и дубинами, что путчисты не рискнули выйти из вагонов и отправились обратно ни с чем. Вскоре такой же «дружеский» караван двинулся в Крым. Но жители Крыма за 24 года в ходе проведённых пяти референдумов, всегда сопровождавшихся стычками с националистами, мешавшими их проведению давно закалились и были готовы к не менее решительному отпору, чем рабочие Донецкой и Луганской областей, тоже населённых в основном русскими людьми, которых также пытались лишить прав пользоваться родным языком. Дороги при въезде в Крым были перекрыты бетонными блоками и охранялись добровольцами.

И националисты, в том числе крайнего толка с фашистской свастикой на рукавах, не рискнули применить автоматы, против безоружных русских людей, преградивших им въезд в Крым, учитывая, что рядом расположен контингент Севастопольской военно-морской базы, принадлежавшей России.

Но гарантии, что фашиствующие киевские молодчики не учинят кровавую бойню в Крыму, никакой не было, тем более, что они уже вели постоянный разрушительно-уничтожающий огонь по горняцким посёлкам Донецкой и Лу-

ганской областей, а также по жилым кварталам, школам и больницам города Донецка, в результате чего постоянно гибли совершенно мирные жители, среди которых было немало детей.

Верхом же бесчеловечности последователей гитлеровского холуя Бандеры и ярого антисемита Петлюры, виновных в гибели десятков тысяч русских, белорусов, евреев, поляков и самих украинцев, явилось абсолютно чудовищное преступление в Одессе — сожжение заживо в Доме профсоюзов 48 участников митинга против совершённого фашистами госпереворота.

Сделано это было с целью предотвращения устремления к независимости по примеру Луганска и Донецка южных городов с многочисленным русским населением — Одессы, Николаева, Херсона.

Учитывая эту реальную смертельную опасность для своих соотечественников, Россия вынуждена была направить ограниченный контингент, спецназовцев для поддержки безоружных ополченцев и дружинников, перекрывших въездные дороги в Крым и Симферопольский аэропорт, куда должны были явиться каратели-националисты для срыва готовившегося крымчанами референдума о вхождении в состав России. Тем самым были предотвращены кровопролитные столкновения бандитов с населением Крыма, защищавшего свою свободу и суверенитет, который, как известно, является одним из основополагающих положений международного права. Кроме того, спецназ обеспечил надёжную охрану участков, на которых парламент Крыма проводил референдум о выходе из подчинения Украины и вхождении в состав России. Спецназовцы вели себя деликатно, не вмешиваясь в ход голосования, и были прозваны «вежливыми» людьми. На референдуме 97% голосовавших высказались за вхождение Крыма в Россию. Все люди, включая даже немощных стариков, на голосование шли с

радостью и высоким духовным подъёмом, как на великий долгожданный праздник. С такой же радостью и энтузиазмом были восприняты и всеми российскими людьми итоги народного голосования в Крыму и решение нашего правительства о принятии Крыма в состав России.

Это было естественно, потому что воспринималось актом установления долгожданной исторической справедливости, которая признаётся всё большим числом людей и правительств в мире.

Кроме, и это тоже вполне естественно и объяснимо, американского истеблишмента и привычно следующих за ним во внешней политике его сателлитов. Они подняли невообразимый вой, переходящий порой в поросячий визг об агрессии России, насильственном захвате ею Крыма и тут же ввели против неё экономические санкции. К этому добавили ещё и обвинения в агрессии против Украины, приписав России якобы ведение ею боевых операций в отделившихся от Киева Донецкой и Луганской народных республиках, против которых киевские власти при попустительстве США и Западной Европы, ведут войну на уничтожение.

Если отделившемуся Крыму моментально было отключено снабжение электричеством и водой, что в большой степени усложнило жизнь людей на полуострове, то с чем можно сравнить мучения и страдания мирных жителей Донецкой и Луганской республик, жилые дома и кварталы которых подвергаются уже несколько лет постоянным обстрелам, несущим смерть и разрушения. В составе народных ополчений этих республик, ведущих мужественную борьбу за право жить по-человечески, действительно можно встретить людей и из России, но исключительно добровольцев, как и среди отрядов украинских националистов, обстреливающих территорий, отделившихся названных украинских областей, есть немало людей, прибывших в эти районы добровольно из Грузии, Польши, Прибалтики и других стран.

Кроме того, в украинской армии постоянно присутствуют наёмники и военные советники из США и инструктора из стран, входящих в НАТО.

Россия оказывает постоянную гуманитарную помощь людям Донецка и Луганска, находящихся из-за полной блокады со стороны Киева на грани голода и постоянного выживания. США же перешли к открытой поставки Украине летального оружия. Поставки отнюдь не бесплатные. За них, как и за многомиллиардные кредиты МВФ под немалые проценты, придётся рассчитываться не одному поколению Украины, обанкротившейся с помощью западных «благодетелей». Для чего они обанкротили эту страну, которая после выхода из СССР, имела экономический потенциал равный ФРГ.

Для Западной Европы, Украина со своим 40-миллионным населением представляла ёмкий рынок сбыта своих товаров. Втянув Украину в Европейскую Ассоциацию, страны Запада предоставили ей на рынке ничтожные квоты для продажи и без того мало конкурентных её товаров, обеспечив ничем неограниченный сбыт своей продукции на украинской земле.

Естественно, большинство украинских предприятий тут же разорилось. А в след за ними потерпели экономический крах и заводы, успешно работавшие многие десятилетия в кооперации с Россией, поскольку им государственными властями была запрещена эта деятельность.

В итоге Украину вогнали в огромные долги (уже около 100 миллиардов долларов), бремя которых придётся нести многим её поколениям.

Для США же главным во всём этом был не столько рынок Украины, сколько перспективная возможность её использования как пешку и разменную монету, как фактор сдерживания России, противостояния с ней, создания вокруг неё враждебного пространства. Американской военщине

оказалось недостаточным размещение своих контингентов и вооружений, нацеленных на Россию и расположенных в Германии, Прибалтике, Румынии и Польше, хотя при распаде СССР и согласии России вывести войска из Германии, Ельцина заверили, что ни войска США, ни военные силы НАТО не будут приближены к границам России.

Мир ещё раз имел повод убедиться в цене заверений и обещаний, даваемых США и её военными союзниками.

Всем сколько-нибудь осведомлённым людям сегодня ясны также причины тотальных нападок на Россию и выдвижения всё новых санкций против неё (хотя экономические санкции США предъявляют фактически всем и по всему миру кроме разве одного Израиля, лобби которого очень влиятельно внутри самих США).

Крым при этом является лишь только эпизодом и поводом, не более того. В чём же главная причина сегодняшних нападок США на Россию, в чём её главная вина?

Прежде всего в том, что она не распалась, как предполагалось к 2003 году на 20 малых государств, а укрепила свою субъектность, свой суверенитет благодаря приходу к власти Путина в 2000 году и стала противостоять гегемонистским планам США по бесконтрольному управлению миром. (Отсюда и демонизация «тирана» Путина и России). Крым ведь сразу же после распада СССР был включён как составная и важная часть этих планов.

Втянув Украину в противостояние с Россией, обанкротив её, США предполагали затем добиться удаления России из Севастополя, который должен был стать их главной военно-морской базой в Европе.

Россия же тем самым лишалась бы выхода в Чёрное, и соответственно, Средиземное моря. Для этого ещё в 1997 году была разработана программа превращения Крыма в расширенный военный плацдарм США, и с этого года начались совместные учения в Крыму американских и натовских во-

енных подразделений. В 2007 году проводится тендер на строительство здесь ряда американских военных городков с казармами и рядом других стратегически важных военных объектов, чреватых непреодолимыми военными последствиями для безопасности России.

В 2014 году после организованного США государственного переворота на Украине и попадания её в долговременную финансовую зависимость открылись ничем не ограниченные возможности для расширенного осуществления этих планов. Но в воссоединение (а не «присоединение») Крыма с Россией в результате всенародного референдума положило конец этим экспансионистским намерениям.

Естественно, что милитаристские и тесно связанные с ними дипломатические и журналистские круги США и руководители НАТО, особенно Англия, подняли невообразимый шум об «агрессии» России против Украины, захвате части её территории. Как говорится, «Наглец приписывает нам всё то, чем обладает сам».

Действительно, уж кому-кому, а не США и Англии выступать защитниками миролюбия и справедливости. Это является верхом цинизма и лицемерия! Известно, что США за свою историю совершили 280 агрессивных военных акций по всему миру (в том числе интервенцию на Север России в 1918 году), а сегодня из 200 стран мира они в 132 содержат свои базы, а Великобритания уже к концу 19 века не вторгалась лишь в 22 из 190 государств — и прежде чем требовать возвращение Украине Крыма, ей надо сначала вернуть Мальдивы, Гибралтар и ещё около 10 территорий, нагло захваченных силой. Как отмечал А. К. Толстой:

«Ходить бывает склизко
По камешкам иным,
О том, что рядом, близко
Давайте помолчим».

Так что кому-кому, а Англии стоило бы помолчать, а не разглагольствовать о миролюбии и справедливости.

Надо сказать, что сегодня и в Англии всё больше людей, в том числе парламентариев, а также политиков и журналистов других европейских стран, побывавших в Крыму, начинают осознавать историческую справедливость и необратимость происшедших здесь изменений. Только что ставший после выборов президентом США Трамп так же заявил: «Если в Крыму живут русские, и все говорят только на русском языке, то можно понять, почему они сделали такой выбор». Под мощнейшим давлением, угрозой импичмента со стороны законодательных ветвей власти и в целом истеблишмента США, он вынужден был отступиться от этого своего мнения.

Что же касается общей политики США по отношению к России, и не только к России, а и к большинству других стран мира, она остаётся в русле прежних гегемонистских устремлений, присущих почти всем периодам её исторического развития.

Немногие знают, что с присоединением к себе насильственным путём республики Техас, Ньюмехико, Калифорнии, Филиппин и ряда других территорий уже в 1814 году (когда Англия вела войну с Наполеоном), то есть всего лишь через 38 лет после своего образования США (насчитывавшие тогда 17 штатов) напали с целью захвата на Канаду, являвшуюся в то время провинцией Великобритании.

Канадцы наголову разбили агрессоров, сожгли при этом не только Капитолий, но и весь Вашингтон, из которого в панике бежало американское правительство. Но от своей цели — захвата Канады, США не отказались и разработали зловещий план под названием War Pean red. Согласно ему должны были быть полностью уничтожены Оттава, Торонто и Галифакс. Для этого создавались огромные четырёхмоторные бомбардировщики, получившие название

«летающие крепости». Этот план существовал до 1938 года — фактического начала второй мировой войны после захвата Германией части территории Чехословакии.

После её окончания Великобритания, потеряв свои колонии, уже не являлась сверхдержавой и конкурентом США в борьбе за мировое господство, поэтому к указанному плану американцы больше не возвращались.

США, ни разу не одержав ни одной самостоятельной победы, очень расчётливо использовали для своего обогащения и возрастания своего могущества победы, добытые другими странами. Так, они вступили и в первую и вторую мировую войну всего лишь за несколько месяцев до их окончания, понеся не очень большие потери, но гигантски разбогатев на военных поставках и предоставлении займов в первом и во втором случае.

Достаточно сказать, что после 1945 года в США перешло не только всё золото Европы, но и значительная часть (1500 тонн) золотого запаса СССР.

Ещё более утвердившись в своей возвышенной исключительности, имперской по своей сути, США не только продолжили, но и резко увеличили свою национальную агрессивность, развязав холодную войну против СССР и поставив мир на грань ядерной катастрофы. Для этого вскоре после 1945 года они разработали план «Немыслимое», по которому атомными бомбардировками должны были быть уничтожены 49 главных городов Советского Союза. Но из-за возникшего вскоре ядерного паритета с СССР сделать это и осуществить мировое господство оказалось невозможным. Такая возможность (абсолютное мировое доминирование) появилось, как казалось США, в 1990-е годы с развалом СССР и предполагаемым, как уже отмечалось, к 2003 году распадом России на ряд мелких государств.

Созданное Б. Ельциным правительство под руководством молодых неолибералов (Гайдар, Чубайс, Немцов),

прошедших подготовку в США и наводнивших не только министерства, но и многие департаменты и госкорпорации американскими управленцами, консультантами и советниками, привело страну после осуществления «приватизации» в пользу олигархов и «шоковой терапии» почти к полному экономическому краху и приведению большинства россиян на грань нищеты. Из-за огромной безработицы, возникшей массовой депрессии, и соответственно ростом потребления алкоголя, страна потеряла в эти годы 10 миллионов человек, а многие миллионы пережили не только страдания, но и трагедии.

Одновременно из-за остановки многих крупных предприятий, особенно военных заводов, существенно снизилась и обороноспособность страны.

В этих условиях США провозгласили курс на глобальное доминирование и на окончательное (как им казалось после распада СССР) утверждение однополярного мира. Неоднократные же предложения России об интеграции на общих правах с порога отвергались.

Именно в это время прозвучало наглое по своему притязанию и откровенности (неслыханное в мировой дипломатии для уровня министра иностранных дел) заявление госсекретаря США Мадлен Олбрайт о том, что «Россия обладает слишком большой территорией».

Если так обращаются с державой, обладающей ядерным и межконтинентальным ракетным оружием, то что же говорить о поведении США по отношению к менее слабым странам? Здесь США не ограничивают себя ничем, идя на самые чудовищные по своей жестокости преступления, применяя для их оправдания такое коварство и такую ложь, по сравнению с которой отдыхает пропаганда Геббельса. Так, в начале 2000-х годов госсекретарь США Колин Пауэлл для оправдания предстоящего уничтожения Ирака, с трибуны ООН потрясал пробиркой, с находящимся якобы

в ней образцом химического оружия, которым де напичкана эта страна.

Совершенно разрушив Ирак, американцы не смогли, да и не могли найти здесь никаких средств массового химического уничтожения, потому что их там никогда не было. С помощью постановочных видеосъёмок было «доказано» применение правительством Сирии химического оружия против своего гражданского населения и «оправданы» бомбардировки этой страны, авиацией НАТО и США, которые реально, а «не фейково» привели к многочисленным жертвам сирийцев. Ливии же, где действительно велась разработка ядерного оружия, американцы предложили уничтожить эти разработки в обмен на гарантию её безопасности. Но после того, как она выполнила это, её также бесчеловечно разрушили, обрекая, как и в Ираке миллионы людей, ставших беженцами, на муки и страдания в переселенческих лагерях.

Коварство, жестокость, лож и обман героев Шекспира, как видите, бледнеет перед сегодняшним обликом сильных мира сего!

Этот вывод, к несчастью, ещё более рельефно подтвердился в последние два года и в третьей нефтеносной стране арабского мира — Сирии.

Прибрав к рукам в результате оккупации нефть Ирака и Ливии, США и их главные европейские союзники, устремили свои алчные взоры и на эту страну. Под привычным предлогом при внесении в неё «демократии» освобождения от очередного «диктатора» (в данном случае Асада) они вскормили и вооружили против него оппозицию, которая мгновенно превратилась в мусульманское террористическое государство ИГИЛ. Оно тут же вышло из подчинения тех, кто его создал и стало учинять кровавые террористические акты по всему миру, (в том числе в Москве и Санкт-Петербурге) не говоря уже о беспощадном уничтожении самих

сирийцев и великих древнейших памятников христианской культуры на большей части территории Сирии.

Правительство этой страны в этот опасный трагический период в ответ на своё обращение за помощью к другим странам нашло её только в лице России. Российские военно-космические силы своими точными авиационными и ракетными ударами разрушили основные военные базы террористов, что позволило сирийской армии освободить почти всю страну за исключением небольшого анклава самовольно, без разрешения сирийского правительства занятого военной группировкой США, прикрывающих остатки террористических групп. Российские военнослужащие-лётчики, разведчики-корректировщики огня и военные медики проявили здесь не только высочайший профессионализм, но и огромное мужество, часто граничившее самопожертвованием, что вызвало чувства искреннего восхищения и благодарности у сирийцев и других народов.

Так, группа наших разведчиков-корректировщиков огня из 25 человек, окружённая террористической бандой численностью 300 человек, выиграла у неё бой, уничтожив несколько десятков из её числа, не потеряв при этом никого из своих рядов. Многие из них стали Героями России. Этого же высшего воинского звания были удостоены и разведчики, вызвавшие огонь на себя, пожертвовавшие своей жизнью, а также окружённый после катапультирования лётчик Роман Филиппов, который предпочёл подорвать себя гранатой в кругу боевиков, чем сдаться им в плен. Ему установлен сегодня памятник в нашем приморском селе Галёнки, где находится авиачасть, из которой он отправился в Сирию по просьбе её правительства.

Спасая жизни раненых сирийских детей и женщин, отдали свои жизни, геройски погибнув на посту две другие наши землячки-дальневосточницы из г. Биробиджана —

операционная медицинская сестра Надежда Дураченко и анестезиолог Галина Михайлова. В их мобильный военный госпиталь попала мина американского производства, выпущенная террористами, как перед этим из американского же переносного оружия был сбит самолёт Р. Филиппова.

Таким образом, если российская армия обеспечила разгром террористического государства ИГИЛ, оказало и оказывает постоянную конкретную гуманитарную помощь и содействие в примирении враждующих групп в Сирии, то НАТО и США принесли в Ирак, Ливию, Сирию хаос, разруху, страдания и жертвы среди населения этих стран.

США ведут любую войну и всякие другие военные конфликты и подрывные действия, как всегда, на чужих территориях, выходя «сухими из воды» и имея как всегда в «сухом остатке» золотые барыши, наживаясь на крови и страданиях других.

Их же европейские союзники — члены натовской военной коалиции, участвовавшей в бомбардировках Ливии, Сирии и разгроме Ирака, на сей раз получили бумерангом нашествие миллионов бедствующих иммигрантов из этих разорённых стран, а также из Африки, которую веками грабили метрополии, составляющие сегодня ядро НАТО.

Это лишь частичная кара за преступления против человечества, за лишение миллионов неповинных людей крова, работы, элементарных средств существования. Своего трибунала ждёт геноцид против мирного населения Сербии в мирной Европе в 1999 году, когда в течение 78 суток натовские самолёты днём и ночью бомбили города этой страны.

Во время этих варварских бомбардировок были не только разрушены многие жилые дома, объекты образования, культуры и даже больницы, медицинские центры, но и убиты 2 тысячи и ранено более 10 тысяч мирных сербских граждан.

За что подверглись этой каре сербские жители, в том числе 80 убитых и несколько сот раненых, и тысячи осиротев-

ших детей, чем можно объяснить или, тем более, оправдать их смерти и страдания?

США и страны НАТО не устраивала нейтральная позиция Югославии. При её попытке вступить в Европейскую Ассоциацию ей выдвинули два условия: первое — вступить в НАТО, второе — прекратить запрещение гей-парадов.

Поняв, что втянуть целиком Югославию в эту агрессивную военную организацию, нацеленную против дружественной Сербии России, не удастся, натовцы решили расчленить её и втянуть в свою структуру по частям. Для этого они сначала подготовили и осуществили кровавый мятеж иммигрантов-албанцев с массовой резнёй сербов и признание независимости, занятой сепаратистами вооружённым путём — Косово, исконной территории сербов. В этом проявилась наглядно двойная если не тройная мораль Запада, который не признаёт перешедших на основании безукоризненного в юридическом плане референдума русских людей Крыма в состав своей родины, некогда незаконно отделённых от неё, и в тоже время с радостью утверждает независимость мятежного новообразования.

Одновременно, прикинув, что они не смогут победить Сербию в открытой агрессии, народ которой в качестве единственного в оккупированной Гитлером Европе не сдался и всю войну героически сражался с фашистами, сохранив за собой свободной большую часть своей территории, они решили прибегнуть к варварским ковровым бомбардировкам, которые продолжались в течение 78 дней. Из-за этих варварских бомбардировок урановыми снарядами в Сербии (особенно в г. Врание) сегодня наблюдается аномальный рост раковых заболеваний, от которых многие умирают, а поколение новорожденных подвержены разнообразным патологиям.

Шесть малых государств, на которые была расчленена процветавшая Югославия — авторитетный лидер неприсоединившихся стран, сегодня втянуты в НАТО и, неся

бремя её военных расходов, испытывают огромные социально-экономические трудности.

Очень хочется верить, что всех тех, кто свершил эти бесчеловечные преступления когда-нибудь настигнет всё же и суд народов, и божья кара!

В истории, к сожалению, многое повторяется!...

В конце второй мировой войны, исход которой уже был предрешён, авиация наших союзничков, прежде всего Великобритании, не встречавшая особого отпора фашистских ассов, к тому времени уничтоженных советскими истребителями, «смело» ровняла с землёй ковровыми бомбардировками немецкие города, являвшиеся культурными центрами всемирно-исторического значения (Кёльн, Дрезден, Лейпциг), в которых совершенно не было опорных военно-стратегических объектов. Объяснялось это варварство (как и уничтожение атомными бомбами мирных городов Японии Хиросима и Нагасаки) якобы стремлением подавить дух немцев (во втором случае — японцев) и склонить их к капитуляции.

На самом же деле преследовалась совсем другая цель — уничтожить заводы, которые попадали в оккупационную зону советских войск и после войны могли быть вывезены в СССР, что способствовало бы более быстрому восстановлению его подорванного войной и во многом разрушенного промышленного производства, чего никак не хотели допустить США и Великобритания. Страдания же гражданского населения Германии, гибель людей и великого культурного наследия для «цивилизованных» американцев и британцев были ничем по сравнению с их стремлением к послевоенному мировому доминированию. Поэтому они и устроили этими бомбардировками фактически вторую Хиросиму, массово уничтожая тысячи беженцев и мирное население немецких городов.

Советские солдаты и позже русские реставраторы картин по признанию немцев совершили «настоящий благородный подвиг, заслуживающий вечной благодарности», спасая из

руин и многие годы реставрируя сокровища знаменитой Дрезденской картинной галереи, которые затем были переданы безвозмездно немецкому народу.

В 1999 году Россия, испытывая экономическую разруху и ослабление своего военного потенциала, не смогла защитить братскую Сербию и оказать ей помощь, как скажем, в 1950–1953 годах северокорейскому народу, подвергнутому агрессии США, которые пользуясь превосходством своей авиации над корейскими и китайскими самолётами «также смело», как в Югославии (а позже и во Вьетнаме) бомбили мирные города в Кореи, пока в дело не вступили советские лётчики.

Приглашённые в качестве инструкторов для обучения корейских и китайских лётчиков, участвовавших в войне, они вынуждены были однажды вступить в бой сами, поскольку бомбить Корею летела сразу целая армада из 100 американских бомбардировщиков и истребителей.

Сбив сразу целых двенадцать американских самолётов, все наши машины целыми вернулись из боя.

Этот катастрофичный день с тех пор отмечается американской авиацией, как «чёрный четверг». После него «смелость» американских ассов заметно поубавилась. К сожалению, они ответили на это уничтожением советского гражданского самолёта, погибшие пассажиры которого (несколько десятков человек), захоронены в мемориальном комплексе у Дальзавода в городе Владивостоке.

К сожалению, война — жестокая вещь, на ней случается всякое, в том числе и роковые, случайные ошибки, как например описывается в строчках стихотворения Давида Самойлова:

«Мы под Колпином строем стоим,
Артиллерия бьёт по своим.
Это наша разведка, наверно,
Ориентир указала неверно».

Из 12 приморских гражданских кораблей (их названия высечены на плитах у памятника морякам гражданского флота во Владивостоке), осуществлявших в 1941–1945 годах перевозку из США грузов по ленд-лизу, только два потоплены японцами, а остальные были уничтожены по ошибке американскими ВМС. Здесь нет личной вины подводников, как и лётчиков, бомбивших беззащитные Дрезден, Хиросиму, Нагасаки, Белград, Вьетнам и арабские города. Они лишь выполняли воинские приказы, цель и роковые последствия которых им далеко не всегда были ясны и за которые они были вынуждены позже нести тяжёлую морально-психическую расплату, как например лётчики сбросившие атомные бомбы на мирные японские города или сжигавшие напалмом вьетнамские джунгли вместе с живыми людьми.

Когда я пишу горькие строки о драматических событиях на Украине или трагических последствиях политике, проводимой США, я каждый раз мысленно отделяю простых украинцев, с которыми мы фактически составляем единый народ от русофобствующих украинских националистов и тесно связанных с ними преступников-нацистов, а также рядовых американцев от военно-политических ястребов их страны.

Я полагаю, что любого человека не могут не восхищать, не вызывать уважение такие качества простых американцев, как невероятное трудолюбие, огромная предприимчивость, предпринимательская жилка, фантастическая воля в достижении цели.

При этом рядовые американцы не интересуются глобальными политическими проблемами, считая, что «вся политика США — это местная политика, а если она не местная, она меня не интересует». Они проявляют интерес прежде всего и в основном только к тому, что происходит на уровне муниципалитета (своего городка) или штата.

За глобальную же политику США, создающую сегодня конфликты во многих регионах планеты, несут ответственность прежде всего агрессивный военно-политический комплекс и правящий американский истеблишмент, возлагающий вину за сохраняющуюся напряжённость в мире на Россию и Китай.

Всё большему числу людей становится ясной необоснованность этого, как и обвинения России в агрессивности якобы исконно ей присущей.

РУССКИЙ ХАРАКТЕР. ЕГО ИСТОКИ И СУТЬ. ПОДВИГ ПРЕДКОВ

На самом деле Русь, (а позже Россия), в силу миролюбивого характера русских людей никогда не была агрессивной страной и всю свою историю она вела оборонительные сражения. Своей многовековой и многострадальной борьбой сначала с южными кочевниками, различными южными и восточными воинственными тюркскими племенами и, наконец, с Золотой ордой, и позже с её осколками — Нагайским, Астраханским, Казанским и Крымским ханствами (успешно инкорпорированными) она не только самостоятельно, в одиночку, без какой — либо помощи отстояла свою независимость, спасла себя, но и как, щитом, прикрывала Европу в течение многих веков.

С 8-го по конец 10-го века на Русь постоянно нападали тюркские племена. В 965 году их могучий каганат, основу которого составляли хазарские племена, разгромил русский князь Святослав Игоревич. Но с 9-го по 11-ый век Русь стала подвергаться нападению со стороны печенегов. Их в 1036 году разбил великий князь Ярослав Мудрый. С середины 11 века (1055) по 1240 год, Русь постоянно подвергалась набегам ещё более воинственного и опасного племени. Это были половцы, с которыми все эти два века пришлось Руси вести изнуряющую кровопролитную борьбу, спасавшую Европу от их опустошительных набегов. Только малая часть разгромленных русскими печенегов и половцев, разбитых монголами в 1240 году, перешла в Венгрию уже в виде безоружных мирных скотоводов. Для русских же борьба с тюркскими кочевниками особенно с половцами, стоила больших затрат и немалых потерь, в числе которых было исчезновение развитого древнерусского Тмутараканского

княжества, занимавшего в 10–12 веках весь Таманский полуостров и восточную часть Крыма.

Ещё более страшный урон Руси нанесло нашествие татаро-монголов, обрушившихся несметными полчищами в 1237 году. Древнерусское сильное государство с единой властью великого князя, с его мощным войском (великокняжеской дружиной), которое соперничала самой Византийской Империей и даже, случалось, брало с Константинополя «откуп», это государство к концу 12-го века распалось на многие удельные княжества, которые вели между собой непрерывную борьбу за влияние, за власть над соседями, овладение их богатствами и людьми.

И русские разрозненные земли оказались практически беззащитны перед огромными полчищами татаро-монголов, к тому же напавших совершенно внезапно (русские тогда ничего ещё не знали об Азии, о том, что там происходит).

Наши древние предки защищали свою землю с невиданным мужеством. Великую стойкость проявляли не только защитники крупных городов, таких как Рязань, Москва, Владимир, Суздаль, но и все мало-укреплённые небольшие городки, как например, Козельск, в котором насчитывалось только 5 тысяч жителей, а способных сражаться с варварами всего лишь 2 тысячи человек. Войско Батыя в 140 тысяч человек, включавшее в себя помимо монгольских туменов (отрядов) также отряды черкесов, половцев, башкир, мордвы и удмуртов 7 недель осаждало непокорный город. Когда он, наконец, был взят, то там была такая резня, что кровь ручьями текла по улочкам и малолетний князь Василий захлебнулся в ней. Татары прозвали Козельск «злым городом», запретив употреблять его имя потому что во-первых, им пришлось осаждать его невиданно долго — целых два месяца, а во – вторых , осаждённые сделали безумную по своей храбрости вылазку и уничтожили 4500 всадников — половину личного элитного соединения Батыя.

В бешенстве он приказал снести город, убив всех его жителей, включая детей и не беря никого в плен, а на месте разрушенного города распахать землю. Подобного татаро-монголы ещё никогда и нигде не встречали.

Но не только Козельск, а и все другие города им приходилось брать только приступом. Лучше быть потяту (убиту), чем полонёну, пелось в русской песне. По правилам же азиатских полудиких племён, если им не сдавались добровольно, то все подлежали истреблению, а город — полному уничтожению. Поэтому за 4 года почти все сёла и абсолютно все города, в том числе Киев, кроме лишь Смоленска, Новгорода и городов белорусских княжеств, куда из-за непроходимых лесов и болот не добрались дикие татарские орды, превратились в груды обгоревших развалин. «Когда мы проезжали по русской земле, — писал путешественник Карпини, видевший её даже через пять лет после татарского погрома, — то видели бесчисленное множество черепов и костей человеческих в степи. Киев (столица Древнерусского государства) был прежде и велик, и многолюден, а ныне в нём едва ли 200 домов». Хоронить павших было некому в городах и сёлах, где прошли орды. Всего в живых на Руси осталась едва ли десятая часть жителей.

Это было действительно доселе невиданное сопротивление, эта героическая четырёхлетняя (1237–1241 гг.) борьба русских людей до последнего воина, подорвала основные силы полчищ Батыя и их хватило лишь для того, чтобы зацепить только краешек Европы (Польшу и Венгрию) и пройти (в 1241–1242 гг.) к Адриатическому морю, но зацепиться там, ослабленному сражениями с русскими, ему уже не представлялось возможным. Таким образом, Русь, как и в случае с тюркскими кочевниками, спасла Европу от больших бедствий в очередной раз. Я пока не хотел бы, мои дорогие, ужасными деталями отягчать ваши юные души, рассказывая о том, на какие страшные муки, неслыханные страдания

были обречены русские люди, ежегодно уводимые татарами в рабство, начиная с самого раннего, малолетнего возраста, как обращались с русскими людьми собиратели дани баскаки и «бесермены» (откуда и пошло название «басурманы»). Станете взрослыми — сами прочтёте, надеюсь, об этом.

Наше Отечество потеряло не только основную массу своего населения, почти все созданные материальные богатства, но и большую часть своего духовного наследия — старинные русские книги и древние драгоценные летописи, сгоревшие в огне пожарищ, и было обречено 240 лет платить тяжёлую дань завоевателям, не позволявшую не только войти в экономический рост, но и развиваться по многим другим жизненно важным направлениям. В частности, из-за гибели большей части книг, сохранившиеся стоили так дорого, что были недоступны многим людям и число грамотных среди них заметно сократилось.

Но необходимо заметить, что русский народ самый непокорный народ в мире, и потому никем и никогда покорённым не был до конца, даже татаро-монголами.

Александр Невский рискуя жизнью поехал в ставку Батыя и добился права относительной самостоятельности для русской земли (в отличие от абсолютного подчинения других захваченных монголами территорий).

К тому же русские люди поднимались не раз на вооружённые выступления против монголов, а в 1380 году под руководством великого князя Дмитрия Донского в великой Куликовской битве (Мамаево побоище) даже полностью разгромили и уничтожили огромное монгольское войско, насчитывавшее 75 тысяч всадников (численность русских, в основном пеших, составила 60 тысяч).

И хотя до окончательного освобождения от монголов оставалось ещё 100 лет, но после этой битвы зависимость великих русских князей от Золотой орды сильно уменьшилась и с каждым годом ослабевала всё больше пока в 1480

году не прекратилась вовсе. Произошло это после того, как монгольский хан Ахмет, готовившийся почти целый год к сражению с русскими, простоял затем два месяца на реке Угре («великое стояние на Угре») так и не рискнув сразится с русским воинством, убрался с позором восвояси, и Русь с того момента окончательно обрела полную свободу, которую потом уже никогда никому не отдавала.

А как же в то время отблагодарила нас Европа за то, что «мы как послушные холопы держали щит меж двух враждебных рас Монголов и Европы»? (А. Блок, «Скифы»). Было ли по достоинству оценено то, что воспользовавшись покоем и свободой, подаренным ей русскими людьми, сама она могла вести защищённую торговлю, развивать ремёсла и различные производства, создавать университеты, широко обмениваться всеми достижениями науки, образования и культуры?

Отнюдь! На все обращения русских князей к правителям европейских стран о помощи или хотя бы о совместной борьбе с татаро-монголами никто из них не откликнулся. Более того Европа, чтобы ещё более ослабить восточного соседа, пользуясь моментом, стала или натравливать на него внешних врагов, или вступая в сговор, и, объединяясь, сначала с крымскими ханами, а затем с 1475 года, когда Крым стал вассалом Оттоманской империи, с его сюзереном — турецким султаном стала нападать на нашу землю. Так поступала королевская Польша, Великое княжество Литовское, королевство Шведское. Примечательно, что шведский король Карл XII после разгрома его войска Петром Великим под Полтавой в 1709 году бежал ни куда-нибудь, а именно в Турцию, к своему союзнику по борьбе с Россией.

Шведская агрессия против Руси началась ещё в эпоху до монгольского нашествия, а именно в 1164 году, когда шведская флотилия напала на маленькую, самую северную русскую крепость Ладогу, защитники которой (всего

лишь 1000 человек в основном гражданского населения), успешно отбившись и объединившись затем с подоспевшей на выручку княжеской дружиной и ополчением Новгорода разгромили шведов, захватив 43 из 55 судов на которых те прибыли на русскую землю.

Но шведы и не думали отказываться от своих агрессивных замыслов и, выждав очень удобный, как им казалось, момент они в 1240 году, когда на русской земле ещё шли кровопролитные сражения с ордынскими полчищами вторглись на берега Невы с большим, хорошо обученным войском, которое было наголову разбито двадцатилетним (а по некоторым источником девятнадцатилетним) новгородским князем Александром, получившим за эту победу звание Невский.

Два года спустя крепость русских рискнули проверить воинственные, тяжеловооружённые, крестоносцы Ливонского ордена, которых на Руси звали «псы-рыцари». Против них закованных в латы опять выступил Александр Невский. Подчеркнём, что основу его войска составляла не княжеская дружина профессиональных всадников, а пешие, легковооружённые воины — ополченцы города Новгорода, пригородного посада (предместья) и окрестных сёл. Невский опять устроил полный разгром захватчикам, получивший название «Ледового побоища».

Славные победы Невского приумножил его сын Дмитрий, который в 1268 году при Ракоборе в союзе с новгородским ополчением и дружинами Владимира и других русских княжеств наголову разбил датчан и рыцарей Ливонского и Тевтонского орденов.

После этого немцы 350 лет боялись сунуться в русскую землю. А Иван Грозный в конце 16-го века в ходе Ливонской войны пришёл на их владения и полностью уничтожил агрессивный орден, удерживавший многие века исконно русские земли.

Шведы так же почти 500 лет не покушались на нашу территорию, но когда всё же явились в 1709 году, то были разгромлены Петром Великим и в панике спасались в бегстве во главе с непобедимым до того полководцем, своим королём Карлом XII-м, но все были пойманы и взяты в плен, кроме короля, о котором у нас уже шла речь.

Удивительно! Но это была не первая победа Петра Великого над шведами. Первое поражение русские нанесли им под Дерптом в 1701 году, то есть всего лишь через три года после создания (в 1698г) первого регулярного русского войска. Затем были победы в следующие два года — в 1702 году под Гуммельсгофом и Нотебургом и в 1703 году под Ниешанцем (на месте будущего Санкт-Петербурга).

Не меньше удивляли и победы только что рождённого русского флота над могучим и первоклассным флотом Швеции. Едва родившийся, всего двух лет отроду маломощный русский флот в 1702 году, разбил 3 флотилии шведов — две на Чудском и Ладожском озёрах и одну в устье Невы. Это были первые победы русского флота. А через 10 лет уже был свершён полный разгром шведской эскадры при Гангуте, где авангард российского флота под непосредственным руководством Петра 1, состоявший лишь из лёгких, но независимых от ветра галерных судёнышек разгромил шведскую эскадру, взяв её на абордаж пленил 10 крупных её боевых кораблей вместе с командующим контр-адмиралом Н. Эреншельдом.

Так что Бисмарк был не совсем прав, а, может, и совсем неправ, когда говорил, что «русские долго запрягают, но быстро скачут». Когда мы очень сильно захотим или когда очень требуется, мы можем быстро и запрячь.

Но возникает естественный вопрос: «Как, за счёт чего удалось не просто одолеть, а начисто разгромить высокопрофессиональных немецких и шведских воинов 12 века и никем не побеждаемую до того армию великого полковод-

ца Карла XII-го простым ополченцам Невского и молодому, неопытному ещё войску Петра 1?» На этот вопрос можно получить ответ, только если познать и учесть историю русского народа, именно не столько государства (хотя одно неотделимо от другого), сколько историю рождения, укрепления основных черт его характера. К несчастью для себя все последующие полководцы, воевавшие с Россией, не знали этой истории или не учитывали её и потому неизбежно терпели крах в борьбе с русским народом.

Перенесёмся на короткое время в 20-й век и вспомним знаменитую фигуру У. Черчилля, многократно бывшего министром и почти 10 лет премьер-министром английского правительства. Для англичан он «самый великий английский политик всех времён и народов». Для русских же и всех бывших советских людей, а также для индийцев он — фигура весьма неоднозначная. Более 40 лет (с 1919 по 1965 гг.) им предпринимались непрерывные усилия, направленные, или на уничтожение, или хотя бы на серьёзный подрыв России, тогда СССР, его экономической силы и политического влияния. В 1947 году никто иной, как Черчиль, в своей речи в Фултоне дал старт холодной войне между СССР и США, которая привела к величайшей геополитической катастрофе — гибели Советского Союза, что трагически отразилось на судьбах миллионов людей в бывших советских республиках. Для Индии же персона Черчиля неоднозначна в силу проявления им расизма по отношению к индийцам, о которых он говорил: «Индийцы — это не люди», а также из-за голодомора в индийском штате Бенгалия в годы второй мировой войны, в котором умерло от голода 3,5 миллиона человек и за который он ответственен.

Сохранились крайне интересные в психологическом плане кадры документальной кинохронике о встрече его почётным военным караулом на московском аэродроме в годы Великой Отечественной войны. Черчиль не шествует важно, не

обращая особого внимания на караул, как обычно шествуют главы государств, или правительств, а, отделившись от сопровождающих, медленно проходит мимо шеренги солдат внимательно и пытливо с близкого расстояния вглядывается в их лица, можно сказать «поедает» их зоркими глазами, силясь понять как этим с виду обычным, и простым русским удалось отбросить немцев от Москвы, отстоять в сплошном аду Сталинград, устоять в невиданном, чудовищном по силе натиске бронетанковых немецких войск на Курской дуге и три года не только удерживать осаждённый, даже блокадный Ленинград, но и производить в нём оружие и сражаться в условиях жесточайшего голода, от которого в нём уже умерли сотни тысяч человек?

Как это возможно? И что это за люди такие русские? Мало кто знает, но ведь ещё в 1940 году под руководством Черчилля, корректировался агрессивный план нападения на СССР, уничтожения в мае 1940 года, Бакинских нефтепромыслов, дававших Советскому Союзу 80% производимого в стране авиационного бензина, 90% керосина и 95% масел для тракторов и танков. Этот план сорвался из-за оккупации гитлеровцами большей части Франции в мае 1940 года и разгрома немецкими Люфтваффе английской авиации в Норвегии. Но даже 23 июня 1941 года, то есть на другой день нападения Германии на нашу страну, ещё рассматривался вопрос о сроках уничтожения Бакинских нефтепромыслов, так как английские эксперты и сам Черчиль считали, что СССР продержится не более полугода в войне с Германией, а скорее всего и того меньше и тогда нефть достанется немцам.

Что же помешало, что не позволило такому видному, опытному, расчётливому политику и дипломату, обладавшему острым аналитическим умом (он заслуженно получил Нобелевскую премию за свои исторические и мемуарные произведения) предсказать нашу победу?

Во-первых, снобизм, свойственный англичанам периода расцвета и мирового могущества Британской империи, возникшей в результате колониального порабощения других народов, над которой «никогда не заходит солнце» («оно вставало над Индией, когда на Британских островах ночь и наоборот»).

Во-вторых, незнание из-за этого снобизма русской истории. Если бы он её внимательно прочёл до 1940 года, когда вынашивал план уничтожения СССР, он немало бы удивился, узнав, что вовсе не Англия родина парламентаризма, как привыкли подчёркивать англичане, а Русь, Новгородская республика, в которой парламент (вече) родился на 513 лет раньше, чем в Нидерландах и Англии, ещё в 1136 году и существовал более трети тысячелетия, пока не был отменён Иваном Грозным что новгородцы князя себе назначали — принимали на службу сами, на своём вече. Его бы тогда не поразили невероятные победы простого русского воинства народного ополчения во главе с А. Невским над профессиональными войсками немцев и шведов в 1240 и 1242 годах. Он возможно бы попытался осмыслить откуда проистекает необычность характера русского человека, его непредсказуемость в чём состоит тип русской души, которую в Европе называют «загадочной» русской душой, от которой неизвестно что ждать в следующее мгновение. Он нашёл бы немало примеров непредсказуемого, нестандартного решения русскими самых сложных проблем. Приведём хотя бы два таких примера.

Когда киевский князь Олег, желая ещё более упрочить своё влияние и стремясь породнится с императорским двором, в 907 году осуществлял свой поход на Византию с флотилией в 2000 судов и обнаружилось для них непреодолимое препятствие — пролив Босфор был перегорожен цепью, он приказал вытащить свои суда на берег, соорудить для них колёса, поднять паруса и, подгоняемая ветром арма-

да, обойдя цепь по земле, к изумлению греков явилась под стены Константинополя, столицы императорской Византии, которую русские тогда называли Царь-градом. Греки оказали почести Олегу и дорогие подарки, а он в знак мира и добрососедства прибил свой щит к вратам града.

Другой пример касается непредсказуемости действий Петра Великого. Проведший всю жизнь в военных походах и трудовых созидательных метаниях из одного конца страны в другой, Пётр Великий не стеснял себя условностями, принятыми при дворах других царствующих особ и посвятил длительную поездку по Европе, к изумлению европейцев, освоению (под именем Петра Михайлова) рабочих профессий кораблестроения (помимо, конечно, посещения учёных, лабораторий естественных музеев и других научных учреждений, часто предпочитая их всяким приёмам и увеселениям).

Пока строились его первые суда, он, не теряя времени лично осваивал морские профессии на иностранных судах, приходивших в устье Невы. И однажды в шторм и ливень после причаливания судна, прибывший на нём посланник датского короля, отблагодарил умелого рулевого, дав ему рубль «на чай и водку». Но каково же было его удивление и даже изумление, когда он на царском приёме узнал в русском императоре вчерашнего рулевого. А Пётр, согнув в пальцах большую толстую медную монету (он обладал невероятной силой — мог разогнуть подкову, скрутить в трубочку, задумавшись на пиру, серебряную тарелку или разрубить пополам палашом в воздухе подброшенный рулон сукна), вернул её посланнику со словами «Русскому царю и чай, и водку и так нальют».

Европейцу трудно, даже невозможно было представить себе, чтобы монарх могущественной державы мог серьёзно рисковать жизнью для овладения профессиями лоцмана и рулевого (По распоряжению Петра все входившие в Неву

корабли, не только должны были привезти большой камень для строительства Петербурга, но и управляться только русскими, чтобы быстрее подготовить специалистов в отсутствии своих судов).

И уж совсем неправдоподобным показался бы иностранцу рассказ о гибели Петра.

Проезжая 29 октября 1724 года вдоль морского берега, император (к тому времени из-за своих трудных поездок уже полгода как больной простудным воспалением) увидел среди льдин севшую на мель шлюпку со своими любимыми солдатами, которых он часто восторженно называл «мои орлы!», бросился их спасать по грудь в ледяной воде. Болезнь ещё более обострилась, и через короткое время он погибает.

Обращаясь к своим доблестным и верным солдатам, Пётр после одного из сражений сказал: «Сыны отечества, чада мои возлюбленные! Без вас государству как телу без души жить невозможно. Вы не щадили живота своего и на тысячи смертей устремлялись небоязненно. Храбрые дела ваши не будут забвенны у потомства!» Да! Подвиги храбрых воинов-орлов Петра, не забыты потомками, как и его личные подвиги, за которые потомство присвоило ему титул Великий.

Утверждённая им в своё время медаль «Небываемое бывает» за особые подвиги вполне могла бы быть по достоинству вручена ему самому за все его небывалые свершения, как и многим его отважным и смелым воинам, которым он лично её вручал.

Уже только что рождённая армия Петра 1 отличалась безукоризненной дисциплиной и готовностью к самопожертвованию каждого воина. Только некоторым полкам, которые возглавлялись наёмными иностранными офицерами, бросившими солдат и перебежавшими на сторону шведов, в самом первом сражении под Нарвой в 1700 году не уда-

лось избавиться от страха перед непобедимым полководцем того времени Карлом12 и они дрогнули, проиграв бой, за который Пётр позже благодарил шведов, назвав их своими учителями на приёме после Полтавской битвы. На это один из пленных шведских генералов

Ответил императору: «Хорошо же, Ваше Величество, отблагодарили вы вчера своих учителей».

Но отметим при этом, что даже в первом тяжелейшем сражении под Нарвой, дрогнули далеко не все. В частности, потешные полки Петра, бывшие с ним с самой его юности — Семёновский и Преображенский, воспитанные и подготовленные им лично и возглавляемые русскими офицерами стояли насмерть, стойко сражались по колено в крови над трупами убитых товарищей. За это они были удостоены права носить не зелёные чулки как солдаты других полков, а красные как знак особого мужества. Во всех остальных сражениях, даже в ужасной Полтавской битве воины Петра ни разу не растерялись, проявляя отменную храбрость. Подтверждением смелости «птенцов гнезда Петрова» может служить и такой очень характерный и интересный случай.

Однажды у Петра при свидании с королями польским и датским, зашёл разговор о храбрости и дисциплине солдат. Датский король уверял, что первое место должно быть отдано в этом отношении его солдатам, принадлежащим к наиболее старому войску и привыкшим к дисциплине.

Король польский, бывший одновременно и государем Саксонским, хвалил своих саксонцев (немцев) и рассказывал про разные их подвиги. Пётр, выслушав его, сказал: «Я бы посоветовал тебе не говорить о своих саксонцах, я их хорошо знаю, они не много лучше трусов-поляков, а ваши, — продолжил он, обращаясь к датскому королю, — они опытны, но против моих никуда не годятся». Начался спор. Пётр прервал его: «Хорошо, попробуем. Позовите из своих солдат самых вернейших и самых храбрейших и ве-

лите им выброситься из окна нашего третьего этажа. Тогда и посмотрим, как они это исполнят. А в своих я абсолютно уверен.»

Король датский призвал одного из самых неустрашимых и преданнейших гренадёров. Тот упал пред королём на колени и стал просить о помиловании. Король настаивал, а гренадёр заливался слезами и просил объяснить его вину и дать ему время на покаяние.

— Полно, брат, дай ему время на покаяние, — сказал, смеясь, Пётр, обратившись к датскому королю. Солдата отпустили.

— А с твоими саксонцами и пробовать нечего, — сказал Пётр, обращаясь к польскому королю, — опыт лишь посрамит тебя!

Затем ввели русского гренадёра и после приказания Петра, отдав ему честь, тот хладнокровно идёт к окну и, перекрестясь, поднимает ногу, чтобы встать на подоконник. — Стой! — закричал Пётр, — довольно, ступай назад!

Гренадёр вторично отдаёт Государю честь и выходит.

— Ну, каковы мои солдаты! — спрашивает Пётр собеседников. Короли признают, что русский солдат действительно неустрашим и дисциплинирован и предлагают наградить его офицерским чином.

— По-вашему, мне надо будет всех пережаловать в офицеры, — отвечал Пётр, — он у меня не один такой, а каждый. Не хотите ли испытать и других? Выберите сами, кого хотите, я уверен, что и тот поступит точно так же.

Но короли отказались от нового опыта и подарили гренадёру по сто червонцев каждый (червонец 18 века — трёхрублёвая монета из чистого золота в 3,4 грамма и 100 червонцев по тому времени — очень большие деньги и не только для солдата).

Приведём и другой знаменательный пример невероятной храбрости, случившийся в русской армии 100 лет спу-

стя, в сражении при Бородино. Герой отечественной войны 1812 года Денис Давыдов (известный поэт и друг А.С. Пушкина) во время этого сражения в одиночку атаковал Кавалерийский полк французов, которые опешили от такой безумной дерзости и, отвлекшись, не заметили атаки русских гусар с фланга и были полностью разбиты. Ночью же он, переодевшись во французскую форму невозмутимо разгуливал по лагерю неприятеля, свободно общаясь с его офицерами и солдатами проводя разведку и собирая ценные военные сведения о противнике перед битвой. Добавим, что после Бородинского сражения, он организовал летучий партизанский отряд и, осуществляя отважные (а лучше сказать отчаянные) рейды по тылам французской армии, отбивал у французов обозы и освобождал русских пленных. И это при том, что он имел уже десятки пулевых и сабельных ранений. Его необычайные заслуги были удостоены многих почётных наград и высокого чина генерал-лейтенанта.

Примеров такой доблести в военной летописи Руси было очень много.

Конечно, не только в русской, но и в других армиях в разное время бывали храбрые солдаты, проявлявшие невероятную стойкость в сражениях. К числу таких можно отнести армию Наполеона, отличившуюся в великом Бородинском кровопролитнейшем сражении (потери русской армии составили 44 тысяч , в том числе 29 генералов, потери французов более 50 тысяч человек и 47 генералов).

Вот что писал о нём Наполеон, находясь в изгнании на острове Святой Елены: «Из всех моих сражений самым ужасным было то, которое я дал под Москвою. Французы показали себя в нём достойными одержать победу, а русские стяжали славу быть непобедимыми».

Да, французы проявили настоящую храбрость и упорство в Бородинской битве. Правда, дисциплина их вскоре резко пала, как только они вошли в Москву, предавшись

полному разгулу и массовому мародёрству в отличие от русских солдат, вошедших в 1814 году в покорённый Париж, который был в восхищении от галантности русских офицеров и достойном и благородном поведении простых солдат и казаков русской армии.

Но здесь важнее нам отметить то, что в стяжании бессмертной славы и утверждении непобедимости русских большую роль наряду с регулярной армией сыграли и ратники Московского 6-го и 7-го пехотных полков гражданского ополчения. «Шестой полк, находясь под сильным картечным огнём, ударил в штыки на неприятельскую колонну, овладевшую нашею высотою, и опрокинул оную», — писал генерал-лейтенант И.И.Марков, начальник Московского ополчения. Седьмой его полк, по словам самого М.И. Кутузова, «оказал примерное мужество, находясь беспрестанно среди самого сильного огня и, презирая всякую опасность, везде побеждал неприятеля». Так же героически действовали и ратники Смоленского ополчения, которое сыграло большую роль в спасении раненых.

По свидетельству генерала С. Вистицкого, «они во время сражения выбегали даже вперёд фронта к стрелкам и выхватывали почти из рук неприятеля своих раненых, относили их, делая это с таким усердием и мужеством, что многие из них были убиты, но сохранив в живых несколько тысяч раненых, которые без этого почти все бы погибли… Главнокомандующий князь Кутузов во время сего сражения со слезами благодарил Смоленское ополчение за усердие и мужество». А ведь оба ополчения только возглавлялись офицерами, но состояли лишь из гражданских добровольцев, как в своё время почти все ратники войска Александра Невского. В истории ни одной страны, по крайней мере европейской, мы не смогли бы найти примеров, подобных последнему.

Необходимо отметить, что особая стойкость, смелость и мужество в истории не раз обнаруживались не только у рус-

ских людей, но и у представителей других народов, пусть и не в таких масштабах и не столь часто, как на Руси. Однако, всё же это проявлялось за редким исключением «как многодневная осада Козельска» одномоментно, в однодневных сражениях.

Отличительными особенностями русских воинов и вообще русских людей, как показала история, всегда являлись невероятная, физическая выносливость и неодолимость в духовно-нравственных испытаниях, что проявилось с особой силой в период неслыханно-тяжких испытаний в годы Великой Отечественной войны. Бремя их выдержали не только воины, но и женщины, выполнявшие все виды мужских работ и сочинившие про себя частушку: «Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик», а также подростки, работавшие у станка по 12–16 часов. Именно благодаря всем им, их по истине героическому труду уже в 1943 году страна смогла превзойти по объёму производства военной техники и боеприпасов фашистскую Германию, на которую работала промышленность всей Европы.

В чём же состояла генетическая основа этой выносливости и тесно связанных с ней других качеств русских людей, вынужденных преодолевать, казалось бы, непреодолимые трудности?

Но, прежде чем я попытаюсь ответить на этот вопрос, вернёмся на время в 18 век, где уже ярко проявились указанные качества русских людей, прежде всего в подвигах солдат А.В. Суворова.

Невероятная выносливость суворовских воинов и связанная с этим их легендарная стойкость служили моральной опорой и поддержкой советским бойцам в годы великой отечественной войны и особенно защитникам и жителям блокадного Ленинграда.

Отсюда неслучайно, что именно только памятники Суворову и его великому ученику Кутузову в городе не были

замаскированы, а своим открытым видом укрепляли волю и стойкость ленинградцев.

Поэтому будет правильным если мы отведём хотя бы немного места и самому этому величайшему русскому полководцу, прославившему Россию своими блистательными победами (он единственный в мире военноначальник, одержавший 60 крупных побед и не проигравший ни единого сражения) генералиссимусу Александру Васильевичу Суворову.

Как жизнь и поступки Петра, так и жизнь, и поступки, и судьба этого великого русского человека тоже были трудно предсказуемы и поистине удивительны! Являясь полной противоположностью Петру по своим физическим данным (малорослый, хилого сложения, склонный к болезням), он заказал себе и выработал в себе такую же, как у великого преобразователя России, несокрушимую волю и невероятную выносливость для свершения своих необыкновенных подвигов во имя горячо любимого им Отечества, которому посвятил, как и Пётр, абсолютно всего себя.

Понимая, что сын по здоровью не подходит для военной службы, связанной со многими тяготами, его отец, генерал-аншеф (главнокомандующий армией, а затем и полный генерал) долго пытался отговаривать Александра от решения быть военным, но так и не уговорив, видимо, сделал всё возможное, чтобы затруднить его военную карьеру и положить ей конец. Поэтому он устроил сына на службу рядовым,(а не в офицерском звании, как обычно зачисляли в полки дворян), когда тому едва исполнилось 15 лет и тот потом в течение 10 лет не мог получить звание и должность офицера, что было необычно, учитывая, во-первых, его блестящие способности, а во-вторых, его ревностное отношение к службе. О втором свидетельствует такой любопытный факт — императрица Елизавета Петровна (дочь Петра 1), отметив его выправку, протянула ему рубль, на что Суво-

ров ответил, что никак не может брать, так как не должен отвлекаться, находясь на посту. Тогда Елизавета положила вознаграждение на землю рядом с примерным часовым со словами «Сменится с караула, заберёт». Для Суворова главным смыслом жизни всегда было служение Отечеству, его непобедимости, его славе.

Победы, которые он приносил со своими войсками на алтарь Отечества, казалось, были не возможными, ибо никто кроме него не мог их добыть. Так турецкая крепость Измаил считалась неприступной, её не могли взять три русских полководца, в том числе знаменитый князь Потёмкин. К тому же в эту крепость вошли, ещё более укрепив и без того очень сильный хорошо подготовленный гарнизон, все остатки разбитого турецкого войска, и потому Измаил оставался последней надеждой турецкого султана, приказавшего стоять насмерть. Он, заявив: «или вы погибнете с честью в бою с русскими, или с позором от своих палачей», — добавил: «скорее Дунай потечёт вспять и небо упадёт на землю, чем русские возьмут эту крепость» (позже эта фраза будет применена по отношению к победе русского флота над турецкой эскадрой).

Но Измаил Суворовым был взят и притом с несопоставимыми для берущих крепость потерями в сравнении с турками. Обычно обороняющиеся несут гораздо меньшие потери, чем наступающие на крепость. Но Суворов всегда берёг солдат, скрупулёзно продумывал операции и тщательно их готовил. И в данном случае он приказал вырыть ров, заготовить несколько тысяч снопов для их преодоления, и соорудить стену подобно крепостным и шесть дней до штурма тренировал солдат. В результате за время ожесточённого сражения русские потеряли 4 тысячи человек, в то время как среди турок убитых оказалось 29 тысяч, то есть в семь раз больше. Это была великая, но невероятно трудная, казалось, почти нереальная победа Суворова, которая была достигну-

та, по его словам, благодаря «всесокрушающей неслыханной храбрости моих чудо-богатырей». Он написал царице: «На такой штурм я мог пойти только один раз в жизни».

Кстати, комендантом взятого Измаила Суворовым был назначен его любимый ученик, будущий великий русский полководец, разгромивший Наполеона Михаил Илларионович Кутузов.

В память о великой победе Суворова 1790 года, день взятия Измаила, 24 декабря считается в России как «День воинской славы».

Ещё меньшими были потери совместного русско-австрийского войска, которым командовал Суворов в битве при реке Рымник (Румыния) — всего лишь 500 человек при 20 тысячах убитых турок. А ведь русских и австрийцев насчитывалось всего 25 тысяч против 100-тысячной армии турок. Турки имея такое огромное численное превосходство и будучи абсолютно уверены в своей победе, привезли с собой множество цепей, для того чтобы заковывать в них тысячи русских, которых они предполагали непременно взять в плен. Но стремительные атаки суворовцев не оставили камня на камне от этих самоуверенных планов. Австрийцы стали называть Суворова после этого искромётного боя «Генерал «Вперёд».

За эту блистательную победу Суворов получил графский титул, к которому прибавлялось наименование «Рымникский», а также ему были вручены шпага, усеянная бриллиантами, драгоценный перстень императрицы и орден Святого Георгия первой степени. И таких побед в биографии великого полководца было не мало. Укажем только на две из них, которые были одержаны при многократном численном превосходстве противника. Так в битве при Козлудже Суворов, имея под ружьём всего лишь 18 тысяч солдат, обратил в паническое бегство и разгромил 40-тысячную турецкую армию.

По силе таланта, успешности и авторитету в Европе с Суворовым в то время не мог сравнится ни один полководец. Поэтому, когда в 1799 году началась война Англии, Австрии и России против революционной Франции, войсками которой командовал Наполеон, австрийский император Франц обратился с просьбой к русскому императору направить Суворова для руководства объединёнными русско-австрийскими военными силами с целью освобождения Италии от французских войск. Суворов в это время был в опале, как и многие другие видные сподвижники Екатерины II, которых отправил в отставку Павел, всю жизнь враждовавший с матерью и переносивший эту вражду и на её любимцев. Но отказывать Францу он не стал и направил Суворова в Италию со словами: «Указывать тебе не стану, поступай и делай как знаешь сам, что мне тебе советовать».

За время военных действий в Италии, Суворов взял в плен 80 тысяч французских солдат, многие были убиты, а оставшиеся 20 тысяч спаслись бегством. Кроме того, было захвачено около 3 тысяч огнестрельных орудий (русские не потеряли ни одного) и 200 тысяч ружей. Потери же русского войска составили всего 8000 убитыми и ранеными, а в плен не попало ни одного. В то время как англичане были разбиты французами в Голландии.

За победы в Италии Суворову был определён ещё один титул — «Князь Италийский», а императором Францем было присвоено звание «генерал-фельдмаршал австрийской армии».

Суворов, полностью очистив от французов всю занятую ими северную Италию, готов был, совершив переход, брать Париж. Но предательство австрийцев не позволило ему это осуществить, о чём Суворов очень сожалел, поскольку дальнейшие агрессивные планы Наполеона могли быть пресечены в то время на корню и не смогли бы никогда осуществиться.

Австрийцы, выведя свои войска из Швейцарии, оставили биться в одиночку, против сильной группировки французов русский корпус под командованием Корсакова и Суворову пришлось срочно идти ему на выручку. Чтобы успеть спасти товарищей, Суворов принимает невероятное решение пробиваться в Швейцарию напрямую через Альпы. Почти всем это казалось невозможным — предстояло пройти путь в 300 км по узким тропам (где ходили лишь горные охотники), вместе с пушками и не просто преодолеть 7 высокогорных перевалов, каждый из которых превышал высоту 2000 метров, но и сломить ожесточённое сопротивление противника, занимавшего хорошо укреплённые позиции на нескольких вершинах.

Суворову и его войску необходимо было совершить для этого небывалый подвиг, до того не имевший аналогов в истории. Ганнибал, осуществляя в своё время переход через Альпы не смог преодолеть даже один подобный горный перевал и вынужден был идти долинами. При том необходимо учесть, что его поход проходил в более тёплое время.

Для Суворовы (который и без того всегда берёг солдатские жизни) важно было сохранить каждого солдата, потому что в Швейцарии, куда он должен был пробиться, его поджидали многократно превосходившие по численности французские войска.

Но сделать это было невероятно сложно, потому что австрийцы совершили двойное предательство — вместо 1600 мулов, которых они должны были предоставить, всего Суворов получил лишь 650, и при том с большим опозданием и его войска вынуждены были преодолевать Альпы не в тёплом августе, а с 21 сентября по 8 октября, когда в горах начались уже снежные метели и морозы.

К тому же солдаты были почти босые и полураздетые. Поставленная австрийцами новая армейская обувь начала разваливаться уже в Италии поскольку из экономии каблуки

были подбиты не железными, а деревянными гвоздями, к тому же это были не сапоги (как положено), а штиблеты и сыромятные ботинки, набитые соломой с гладкой подошвой, которые на обледеневших тропах ужасно скользили, вскоре и они почти у всех полностью развалились и ноги солдат, почти босые укутывались не то тряпками, не то портянками, которых хватало лишь на день-другой.

Капитан Николай Грязев — участник альпийского похода в своих записях «Мой журнал» отмечал: «Это были непросто переходы — 7 подъёмов, 7 спусков с пушками без еды и без тёплой одежды, по таким кручам, где и сейчас погибают альпинисты».

При подходе к Альпам на пути Суворова лежал городок Кайс-Трэзо, в котором предполагалось пополнить запасы продуктов, но незадолго до этого здесь прошли австрийские части, под командованием принца Рохана. Которые, путём мародёрства, угроз и краж забрали основную часть продовольствия у местного населения, хотя в отличие от русских солдат получали не только по два фунта хлеба, но и по пять крейцеров в день на питание.

Суворов же запрещал начисто какое-либо насилие и его войско направилось в труднейший поход имея лишь половину необходимых продуктовых запасов. К тому же запасённый сыр от уставших коров был заплесневелым, его невозможно было есть и солдаты, чтобы утолить голод, по пути добывали коренья пока двигались по подножью гор.

Когда же поднимались на вершины, питаться было почти нечем.

С каменных карнизов гор и узких троп, нависавших над ущельями, на которых часто едва могли разминуться два человека, в пропасть срывались вьючные лошади с остатками продуктов и боеприпасов. Этой участи подвергались и люди.

В отсутствие не только альпинистского снаряжения, но даже верёвок, спуск с горных вершин был смертельно опа-

сен. Солдаты тормозили на крутых склонах штыками, но это не всегда спасало — так с горы Паникс, сорвалось 200 воинов. На этой горе совершенно голой, лишённой не только дров, но и каких-либо кустарников, помимо голода, воинам пришлось вынести ещё и особенно страшные, по сравнению с другими вершинами, испытания холодом.

Войско Суворова, направленное спасать Италию, жарким августом получило в качестве верхней одежды не шинели, а всего лишь лёгкие плащи, которые на горных вершинах с их пронизывающими шквальными ветрами, в снежную метель совершенно не защищали от мороза. Чтобы выдержать смертельный холод, воины ставили лошадей мордами в середину круга и в нём пытались по очереди хоть на миг согреться с помощью лошадиного дыхания. Но лошади, которых оставалось немного и единственный костёр, сооружённый из древков казацких пик, на этой горе не могли согреть 20-тысячное войско. И казалось, что гибель неизбежна.

Именно там Суворов обратился к своим воинам с такими словами: «Мы русские люди! Мы всё преодолеем!!» Не только простыми, искренними, задушевными словами, доходившими до сердца каждого солдата, но и своим обликом, всем образом своей жизни горячо всеми любимый полководец служил великим примером исполнения воинского долга и подлинного, а не показного товарищества. Он постоянно закаливал себя, бегал босиком по холодной земле и утренней росе, питался из общего солдатского котла, спал на полу или на земле, подстелив солому и положив под голову седло. Перенёсший за свою жизнь 6 серьёзных ранений в 70-летнем возрасте, он шёл по Альпам наравне со всеми пешком решительно отказываясь передвигаться не только на носилках, но даже и на лошади, на которую пришлось его усаживать силой.

Солдаты видели, что и одет он был, как все остальные, только в лёгкий плащ. Как будто готовясь к переходу через

Альпы, к этому жестокому испытанию (он, как мы уже отмечали болезненный с детства), невероятно закалил себя и все зимы до этого, уже ходил в одном лёгком плаще.

Однажды Екатерина II в очень большой мороз увидела удивительную картину — по дороге стройными рядами двигалась армейская колонна во главе которой восседал на лошади с непокрытой головой и в тонком плаще Суворов. Императрица тут же отправила ему в подарок дорогую и очень тёплую шубу, которую он с явным неудовольствием вынужден был надевать, когда являлся по приглашению к ней во дворец.

Но голод и жестокие морозы были только меньшей половиной тяжких испытаний, которые выпали на долю суворовских «чудо-богатырей» как их называл полководец. Им пришлось совершить ещё массовый героизм при взятии укреплённых вершин и особенно горы Сент-Готард, а также Чёртова моста над пропастью через реку Рёйс.

Невольно приходит на память для сравнения вулкан Эбеко, с острова Парамушир (северные Курилы), на который мы с моим братом Александром решили подняться в однодневном походе в июле 1966 года, подчеркну — в июле(!), когда можно идти налегке, в летней одежде и обуви и притом без всякого груза. За нами вслед пристроилась команда моряков одного из теплоходов, но одолела она всего лишь треть крутого подъёма и повернула назад. Мы же дошли до вершины и почувствовали приличную нагрузку. А ведь подъём на вулкан составлял всего 1138 метров, притом без всяких ружей и пушек, в то время как высота Сент-Готарда достигает 2106 метров, причём со снежными сугробами и покрытыми льдом скользкими камнями.

У наступавших снизу на эту гору не было шансов — обороняющиеся видели их как на ладони. И до Суворова взять приступом эту неприступную вершину не удавалось никому в истории. Полководец, вспоминая позже эту высоту гово-

рил: «Сообщая в письме матушке-царице о том, что взять такую крепость, как Измаил, можно решиться только один раз в жизни, но я не мог предположить, что впереди меня ожидали ещё Сент-Готард и Чёртов мост».

Наступающим снизу на эту высоченную гору было невозможно взять её в лоб из-за прицельного огня обороняющихся. Но и штурмовать её в обход почти не представлялось возможным поскольку крепость была окружена совершенно отвесными, почти вертикальными скалами, на подобие Великой китайской стены. Попытавшийся зайти в обход с фланга, корпус Розенберга пробился лишь до середины горы и был остановлен интенсивным огнём противника.

Было решено обойти крепость с тыла, для чего стали отбирать 500 храбрецов, но вызвалось идти на смертельный риск гораздо большее число смельчаков. Отобрали самых сильных, потому что им предстояло сделать почти немыслимое. Они должны были, пройдя под ледяным водопадом, пересечь стремительную реку Рейс с очень скользким льдистым дном (на котором если кто поскальзывался, уже не имел надежды на спасение) а затем, каким-либо чудом, без альпинистских приспособлений подняться по отвесной скале на вершину и выбить гарнизон, оборонявший тоннель и мост.

Многие из этой отважной группы погибли, сорвавшись со скал и не дойдя до цели. Остальные же в рукопашном бою смели охранение тоннеля и под шквальным ружейным и пушечным картечным огнём прижимаясь к стенам стали пробиваться на Чёртов мост. Но мост был заминирован и при их приближении французы его взорвали. Не теряя ни секунды, герои Суворова (а иначе их назвать никак нельзя) голыми руками моментально разобрали стоявший рядом сарай и под огнём противника восстановили мост, связав брёвна ремнями и шарфами. Дальнейший путь на Швейцарию стал открыт. Эта была блестящая, героическая опе-

рация, вошедшая во все военные учебники. Суворову и его солдатам, проявившим в ней массовый героизм с полным правом, можно было ею гордиться.

Отметим при этом, что благодаря высочайшему военному искусству Суворова, за весь альпийский поход, в котором было несколько серьёзных столкновений с противником, занимавшим господствующие высоты русские войска потеряли убитыми только 1150 человек, (то есть чуть более 5%) в то время как армия великого Ганнибала лишь при одном сражении в Альпах, лишилась около половины своего состава.

Но радоваться великой победе было некогда — надо было спешить на выручку корпуса Корсакова. Поэтому приходилось двигаться не только днём, но и ночью. Даже сейчас, при наличии различных приборов ночного видения, средств навигации и ярких электрических фонарей походы ночью по горам не проводятся, потому что это противоречит всем правилам альпинизма.

Суворовцы же, смягчая ужас ночной темноты и ежеминутно опасаясь свалиться в пропасть, вынуждены были сооружать из бумаги подобие фонарей, с огороженным огнём внутри.

Но как ни спешил Суворов, он не успел спасти Корсакова, корпус которого и за предательства австрийцев, уведших свою армию из Швейцарии, был уже уничтожен французами. Войска же самого Суворова, крайне переутомлённые переходом с боями через 7 высочайших вершин, сами оказались в окружении многократно превосходящего по численности противника (12 000 против 72000), и при том почти босые и полураздетые без провианта и боеприпасов.

Обрадованный этим огромным превосходством, опытный командующий французскими войсками Массена поклялся, что он возьмёт в плен знаменитого русского полководца. Действительно, русская армия оказалась в западне, в

каменной ловушке — с запада и востока в 6 раз превосходящие числом французы, с севера и юга — огромные горы без дорог.

Возмущение наших воинов носило крайний характер. Суворов с горечью произнёс: «Нет, это уже не измена, а явное предательство нас, столько крови, проливших за спасение Австрии».

Французы были уверены, что у Суворова только один выход — сдаться в плен. Но непобедимый доселе фельдмаршал не мог допустить этого даже в мыслях. На Военном Совете он сказал: «Помощи нам ожидать не от кого. Одна надежда на Бога, другая — на величайшую храбрость и на величайшее самоотвержение войск, вами предводимых…

Нам предстоят труды величайшие, небывалые в мире! Мы на краю пропасти! Но мы русские! С нами Бог! Спасите честь и достояние России, и его Самодержца, и сына его!»

Именно таких слов, такого решения ждали русские офицеры от своего любимого полководца на том Военном Совете.

Прославленный в боях храбрейший генерал Багратион, (он геройски погибнет в результате ранения во время сражения при Бородино) вспоминал: «О, я не забуду до смерти моей этой минуты! У меня происходило необычайное, никогда не бывавшее волнение в крови… Я был… в состоянии восторженном, в таком, что, если бы явилась тьма-тьмущая врагов, я готов бы был с ними сразиться… То же было и со всеми…» Старший после Суворова — генерал Дерфельден — от имени всей армии заверил Суворова в том, что каждый выполнит свой долг: «Все перенесём и не посрамим русского оружия, — говорил старый боевой соратник Суворова, — а если падём, то умрём со славою! Веди нас, куда думаешь, делай, что знаешь, мы твои, отец, мы русские!» «Благодарю, — прозвучал в торжественной тишине голос Суворова. Слёзы блестели у него на глазах. — Надеюсь! Рад! Помилуй, Бог, мы русские! Благодарю, спасибо,

разобьём врага! И победа над ним, и победа над коварством будет победа!»

И войско Суворова наголову разбило корпус Массены, взяв в плен более тысячи французских солдат, 12 офицеров. Кроме того, французы потеряли двух генералов и ряд пушек, доставшихся героям Суворова. Таким образом Суворов и на сей раз, как и всегда оказался непобедим. Но его войско испытывало большой недостаток в боеприпасах и продовольствии, в то время как к Массене подходили все новые подкрепления и обозы. Французов не покидала мысль, что Суворов обречён на сдачу в плен. Но они не учли железную волю Суворова и непобедимый характер русского солдата, которые совершили ещё один небывалый поход, последний в великой судьбе великого полководца.

Он повёл своё войско на глазах изумлённых французов по заоблачным горам непроходимым узким горным вершинам, которые уже были завалены снегом. Высота горного перевала Паникс, к примеру, составила 2404 метра. Мёрзли и голодали все — от солдата до генерала и самого Суворова. Но даже в этих жесточайших условиях ему кощунственной была мысль избавиться от тысячи французских пленных. Отрывая от себя, с ними делились последними крохами продуктов, чтобы, сохранив им жизни, потом обменять на них русских солдат, томившихся в плену у французов.

Все они были выведены и позже разменяны на русских солдат из корпуса Корсакова.

«Сам погибай, а товарища выручай», — таким был один из главных пунктов «Науки побеждать» Суворова, и он, горячо любивший русского солдата, утверждал этот высокий принцип своей жизнью. Мне кажется, этот факт с пленными не уступает по значимости последнему великому подвигу Суворова — прорвавшегося из окружения и спасения русской армии в условиях предательства союзников. Ибо этот случай с пленными, когда самим грозила гибель несёт в

себе огромный, непереоценимый нравственный заряд и наказ всем последующим русским воинам и вообще русским людям.

Военные авторитеты Клаузевиц и другие, отмечая безвыходность положения войск Суворова единодушно признали ещё одним неповторимым чудом прорыв Суворовым этого окружения, который стал возможен лишь железной волей гениального полководца и непревзойдённым мужеством его солдат, которых он не переставал называть «русскими чудо-богатырями».

Подвиг Суворова и русских солдат вызвал всеобщее восхищение в Европе, в том числе и в Англии, вечном неприятеле России. Так, русский посол в Лондоне, С.Р.Воронцов, писал Суворову, что вовремя в театре Бирмингема после песни «Правь, Британия», ставшей в последствии национальным гимном Великобритании были исполнены куплеты, в которых славились подвиги Суворова и воздавалась хвала его государю. «Вся публика изъявляла крайнее восхищение при пении сих стихов, рукоплескали, кричали: Браво! Браво! и заставили актёров пропеть оные два раза… И всё это от искреннего сердца и истинного уважения». Далее посол прибавляет: «Королём Англии Георгом III был устроен торжественный обед, на котором он провозгласил тост: «За здравие фельдмаршала Суворова». «Во всей Англии, — прибавляет посол, — за всеми столами после здравия королевского следует здравие вашего Сиятельства».

Одна из блистательных побед Суворова привела к созданию восхищённым Моцартом музыкального шедевра — Контрданса.

Не остались в стороне Италия и Швейцария, которые встречали Суворова как освободителя от захватчиков французов.

Не говоря уже об итальянцах, которые особенно горячо благодарили Суворова за своё освобождение, сдержанные

швейцарцы также радостно и приветливо встречали русские войска.

Швейцария, во всех конфликтах сохранявшая нейтралитет, никогда и никому не ставила памятников. В этой стране почитают только святых. Но небывалые подвиги Суворова, его благородство, как и благородство и героизм его солдат, тем не менее удостоились в четырёх памятниках, поставленных на месте великих сражений (Сент-Готарт, Чёртов мост) и в местах, где останавливался великий полководец.

Суворову, оставившему Швейцарию из-за предательства Австрии, которую он спас от французов, предстояло совершить свой последний небывалый подвиг — пробиться по зимним непроходимым горам со своим уставшим до изнеможения войском, сохранив его для России.

Этот поход подорвал последние силы великого полководца и через 5 месяцев он ушёл в бессмертие, оставаясь великим примером служения России, её доблести и славе.

Зададимся вопросом: «В чём же причина непобедимости великого русского полководца?» Жители швейцарского городка Понте-Трезо, узнавшие о том, что появившийся у них русский генерал переведший войско, да ещё с пушками, через 7 снежных перевалов в октябре месяце, когда там не ходят даже их охотники в горном снаряжении все поголовно были убеждены что он колдун.

А если оставить веру в таинственные, волшебные силы?

Безусловно, он был гениальный тактик, изложивший свои открытия в книге «Наука побеждать» и блестящий педагог, сформулировавший простые, чёткие и эффективные способы воспитания воинов в другом своём труде — «Полковое учреждение». Но все эти его военные открытия и принципы могли бы остаться только принципами, даже учитывая его гениальный полководческий талант, если бы у него под ружьём не находился такой человеческий материал, такие

воины, о которых он говорил «Мои чудо-богатыри!». Это были не только смелые воины.

Смелостью на Руси никого не удивишь — отважны были ратники, ходившие на утлых судёнышках через Чёрное и Каспийское моря (как отмечал арабский географ Масуди «Русь плавала уже в 1ой половине X века по Чёрному морю и господствовала на нём, потому что никто кроме неё по нему не плавал»). Отменную храбрость, как мы уже отмечали, проявили ополченцы в битвах, составлявшие основную часть войска Александра Невского из числа простых граждан, воины Петра Великого, бойцы и ополченцы Бородинского сражения.

Что же было такого в воинах Суворова, что позволяло ему их называть «чудо-богатырями», чем они отличались от солдат других иностранных армий, которых он всегда побеждал, не проиграв за всю жизнь ни одного из 60 своих сражений?

Перед боем с противником, численно превосходившим его войско в несколько раз, он говорил: «Мы русские люди! С нами Бог!» — как бы утверждая уверенность у молодых офицеров в том, что солдаты не дрогнут и проявят в очередной раз несгибаемую стойкость.

У немецких солдат слова «с нами Бог» (mit uns got) были даже отлиты на бляхах (пряжки на поясных ремнях), но почему-то они не всегда помогали им обрести непоколебимую стойкость.

Вот что об этом писал в своей книге в 1607-м году французский профессиональный военный наёмник Маржерет, (по-французски — Маржере), который ни об одном народе не был хорошего мнения: «Русские более честные, чем поляки и более стойкие в бою, чем немцы. Особенно неоценимы русские в осадах, где с ними никто не сравниться. Они могут держаться в крепости сколько угодно, если у них есть вода и мука, а немцы так не могут и сдают даже сильные крепости».

Такая стойкость русских солдат была основана не только на их огромном личном мужестве, но и на их фантастическом терпении и невероятной выносливости.

Именно это имел в виду Суворов, когда перед неимоверными по трудности задачами, требовавшими больших и долгих усилий, он восклицал: «Мы русские люди! Мы всё одолеем!!»

Русский характер

И теперь мы можем наконец попытаться ответить на самый интересный для нас вопрос — «Что такое русский характер и как он исторически сложился?»

В самом общем виде дать ответ на вопрос об истоках беспредельного терпения и выносливости русских людей попытался известный русский философ Н.П. Ильин, написавший: «Из века в век наша забота была не о том, как лучше устроиться, или как легче прожить, но лишь о том, чтобы вообще как-то прожить, продержаться, выйти из очередной беды, одолеть очередную опасность, не как справедливость и счастье добыть, а как врага и несчастье избыть».

Попытаюсь, чтобы вам стало понятнее, дать более детальное и исторически-развёрнутое описание причин формирования у русских людей невероятной жизненной силы и способности длительно выдерживать то, что кажется вообще невозможным.

Русская нация, будучи европейской, складывалась в совершенно иных отличительных исторических условиях, чем те, в которых формировались другие нации Европы.

В чём же состояла особенность этих условий и в какое время они оказали самое большое влияние на самоопределение русских? На мой взгляд характер русских людей сформировался в очень значительной степени в кратчайший (по историческим меркам) период кризисного развития Руси, а именно в 12–14 веках.

Почему именно этот период стал, по моему мнению, во многом определяющим для завершения в большей или меньшей степени основных черт русского национального характера? Потому что именно тогда происходила коренная ломка всего хозяйственно-бытового и социального укладов русских людей.

В 12-м веке из-за непрерывных междоусобных конфликтов в раздробленной княжеско-феодальной Руси, а с середины 13-го века из-за губительного нашествия монголов русские вынуждены были переселиться из благодатных чернозёмных степей с умеренным климатом в совершенно необжитые районы Севера и Северо-Востока (междуречье Волги и Оки), которые из-за скудных, холодных суглинистых почв и более суровых природных условий являлись зонами рискованного земледелия.

Более суровые природно-климатические условия и новый, более тяжёлый способ земледелия не могли не наложить глубокий отпечаток как на хозяйственный быт, так и на характер великороссов.

Большую роль в этом играли новые более сложные климатические условия — затяжная весна с переувлажнением почвы и не редким возвращением заморозков, (порой со снегом), жаркое часто засушливое лето и слякотная с частыми дождями и ранними холодами осень.

Но ещё большие трудности заключались в условиях и в самом способе проведения земледельческих работ. Открытые пригорки, сухие клочки земли являлись редкими островками среди моря лесов, озёр, болот, паутинной сети рек, речушек и переувлажнённых участков. В этих глухих местах было трудно найти значительное сплошное и сухое пространство. Такие участки попадались крайне редко. К тому же они расчищались невероятными усилиями, колоссальным трудом. Требовалось, выбрав удобное сухое место, сначала вырубить и выжечь на нём лес, затем вручную выкорчевать огромные пни, распахать густо заросшую целину.

Выжигая лес на нови, крестьянин придавал бесплодному прежде суглинку усиленное плодородие, но через 5–7 лет почва совершенно истощалась и приходилось переходить на новый участок, разрабатывать его изнурительным трудом и вновь возводя на нём дом и все хозяйственные постройки. Этот самый тяжёлый способ земледелия назывался «подсечным» (от слова «подсекать, то есть вырубать выжигать лес»), он вполне мог бы быть назван кочевым земледелием.

Природа Северо-Востока Руси, при этом, предоставляла мало удобного времени землепашцу. И без того недолгое северное лето укорачивалось возвратными весенними похолоданиями, летними грозовыми ливнями, затяжными осенними дождями и нередкими ранними заморозками.

Это заставляло хлебороба спешить работать с величайшим напряжением рывками, усиленными натисками, чтобы успеть сделать как можно больше в короткие промежутки времени. Как отмечал выдающийся отечественный историк В.О. Ключевский: «Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс».

Это во многом объясняет откуда у русских воинов столько силы, удали и способности к несокрушимому натиску во время знаменитой русской штыковой атаки или яростного рукопашного боя, о котором писал М. Лермонтов в своём знаменитом «Бородино»:

«Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!»

Ключевский был безусловно прав, говоря об уникальной способности русских людей к крайнему напряжению труда, недоступному другим нациям. В то же время он оговаривался — «на короткое время».

Более того я уверен, что если бы он прожил ещё 30 с небольшим лет (его не стало в 1911 году) и увидел почти 900-дневную героическую оборону Ленинграда в совершенно нечеловеческих обстоятельствах и 15 часовую ежедневную работу женщин и детей в тылу, он бы скорректировал скорее всего своё определение.

Но как ни велики были затраты труда земледельцев на Северо-Востоке, они не могли полностью обеспечить жизнь. Поэтому крестьянин не мог позволить себе передышку зимой (как в южных степных районах) и вынужден был для дополнительного заработка заниматься различными видами кустарных промыслов. К ним относились: лыкодёрство, мочальный промысел, зверогонство, бортничество (лесное пчеловодство в дуплах деревьев), рыболовство, солеварение, смолокурение, железное дело.

Поэтому русские крестьяне в отличие от цеховой обособленной замкнутости ремесленников Европы были в средние века, вплоть до Нового времени по-настоящему универсальными мастерами: они могли построить дом и баню, соорудить в них печь и парилку, вырыть и обустроить колодец, изготовить телегу, сани, сбрую для лошади, одежду, обувь и посуду для себя и выполнить множество других работ. Русский солдат, призванный из крестьян, умел всё, про него в прибаутке говорилось, что он «шилом бреется, дымом греется, а на табуретке высыпается, причём лёжа».

Тесное соприкосновение, а точнее сказать близкое общение с ней, развивало в русских людях острую наблюдательность и породило такую единственную в мире форму наблюдения за мирозданием как природный календарь — месяцеслов, в котором были собраны удивительно-точные приметы о живой природе, а также метеорологические и астрономические заметки. Так, примета о том, что на День Святого Мануила (30 ноября) «солнце застаивается» подтверждена современной астрономией — земля

действительно замедляет в это время своё движение вокруг солнца.

«Переселенцы из среднего и южного Приднепровья всесторонне освоили природу Северо-Востока, хорошо ориентировались в любой глухомани, досконально изучили полезные свойства деревьев и трав, повседневно используя их.

Миллентина Фридриха Фон Вильгельма — начальника штаба 48 немецкого танкового корпуса 4-ой танковой армии поразил случай, когда 1000 окружающих советских солдат сражались 4 недели, питаясь лишь травой и листьями, «утоляя жажду ничтожным количеством воды из вырытой ими в земле глубокой ямы». (В кн. «Бронированный кулак вермахта»).

В другом месте он добавляет: «Сила русского характера объясняется его чрезвычайной близостью к природе. Для него не существует естественных препятствий в непроходимом лесу, болотах и топях в бездорожной степи — всюду он чувствует себя, как дома».

Невероятно трудное «кочевое» земледелие, требовавшее каждые 5-7 лет переходить на новое место, с неизбежностью порождала такую черту характера в русских людях как лёгкость на подъём, на освоение новых пространств.

Не случайно, что американцы проходили свою страну с востока на запад целых два века, а русские ещё больший путь от Урала до Берингова пролива на Чукотке всего лишь за 50 лет.

Границы русской территории многие века были подвижны в то время, как например, в Китае, Японии, Англии, Германии, Финляндии, Франции, они были ограничены чёткими формами.

Освоение огромных неоглядных пространств формировало в русском человеке свободу духа и широту души, свободной, например, от «немецкой ограниченности и мещанского филистёрства», которые часто критиковал немецкий экономист и философ Карл Маркс.

Но прежде чем осваивать бескрайние просторы Сибири русским пришлось в течение 400 лет укреплять и защищать в тяжёлой, изнуряющей борьбе свои исторические границы, постоянно подвергавшиеся нападениям с Востока и особенно с Юга, с территорий Крыма и Турции. Чтобы уменьшить урон, наносимый набегами крымских татар, Русь вынуждена была создать оборонительные укрепления на огромном протяжении своих южных пространств. Так называемая Большая засечная черта, включавшая города: Смоленск, Брянск, Орёл, Курск, Белгород, Липецк, Воронеж, простиралась до самой Волжско-Камской равнины и Нижнего Новгорода. Второй оборонительный рубеж был воздвигнут по границе

Подмосковья и объединял линию из городов: Тула, Коломна, Рязань, Калуга, Козельск. На всём протяжении вокруг городов подсекали деревья таким образом, что они наклонялись в одну сторону, а между ними устанавливались заострённые брёвна и колья, вставшие неприступной преградой для крымской конницы.

Кроме того, вокруг городов воздвигались огромные земляные волы и прорывались широкие и глубокие оборонительные траншеи. Для проведения этих колоссальных ручных работ и пополнения сторожевых войск, которые необходимо было держать «под ружьём» с ранней весны и до поздней осени (времени набегов) приходилось каждому селу отправлять на защиту рубежей, и одновременно их укреплению и строительству десятки, а то и сотни земледельцев. Но поскольку это было время интенсивных полевых работ на земле, то остававшиеся в общинах крестьяне вынуждены были нести на себе бремя работ призванных ратников, которые тоже, будучи под ружьём и участвуя ночью в дозорах, днями не расставались с лопатой, занимаясь рытьём траншей и воздвигая крепостные земляные валы. Это веками развивало и укрепляло выносливость русских

людей, за которую они вынуждены были платить дорогую цену, и за незнание которой потом дорого пришлось заплатить самоуверенным немецко-фашистским воякам.

Уже в другой своей книге — «О психологии и тактике русского солдата» — упоминавшейся нами Меллентин Ф.В., с удивлением пишет о нашем солдате: «Трудно себе представить границы его терпения и выносливость, он необычайно смел и отважен».

Ему с неменьшим удивлением, вторит член Генштаба немецких войск Вольфзангер: «Они сражались с исключительным упорством, имели поразительную выносливость и могли выстоять в самых напряжённых боях»(в кн: «Беспощадная бойня»).

Свои открытия в этом плане (правда, запоздалые) делает и советник Гитлера Альфред Йодль: «Русский остаётся хорошим солдатом всюду и в любых условиях. Близость к природе объясняет способность русского стать, как бы частью земли, буквально раствориться в ней. Солдат российской армии — непревзойдённый мастер маскировки и самоокапывания, а также полевой фортификации». Он зарывается в землю с невероятной быстротой и так умело приспосабливается к местности, что его почти невозможно обнаружить. Русский солдат, умело окопавшийся и хорошо замаскированный, крепко держится за матушку-землю и поэтому вдвойне опасен как противник. Он переправляется через широкие реки на самых элементарных подручных средствах, он может повсюду проложить дороги. Летом в несколько дней русские строят многокилометровые гати, через непроходимые болота, а зимой — по глубокому снегу и льду.

Это мастерство было окуплено потом и потом множества русских поколений, миллионами и миллионами тонн земли, перелопаченной во время строительства оборонительных фортификаций.

Ничего не даётся даром! Но ничто даром и не проходит. Совмещение ратной службы с оборонительным строительством, общинная собственность на землю с её совместной ответственностью, короткое лето с работой на одном дыхании, на одном порыве требовавшая взаимопомощи, взаимовыручки, объединения всех сил воспитывала чувство коллективизма и единения в русских людях, желание помочь ближнему и обществу вплоть до самопожертвования, которое в минуту опасности для страны проявлялось с необычайной силой было единым, общим делом, независимо от того, где бы не находился русский человек — на передовой, в тылу или на захваченной врагом территории.

Так, костромской крестьянин Иван Сусанин во время войны с польско-литовскими интервентами в 1613 году пожертвовал собой, принял мученическую смерть поведя отряд захватчиков не на Москву, а по ложному пути, а старостиха Василиса (Кожина) с хутора Горшкова Смоленской губернии организовала партизанский отряд из женщин и подростков в тылу французской армии в 1812 году, с которым захватывала обозы с фуражом для наполеоновских войск и брала в плен французских фуражиров, солдат и офицеров. Уходя в партизанские отряды, вечные пахари и вечные защитники, крестьяне не только уничтожали фуражный корм, заготовленный для личного скота, но и нередко даже сжигали свои дома, (ставя защиту Отечества выше защиты своего родного очага), как и многие жители Москвы, чтобы не оставить пристанища врагу. В тылу французских войск действовало немало смешанных партизанских отрядов, в которых воевали наряду с профессиональным воинским контингентом и казаками и мужики — крестьяне.

Поэтому война с Наполеоном в 1812 году приобрела народный характер и стала называться отечественной.

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА. ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

Такой же войной, стала и Великая Отечественная война советского народа в 1941–1945 годах. Слово «Великая» она приобрела не только из-за громадных масштабов военных действий применяемой военной техники, разрушений и человеческих жертв, но и в силу поистине всенародной борьбы с фашистскими агрессорами и на фронте, и во всём вражеском тылу.

На следующий же день после нападения фашистской Германии на СССР поэт Лебедев-Кумач и композитор Александров создали великую песню «Священная война», которая с первых строк, с первых тактов музыки брала за сердце всех до кого она долетала, потому что с проникновенной силой отражала чувства и мысли каждого:

«Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой!
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идёт война народная
Священная война».

И такая священная и всенародная война началась с первых же дней повсюду — не только на фронте, но и в тылу врага. На оккупированной территории фашисты фактически получили второй фронт из-за широчайшего развития партизанского движения. В рядах партизан объединённых в 6200 отрядах и подпольных группах насчитывалось 1 миллион человек. Земля буквально горела под ногами оккупантов, которым не давалось передышки ни днём, ни ночью — поджигались их жилые помещения и штабы, взрывались

мосты и тоннели, пускались под откос сотни железнодорожных составов с горючим, техникой и личным составом войск.

При этом в особенно важные и напряжённые моменты войны партизанскими соединениями проводились крупные совместные операции в одной связке с красной армией, что давало большой эффект в борьбе с врагом.

За героические действия в тылу врага 184 тысяч партизан и подпольщиков были награждены орденами и медалями, а сотни из них были представлены к высокому званию Героя Советского Союза, в том числе некоторые — посмертно. Так руководителям подпольной антифашистской молодёжной организации «Молодая гвардия» (в возрасте от 14 до 18 лет и в количестве 109 человек) Уле Громовой, Любе Шевцовой, Сергею Тюленеву не довелось получить присвоенную им позже золотую звезду героя, потому что в след за раскрытием и последовавшими жестокими пытками, они были сброшены фашистами вместе со всеми остальными своими боевыми товарищами в глубокую шахту и погибли, умирая в муках несколько дней. Так же героически погибла после жестоких истязаний (пытки огнём, вождения босиком по снегу, избиений) член молодёжной диверсионной группы, действовавшей в тылу врага, Зоя Космодемьянская. Когда её, с трудом ступавшую по снегу обнажёнными и сожжёнными ступнями возвели на эшафот виселицы, она крикнула печальным согнанным на казнь жителям села Петрищево: «Что вы так печальны? Выше головы! Нас миллионы, всех не перевешают, победа будет за нами!»

В партизанском движении, а также в составе войск в качестве «сынов и дочерей полка» было более 300 тысяч подростков (более 3600 из них были моложе 16 лет), из которых за годы войны 50 тысяч погибли в боях и под пытками. Они геройски сражались и гибли на ровне со взрослыми и пятерым из них Марату Казей, Зинаиде Портновой, Вале Котик,

Александру Чекалину было присвоено высокое звание героя советского союза. К сожалению, из этой пятёрки Героев остался живым, дошёл до Берлина и расписался на рейстаге только один Марат Казей, остальные погибли в боях, а Саша Чекалин, выдержав все пытки и не выдав врагу товарищей, был фашистами казнён.

Только пятерым было присвоено звание Героя, но героями были фактически все подростки, участвовавшие в войне. Подвиги многих из них сегодня кажутся неправдоподобными. Но они действительно были совершены. Укажу хотя бы на нескольких из них.

Так Геннадий Юшкевич был в составе знаменитой группы разведчиков «Джек» с 13 лет. В 15 лет, награждённый уже двумя орденами Отечественной войны и орденом Славы, он был заброшен на парашюте с группой разведчиков в самый рискованный район — в Восточную Пруссию, где ему пришлось, отрываясь от погони, пронести на себе раненого разведчика Гридевича, который был ростом около двух метров.

После войны уже в трудные для страны 90-ые годы он создал две деревни для детей — сирот.

Аркадий Каманин — сын знаменитого лётчика Николая Каманина будучи самым молодым лётчиком второй мировой войны в 14 лет совершил свой первый необыкновенный подвиг. Возвращаясь из боевого полёта, увидел на нейтральном клочке подбитый советский самолёт. Несмотря на ожесточённый миномётный огонь, он, приземлившись, сумел забрать раненого нашего лётчика и успешно возвратится на свой аэродром. За этот подвиг он получил орден Красной Звезды, который стал далеко не последним в списке его наград, полученных за 650 победных вылетов. И уж совсем удивительный подвиг совершил сын другого знаменитого лётчика Александра Капустина 10-летний Артур, который заменив сражённого стрелка в самолёте над Берлином, сбил немецкий самолёт.

Огромные, не по возрасту, испытания, закалка характера, приобретённые юными героями в партизанской борьбе позволили большинству из них, оставшихся в живых, и в мирной жизни после войны достичь выдающихся личных результатов. Можно было бы рассказать о многих удивительных судьбах этих детей войны. Но упомяну только о двух из них — о Константине Феоктистове и Павле Луспекаеве. Оба они в составе своих партизанских групп были разведчиками и прошли страшные испытания.

Константин Феоктистов, будучи в 16 лет разведчиком четырежды переплывал Дон, добывая информацию о врагах. Но однажды был схвачен гестапо и расстрелян. Пули, к счастью оказались не смертельными, затаившись раненый он пролежал до темноты во рве, а ночью переплыв Дон, добрался до своей части с ценными разведданными (кстати, космонавт Г. Добровольский именем которого названа одна из улиц Владивостока, тоже в 16 лет являясь подпольщиком, был арестован, но к счастью, освобождён из тюрьмы соратниками.

А Луспекаев, пролежав в дозоре на снегу 9 часов при сильном холоде, полностью отморозил ноги и тоже долгое время ползком пробирался по немецким тылам. В результате ему в последствии ампутировали ноги. Но оба они, проявив огромную волю и целеустремлённость, достигли огромных высот в жизни — Константин стал не только доктором технических наук, профессором, но и первым гражданским космонавтом СССР, а Павел — выдающимся актёром театра и кино. Жизнь не свела этих когда-то 14-летних мальчишек на войне, но их судьбы пересеклись уже в мирное время. Дело в том, что все космонавты перед отправкой в космос по традиции обязательно смотрят кинофильм «Белое солнце пустыни», в котором одну из двух главных ролей гениально исполнил Павел Луспекаев. По сюжету фильма его герой сражается на качающейся палубе и падает в море. По

возвращении со съёмок выясняется, что весь отснятый киноматериал засвечен, и кинорежиссёр к своему величайшему огорчению решает, спасая фильм, отснять эти эпизоды уже в киностудии, понимая, что в холодном октябре, да и ещё в штормовом Каспии в это время обычному то актёру невозможно было бы пересниматься, а тем более Луспекаеву на его протезах на мокрой скользкой палубе и падать в холодную воду. Но актёр соглашается на повторение только натурных съёмок и не соглашается на использование дублёра. Поэтому фильм так потрясающе убедителен. В этом проявился весь Павел Луспекаев, проживший так ярко свою короткую (43 года) жизнь. Жаль, что формат книги не позволяет рассказать ещё о многих и многих таких же героев, бывших 14-15 летних мальчишках и девчонках, шагнувших на заре своей юности в огненное зарево войны, прошедших пекло её, а за тем нагнав упущенные школьные годы в вечерних школах, или сдав экстерном её программу, закончив институты, восстановивших разрушенную войной страну. Удивительные судьбы! В каждой такой судьбе проявлялся настоящий русский характер.

Но следует заметить, что многие черты русского характера, уже отмеченные мной, невольно усваивались и другими народами, входившими в Русский мир и Большой России и особенно в Советского Союза, где к названным чертам русского характера прибавились такие качества, как коллективизм, товарищество, широта интересов, стремление к высокому человеческому идеалу.

В этой связи, будет мне уместным отметить характернейший разговор состоявшийся между российским радиоведущим Евгением Сатановским и израильским журналистом Яковом Кедми. На вопрос Сатановского: «Какие черты русского характера взяли с собой в Израиль эмигрировавшие туда бывшие советские евреи?» Он отметил (не преминув, указать на такие качества, как бравада и фрондёрство)

следующее: «Любовь к Родине, уважение к людям, целеустремлённость, отчаянность, — потом с гордостью добавил, — Мой израильский внук с таким азартом, яростью и бесстрашием занимается дзюдо — прямо «зверски», настоящий русский характер!»

И после некоторого раздумья он, перечислив и другие основополагающие признаки русского (и одновременно советского) характера такие как: обострённое чувство правды и справедливости, презрение к мелочному торгашеству и скопидомству, уважение к старшим, стремление к образованию и культуре, честность, заявил, что «Именно эти качества, приобретённые евреями в России позволили сформировать основной состав руководства не только создаваемой армии, но и правительства самого молодого государства Израиль, возникшего после второй мировой войны».

Здесь я должен восстановить историческую справедливость, а точнее устранить явную несправедливость по отношению к евреям, бытовавшую в СССР. В советской литературе (не говоря уже о кино, где невозможно было встретить героя — еврея) никогда не рассказывалось о подвигах, совершённых комсомольцами евреями и советскими еврейскими отрядами из числа взрослых. Это совершенно не справедливо. В лесах Украины и Белоруссии активно действовали 40 молодёжных и 70 взрослых еврейских отрядов, в которых насчитывалось в общей сложности более 5 тысяч бойцов. Несколько тысяч евреев участвовало в партизанской борьбе и в других странах. Всего же в отрядах Сопротивления в Италии, Франции и других стран Европы сражалось более 40 тысяч советских людей разных национальностей. Как правило это были бывшие военнопленные, бежавшие из концентрационных лагерей. Они вносили свой вклад в борьбу с фашизмом, защищая родину находясь от неё вдали и совершая порой почти невозможное.

Так 8 февраля 1945 года с особо охраняемого аэродрома в Пенемюнде, где немцами разрабатывались ракеты ФАУ-1, ФАУ-2, лётчиком Михаилом Девятаевым вместе с 9–ю другими нашими военнопленными был угнан бомбардировщик с ценнейшими секретными документами. Этот легендарный героический случай был положен в основу кинофильма «Хроника пикирующего бомбардировщика».

Другой невероятный, единственный в своём роде, подвиг совершили советские военнопленные во главе с Александром Печерским подготовившие и осуществившие успешное восстание в еврейском концлагере смерти Собибор.

Многим бывшим советским военнопленным, устроившим побеги из концлагерей и погибшим в борьбе в рядах итальянских, французских, югославских партизан, сегодня установлены памятники в этих странах. Некоторые из них стали национальными героями этих стран. Так, Фёдор Полетаев стал национальным героем Италии, а Василий Пояк — героем сопротивления во Франции.

Все герои, оставшиеся в живых, воевавшие в Европе, награждены правительственными орденами тех стран, за освобождение которых они боролись и внесли свой вклад в победу над общим врагом. Но как бы не была важна и значительна борьба партизан и подпольщиков в тылу врага, главные события войны, определявшие её исход, конечно, разворачивались на фронте.

Это была самая тяжёлая, самая страшная война из всех войн, что пришлось вынести России в своей истории. Гитлер, провозгласивший арийскую расу высшей расой решивший осуществить мировое господство немецкой нации путём порабощения других народов и утверждения мирового господства, своей ближайшей и главной целью поставил уничтожение славян (на ряду с евреями и цыганами) и прежде всего русских.

Для этого он объединил всю континентальную Европу в крестовый поход против СССР. Вместе с армией вермахта выступили и войска союзников фашистской Германии — Италия, Финляндия, Венгрия, Румыния, Словакия, Болгария.

Возможно ли было предотвратить эту чудовищную мировую войну? Да, безусловно! Если бы европейские державы, прежде всего Англия и Франция, к которым неоднократно обращался Советский Союз с предложениями о совместном пресечении агрессивных устремлений Германии пошли на это, то Гитлер бы не посмел развязать ужасную катастрофу в Европе. Но они в надежде что Германия нападёт лишь на СССР не только не попытались остановить её в самых первых агрессивных актах, а молчаливо потакали им.

Позорно промолчав при захвате («аншлюс») Германией в марте 1938 года Австрии, через 5 месяцев они пришли к ещё более позорному Мюнхенскому договору с Гитлером, согласившись сначала на захват части Чехословакии (Судеты), а затем, ещё через 5 месяцев, и все её территории. Тем самым мир был поставлен на грань второй мировой войны, которую всё человечество и получило первого сентября 1939 года (эта дата и считается началом второй мировой войны) после нападения Германии на Польшу и вступления в войну Великобритании. Полностью оправдалось предупреждение У.Черчиля, который сразу же после заключения предательского Мюнхенского договора произнёс: «Перед договором о Судетах — перед Англией и Францией стоял выбор между войной и честью. Они потеряли честь и получат войну».

Можно ли было предотвратить эту чудовищную катастрофу? Безусловно.

Ещё в 1933 году, сразу после прихода бесноватого фюрера к власти, Советский Союз предложил создать совместное военно-оборонительное сообщество для предотвращения возможной агрессии со стороны Германии. Но это предло-

жение активно поддержали лишь Франция и Сербия, в то время как Великобритания и Польша категорически отвергли его.

Совершенно неслучайно уже в следующем 1934 году происходит злодейское убийство в Марселе министра иностранных дел Франции Луи Барту и короля Сербии Александра I. В основе этого зловещего акта была боязнь определённых кругов создания союза между СССР, Францией и Сербией. Инициаторы и организаторы этого покушения до сих пор не известны, но хорошо известно, что более всего в нём были заинтересованы две страны — Великобритания и США.

Английское руководство, опасаясь за сохранение своей колониальной империи, через развитие освободительных движений, а тем более социализма в своих колониях для которых СССР был привлекательным примером, объявило большевизм самой главной угрозой и направляло все усилия на его подрыв. Английский премьер-министр Чемберлен заявлял: «Британия погибнет, если не погибнет большевизм. Скорее я уйду в отставку, чем подпишу договор с СССР». Подписав Мюнхенский договор, он с радостью говорил Гитлеру: «Я бесконечно рад, что в Европе есть две опоры, две решающие силы в совместной борьбе с большевизмом — Германия и Великобритания».

Английский же король Эдуард VIII был невероятно рад вручённому ему Гитлером высшего «Ордена германского орла» и призывал к распространению нацизма в Англии и «уничтожению СССР». Поэтому ближайшей целью Великобритании стала столкнуть в войне Германию и СССР. Отсюда ни о каком совместном союзе, направленном против немецкой агрессии не могло быть и речи.

Для США так же было очень важным столкнуть в военном конфликте Германию и СССР, чтобы одновременно ослабив их, занять доминирующее положение в мире. Особо

неблаговидную роль в этом играли американские финансово-промышленные группы, во многом способствовавшие развитию военной промышленности Германии, перевооружению сил вермахта в 30-е годы сразу после прихода Гитлера к власти.

Более того они подготовили и оплатили и сам этот его приход. Они дали деньги на создание и рекламу его нацистской партии и газеты, их советники обучали Гитлера красноречию и умению манипулировать массами. Американские монополии щедро снабжали немецкие фирмы деньгами и новейшими технологиями. В общей сложности им была предоставлена огромнейшая по тем временам денежная масса — 800000000 долларов. Многие заводы в Германии в этот период принадлежали США. Они не только помогли Гитлеру перевооружится, подталкивая его к нападению на СССР. Но даже уже в период войны США с Германией продолжали снабжать запасными частями её военную технику. Руководство экспедиционного корпуса США северной Африки посылало возмущённые жалобы своему госдепу в Вашингтон на то, что самолёты Роммеля, громившие корпус, оборудованные американскими и английскими моторами, до сих пор снабжаются запчастями с американских же заводов.

Когда в 1946 году на Нюрнбергском процессе американский судья предъявил обвинения рейхсминистру экономики и промышленности Германии Шахту в создании условий для Гитлера, тот ответил: «Вы должны предъявить обвинения сами себе в создании военной промышленности Рейха в Германии».

Циничной оставалась всю войну с Германией политика не только американского капитала, но и многих американских политиков. Так вице-президент США Гарри Трумен заявлял: «Мы должны помогать русским если станет побеждать Германия и наоборот помогать ей, если начнут побеж-

дать русские. И пусть они как можно больше уничтожают друг друга».

Мало чем отличалась эта позиция от выжидательной позиции Великобритании. Когда в 1942 году советский Атташе контр-адмирал Морозов попросил военного министра Англии поставить из Канады (в то время английской провинции) морские тральщики, тот, согласившись, распорядился ни в коем случае не давать их. Узнав об этом от одного из честных английских офицеров, не желавшего мириться с такой ложью, Морозов вновь обратился к «благородному» Лорду-министру, и тот вынужден был густо покраснев дать разрешение на получение этих так необходимых тральщиков.

Надо сказать, что население США и Англии, простые люди этих стран относились с неизменной горячей симпатией к советскому народу, героически сражавшемуся один на один чудовищной гитлеровской машиной. Когда, например, в 1942 году в Англию прибыла военная миссия СССР, то встречать её вышла более 10000 человек повсюду над толпой возвышались такие транспаранты, как «Русские! Мы восхищены вами!», «Слава героическим русским мужчинам и женщинам!», «Вы — герои!» и другие. Так же тепло приветствовали, выражали горячую поддержку каждому советскому представителю в годы войны и в США. Но в отличие от английского и американского народов руководство этих стран всеми силами, любыми лазейками старалось как можно дальше отсрочить вступление их армий в войну, оттянуть открытие против фашистской Германии второго фронта, что стоило советскому народу огромных потерь — 5,5 миллионов человек.

Гитлер и его Генштаб рассчитывали по плану «Барбаросса» уничтожить Советский Союз путём осуществления молниеносной войны («блицкриг») в течение 5 месяцев. Они исходили (и это было объективно), во-первых из того,

что перевооружение оборонной промышленности на современную основу (которую уже достигла Германия) завершится только через 24 месяца, то есть к середине 1943 года, а во-вторых, что после репрессий 1937–1940 года, военное руководство СССР находится на низком уровне.

Действительно, в результате репрессий, осуществлённых Сталиным перед войной, 40 тысяч советских офицеров, занимавших высшие командные должности начиная от командиров полков, в том числе 4 маршала, были расстреляны, а первый заместитель наркома обороны Я. Гамарник покончил жизнь самоубийством. В тюрьмах и лагерях продолжали оставаться ещё тысячи наиболее талантливых офицеров, в том числе 4 будущих маршала, освобождённых во время войны и затем в ней сыгравших огромную роль — Рокоссовский, Говоров, Баграмян и Соколовский.

Их заменили молодыми и неопытными кадрами, в то время как офицеры Германии получили необходимый опыт в войнах против Польши и Франции.

Встаёт вопрос о роли Сталина в Великой Отечественной войне. В последнее время его имя снова поднимают на щит некоторые сталинисты, отмечая его заслуги в ликвидации неграмотности в стране, в проведении её индустриализации, без которых была бы не возможна победа в войне и саму эту победу обусловливают его «гениальным» военным руководством, за которое де «справедливо» ему было присвоено звание генералиссимус.

Ну вот и подошло время ответить на ваш давний вопрос: «Как я отношусь к Сталину?» Как историк я вынужденно должен признать, что он является одной из крупнейших, хотя и неоднозначных исторических фигур 20 века. Уверен, что она с неизбежностью всплывёт и в следующем, 22 веке и, возможно, также будет вызывать споры, как и сегодня. Почему я так думаю? Потому что как ни крути, а именно Сталин возглавлял страну, осуществившую «свой красный»

эксперимент огромной исторической важности — попытку создания справедливого общественного строя под названием «социализм». Это был действительно величайший цивилизационный проект, за который советский народ заплатил очень дорогую цену, но опыт которого несомненно пригодиться при переустройстве мира в не очень отдалённом будущем. Этот строй не мог не потерпеть неудачу, потому что государство его провозгласившее находилось в абсолютном враждебном окружении и вынуждено было существовать по законам автаркии — вести совершенно обособленный тип хозяйства с полным самообеспечением (естественно, нерентабельным), с военно-бюрократическим, государственно-распределительным способом управления. Тем не менее несомненными оказались некоторые его великие достижения — бесплатная профилактическая здравоохранение, лучшая в мире и так же бесплатная система образования, опыт которых был буквально (растащен) по частям и сегодня широко применяется во всём мире, развитие космической науки, опередивший мир (первый искусственный спутник земли, первый космонавт, первый выход человека в открытый космос), подлинное равноправие и дружба советских народов и т.д.

И нет сомнения в том, что человечество которое сегодня почти привели в тупик транснациональные монополии и финансово-олигархические группы, подвергаемые всё более жёсткой и непримиримой критике со стороны представителей левого толка (например, Майкл Снайдер, США) заведут человечество в ещё больший экономический и социально-нравственный тупик, пытаясь найти выход из которого люди вспомнят о первой серьёзной попытке социального переустройства общества и тогда вновь начнут обсуждать персону Сталина.

Я не стану сейчас вымерять как соотносятся в нём доли хорошего и плохого, доброго и злого, как это сделали ки-

тайцы по отношению к Мао Дзэдуну, определив, что в нём было «70 процентов хорошего и 30 — плохого». Тем более для меня абсолютно неприемлема позиция современных его апологетов, считающих что только благодаря Сталину наша страна смогла выстоять в борьбе с фашизмом и одержать в ней великую победу.

Если очень вкратце, то скажу следующее. Сначала об индустриализации и роли в ней Сталина.

Индустриализация СССР — это по-настоящему великий подвиг всех населявших его народов, создавших в кратчайшие сроки (ни до ни после в мировой истории никто не достигал подобного рывка) в необжитых неблагоустроенных пустынных местах восточных районов гиганты индустрии, по передовым для того времени технологиям, довольствуясь при этом ничтожной оплатой — мизерной зарплатой и карточками на продовольственные и бытовые товары. Народ вложил в создание новых мощнейших предприятий по истине гигантский труд и именно ему принадлежит главная заслуга в обеспечении страны оборонным промышленным потенциалом. При этом хочу сразу уточнить — план индустриализации был разработан в общем виде уже при Ленине, он являлся составной частью ленинского плана электрификации всей страны (ГОЭРЛО) и Сталин, отнюдь, не являлся его создателем.

Кроме того, и постановка задачи по ликвидации неграмотности в стране и первые шаги по её осуществлению были так же сделаны Лениным, Сталин лишь продолжил это громадной важности дело. Кстати, ваша прабабушка (мама вашей бабушки) Мария Семёновна Марюшина, познакомилась со своим будущем мужем Василием Фёдоровичем (ваш прадедушка) именно на курсах по ликвидации неграмотности среди взрослых, где он преподавал ей азы грамоты.

Таким образом ликвидируя неграмотность, руководя ускоренной подготовкой кадров, закупая для индустриали-

зации импортное оборудование и широко привлекая иностранных специалистов для его ввода Сталин всего лишь исполнял уже разработанный ленинский план.

К тому же исполнение его могло бы стать гораздо более успешным, если бы, во-первых, «гениальный вождь» не подорвал в то время сельское хозяйство (которое потом уже так никогда и не поднялось) проведя жестокое раскулачивание самых трудоспособных крестьян, что привело к многолетнему (1930-1935) страшному голоду в стране, от которого погибли миллионы людей. Более или менее нормальное обеспечение населения продуктами было достигнуто только к 1940 году.

Во-вторых, индустриализации был нанесён огромный ущерб тем что были репрессированы многие наиболее талантливые учёные, инженеры и техники среди которых оказались и будущий нобелевский лауреат, гениальный физик Л. Ландау, создатель ракетной техники и космонавтики С. Королёв, выдающийся авиаконструктор, создавший 100 типов военных и гражданских самолётов А. Туполев и многие тысячи других специалистов, в том числе учёные по фундаментальным исследованиям в области генетики и кибернетики, (эти науки были заклеймены, как «продажные девки империализма»). Среди которых был один из величайших учёных 20 века, основатель современной генетики Н. Вавилов, расстрелянный в 1943 году. Замечу, что избиение технических специалистов началось ещё за 10 лет до уничтожения их в период массовых репрессий 1937–1938 годов, в так называемом «Шахтинском деле», когда большинство из 53 руководителей угольной промышленности были приговорены к длительным срокам заключения, а пятеро — расстреляны.

Таким образом, Сталин за годы своего «мудрого» руководства до войны, уничтожив миллионы ни в чём неповинных людей, «умыл кровью» Советскую страну, особенно

Россию. На совести Сталина (если вообще можно применить это слово по отношению к нему, учитывая, что он застрелил жену и искалечил судьбу своей дочери) лежит и гибель многих сотен тысяч солдат, и миллионы человек гражданского населения, погибших по его личной вине в самом начале войны.

Из-за своей маниакальной подозрительности он не поверил многим донесениям разведки о дате предстоящего нападения Германии на СССР (22 июня 1941 года), самоуверенно считая, что оно произойдёт не ранее 1942 года, и не позволил предпринять самые необходимые меры усиления обороноспособности, боясь «спровоцировать» ими Гитлера. Авиацию, в связи с этим, было запрещено поднимать в воздух. И она была практически уничтожена на аэродромах. Единственный, кто нарушил приказ Сталина, был нарком ВМФ, адмирал Н. Кузнецов, распорядившийся встретить врага в воздухе, тем самым он спас авиацию Черноморского флота.

Немецкие самолёты, не встречая должного сопротивления спокойно бомбили в первые дни войны не только многие города (уничтожив множество мирных жителей), и важнейшие транспортные узлы, армейские штабы и склады боеприпасов военной техники и горючего, но и безнаказанно и хладнокровно охотились за эвакуационными и санитарными поездами с гражданскими лицами и ранеными.

В результате этих бомбардировок были нарушены связь и управление войсками, возник труднопреодолимый хаос в действиях по отпору врагу. Целый ряд историков утверждает о депрессии и даже прострации, возникшей у Сталина от известия о нападении Германии и соответственно о непричастности его в первые дни войны к действенной организации обороны. Не берусь судить, не знаю. Но что известно точно подготовке страны к обороне в годы, предшествующие войне, очень мешало то что в течение 15 лет до начала

войны наркомат обороны возглавляли его приближённые, которым он доверял потому что знал ещё с гражданской войны преданные ему Ворошилов, Будённый и Тимошенко. Вся «троица» вышла из кавалерии и во многих представлениях осталась на уровне операций кавалерийских частей. Но начавшаяся война уже была «битвой моторов», самолётов и бронетанковой техники. Это требовало иного мышления и поэтому сразу же обнаружилась несостоятельность Ворошилова и Будённого. Ворошилов, направленный организовать оборону Ленинграда, тут же расписался в своём руководящем бессилии и не нашёл ничего лучшего как надеть солдатскую форму и с винтовкой встать в окоп. Поэтому он был тут же отозван в Москву, но продолжил занимать важное место, будучи членом возникшего Государственного Комитета Обороны.

С. Будённый так же проявил полную неспособность в руководстве войсками и был снят с должности командующего войсками Северо-Кавказского фронта. С. Тимошенко был снят с должности военного наркома уже через неделю после начала войны, но, к сожалению, Сталин всё не мог расстаться с ним и долгое время доверял ему командование различными фронтами. В итоге все три крупные фронтовые операции, которыми руководил С. Тимошенко, потерпели крупные неудачи и были отмечены большими потерями наших войск.

Кроме того, Сталин, нередко в оценке ситуации, больше доверял не военным, а партийным функционерам, которые в качестве членов Военных Советов фронтов были приставлены к командующим этими фронтами. Такие одиозные фигуры как начальник

Политуправления Красной Армии Месхи и Н. Хрущёв, отъявленные карьеристы, искажая информацию о действительном положении дел, стремились поскорее обрадовать вождя «успехами» на своём участке фронта, что приводило

к ошибочным решениям и, как правило, к большим и неоправданным потерям. Так весной 1942 года под Харьковом Хрущёв «подбил» Тимошенко на трагическую авантюру, в результате которой подверглись разгрому 20 наших дивизий, 200 тысяч красноармейцев погибло и 100 тысяч попало в плен.

Особенно тяжёлые последствия подобные авантюры имели в начале войны в условиях нарушенной связи недостаточной информации и разобщённости фронтов, что приводило и к без того огромным потерям, вызванным внезапностью нападения врага.

Военные, особенно Г. Жуков, считали неправильным передвижение наших войск к новым рубежам (возникших с включением бывших наших западных районов, захваченных Польшей в 1920 году и отошедших вновь к СССР в 1939 году) и оставление старых, укреплённых районов. Это ослабляло нашу оборону и вызывало опасность прорыва врага и окружения наших войск на многих направлениях агрессии. Но Сталин не внял этим предостережениям и в результате на многих направлениях в начале войны происходило окружение наших частей, оказавшихся и без того в очень тяжёлой ситуации из-за внезапности немецкого нападения. Тем более, что силы вермахта и советских войск в первые месяцы войны, отличались огромным неравенством как по численности, так и по вооружениям.

Гитлер обрушил на наши границы чудовищную небывалую до сих пор в истории военную мощь — 190 дивизий, включавших в себя 7234000 человек. При чём все дивизии были полностью отмобилизованы (каждая насчитывала 14–16 тысяч), а две трети из них (127 дивизий) приобрели боевой опыт в войнах против Польши и Франции. Красная же армия, имевшая в своём составе всего 149 дивизий, в районах прикрытия границы от Балтики до Карпат насчитывала лишь всего 77 недоукомплектованных дивизий (только по

8000 в каждой) из которых действенный отпор могли дать агрессору лишь 38; остальные же находились в местах удалённой дислокации, в учебных лагерях или на марше.

По оснащению военной техникой немецкие войска так же имели существенное превосходство. Оборонная промышленность Германии перед войной была вдвое мощнее советской. Гитлер, захвативший Чехословакию, уже три года использовал её заводы, производившие лучшие в мире танки и другое качественное вооружение. Кроме того, Германии досталось всё вооружение 148 дивизий покорённой Европы. Красная же армия к началу войны в западных округах держала лишь половину своих танков, большинство из которых являлись лёгкими и устаревшими (БТ), а также ещё более лёгкие и слабые танкетки, которые были созданы на основе тягачей.

Особую трудность в сдерживании бронированной фашистской армады обороняющимся войскам приходилось испытывать из-за нехватки авиации, в основном (а в Юго-Западном округе полностью, более 500 самолётов) уничтоженной, как отмечалось в первые дни войны.

Советскими учёными и конструкторами не за долго до войны были созданы первоклассные, образцы вооружений — танки КВ, Т34 (лучший танк второй мировой войны), ракетной полевой артиллерии (знаменитые «Катюши») и некоторые другие типы вооружений, например, снайперские винтовки, превосходившие немецкие по своим качествам, в том числе по уровню оптического прицела. Знаменитая немецкая оптическая фирма «Цейс», многократно пытавшаяся создать прицел, превосходивший по качеству советский, так и не смогла это сделать и вынуждена была прибегнуть к его копированию.

Все эти новые виды вооружения показали с первых же дней войны свою высокую эффективность — танки КВ обладали непробиваемостью и мощью, так танкист Семён Ко-

новалов на своём танке «КВ-1» на целые сутки задержал на целые сутки немецкую бронированную колонну, уничтожив при этом 16 немецких танков, 2 бронетранспортёра и 8 машин пехоты. Его танк сумели подбить лишь приблизившись к нему на расстояние 70 метров. Об этом небывалом подвиге было рассказано недавно (основываясь на историческом материале) в кинофильме «Несокрушимый».

Танки Т34 (знаменитые «тридцать четвёрки») — лучшие средние танки второй мировой войны обладали высокой маневренностью и живучестью, они, как правило, выигрывали танковые сражения, а залпы «Катюш» буквально наводили ужас на противника, сеяли панику в его рядах. Для уничтожения живой вражеской силы, особенно в первые два года войны, немалую роль играли снайперские винтовки настолько высококачественные, что их мечтал заполучить каждый немецкий снайпер. Используя их, наши мастера стрелкового боя помогали иногда решать даже важные оперативные задачи. Так знаменитый снайпер — Владимир Пчелинцев осенью 1941 года в несколько минут уничтожил группу высших немецких офицеров и тем самым сорвал предполагавшееся наступление на одном из участков Ленинградского фронта.

В тоже время массовый выпуск всех этих образцов вооружения ещё только предстояло освоить, но на пути к этому возникла гигантская преграда — за две недели фашисты, преодолев половину пространства до Москвы, захватили основные европейские промышленные районы страны. Поэтому в кратчайшие сроки (4 месяца) пришлось провести невиданную доселе в истории операцию — переместить за тысячи километров на Восток свыше 1500 заводов с персоналом в 10 миллионов человек. Об этом великом подвиге советских людей я скажу ещё немного позже.

А пока обратимся к трагическому началу страшнейшей войны.

В условиях внезапного нападения абсолютного превосходства по технической оснащённости немецко-фашистских войск советские войска понесли тяжелейшие потери, выразившиеся в миллионах убитых и попавших в плен. Полного военного краха Советскому Союзу удалось избежать в первые месяцы войны только благодаря извечной стойкости, глубокому патриотизму, безграничному мужеству и проявлению массового героизма советского солдата, заслонившего в буквальном смысле своей грудью страну.

Известный советский поэт Михаил Светлов написал тогда такие строки:

Пусть полчища вражьи налезли, —
Дадим мы достойный ответ!
У Гитлера только железо,
Но русского мужества — нет!

Гитлер, беря во внимание внезапность своего нападения, техническое превосходство его армий, особенно в авиации, был уверен в успехе блицкрига (молниеносной войны) и поэтому безапелляционно заявлял: «Россия — это колосс на глиняных ногах и после первых же ударов она рассыплется в прах, по которому победно промаршрует солдат немецкой непобедимой армии».

Но по России (Советскому Союзу) фашистам маршировать так же легко, как это они делали в Польше и Франции, никто не думал позволять. Польша была разгромлена ими всего лишь за 14 дней, а Франция, которая хотя и являлась третьей военной державой в мире и имела танков больше, чем у Германии, и готовилась к войне с октября 1939 года (7 месяцев) рухнула за 40 дней в 1940 году. Не лишне заметить так же, что Чехословакия, по экономическому потенциалу не уступавшая Англии, а по военному уровню в частности в качестве танков и артиллерии превосходившая

Германию и в целом производившая треть военной продукции в Европе, вообще сдалась ей без боя.

На прогулку по России отводилось по плану «Барбаросса» от трёх до четырёх месяцев. Но перейдя границу СССР, немцы с первых же минут поняли, что лёгкой прогулки здесь совершенно не предвидится.

Так, после прорыва приграничной обороны раненый командир 3-го батальона 18-го пехотного полка группы армий «Центр», насчитывавшего 800 человек, майор Нойх рассказывая своему батальонному врачу о том, что с его батальоном вступили в бой 5 русских солдат, с изумлением восклицал: «Я не ожидал ничего подобного! Это же чистейшее самоубийство атаковать силы батальона пятёркой бойцов...!»

Оболваненные пропагандой Геббельса, и теша себя чувством превосходства арийской расы над «недочеловеками» славянами, немцы в первые дни войны считали упорство и мужество советских солдат, не более чем фанатизм, привитый им большевиками. Но скоро всем «высшим» арийцам и в том числе их главному идеологу Йозефу Геббельсу пришлось уже переоценивать свои стереотипы и вспоминать историю России, которая приводила их к отрезвляющему умозаключению: «Было бы глубокой ошибкой считать упорство, с которым большевики защищались результатом большевистских убеждений. Русские были такими всегда и скорее всего такими останутся.»

Не станем спорить с очевидным. На Руси из древле знали из летописи и всегда помнили ставшие драгоценным достоянием истории русских людей слова великого князя Святослава (сына Игоря) которые как завещание он произнёс в окружённой войсками Византийского императора Цимисхина с его союзниками — болгарами крепости Доростов: «Не посрамим земли русских, но ляжем костьми, мёртвые бо срама не имут!»

Советские солдаты держали в памяти и напутствие другого русского государя и полководца — Петра Великого, призывавшего защитников к подвигу: «Сыны Отечества! Да не пожалейте во имя его живота своего!»

Оба этих завета с честью оправдали защитники Брестской крепости, ставшей символом мужества и героизма для всех последующих поколений. Немецкие войска, которых на границе первым встретил Брест, углубились уже на сотни километров на советскую территорию, продолжал сражаться приковав к себе 45ую образцовую немецкую дивизию, которая в 1940 году первой вошла в Париж.

Шли дни за днями недели за неделями, но крепость не сдавалась, хотя её защитники голодали и испытывали непереносимую жажду от нехватки воды. Командование немецкого фронта, отрапортовавшее Гитлеру о взятии крепости якобы в первый день войны, впадало в ярость от бессилия в борьбе с её защитниками, которые несмотря на самые ужасные меры, предпринятые фашистами — выжигание казематов пламенем из огнемётов, травлю удушливыми газами продолжали стойко сражаться.

На 28 день последний солдат, сражавшийся в крепости, выцарапал на стене слова, ставшие бессмертными: «Погибаю, но не сдаюсь. Прощай, Родина!» На следующий 29 день обороны, самый последний её защитник — командир полка, майор Петр Михайлович Гаврилов, контуженный взрывом и потерявший сознание, был взят в плен. Он прошёл все круги ада в ряде концлагерей, но не сломился не пошёл в услужение к врагу, хотя ему множество раз пытались это предложить. Страна по достоинству оценила его подвиг — он стал героем Советского Союза.

Этого высокого звания безусловно заслужил каждый защитник Брестской крепости, в том числе все женщины — жёны офицеров, сражавшиеся рядом с мужьями, пока им не приказали выйти из казематов, чтобы сохранить жизни

детей. Вот что писал об этом начальник штаба 4-й армии, штурмовавшей Брест, генерал Блюментрит: «Мы теряли в боях до 50% личного состава. Пограничники и женщины защищали старую крепость в Бресте свыше недели, сражаясь до последнего предела, несмотря на обстрел наших самых тяжёлых орудий и бомбёжек с воздуха. Наши войска скоро узнали, что значит сражаться против русских…»

Уточню ещё раз — не «свыше недели», как пишет генерал, видимо, через неделю ушедший дальше, вглубь Белоруссии, а свыше четырёх (!) недель, а точнее 29 дней.

Фашисты не то что с первых дней, а по воспоминаниям многих из них «с первых часов и даже с первых минут» почувствовали гигантскую разницу между войной на Западе и в России. Тот же Блюментрит отмечает: «Поведение русских даже в первом бою разительно отличалось от поведения поляков и их союзников, поверженных на Западе. Даже оказавшись в кольце окружения русские стойко оборонялись».

Можно было бы процитировать ещё немало подобных признаний, но приведу хотя бы некоторые из них:

«Часто случалось так, что советские солдаты поднимали руки, чтобы показать, что они сдаются нам в плен, а после того, как наши пехотинцы подходили к ним, они вновь прибегали к оружию; или раненый симулировал смерть, а потом с тыла стрелял в наших солдат». (Командующий 56-м танковым корпусом генерал фон Манштейн).

«Нам почти не удавалось брать пленных, потому что русские всегда дрались до последнего солдата. Они не сдавались. Их закалку с нашей не сравнить…» (танкист группы армий «Центр»).

«На восточном фронте мне повстречались люди, которых можно назвать особой расой. Уже первая атака обернулась не на жизнь, а на смерть. Вот и недочеловеки!» (танкист 12-й танковой дивизии Ганс Беккер, автор книги «1941 год глазами немцев»).

Удивляться и «прозревать» от геббельсовской античеловечной пропаганды фашистам приходилось почти на каждом шагу и невозможно в одной книге перечесть все эти запоздалые прозрения. Приведу ещё один, последний, но весьма характерный пример, который кроме всего прочего подтверждает, что героизм наших воинов, преградивших путь врагу, был настолько высок, что они опровергли им, казалось бы, вечные, непреложные истины войны, в частности такую как «один в поле не воин».

Воин, да ещё какой! Девятнадцатилетний Артиллерист, старший сержант Николай Сиротинин в одиночку (артиллерийский расчёт состоит из 4 человек — командира орудия, наводчика, заряжающего, подносчика снарядов) остановил немецкую бронетанковую колонну, проявив не только невероятные мужество и выдержку, но и точный расчёт и в целом высокое воинское мастерство. Подбив головной танк, он не стал стрелять по второму, а уничтожил бронемашину, замыкавшую колонну, из-за чего другие экипажи не могли двигаться ни вперёд, ни назад, ни объехать по болотам. В итоге он уничтожил всю механизированную колонну — 11 танков и 7 бронемашин. Отбиваясь, отстреливаясь от окружившей его пехоты, он погиб и враги, поражённые его смелостью и восхищённые его выучкой решили воздать ему воинские почести, которые одобрили не все. В частности, обер-лейтенант Фридрих Хенфельд записал в своём дневнике: «17 июля 1941 года. Сокольничи. Близ Кричева. Вечером хоронили неизвестного русского солдата. Он один стоял у пушки, долго расстреливал колонну танков и пехоту, так и погиб. Все удивлялись его храбрости… Оберст перед могилой говорил, что если бы все солдаты фюрера дрались, как этот русский, то завоевали бы весь мир. Три раза стреляли залпами из винтовок. Всё-таки он русский, нужно ли такое преклонение?»

Не менее потрясают воображение и два других подобных случая, опровергших истину, что «один в поле не воин». Первый из них произошёл 9 августа 1942 года на улице.

Воровского города Краснодара. Бывший тракторист из потомственных донских казаков — Степан Передрий — вёз на грузовике к переправе пушку, но, вспомнив о зверствах фашистов, проявленных незадолго до этого, вскипел такой яростью что, остановившись и развернув пушку, вступил в свой последний смертельный бой с механизированной немецкой колонной. Как говорили земляки — казаки его родной станицы Ивановской: «Смерть не повод, чтобы не подняться в атаку». Тем более после всего что он перед этим узнал. Ему стало известно, что фашисты, переодетые в красноармейскую форму, уничтожили всех людей станицы Елизаветской, а в захваченной части Краснодара расстреляли 10 тысяч человек взрослых и более 2 тысяч детей.

Приняв неравный бой с мех. колонной, рвавшейся к Донской переправе, он уничтожил несколько танков, бронетранспортёров и мотоциклов с пехотой. Ему бесстрашно помогали 14-летние мальчишки: Коля Коваль, Рипалов, Сычёв под огнём подносившие к орудию снаряды. Использовав последний из них, он стал разворачиваться чтобы доставить пушку к переправе, но танковый выстрел оборвал жизнь героя.

Ещё с одним героем, для которого не существовало правила «один в поле не воин» мне в жизни довелось встречаться лично. Его имя — Фёдор Яковлевич Чихман. На телепередаче «герои войны», которую я проводил в 1965 году в Благовещенске (она была посвящена 20-летию Победы), он рассказал о своём удивительном подвиге в 1941 году на Бородинском поле — поле русской славы.

Когда весь штатный орудийный расчёт погиб, ему оторвало руку по самое плечо, а на него мчался немецкий танк, он одной рукой зарядил ствол и выстрелом почти в

упор уничтожил стальную громадину. За этот подвиг его наградили орденом Ленина. Наши войска тогда отступали и звание героя в то время давали крайне редко, хотя Чихман конечно же был достоин этого высокого звания. Жертвуя собой, он исходил из той позиции, которую обозначил тогда известный советский поэт М. Луконин:

В этом зареве огневом
Выбор был небольшой —
Лучше прийти с пустым рукавом
Чем с пустой душой.

Это был красивый человек богатырского сложения и богатырского же духа — в 19 лет оставшись инвалидом, он не сломился, а, получив техническое образование, руководил самым крупным в городе автохозяйством, при этом водил грузовик мастерски, учитывая, что протезов тогда не было, а автомобили были с ручной коробкой передач. Я часто вспоминаю его широкую добрую улыбку. Война принесла ему тяжёлое ранение, но не смогла нисколько опалить его душу, сломить его волю, как не смогла одолеть и трёх нижеследующих героев войны, не сломившихся на ней, а победивших её саму.

Эти герои стали как бы воплощением почти невозможной фантазии поэта Геннадия Головатого, написавшего такие потрясающие и, казалось бы, нереальные в жизни строки:

«Слепые не могут смотреть гневно,
Немые не могу кричать яростно,
Безрукие не могут держать оружие,
Безногие не могут шагать вперёд.
Но… немые могут смотреть гневно,
Но слепые могут кричать яростно,
Но безногие могут держать оружие,
Но безрукие могут шагать вперёд».

Говоря уже о первом из этих героев, мы сразу же видим реальность стиха поэта. Речь идёт о легендарном Василии Петрове, который вынес на себе из боя раненого друга, но при этом от взрыва лишился руки. За тем ему ампутировали и другую раненую руку. Но он, уже будучи Героем Советского Союза, не мыслил себя вне своего полка, которым командовал до взрыва, не представлял свою жизнь в тылу пока идёт труднейшая для Родины война. И так и написал Сталину, обратившись к нему с просьбой — остаться в армии. Как только получил согласие, в тот час вернулся на фронт.

Без обеих рук он принял участие в сложнейшей операции по форсированию реки Одер, за что, как и при форсировании Днепра, был удостоен второй золотой звезды Героя. Здесь в Германии в самом конце войны, он не щадил себя, идя на самые смелые и рискованные операции. Так однажды он в плащ-накидке вошёл в блиндаж, где находился штаб оборонявшихся немцев и приказал всем офицерам сложить оружие. Те сдались, будучи абсолютно уверены, что у него под плащом гранаты.

В другой раз, когда к нему привели снайпера, прострелившего ему оби ноги, он приказал отпустить его, сказав: «несправедливо убивать человека в самом конце войны».

Поступая так, он выполнял один из заветов Суворова: «Пленным не мстить, никого из них не обижать». Его пример служения будучи тяжело раненым, так же восходит к подобным примерам проявления мужества в истории русской армии.

Когда в 1914 году во время атаки были убиты поочерёдно два старших офицера, то подпоручик Преображенского полка — полный георгиевский кавалер Лисов взял командование на себя. Во время атаки ему оторвало руку, она висела только лишь на одних сухожилиях. Но он продолжал бежать во главе строя, поддерживая её руку другой рукой. Фельдшер догнал его и отрезал висевшую руку. Лисов поте-

рял сознание. После госпиталя он также предпринимал все усилия, чтобы ему снова разрешили вернуться в строй.

О другом, уже безногом герое, пусть поведают его враги. Приведу для этого воспоминания Хонфильда, офицера седьмой немецкой танковой дивизии: «Никогда бы не поверил если бы не увидел сам. Во время атаки мы наткнулись на лёгкий русский танк Т-26. Когда же приблизились к нему, из люка башни высунулся по пояс русский и открыл по нам стрельбу из пистолета. Вскоре выяснилось, что он был без ног, их ему оторвало взрывом. И не взирая на это, он палил по нам из пистолета. (В книге: Роберт Кершоу «1941г. глазами немцев»).

Фашисты в очередной раз смогли убедиться в том, что слова Наполеона (повторявшего Бисмарка) «Русского мало убить, что его ещё нужно повалить» не являются преувеличением.

Наконец о третьем герое, совершившим то, чего не совершалось ни в какой другой армии — он без ног летал на боевом самолёте и уничтожал противника. Его имя — Алексей Маресьев. Он уничтожил 4 вражеских самолёта, но был сбит сам и поранив ноги 18 суток добирался по зимнему лесу ползком. В результате ему ампутировали ноги. Но он не сдался и преодолев все трудности и в том числе физические муки, освоил управление самолётом, находясь в протезах. И после этого сбил ещё 7 фашистских стервятников, стал героем Советского Союза и примером для двух других советских лётчиков — Захара Сорокина и Ильи Маликова, так же без ног, вернувшихся штурвалам боевых самолётов.

В то же время будет справедливым сказать, что в авиации СССР в годы войны кроме этих трёх прославленных ассов, ярко зажглись и горели бессмертным примером героизма, включающего самопожертвование, и многие другие советские лётчики, среди которых особое место принадлежит Николаю Гастелло и Виктору Талалихину.

Гастелло уже на четвёртый день войны мог выпрыгнуть из горящего самолёта и спастись, но он предпочёл направить охваченный огнём истребитель на скопление немецких танков и автомашин, чтобы ценой своей жизни нанести как можно больший ущерб врагу. А Виктор Талалихин, сбивший 6 немецких самолётов, в сражении на подступах к Москве 7 августа 1941 года по примеру знаменитого русского лётчика Нестерова в первые в мире, применившего в 1915 году лётный таран так же использовал его и сбив немецкий самолёт так же погиб сам.

Его примеру не решились последовать ни в одной армии, но в то же время советские лётчики за годы войны повторили таран 600 раз, при этом лётное мастерство наших ассов было столь высоко, что в половине таранов удалось сохранить свои самолёты.

Так же бесстрашно и с таким же самопожертвованием сражались и танкисты. Уже в первый день войны совершает танковый таран лейтенант Павел Гудзя (до конца 1941 года он уничтожил 10 танков). Но это был далеко не последний отважный танковый таран — до конца войны неукротимые танкисты повторили его 160 раз.

Бесстрашию и мужеству многих из них просто не было предела. Так капитан Владимир Бочковский стал настоящей легендой армии. Начав войну в неполных 18 лет рядовым он закончил её в звании генерал-лейтенанта, героем Советского Союза.

На мой взгляд, не было бы преувеличением его заслуг, если бы ему присвоили высокое звание Героя и дважды, и трижды. И дело не только в том, что он уничтожил на своём танке 36 бронеедениц, что само почти невероятно, но (только вдумайтесь!) он, горел в подбитых танках целых 5 раз! И всегда, весь израненный и обожжённый старался досрочно вернуться в строй, «…чтобы окончательно добить фашистскую гадину».

К славе танкистов я должен добавить и ещё один, к сожалению, малоизвестный, но потрясающий факт — первым закрыл своим телом амбразуру дота был не пехотинец Александр Матросов, великий подвиг которого в 1943 году знают все (тем более, что его повторили потом 403 героя), а танкист младший лейтенант Александр Панкратов, закрывший собою под Новгородом пулемёт на два года раньше — 24 августа 1941 года.

Когда командир роты был убит, а вражеский пулемёт не позволял поднять голову бойцам, и атака захлебнулась, Панкратов подполз к амбразуре и закидал её гранатами. Но только атака возобновилась, пулемёт вновь застрочил, беспощадно кося атакующих на открытом пространстве. Тогда Панкратов, поднявшись, оглянулся, бросив прощальный взгляд на залегших товарищей и бросился на пулемёт. Этот бессмертный подвиг имя этого героя стали известны не так давно и недавно же ему был установлен памятник с отлитыми в бронзе проникновенными словами: «Стала вечною славой мгновенная смерть».

А сколько ещё безымянных героев войны, имена и подвиги которых ещё не известны их потомкам! Истории некоторых фронтовиков, которые порой открываются, не только удивляют и даже поражают своей необычностью, но и одновременно озадачивают: «Как могло случиться, что о них мы узнаём только сейчас?» С одной стороны, понятно — причина скромности самих фронтовиков и гибели свидетелей их подвигов, а с другой стороны и это обидно и стыдно сознавать — в нашей лени и душевной чёрствости. Мы все, а особенно журналисты и писатели, не расспросили их о фронтовой жизни. Как говорил Пушкин с горечью отмечая небрежение к памяти великого русского поэта и дипломата А.С. Грибоедова: «Мы все ленивы и не любопытны», в ином случае для нас могло бы открыться куда больше любопытного и удивительного.

Разве не удивителен, разве не потрясающ эпизод из фронтовой жизни рядового войны, более того всего лишь повара Ивана Середы, о котором я узнал только готовя эту книгу. А ведь ему за один «эпизод» присвоено звание героя Советского Союза. В этом с позволения сказать эпизоде, а на самом деле фантастическом геройском поступке проявился весь русский характер — «русский остаётся скромным и спокойным пока его не злят, а разозлят — становится бесстрашным и в гневе даже страшным».

Середа готовил для своих бойцов обед, когда в тыл прорвались немецкие танки и один из них въехал на поляну и остановился напротив повара. Из люка высунулся офицер и смеясь стал показывать пальцем на готовый горячий обед. Ивана охватила такая злость, что он как был у костра с топором в руках бросился на фашиста, который, увидев разъярённого русского мужика, юркнул в танк и захлопнул люк. Иван же, проявив извечную русскую солдатскую смекалку, которую когда-то начал пестовать ещё Суворов, мгновенно накрыл плащом смотровую щель танка («ослепив» его), а за тем одним мощным ударом обуха согнул ствол танкового пулемёта (обезоружив его) и начал дубасить по броне.

Оглушённые вконец танкисты стали по одному вылезать из танка, где их уже с винтовкой на изготовке торжествующе ждал Середа. Он приказал им по очереди связать друг друга. Когда бойцы отбили атаку гитлеровцев и явились на обед, их вначале очень поразила, а потом позабавила удивительная картина — рядом с дымящимся обедом стоит немецкий танк с понурым пулемётным стволом, а вокруг него лежат ещё более понурые связанные немецкие танкисты.

Конечно, не одни только танкисты, артиллеристы и лётчики, о некоторых (далеко-далеко неполных) подвигах, которых я рассказал вершили героические дела в этот самый страшный первый период войны. А царица полей — пехота...? На мой взгляд каждый пехотинец совершал множе-

ство раз героизм, поднимаясь из окопов в атаку на встречу смертельному свинцовому ливню. Многие части, находясь в окружении в первые месяцы войны, часто без пищи, без нужного количества боеприпасов, без поддержки авиации и артиллерии, почти обречённые на гибель или плен, продолжали сражаться с невероятным упорством, сковывая на себе большие силы противника, тем самым срывая планы гитлеровского «блицкрига».

Согласно ему, уже 1 октября 1941 года должны были быть взяты Москва и Ленинград, которые предполагалось сначала сравнять с землёй, а затем затопить предварительно уничтожив жителей, чтобы не пришлось потом их кормить.

И 30 сентября 1941 года фашисты, получив новые большие подкрепления, предприняли очень мощное наступление на Москву. На этом направлении согласно операции «Тайфун» были сосредоточены чудовищные по своему масштабу военные силы — 2000 самолётов, 8 танковых армий, имевших 1700 танков, 11000 орудий и миномётов и миллион солдат из отборных дивизий. Имея большое превосходство в живой силе и технике, они уже через 3 дня продвинулись к Москве на 200 километров, захватив Орёл, Брянск, окружив и взяв в плен только под Вязьмой 700000 наших войск.

По всему фронту шли упорнейшие и кровопролитнейшие сражения. Многие города и населённые пункты по нескольку раз переходили то к одной, то к другой стороне. Особенно сильными были бои под городом Ржев — в нём из 50000 жителей живыми остались всего лишь 248 человек. Город так часто переходил из рук в руки, что Александр Твардовский в своём великом стихотворении «Я убит подо Ржевом» писал:

Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит и не знаю,
Наш ли Ржев наконец?

Героически сражался, как и во всех битвах прошлой истории город Смоленск. Его защитники, сковав большие силы противника в течение двух месяцев стойко держали оборону и не позволили фашистам быстро прорваться по главному направлению к Москве.

На многих оборонявшихся участках фронта не хватало войск, а резервы были практически исчерпаны. И власти Москвы обратились к москвичам с призывом стать на защиту своего города. Тысячи жителей столицы вышли на строительство оборонительных рубежей, из добровольцев было сформировано 12 дивизий и 25 обычных и 40 истребительных батальонов ополченцев, насчитывавших в общей сложности 50000 человек. На их вооружении были лишь винтовки, да и тех хватило не всем, в расчёте что воспользуются оружием убитых или раненых. Бойцы же истребительных батальонов был и вооружены гранатами и бутылками с зажигательной смесью, их ставили на танковых направлениях.

Сил для обороны очень не хватало. Численность гитлеровских войск под Москвой превышала в полтора раза количество советских и более чем в два раза у немцев было самолётов и орудий, а также в несколько раз — танков. Наши же войска на вооружении имели в основном пушки (80 мм), миномёты и винтовки.

Жуков, которого Сталин, спасая положение, «перебросил» с ленинградского фронта на защиту Москвы, просил у него хотя бы 200 танков. Все армии, оборонявшие Москву истекая кровью, умоляли о помощи, но Ставка Верховного Главнокомандования считая, что невозможно отбросить врага и нанести ему поражения, если бить по нему растопыренными пальцами, а не сжатым мощным кулаком собирала силы для решительного контрудара.

Немецкое командование, однако, 16 ноября предприняло новое решительное наступление, в которое было брошено 500000 солдат, 1300 танков, 1500 самолётов.

Именно в этот важнейший момент Центр получил донесение нашего выдающегося разведчика Зорги о том, что Япония, нацелившаяся своей отборной миллионной Квантунской армией ударить по Дальнему Востоку и отрезать его, в 1941 году не будет совершать этого.

Рихард Зорге, передав это сообщение, сразу же тем самым раскрыл себя и был японцами казнён. А Ставка смогла начать переброску дальневосточных дивизий под Москву. Но до их прибытия ещё надо было выстоять. И выстояли! Но для этого потребовалось проявить всё воинское мастерство, неслыханную стойкость и самопожертвование.

На Волоколамском направлении, в сорока километрах от Москвы стояла насмерть дивизия под командованием генерала Ивана Васильевича Панфилова. На неё наступали 13 немецких дивизий, в том числе 7 танковых. Политрук дивизии Василий Клочков, выступая перед бойцами, сказал известные теперь всему миру слова: «Отступать некуда. Позади Москва!»

Панфиловцы поклялись сдержать врага и клятву свою выполнили. В тот же день на одном из участков несколько бойцов подбили 18 танков. На другом участке оборону заняла рота курсантов из Подольского военного училища. В жестоком бою 18-летние курсанты не дрогнули и погибли все, но врага к Москве не пустили.

Положение казалось уже катастрофическим. Но тем не менее 7 ноября по традиции в Москве был проведён военный парад, в котором в силу отсутствия необходимого количества техники привлекли к участию и орудия 1812 года из столичных музеев. Но одновременно по брусчатки Красной площади промаршировали свежие подкрепления из Сибири и Дальнего Востока. Немцы уже подтянули крупнокалиберные орудия для обстрела Кремля и рассматривали его в бинокли. Группа десантников уничтожила эту орудийную батарею. А 5 декабря началось мощное контрнаступление

советских войск, которое завершилось к концу этого месяца полным разгромом наступавших фашистских войск и таким же полным развенчанием мифа и непобедимости армии вермахта, и утверждением полного конца плана «молниеносной войны — блицкрига».

Фашисты без остановки бежали от Москвы на целых 100 км.

Разгром гитлеровцев вызвал восхищение во всём мире, вселил веру людей в победу над фашизмом. И напротив — растерянность, страх и падение веры в свою победу у фашистов, в том числе у верхушки вермахта. Гитлер уволил 44 генерала и сменил 5 командующих, в том числе своих бывших любимцев, генерал-фельдмаршалов Фонлееба, Рундштедта и генерал-полковника Гудериана. Так уже цитированный нами генерал Меллентин после понесённого фашистами разгрома под Москвой отмечал: «Массированные атаки русских эффективнее, чем когда — либо раньше. Дважды предпринимая атаки будет повторено в третий и четвёртый раз, невзирая на потери, причём и новые атаки будут проведены с прежним упрямством и хладнокровием… Они не отступали, а неудержимо устремлялись вперёд. Лишь некоторые, закалённые в боях наши солдаты, были в состоянии преодолеть страх, который охватывал каждого в момент атаки русских».

На самом деле и «закалённые в боях» после битвы под Москвой теряли свой прежний боевой дух, как признавался один их них: «Раньше мне ужасно хотелось поучаствовать в наступлении на Москву, но теперь я был бы рад выбраться из всего этого ада».

Но и этот и другие новоявленные «властители мира», представители «высшей арийской расы» и в самом страшном сне не могли представить, что куда больший ад им придётся пережить через несколько месяцев и называться этот ад будет Сталинградом.

Но они себе его напланировали и создали сами.

Потерпев крах под Москвой в декабре 1941 года, Гитлер решил перерезать снабжение нашей армии топливом из Баку. Для этого необходимо было выйти к Волге, взять Сталинград и лишить страну всех основных топливных ресурсов.

Широкие степи между Доном и Волгой, отсутствие естественных укрытий для наших войск и одновременно препятствий для немецкой механизированной техники, а также подавляющее господство Люфтваффе в воздухе по расчётам немцев не позволяли нашим войскам создать надёжные оборонительные рубежи и напротив — отличные условия возможности для танковых прорывов, окружения и уничтожения наших войск.

Действительно, над страной возникла грозная, если не сказать, смертельная опасность, учитывая большое превосходство агрессора не только в авиации, особенно опасной в открытых степных пространствах, но и в бронетанковых и в целом в механизированных частях.

На взятие Сталинграда была брошена Гитлером самая боеспособная, ударная 6 армия под командованием многоопытного генерала Паулюса. Его поддерживали две группы армий — «Дон» и «Юг», которыми руководил генерал фельдмаршал Манштейн, считавшийся неофициальным лидером Ставки и самым одарённым стратегом армии. С первого дня этой операции на Дону развернулись ожесточённые кровопролитнейшие сражения, о которых А. Твардовский уже в цитированном нами стихотворении «Я убит подо Ржевом» писал:

Удержались ли наши
Там на среднем Дону?..
Этот месяц был страшен,
Было всё на кону.

Бои были настолько ожесточённые, удерживать нашу растянутую, не очень закреплённую оборону было настоль-

ко тяжело, что Сталин в июле 1942 года отдал приказ N227 «ни шагу назад».

Об этом приказе, в котором определялось введение «заградительных отрядов» сегодня псевдоисториками и неолибералами нагромождено множество всяческих преувеличений, из которых делается клеветнические выводы о том, что мы выиграли войну с помощью этих «заградотрядов», стоявших с пулемётами позади наших оборонявшихся цепей, что наше «тупое командование» одержало победу, «завалив немцев трупами штрафников» и солдат, которых гнали в атаку «как баранов».

Во-первых, отмечу, что это перепевы пропаганды Геббельса, всячески занижавшей потери Вермахта. На самом деле, за первые 10 месяцев войны гитлеровцы потеряли 1600000 человек, что было в 68 раз больше, чем они потеряли в Польше, на Балканах и в остальной Европе.

Теперь о тактике, стратегии «нашего тупого командования».

В начале войны одарённый фельдмаршал Манштейн впервые применил очень удачную военную новинку — рассечение наших войск с помощью «танковых клиньев», что было неожиданным для нашего командования и часто приводило к окружению и уничтожению наших войск. Но уже под Сталинградом этот принцип ему осуществить не позволили и его «клинья» благодаря точному расчёту нашего командования, сами оказались в окружении. Что предрешило исход Сталинградской битвы.

Вот что писал об уровне советского военного руководства Ральф Паркер — корреспондент газеты «Таймс» в статье «Подлость союзников. Как Запад предавал Сталина».

«Большие перемены происходили в стратегии и тактики Красной Армии. Раньше они учились защищаться, теперь они атакуют. Не менее 70 пехотных дивизий, а также многим артиллерийским и авиационным полкам было присвоено звание гвардейских. Эти части прекрасно умеют атаковать против-

ника, в наступлении проявляют большую изобретательность и находчивость, в отличие от вермахта, который уже давно не демонстрирует никаких тактических новинок. Советские войска всё время применяют новые и часто сбивающие немцев с толку маневры. Это могут быть самостоятельно действующие, смешанные соединения или использование полковой артиллерии, выдвинутой перед наступающими и неожиданно обстреливающей противника в упор, или использование маневренности санного транспорта и других приспособлений, которые позволяют атакующим частям выходить в тыл противника, обходя его с флангов.

Красная Армия прекрасно научилась отражать знаменитые комбинированные удары немцев с одновременным применением танков, авиации и десанта, когда ставка делается на прорыв и гибкое маневрирование. Но в то же время красноармейцы постигли науку побеждать в наступлении.

О заградотрядах, о том, что в действительно страшные месяцы (июль–август 1942) наши войска панически не побежали к Сталинграду только якобы «из-за страха перед заградотрядами».

На самом же деле они начали разворачиваться только в сентябре–октябре. Но их было совсем немного и чаще всего они действовали как обычные стрелковые подразделения, как например полк составленный из работников НКВД, стоявший на одном из самых опасных участков обороны Сталинграда.

О штрафниках. Как только поворачивается язык у тех, кто клевещет (иного выражения трудно подыскать) на героических защитников Сталинграда, пытаясь не только умалить, но и бесчестно вообще поставить под сомнение их великую победу.

Только вдумайтесь в следующие цифры. За все годы войны через ряды Красной Армии и силовых структур, занятых в войне прошло 34,5 миллионов человек. А через штрафные

части — всего 427910 человек, то есть не многим более одного процента. Как говорится, комментарии излишне.

Таким образом, приказ №227 не сыграл и не мог сыграть хоть какой-то существенной, а тем более определяющей роли в битве под Сталинградом. Главную роль в Сталинграде выполнило своевременное использование резервов, грамотный план операции «Уран» (о нём расскажу чуть позже) и беспримерная стойкость наших героических солдат.

Теперь о них, рядовых тружеников и одновременно героев войны, которых наши «писаки» поставили в один ряд с «баранами». Вот что писал о них в своей статье «Солдаты великой страны» Р. Паркер: «Те из нас, кто общается с этими трудолюбивыми, хорошо дисциплинированными и на первый взгляд суровыми советскими воинами, знают, что они люди открытые и добрые. Конечно, их ценности отличаются от наших, но в главном мы сходны — в любви к семье и к своей родине… Русский солдат обладает чувством прекрасного. Об этом известно давно. Например, любимой пьесой солдат чапаевской дивизии был «Овечий источник» Лопе де Вега. Мне лично доставляло огромное удовольствие наблюдать, как простой солдат, приехавший в отпуск в Москву, слушает музыку Чайковского в Большом театре. Те воины, кому посчастливилось остаться в живых, несмотря на все ужасы войны, испытанные ими («Я прошёл по той войне, та война прошла по мне») не только не утратили в себе чувство красоты, но и своими руками воскрешали её в разрушенных городах и создавали новую. Так, прошедши всю войну, фронтовик Леонид Колесников стал самым известным в мире селекционером сирени — из двух тысяч её сортов известных в мире, ему принадлежат 200, то есть десятая их часть. Среди них такие знаменитые как «Галина Уланова» творчеству которой он поклонялся. Его сорт «белоснежная королева Англии» произрастает у Букингемского королевского дворца. Ещё

один его прекрасный сорт находится в заповеднике Моцарта в Вене.

Если кого и оболванивали, и отчасти превращали в баранов, то это были немецкие солдаты и даже офицеры. Ведомство Геббельса выпустило кинофильм «На востоке», в котором убитый комиссар изображён с рогом на затылке, как у динозавра. А в Бресте немецкие солдаты, только что пересекшие границу, пытались нащупать пилотками убитых красноармейцев рога, убеждённо веря, что перед ними настоящие черти.

«Русский солдат прочёл стихотворение Г. Гейне пленному немецкому офицеру. Тот сказал: — Gyt.

— А кто написал?

— Не знаю.

— Как же так, я простой русский солдат, знаю Г. Гейне, он мне интересен, а вы офицер немецкий и не знаете?

— Г. Гейне? А, это «юде», он запрещён, мы не читаем его».

Что уж говорить не о солдатах, имевших широкие культурные интересы, помогавшие им воевать творчески, а например о лётчиках. В эскадрилье дважды героя Советского Союза Василия Зайцева, сбившего 47 самолётов лично и 30 в группе из 14 лётчиков 11, были Герои. И все они участвовали в эстрадном оркестре, которым руководил командир. Об их подвигах и художественном творчестве прекрасно рассказано в кинофильме «В бой идут одни старики».

Леонид Утёсов подарил лётчикам этой эскадрильи два боевых самолёта, которые назывались «Весёлые ребята».

Наши горе-историки, а точнее, вынужден повторить — клеветники, (что обидно и постыдно — именно наши, отечественные) стряпают «сенсации», пиарятся, стремясь привлечь к себе незаслуженное внимание, не «замечают», таких выводов и оценок, сделанных сразу же по следам Сталинградского сражения, как например те, которые были опубли-

кованы в «Дейли Уоркер». Приведу небольшой отрывок из пространной статьи — «Красная Армия — самая сильная в мире». В ходе войны она показала исключительную ударную мощь, высокую оперативность, огромное искусство маневра и непревзойдённый полководческий гений.

Наступательный порыв Красной Армии изумил всех скептически настроенных — военных экспертов. Армия состоит прежде всего из людей. Красная Армия олицетворяет величайшую жизнеспособность и твёрдость человеческой воли, высочайший моральный дух».

Длительное время оборона Сталинграда выдерживала чудовищный натиск противника именно за счёт этой твёрдой воли и высочайшего морального духа всех защитников города, которыми являлись не только бойцы Красной Армии, но и рабочие сталинградских заводов, которые, отремонтировав подбитые танки, и скомплектовав из своих рядов экипажи, садились в них и прямо из заводских цехов отправлялись в бой. Такого военная история ещё не знала, как не знала и такого страшного интенсивного и уничтожающего натиска.

23 августа на город был совершён такой массированный налёт авиации, который не был повторён за всю историю второй мировой войны — было совершено более 2000 вылетов, сброшены тысячи тяжёлых фугасных бомб, многие из которых достигали веса целые тонны. Бомбардировки и обстрелы продолжались 200 дней и ночей. Всего на Сталинград упало один миллион бомб и снарядов, тысячи пуль и осколков на каждый квадратный метр. Смертоносного металла было столько, что на Мамаевом кургане потом несколько лет совсем не росла трава.

На другой день такой же страшный налёт был повторён. Город был полностью разрушен, под его обломками погибло сразу 70000 человек и 142000 были ранены. Из разрушенных нефтехранилищ в Волгу хлынула нефть, открылась

жуткая картина — река на всём протяжении горела, сжигая вместе с людьми пароходы и баржи, заволакивая берега густым чёрным удушливым дымом.

Дивизии, защищавшие Сталинград, имели в два раза меньше солдат и техники, чем наступавшие немецкие войска. При этом у пушки были диаметром 150 и 200 мм, а у наших защитников — всего лишь 45 мм (сорокопятки), лёгкое стрелковое вооружение и миномёты. Наша Заволжская группировка артиллерии дошла до значимого состояния лишь к концу борьбы за Сталинград. До этого она была значительно слабее немецкой, которая крушила наши укрепления тяжёлой артиллерией, нанося нам огромные потери. Про авиацию и говорить не приходилось. — всего 7 наших самолётов против 2000 гитлеровских.

Сталин обратился к союзникам (США и Великобритании) с просьбой открыть второй фронт, произведя высадку своих войск во Франции. Но они и не подумали сделать это, а Черчиль своим приближённым цинично бросил: «Тот факт, что русские страдают, не говорит о том, что мы тоже должны страдать».

Гитлеровцы были не только уверены в скором взятии Сталинграда, но даже объявили об этом всей Германии. А Паулюс уже назначил одного из генералов комендантом города. Положение советских войск действительно казалось безвыходным, учитывая огромное преимущество немцев во всём и прежде всего в живой силе — против 300-тысячной армии Паулюса, которая могла выставить три дивизии на 1 километр фронта, билась 62-ая армия Чуйкова, у которого на несколько сот километров траншей насчитывалось всего 60000 человек, а в дивизии Родимцева, к примеру, занимавшего передний край обороны, было всего 2000 бойцов против которых выступало 20000 фашистов.

Поэтому немцы к своим первым атакам привлекали колоссальную мощь.

Так ,14 сентября они обрушили на нашу оборону сразу 500 танков, 700 самолётов и 7 дивизий. Но спустя 40 дней (за это время, как вы уже знаете, они покорили Францию) после начала такого мощного наступления, им удалось взять только 3 дома.

Бои приняли затяжной, но неослабевающий по ожесточённости характер. Господствующую высоту — Мамаев курган немцы штурмовали по 10-12 раз в день, но защитники не уступали ни пяди.

Манштейн для усиления армии Паулюса дополнительно ввёл новые свежие части и на одном из участков немцы прорвались в город. Завязалась битва за каждый этаж, подвал, подъезд. Наши бойцы в каждом доме, заняв круговую оборону, бились насмерть. Немцы после многочисленных бесполезных попыток прорваться в дом пытались овладеть им с помощью огнемётов. И тогда наши бойцы, переходя в рукопашный бой обращали огнемётчиков в бегство или сражались до последней минуты, что вызывало шок у гитлеровцев: «В такое просто не поверишь, пока своими глазами не увидишь. Солдаты красной армии даже заживо сгорая продолжали стрелять из полыхавших домов» (из записей офицера 7-й танковой дивизии).

Часто позиции, противоборствующих разделяли всего лишь какие-то 70 метров, а в некоторых зданиях противники занимали разные этажи и нередко сходились в рукопашную.

Каждый участник сталинградской битвы проявлял подлинный героизм. Но особенно прославились в битве два героя — старший лейтенант Яков Павлов и снайпер Василий Зайцев. Разведывательная группа, которой командовал Павлов в сентябре 1942 года заняла круговую оборону в доме, стоявшем в центре Сталинграда, и удерживала его в течение долгого времени, отбивая многочисленные атаки немцев. Чтобы создать видимость многочисленного подразделения, бойцы Павлова соединили проводом пулемёты, и

один человек мог стрелять сразу из нескольких окон. Этот неприступный дом был в те месяцы известен всему миру как «Дом Павлова» и стал символом несгибаемого мужества и стойкости советских солдат.

Василий Зайцев, до начала войны — уральский охотник, служивший, кстати, на Тихоокеанском флоте во Владивостоке, добившийся отправки на фронт, во время битвы в Сталинграде не только сам стал прославленным снайпером, который уничтожил 225 фашистов, но и подготовил целую группу других успешных снайперов, которая ликвидировала 1235 завоевателей. Это только группа, руководимая им лично, а всего в

Сталинграде действовало 1000 снайперов, которые уничтожили 37000 фашистов.

Когда по личному распоряжению Гитлера, Гимлер направил в Сталинград начальника главной снайперской школы Кёника с целью уничтожения Зайцева, то Зайцев со своим напарником не оставил и Кёнику, для которого была сделана специальная винтовка с особым прицелом и всей прибывшей с ним группы отобранных снайперов ни одного шанса. Все они были уничтожены.

О Василии Зайцеве были сняты 2 кинофильма — «Ангелы смерти» (в России) и «Враг у ворот» (на Западе).

Каждый боец Сталинградского фронта как клятву повторял слова Василия Зайцева: «Отступать некуда. За Волгой для нас земли нет».

Нам в наше мирное время трудно и скорее всего невозможно представить каких усилий, какого мужества стоило защитникам Сталинграда выполнение этой клятвы. Днём они под бомбёжками отбивали непрерывные атаки врага, а по ночам доставляли на руках боеприпасы. А какие испытания и страдания выпали на долю мирных жителей, оставшихся в Сталинграде нам и вообразить невозможно. Из-за того, что все дома были разрушены, людям приходилось

скрываться холодной осенью в вырытых на глубину 2 метра земляных щелях. Фашисты были часто по страшнее бомб и снарядов — они грабили, мародёрствовали, раздевали женщин до нижнего белья, отбирали всю одежду и обувь, насиловали, детей выгоняли из домов на мороз. Девушки, чтобы избежать насилия мазали лица сажей и грязью, но это не всегда спасало.

Даже сегодня читать тяжело об этом, а не то чтобы писать…Но всё же приведу хотя бы один факт, чтобы вы знали жестокую, почти невыносимую, но честную правду о том, что принёс с собой фашизм. Тем более что сегодня некоторые записные неолибералы, пытаются показать, что Гитлер думал всего лишь о том, чтобы освободить советских людей от диктата коммунистов и диктатора Сталина.

Что должна была пережить мать 12-летней дочки и сама эта девочка — судите сами. Когда 5 немцев стали насиловать девочку то её мать на коленях просила прекратить это зверство. Её 6 ударами кинжалов в спину тут же убили. В записной книжке немецкого офицера была найдена обличительная запись: «Там, где ступал сапог солдата вермахта повсюду совершались святотатство, грабежи, мародёрство и насилие».

Во всех насилиях в том числе массовых казнях активно участвовал весь украинский добровольческий корпус.

Цитированный уже мной Яков Кедми в одной из радиопередач сказал: «Советский Союз имел все основания на Нюрнбергском процессе потребовать решения о ликвидации немцев как нации-преступнике».

Я не берусь судить об этом предложении, но чего действительно не удалось провести тогда советской делегации — это вынесение приговора расизму и осуждение всех его пособников, прежде всего прибалтийских и украинских националистов, являвшихся при эсэсовских частях зондер — командами и осуществлявших самые жестокие кара-

тельные операции против партизан и мирного населения на Украине, Белоруссии, Прибалтике и РСФСР.

Осуждение немецкого расизма в 1945 году было не реально, потому что расизм в то время (в плоть до середины 60-х годов) в самих США, их южных штатов, где махровым цветом цвела сегрегация, а КУ-КЛУС-КЛАН свободно линчевал негров. Лидер Великобритании также не скрывал своих расистских взглядов, заявляя, что «…индийцы — это не люди». На его совести было распоряжение из-за которого умерло от голода 3,5 миллиона человек в Бенгалии. Но из-за того, что не был вынесен приговор указанным нацистам, совершавших кровавые преступления в зондер командах, они сегодня получают ветеранские пенсии и в фашистской форме маршируют на парадах и шествиях, а украинские последователи нацистов второй мировой войны, сегодня уничтожают мирное население Луганской и Донецкой народных республик.

Украинский добровольческий корпус, как и их покровители — немецкие фашисты своё возмездие в Сталинграде вскоре получили по полной программе.

Нашей ставкой был разработан гениальный план уничтожения армии Паулюса. Конечно, это был очень смелый проект, требовавший абсолютно точной согласованности и стыковки действий всех сторон, участвовавших в его осуществлении. Быстрыми, согласованными прорывами нескольких фронтов предполагалось окружить и уничтожить всю вражескую группировку, три месяца наседавшую на Сталинград. Группировка эта была ещё очень сильна, поскольку насчитывала 330000 человек, сотни танков и самолётов. Кроме того, ей на выручку непременно должны будут брошены крупные резервы, которыми располагал Манштейн, в том числе большие танковые силы.

Но как уже показала битва под Москвой не всё решает техника и численное превосходство в живой силе.

Наше командование, планируя операцию по окружению и разгрому такой мощной группировки, очень во многом полагалось на инициативу творчества и героизм наших бойцов. Дальнейший ход событий подтвердил эти расчёты.

Операция началась 20 ноября 1942 года и уже через два дня, 23 ноября, закончилась полным окружением армии Паулюса. В котле оказалось 282000 фашистских вояк.

Уже в первый день операции блестяще сработала инициатива командующего танковым корпусом генерал-майора Василия Баданова, танкисты которого молниеносным, невиданным доселе, безостановочным маршевым броском в 150 километров ворвались на станцию Тацинскую и расположенный рядом аэродром. Немцы, ни ожидавшие в глубоком тылу появления советских танков, не смогли оказать никакого сопротивления и в панике в ночном белье бежали к самолётам, пытаясь забраться в кабины и спастись. Но ворвавшиеся танки крушили самолёты, ни один из которых не смог взлететь. В результате за несколько минут было уничтожено 72 самолёта, а всего вместе с другими танковыми соединениями удалось уничтожить практически всю транспортную авиацию немцев (400 самолётов), что не позволило снабжать окружённую армию Паулюса продуктами — вместо необходимых суточных 700 тонн ежедневно ей сбрасывалось всего по 100 тонн. Удивительно, но этот легендарный подвиг корпуса Баданова, во многом предрешивший исход Сталинградской битвы и достойный самого громкого экшена до сих пор не стал объектом внимания кинорежиссуры. Благодатнейший и интереснейший материал, тем более что этим великим эпизодом не ограничился подвиг бадановцев.

Манштейн, чтобы деблокировать Паулюса, бросил ему на выручку ударный танковый корпус Готта, который окружил колонну Баданова. Произошла жестокая танковая схватка. В ней советские танкисты покрыли себя неувядаемой сла-

вой, нередко посмертной. Так Александр Плугин погиб, совершив на своём подожжённом танке таран немецкого танка, хотя его командир приказал ему покинуть свою боевую машину и спастись.

Сражение было настолько ожесточённым, что в подразделении Николая Орлова оказавшемся под перекрёстным ударом (по его воспоминаниям) из 30 танков осталось только 7, но и немецких машин было уничтожено его танкистами более 40. Всего в ходе операции было уничтожено 2000 танков и 10000 орудий.

Группировка Паулюса из-за нехватки продуктов стала голодать, в ней возникли отвратительные эксцессы. Сначала немцы отобрали всех лошадей у румынских кавалеристов и мгновенно разодрав их тут же съели, покрыв целое огромное поле лошадиными копытами. Затем дошло до каннибальства.

Паулюс умолял Гитлера о помощи, но тот боялся оголить фронты на Кавказе и под Москвой и опасаясь, что Паулюс сдастся русским, присвоил ему звание генерал-фельдмаршала в надежде что тот предпочтёт плену самоубийство.

Одновременно войска забрасывали самолётов листовками, которыми внушали солдатам, запугивая их, что при сдаче в плен их сразу же расстреляют русские комиссары.

Солдаты верили этому, помня всё то что они натворили на этой земле, с людьми её населяющими.

Вряд ли в их памяти вставали измождённые лица мирных сталинградцев, питавшихся одной глиной, смешанной с мучной пылью или подбиравших на помойках отбросы, выброшенные немцами.

Им было не до этого. Обезумевшие от голода, они вырывали пайки у раненых и дрались между собой за кусок хлеба. Один из них напишет после войны: «Нам внушили, что все мы принадлежим к высшей расе, а мы в Сталинграде пребывали в состоянии диких животных, которым неве-

домы мораль, человеческое достоинство и прочие качества человека…»

Наши разведчики «сбились с ног» отыскивая логово Паулюса, чтобы пленить его, но это никак не удавалось, потому что он январе 1943 года всё время менял своё место нахождения, а офицеры, знавшие о нём, молчали. Тогда один из разведчиков предложил одному из офицеров «За информацию о Паулюсе получите чашку горячего супа». И тот указал на три дома, которые периодически меняет командующий. Его тут же взяли в плен, а с ним ещё 24 генерала.

Как говориться выдан (продан) «за чечевичную похлёбку». Получил то, что заслужил, как те 100000 фашистских солдат, насмерть окоченевших на морозе, а перед этим сжегших заживо 100000 мирных жителей Сталинграда.

С учётом более сотни тысяч немцев, попавших в плен, Сталинград стал для планов Германии настоящей катастрофой.

Катастрофа вермахта на Волге навсегда похоронила фашистский бредовый план порабощения Советского Союза и окончательно отбила у Японии и Турции желание выступить на стороне Германии против СССР. С другой стороны, сталинградская победа вдохновила народы оккупированных стран на усиление священной борьбы против гитлеризма, укрепила в них веру в торжество сил прогресса во главе с Советским Союзом и в неминуемый крах реакции, олицетворявшийся нацистской Германией.

Если битва под Москвой означала коренной поворот в ходе военных действий, то сталинградская битва знаменовала собой начало коренного перелома во второй мировой войне. Длившаяся непрерывно 200 дней и ночей, она унесла с обеих сторон 2 миллиона человек и стала самой грандиозной и ожесточённой битвой второй мировой войны и символом непобедимости и героизма советских людей.

Эта великая победа с восхищением и радостью была воспринята во всём мире.

В мае 1944 года президент США Ф. Рузвельт передал городу-герою Сталинграду грамоту и приветствие, в котором говорилось: «От имени народа Соединённых Штатов Америки я вручаю эту грамоту городу Сталинграду, чтобы отметить наше восхищение его доблестными защитниками, храбрость, сила духа и самоотверженность которых во время осады с 13 сентября 1942 года по 31 января 1943 года будут вечно вдохновлять сердца всех свободных людей. Их славная победа остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны Союзных наций против сил агрессии». Приветствия героическим защитникам города шли со всего мира. Всё прогрессивное человечество отдавало им дань глубокого уважения и признательности.

Не меньший, а в чём-то даже больший подвиг совершали в это время защитники и просто жители Ленинграда, которым пришлось вынести не осаду, а полную блокаду своего города, длившуюся 800 дней. Основу их питания многие месяцы составлял «рацион», который очень многих обрекал на голодную смерть — это был столярный клей, «суп» из картона или рисовой бумаги, «холодец» из ремней, «чай» подслащённый таблетками пирамидона, хлеб из мучной пыли и опилок.

И тем не менее в цехах заводов выпускалось и ремонтировалось оружие и боеприпасы, и даже военная техника. Музыканты симфонического оркестра, падая от голодных обмороков, исполняли великое творение, созданное в это время гениальным Дмитрием Шостаковичем — «Седьмую симфонию», а футболисты устраивали, еле держась на ногах, показательные матчи.

Нет таких слов (во всяком случае у меня), чтобы передать всю безмерную высоту непреклонного духа и высочайшего мужества всех этих героев — ленинградцев, твёрдую веру в мужество которых уже в первый день войны выразила великая ленинградка — Анна Ахматова:

«Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах
И мужество нас не покинет».

Действительно, все участники блокады Ленинграда был подлинными героями, подвигами которых восхищался и восхищается мир.

Поэтому не иссякает поток людей на мемориальное Пискаревское кладбище, где захоронено 570000 (а всего за 800 дней блокады погибло от голода, обстрелов и бомбёжек один миллион человек).

В музее мемориала выставлена копия дневника 12-летней девочки Тани Савичевой, в котором она на 9 страницах рассказывает страшную правду о том, как на её глазах уходили из жизни от голода все родственники её большой семьи. Дневник стал символом страданий жителей блокадного Ленинграда, он был представлен как документ, обличающий фашизм.

Не иссякает и поток художественной, мемориальной и исторической литературы о великом подвиге защитников и жителей этого прекрасного и великого города. — Красивейшей культурной столицы нашей страны.

Вам будет трудно сейчас читать всю тяжёлую правду о том, что пережили ленинградцы. Но позже, когда вы будете готовы к этому, то рекомендую вам прочесть помимо дневника Тани Савичевой ещё дневники замечательного писателя Даниила Гранина, книгу А. Чаковского «Блокада», а также стихи Ольги Бергольц и Анны Ахматовой.

В начале июля 1943 года состоялась ещё одна крупнейшая битва под Курском и Орлом. К этому времени здесь линия советской обороны образовала большой выступ, который немцы планировали двумя мощнейшими танковыми встречными ударами отсечь у самого основания и взяв в окружение и уничтожив советские войска на этом выступе,

затем перейти в широкое наступление на Москву. К этому они готовились целых полгода и создали бронетанковую группировку невиданной силы — она включала в себя 1200 танков и тысячи штурмовых орудий.

Особо грозную силу при этом представляли новейшие танки «Тигр» и «Пантера», благодаря которым, как считали немцы, им обеспечен абсолютный успех. Действительно, эти танки могли навести ужас на всех, кто им попадался на пути, потому что они имели непробиваемую нашими пушками и танками броню, толщина которой была от 80 до 105 мм.

Зная из донесений разведки об этих стальных чудовищах, наше командование приготовило противнику «сюрпризом две новинки — закопанные танки КВ и зенитную артиллерию, которая с расстояния один км справлялась не только с тиграми и пантерами, но и с боевой машиной пехоты «Фердинант», у которой толщина лобовой брони достигала аж 200 мм. Третьим сюрпризом для немцев стали фланговые удары наших быстрых танков Т34, которые били в уязвимые бока тяжёлых и не очень поворотливых «Тигров», «Пантер» и самоходов. Курская битва стала крупнейшим в истории бронетанковым сражением. С юга, в районе Прохоровки, на наши позиции двинулась громадная армада из 700 танков. Одновременно с севера было брошено у станции Поныри 500 танков и 496000 солдат вермахта.

Большую поддержку нашим войскам на сей раз смогла оказать уже и авиация, которой так не доставало в первые два года войны и которая теперь не только сравнялась с немецкой, но и в ряде отношений превосходила её. Если долгое время Мессершмит превосходил наш ЯК-9, то ЯК-9Т уже обошёл «немца» по скорости, маневренности и мощности пушки. И другой истребитель — ЛА-5 не уступавший немецким, так же превосходил их и в скорости и в маневренности. А бронированный бомбардировщик ИЛ2, «названный лучшим самолётом во второй мировой войне»,

прозванный за свою живучесть летающим танком стал настоящей грозой немецкой артиллерии и бронетанковой техники.

В итоге битвы немцы потерпели крупнейшее поражение так как они потеряли с большим трудом восстановленную после сталинградской битвы свою танковую армию (1200 единиц). А также 22 дивизии, 460000 солдат и стали не способны уже до конца войны к проведению контрнаступления против наших войск. Таким образом, в результате Курской битвы завершился коренной перелом во второй мировой войне, начатый ещё под Сталинградом.

Дальше началось полное освобождение оккупированной советской территории и непрерывное отступление фашистских войск. Они представляли ещё большую силу и оказывали упорное сопротивление, пытаясь удержаться на хорошо укреплённых позициях. Одним из их мощных оборонительных рубежей был город Севастополь, который достался дорогой ценой немецко-румынским войскам, штурмовавшим его с 30 октября 1941 года по 4 июля 1942 года. И это несмотря на то, что он был отрезан от Большой земли и без поддержки авиации бился фактически в окружении, сковав большие силы противника. Он отразил за это время три массированных штурма и был взят лишь после того, как немцы применили сверхмощное орудие «Дора», передвигавшееся по железнодорожным рельсам имевшее гигантский ствол длиной в 30 метров с диаметром 800 мм.

После двух неудавшихся штурмов для осуществления третьей попытки и было использовано это гигантское сооружение. Первым же выстрелом была разрушена скала тридцатиметровой глубины, которая прикрывала склад с боеприпасами Севастополя.

Город был обречён, вывести из него на уцелевших кораблях удалось лишь раненых и комсостав. Остальные защитники, уйдя в подземные казематы сражались до конца,

испытывая острейшую нужду в боеприпасах и перенося страшную жажду в условиях дефицита воды.

Фашисты два года после этого укрепляли оборонительные сооружения города-крепости. И тем не менее, Севастополь стойко и героически отражавший в начале войны все атаки 256 дней был взят нашими войсками всего лишь за 7 суток, а весь Крым всего лишь за один месяц в 1944 году.

И город Севастополь, и Крым за время первых боёв, в которых насмерть стояли советские моряки были страшно разрушены, а 200 из 300тысяч жителей Севастополя за 2 года оккупации были расстреляны или угнаны в рабство в Германию.

Вы можете гордиться своим прадедушкой Василием Фёдоровичем Марюшиным, который внёс свой личный вклад в эту победу. Опытный минёр он доставлял на кораблях Тихоокеанского флота из Владивостока в осаждённый Севастополь торпеды и мины и в один из огненных рейсов был тяжело контужен взрывом немецкой бомбы. До конца жизни у него так и не восстановился до конца слух. Был он в то время в звании капитан-лейтенанта. За участие в обороне города-героя Севастополя он удостоился таких воинских наград как орден Красной звезды и медалей «за оборону Севастополя и за боевые заслуги».

Не могу не отметить ещё одну героическую страницу советских моряков. Её события развернулись 4 февраля 1943 года, когда группа морского десанта из 18 армии стремившейся освободить город Новороссийск закрепилась на небольшом участке морского берега, простреливаемого насквозь и мужественно удерживала его в течение 225 дней вплоть до взятия Новороссийска 16 сентября 1943 года. За эти долгие месяцы моряки отбили множество тяжёлых атак, но не уступили занятый плацдарм, который сыграл важную роль в осуществлении штурма Новороссийска. За этот подвиг 21 десантник был удостоен звания Героя.

За Севастополем и Новороссийском последовало ещё множество героических операций, в которых воины Красной армии покрыли себя неувядаемой славой, став освободителями народов Европы. Для этого им пришлось преодолеть немало сложнейших препятствий и выиграть труднейшие сражения с противником оказывавшем всё более отчаянное сопротивление, чем ближе он откатывался к границам своей Германии. Так, пришлось форсировать сильно укреплённые берега Днепра, Вислы, Дуная, Одера, преодолеть глубокоэшелонированную (до десяти траншей и сплошных минных полей) оборону, воздвигнутую перед Берлином. Огромной трудностью перед бойцами вставали Карпатские горы и крепость Кёнигсберг, обороняемая сильнейшей группировкой, созданной в восточной Пруссии. Конечно, самое отчаянное сопротивление фашисты оказали при обороне столицы третьего рейха — Берлина. При его штурме, чтобы избежать больших потерь, советские штурмовые части по предложению маршала Жукова начали атаку ночью, включив огромное количество сверхмощных зенитных прожекторов, которые слепили обороняющихся. Благодаря этому, а также мощной артподготовке, удалось избежать больших потерь.

При проведении этих важнейших стратегических операций советские бойцы совершали массовый героизм, о котором можно было бы многое рассказать, но обо всём этом уже написано много исторических мемуарных и художественных книг. Отмечу только, что дальневосточники могут гордиться подвигами своих героев земляков — знаменитого снайпера Василия Зайцева, прибывшего в Сталинград с Тихоокеанского флота, Самсонова — первым водрузившим знамя Победы над Рейхстагом, тысячами дальневосточных бойцов, внесших большой вклад в победу над милитаристской Японии и тысячами гражданских моряков, обеспечивших доставку военных грузов в годы войны.

Приморец, герой Советского Союза Константин Самсонов в 1945 году командовал батальоном, бойцы которого первыми прорвались к Берлину и ворвавшись в рейхстаг, так же первыми установили на нём знамя Победы. Сначала все говорили именно о нём, когда заходила речь о том, кто первым установил знамя на Рейхстаге. Но позже вдруг стали называть первыми Кантария и Егорова. Могу только предположить, что хотели ублажить Сталина, назвав первым героем, водрузившим знамя грузина Кантария. Кстати, первым комендантом поверженного Берлина стал также наш приморец генерал Берзарин, имя которого сегодня носит посёлок в городе Артёме, где он когда-то служил.

Воины-дальневосточники внесли огромный вклад в сокрушительный, почти молниеносный разгром миллионной отборной Квантунской армии — гордости японского императора. Но эта победа совсем не была лёгкой. К изумлению японцев, советские танки смогли преодолеть, казалось, неприступные для них горы большого Хингана. Это явилось полной неожиданностью для японцев, как и немыслимый для них бросок наших армий через труднопроходимые Сунгарийские болота. Это был великий подвиг и великий труд наших воинов, о которых замечательный дальневосточный поэт Пётр Комаров написал такие ёмкие и точные стихи:

Бездонные топи. Озёра. Болота.
Зелёная рыжая, жёлтая мгла.
Здесь даже лететь никому неохота,
А как же пехота всё это прошла?

Бессмертной славой покрыли себя пограничники Дальнего Востока и моряки Тихоокеанского флота, совершившие в годы Великой Отечественной войны. Многие из них отдали свои жизни за независимость нашей Родины. Их бесконечные списки запечатлены на чугунных плитах мемориала с вечным огнём. Когда я однажды прибыл на Северные

Курилы, то как и другие пассажиры качался почти сутки в проливе между островами Шумшум и Парамушир, потому что на берег накатывались очень высокие волны и невозможно было пересесть с корабля на портовый плашкоут. Я тогда с удивлением подумал: «А как же наши моряки десантники в 1945 году смогли высадиться на эти берега, если к тому же их японцы сильно укрепили, а остров Шумшум они вообще называли «островом смерти», считая его совершенно неприступным. А недавно я прочёл о том, что ещё большее удивление перенёс японский генерал ответственный за оборону этих островов, когда пленённый он утром увидел, что наш десант был в несколько раз меньше, чем оборонявшийся японский гарнизон.

Дорогой ценой оплатили доставку грузов по ленд-лизу из Америки, Канады и Великобритании дальневосточные гражданские моряки. Японцами и по большей части американцами (из-за страха и перестраховки принимавшими наши корабли за японские) было потоплено 25 судов Дальневосточного морского пароходства, на которых погибло 495 человек. В центре Владивостока в их память сооружён мемориал с вечным огнём и плитами с наименованиями погибших судов и фамилиями членов их экипажей. Учитывая, что моя книга близится к завершению, думаю, было бы правильным хотя бы вкратце сказать о наших славных женщинах, принимавших участие в войне и тех, кто трудился в тылу в годы войны, ибо все они тоже внесли очень важный и весомый вклад в нашу великую победу.

ЖЕНЩИНЫ СССР НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ

Русские женщины во все века проявляли высокий патриотизм, всемерно помогая мужчинам в любых испытаниях Родины. Но были в истории России и такие женщины, которые, презрев все трудности и опасности непосредственно включались в ратные дела. История знает Жанну Д-Арк, героиню Франции, сражавшуюся в латах против иноземных врагов, но надо при этом иметь в виду, что она воевала под собственным именем не маскируясь.

Но русские женщины не допускались к военной службе и мои героини, о которых я хочу упомянуть, вынуждены были присвоить себе мужское имя и надев мужской мундир, предстать в войсках под видом мужчин. Можно себе представить сколько трудностей им приходилось при этом преодолевать.

Первые русские женщины, которым под видом мужчин удалось проникнуть в состав армии происходили из дворянского сословия. Таким являлись Надежда Дурова и Александра Тихомирова. Дурова под фамилией Александров служа в кавалерийском уланском полку получила звание штаб-ротмистра, участвовала в сражениях против Наполеона, особенно отличилась при Бородино будучи адъютантом у Михаила Кутузова.

За тем с войсками дошла до Берлина и получила при этом Георгиевский крест, став первой женщиной в истории России, получившей эту высшую награду. Закончила службу она, прослужив в армии десять лет. Затем оставила после себя знаменитые «Записки кавалерист-девицы», которые высоко оценили её современники, и в том числе сам А.С. Пушкин.

Александре Тихомировой удалось прослужить даже на 5 лет больше Дуровой и при этом получить право в звании поручика командовать ротой.

Татьяна Миронова Маркина не отличалась дворянским происхождением, но зато ей удалось и больше отличится на полях сражений в Семилетней войне и сделать более весомую карьеру, чем Дурова и Тихомирова — она начав с рядового дослужилась до капитана. За тем с ней произошёл великолепный скандал — в неё (как в красивого бравого офицера) влюбилась дочь высокого начальства. Получив, естественно, отказ она, оскорблённая добилась осуждения и разжалования в службе своего неприступного «избранника». ЕкатеринаII, узнав тайну этой истории, дала ей почётную отставку и досрочную пенсию.

В первую мировую войну в России возникают первые в мире отдельные женские батальоны. За год до окончания этой войны в российской армии уже насчитывалось три таких батальона. Организатором их стала поручик Мария Бочкарёва. В армию она попала, послав телеграмму императору Николаю II с просьбой разрешить ей участвовать в войне. К июню 1917 года, когда она формировала батальоны у неё уже имелось 6 ранений и четыре георгиевские награды — два креста и две медали.

В одном из сражений батальон М. Бочкарёвой увлёк за собой другие части, захватил несколько оборонительных линий и отразил 14 контратак, что вдохновило соседние мужские батальоны на контрудар.

В годы Великой Отечественной войны плечом к плечу рядом с бойцами мужчинами сражались с врагом уже 800000 женщин.

Если в составе Вермахта и воинских частей Финляндии и Румынии женщины служили в основном в штабах и в связи, то в советской армии не было ни одного вида и рода войск в котором бы не воевали женщины. Они служили санитарами, часто на себе вынося раненых, ходили в разведку, будучи радистами, спускались на парашютах в немецких тылах к партизанам (всего вместе с партизанами сражалось более

4000 женщин), часами лёжа в укрытии на снегу, выслеживали врага и без промаха поражали его из снайперских винтовок.

На фронтах действовали такие виды отдельных женских воинских соединений, которых раньше не было в русской армии. В частности, наряду с Добровольческой женской стрелковой бригадой и таким же полком, отважно бились с врагом и женская морская рота, и женские авиационные полки, и эскадрильи.

Во Владивостоке есть улицы, названные именами женщин, которые возглавляли такие бомбардировочные авиаполки — имени Марины Расковой и Валентины Гризодубовой. Это были выдающиеся женщины. Ещё до войны они совершили подвиг (вместе со своей третьей подругой Полиной Осипенко, чьё имя также носит улица в нашем городе) — осуществив беспосадочный перелёт из Москвы на Дальний Восток. Во время войны от лётчиц их полков, которыми они командовали, фашисты приходили в ужас, называя их «ночными ведьмами». Они летали по ночам на тихоходных лёгких самолётах «ПО-2» приглушая моторы и неожиданно появляясь над противником прицельно бомбили его. В Сталинграде они сбрасывали бомбы чуть ли не в окна домов, в которых засели фашисты. Многие из лётчиц-героинь погибли, сражаясь с врагом. Погибла в 1943 году и Герой Советского Союза командир авиаполка Марина Раскова, а Валентина Гризодубова, много раз раненная заканчивала войну уже в авиационной промышленности, где трудилась с такой отдачей и за себя, и за свою боевую подругу, что уже в 1945 победном году стала Героем соц. труда.

Как ни необычны было участие женщин в лётных воинских делах (нигде в мире этого больше не было), но в тоже время они ещё до войны учились совершать полёты в гражданских аэроклубах, а чтобы освоить боевой танк и успеш-

но сражаться в нём наравне с мужчинами этому бы до войны не поверил никто.

Первой женщиной танкисткой (механиком-водителем на танке «Т-34») стала девушка из города Самары Александра Ращупкина, которая выдала себя за мужчину, назвавшись Александром Ращупкиным.

И она не была единственной женщиной, исполнявшая труднейшую и опаснейшую службу танкиста, а таких героинь в армии было более 20.

Большой вклад внесли в разгром врага советские женщины-снайперы. Алия Молдагулова в 17 лет ушла на фронт, и освоив снайперскую винтовку, уничтожила на Прибалтийском фронте 200 фашистов, но при этом погибла сама, заслужив посмертно высокое звание Героя. Ещё больше врагов — 309, (это целый батальон), в том числе 36 снайперов погибло от метких выстрелов Людмилы Павличенко. О её подвигах знали не только на фронте и в нашем тылу, но и во многих других странах. В США её принял президент Ф. Рузвельт и на этом торжественном приёме в её честь она, обратившись к американским мужчинам, заявила: «Джентльмены, не слишком ли долго вы прячетесь за моей спиной, не пора ли уже вам открыть второй фронт, наконец?»

Но наши «союзнички» не торопились с открытием второго фронта, оберегая свои жизни и советским людям приходилось бороться в одиночку с мощным врагом, полагаясь только на свои силы и не щадя себя. Так, например, боролись с фашистами «коллеги» Л. Павличенко, тоже снайперы Нина Петрова — полный кавалер орденов Славы, Мария Байда, сражавшаяся за город Севастополь.

Однажды она столкнулась с немецким снайпером. И хотя он был крупного телосложения и весил в два раза больше её самой, она, оглушив его, смогла дотащить до наших позиций. Он оказался ценным языком. В другой

раз, когда она, замаскировавшись, лежала в снайперском укрытии рядом с ней разорвалась мина, лишив её на время сознания. Очнувшись, она увидела вокруг себя десяток немецких офицеров, разглядывавших её. Схватив лежащий рядом автомат, она скосила на повал длинной очередью всех фашистов. В это время её рота поднялась в атаку и она, поскольку у неё закончились патроны, взяв автомат за ствол, тоже стала крушить им врагов в начавшемся рукопашном бою. В нём она получила серьёзное ранение. Очнувшись в госпитале, узнала, что её представили к получению высокого звания Героя. Золотую звезду после войны она надевала только в День Победы и молодые люди, придя в загс, в одном из районов города Севастополя не могли представить, что поздравлявшая их с торжеством скромная милая заведующая является Героем войны. В Подмосковье была создана женская школа снайперов, 1800 выпускников которой уничтожили за годы войны 12000 вражеских солдат.

Но многие из них погибли и сами, недожив порой сего несколько дней до Победы.

Настоящими героями войны были и скромные, но незаменимые труженицы войны — санитары и медсёстры, которых бойцы ласково и любовно звали сестрёнками. Они спасали раненых на поле боя под пулями и осколками, и часто получали сами и эти пули, и осколки. А случалось с ними порою и более страшное, о котором поведал нам фронтовой поэт Николай Панченко. Трудно читать всё его стихотворение, поэтому частично изложу.

Рота моряков, отступив на 5 км, стала спешно окапываться, занимая новую позицию обороны. И тут обнаружилось что медсестры не оказалось с ними. Моряки было рванулись назад, на выручку её, но жёсткий приказ не позволял это сделать — требовалось срочно закрепится на новой позиции.

Девчонка парикмахером работала.
Девчонку изнасиловала рота:
Ей в рот портянки потные совали,
Сорвали гимнастёрку с красной ленточкой:
Была девчонка ранена в бою.
Девчонку мы в полку прозвали «деточкой»,
Невенчанную женщину мою…

Не до конца отрыв окопы, моряки, нарушив запрещающий приказ, под ливнем пуль рванулись выручать «деточку-сестрёнку». Они не брали в плен ни одного, а выхватывая их друг у друга, прикладами мозжили черепа и рвали всех зубами.

Добили мы их в рытвине, за баней
Хватали у своих из-под руки
Я этими вот белыми зубами
Откусывал, как репы, кадыки.

После такого вот, видимо, страшного рукопашного боя один из солдат группы армий «Центр» написал: «Никого ещё не видел злее этих русских. Настоящие цепные псы.

Никогда не знаешь, что от них ожидать…»

А чего же ожидали за свои гнусные зверства и преступления эти фашистские твари, как ни «ярости благородной», которая «вскипала как волна?» (из песни «Священная война», созданной на второй день войны).

Во Владивостоке, на территории военного Тихоокеанского госпиталя стоит памятник другой медсестре — «сестрёнке» моряков — тихоокеанцев Марии Цукановой, которую в жестоких пытках и издевательствах замучили на другой войне (советско-японской 1945 года) другие фашисты японцы. Сколько бы лет не миновало люди будут помнить об этих девочках самой мирной профессии, которые в 17 лет со школьной скамьи шагнули в самое пекло войны и отдали свои юные жизни для того, чтобы сохранить жизнь другим. Вечная им наша память и вечная им слава!

Приведённая на этой странице запись немецкого солдата заканчивалась следующими словами: «И от куда у них только берутся танки и всё остальное?!»

Было чему удивляться! Гитлеровцы в 1942 году захватили многие крупнейшие промышленные районы СССР и тем не менее уже в 1943 году страна стало получать больше вооружений чем армии вермахта. И это несмотря на то что на фашистскую Германию работала объединённая Европа, на предприятиях которой было занято 500 миллионов работников, при чём работников высококвалифицированных — как уже отмечалось, Чехословакия (по промышленному потенциалу не уступавшая Англии) выпускала танки, пулемёты и ряд других видов вооружения даже превосходивших по качественному уровню немецкие.

Руководством страны (Государственный Комитет Обороны) и рядовыми советскими людьми в исторически сжатые (почти немыслимые) сроки был совершён великий стратегический подвиг — эвакуация целых отраслей промышленности на тысячи километров, и организация, по существу, безостановочного производства на новых местах.

За первые три месяца войны (часто под бомбёжками и артобстрелами) восточные районы страны были перебазированы 1300 заводов (причём успевали даже забирать силовые кабели, вырытые из траншей) вместе с 10 миллионами их работников.

Нередко продукцию для фронта производили сходу, прямо в поле, когда ещё не было стен и крыши у перевезённого завода.

Рабочий день редко длился 12 часов, а в основном трудились по 14–16 часов, иногда падая в обмороки и умирая у станков. Часто рабочие оставались ночевать в цехах, потому что у них не оставалось сил возвращаться домой.

Благодаря этому самопожертвованию, советская промышленность за годы войны произвела вооружений в 2 раза больше, чем фашистская Германия вместе со всей работав-

шей на неё Европой. Так, если немецкая армия за годы войны, получила 53000 танков, то в наши войска было отправлено их 95000.

Огромная тяжесть легла на плечи женщин. Они заменили ушедших на фронт мужчин на очень многих работах, считавшихся до этого чисто мужскими. Согласно трудовому Кодексу до войны на них не разрешалось трудиться женщинам. Теперь же почти на всех этих тяжёлых и в том числе опасных видах труда, таких как работа в шахтах очень часто трудились женщины.

Невероятные трудности приходилось ежедневно преодолевать женщинам, занятым в сельском хозяйстве. Здесь почти все работы выполнялись тяжёлым физическим трудом поскольку очень не хватало запасных частей к тракторам, комбайнам и другой сельхозтехнике. Поэтому можно было наблюдать такую, невозможную в мирное время, картину как семеро женщин, впрягшись в плуг пашут поле на себе.

Именно тогда и родилась такая горькая частушка:

Я и баба, и мужик,
Я и лошадь, я и бык.

Для фронта трудились все «от мала до велика». У станков нередко можно было видеть подростков 12-14 лет. Они, встав на ящики (поскольку не хватало роста) не отходили от станков пока не выполняли рабочую норму взрослых.

Мой старший брат Юрий тоже начал трудиться в 12 лет в 1943 году. С начала год трудился на спиртзаводе маслёнщиком, смазывая из маслёнки маслом механизмы. Куртка его блестела от масла, и он шутя называл себя «маслопупом». А с тринадцати лет и до конца войны он трудился в воинской части сначала учеником токаря, а за тем и токарем.

Есть одно замечательное выражение, которое очень подходит к этому трагическому периоду: «но кроме мужества выжить, есть ещё мужество жить».

Как это всегда водилось на Руси перед лицом испытаний особенно внешней опасности, люди нашей страны объединяясь и сплачиваясь, преодолевали все трудности и добивались победы.

И во время великой отечественной войны ярко проявились не только такие высокие духовные качества как стойкость, сострадание, взаимопомощь, но и великая жертвенность.

Все жили и трудились монолитным лагерем под лозунгом: «всё для фронта, всё для победы!» В созданный «фонд обороны» были пожертвованы людьми огромные средства — 10 миллиардов рублей, а также 10 кг платины, 131 кг золота, 5 тонн серебра, на которые было создано 2500 самолётов.

На средства, собранные трудящимися Приморья, была построена «Приморская эскадрилья боевых самолётов». Молодёжь края собрала столько средств, что их оказалось достаточно для выпуска целой танковой колонны, которой и было присвоено название «Приморский комсомолец»

Вторая мировая война закончилась 2 сентября 1945 года разгромом Японии, выступавшей союзником фашистской Германии, но никогда не закончатся размышления об этой величайшей катастрофе в истории человечества, потому что, как написал поэт-фронтовик Константин Симонов:

Она такой вдавила след
И столько наземь положила,
Что 20 лет и 30 лет,
А всё не верится, что живы.

Эта страшная война унесла 50 миллионов человеческих жизней, из которых на долю Советского Союза приходится 26,5 миллиона человек — свыше половины людских потерь, а на долю наших союзников — США и Великобритании — 800000 человек, то есть в 35 раз меньше потому что 80 процентов немецко-фашистских войск было уничтожено на Восточном фронте (где Советская армия

освободила 11 стран) и лишь 20 процентов на Западном. Поэтому будет вполне справедливым сказать, что главная заслуга в уничтожении фашизма принадлежит Советскому Союзу. Это хорошо понимали в 1945 году участники тех событий. Они в отличие от современных американских руководителей, заявляющих что победу во второй мировой войне одержали одни США называли вещи своими именами. Так главнокомандующий американскими войсками в Европе Д. Эйзенхауэр, понимая это, в 1945 году честно признавался: «Мы были участниками победы, но не стали победителями».

Разгром нацистов стал грандиозной, триумфальной Победой, это долгожданное слово сразу облетело планету. И все страны, все народы понимали тогда, что именно Советский Союз определил исход Второй мировой войны, что это великий жертвенный подвиг совершил наш солдат и наш народ. Он добился Победы ценой тяжелейших, невосполнимых потерь, защитил честь и независимость родной земли благодаря беспримерному мужеству на фронтах и в тылу. Это была священная война и память о её героях и всех участвовавших в ней на фронте ли, в тылу ли — священна.

Мы всегда будем гордится тем, что советский народ не дрогнул, не прогнулся перед жестоким врагом, когда некоторые государства предпочли позор капитуляции, лицемерного соглашательства или прямого сотрудничества с нацистами. Наш народ сражался насмерть. Каждый человек, не считаясь собственной жизнью, подчинял всё для этой победы. День Победы объединяет все поколения историей мужества. И выходя 9 мая на шествие Бессмертного полка мы выражаем свою благодарность и восхищение тем, кто обеспечил великую Победу, сохранил для нас Отечество, обеспечил нам мирную жизнь. И тем, кто считает, что пора уже забывать о войне о празднике «День По-

беды», мы можем сказать: «В святости нет избыточности, есть лишь недостаточность». И день победы для нас остаётся и останется всегда самым святым днём, потому что он несёт в себе прежде всего священную память о тех, кто не дожил до победы и о тех, кто выжил в войне победил её, но принёс в жертву ради нас часть своей, часто очень юной жизни.

Дорогие мои внуки! Помните — вы наследники победителей в Великой Отечественной войне. Именно в Великой! И подвиг ваших предков велик и потому бессмертен. Постарайтесь же передать свою законную гордость за этот великий подвиг, за эту великую Победу своим детям и внукам.

ПЕРВЫЕ В МИРЕ

Выстояв в страшной, опустошительной 4-летней войне, людям военного поколения не удалось перевести дух, а предстояло совершить ещё один подвиг — поднять из руин разрушенные города и сёла, предприятия, дороги и мосты, отстроить заново множество жилых кварталов (миллионы людей жили в землянках и скученных бараках), тысячи школ и больниц.

Трудиться приходилось в сложных условиях — продовольствия не хватало, хлеб выдавали по карточкам до середины 1947 года, многие жили впроголодь, а некоторые в первые два послевоенных года умерли от голода.

Положение очень осложнялось тем, что наши вчерашние союзники США и Великобритания, развернули агрессивный курс против СССР. Вначале они задумали военной силой уничтожить Советский Союз. Для этого они сохранили из числа пленных немцев 17 полностью укомплектованных эсэсовских дивизий (большинство эсэсовцев-преступников позже, избежав наказание, при попустительстве или содействии американцев перебрались в Парагвай, Аргентину и даже в спецслужбы самих США) во главе которых стояли кроме немецких и английские офицеры. В общий состав войск, готовящихся к нападению американских и английских войск включались армии Польши и Венгрии. В соответствии с чудовищным планом «Немыслимое» (о котором я уже упоминал) атомной бомбардировке авиацией США должны были быть подвергнуты все крупнейшие промышленные объекты на территории СССР.

Нападения удалось избежать, во-первых, потому что сухопутные войска СССР тогда были гораздо сильнее всех остальных в мире войск, а во-вторых, в короткий срок ценой огромных затрат (которые могли бы пойти на мирное стро-

ительство) Советскому Союзу так же удалось создать атомную бомбу и возникший паритет исключал атомную атаку.

Но развернув холодную войну, США принудили СССР включится в непосильную гонку вооружений и содержать огромную армию, когда так не хватало мужчин, выкошенных войной.

Тем не менее стране удалось в этих сложнейших условиях за 10 лет, залечив тяжёлые раны войны, не только восстановить народное хозяйство, но и создать космическую отрасль и первой осуществить сначала в 1957 году запуск искусственного спутника земли, а затем так же впервые одержать и другую величайшую победу, осуществив давнюю мечту человечества — вывести человека в космическое пространство. Им стал великий сын русского и соответственно советского народа — Юрий Алексеевич Гагарин.

За этим эпохальным событием последовали и другие первопроходческие достижения, и открытия советской космической науки — первый выход человека в открытый космос, который совершил Алексей Леонов, полёт первой женщины-космонавта Валентины Терешковой, выход в открытый космос первой женщины космонавта Марины Савицкой, изобретение космического скафандра, являющегося и сегодня основой лётных и космических костюмов и скафандров первое фотографирование обратной невидимой стороны луны, запуск и движение по луне (с отбором первых для человечества проб лунного грунта, что вызвало шок удивления во всём мире) лунохода, созданного великим конструктором Георгием Бабакиным, именем которого назван кратер на луне, расположенный рядом с кратерами основателя советской ракетной техники Сергея Королёва и отца мировой космонавтики — Эдуарда Циолковского, а так же кратер на Марсе. На эту планету, а также на Венеру первыми совершили посадку автоматические станции, созданные так же этим выдающимся конструктором.

Сегодня, благодаря своим преимуществам, именно российские ракетные двигатели доставляют на международные орбитальные станции космонавтов, астронавтов и грузы всех стран. Созданная российскими учёными и инженерами система навигации «Гланас» превзошла по своим возможностям «Джипиэс», став лучшей в мире.

Огромный, безусловно, шаг в освоении космоса совершили американские астронавты, первыми из людей высадившиеся на луну.

Но не следует забывать, что совершить это великое достижение американские астронавты смогли не только потому, что воспользовались разработками основателя ракетостроения выдающегося немецкого конструктора Вернера Брауна, которого они в качестве пленного перевезли к себе в 1945 году, а так же запатентовав изобретения и открытия учёных , инженеров и других стран, но и в не меньшей, если не в большей степени открытиями русских гениев — Э. Циолковского и Юрий Кондратюк. Отец космонавтики ещё в конце 19 века основательно разработал систему посадки на другие планеты, а Ю. Кондратюк при этом рассчитал траекторию полёта космической ракеты к луне и «угол атаки» при посадке на луну и на другие небесные тела.

Поэтому, когда американский астронавт Нил Армстронг приехал в СССР, он попросил устроить ему поездку в Новосибирск, на родину Ю. Кондратюка, чтобы в знак благодарности и уважения к нему взять горсть земли, которая дала миру этого великого учёного труды которого позволили совершить безопасно своё великое достижение.

Не все знают, однако, о его подлинном имени и трагической судьбе, он не отбывал 5 лет тюремного заключения как С. Коралёв и Туполев, но совершать свои великие открытия ему приходилось в ещё более неподходящих условиях.

Его подлинными именем и фамилией были Александр Игнатьевич Шаргей. В годы гражданской войны он был

офицером Белой армии и поэтому позже, выдав себя за другого человека, он вынужден был скрываться на мельнице, работая там механиком. И тем не менее уже в 1929 году под фамилией Кондратюк, он создаёт свою книгу «Завоевание межпланетных пространств», за которой последовали другие его выдающиеся труды, без которых бы не смогла осуществиться посадка человека на луну. К величайшему несчастью в 1942 году он погиб на фронте в возрасте всего 44 лет, не завершив многие свои труды, которые он разрабатывал перед войной.

Так и хочется воскликнуть: «А сколько ещё выдающихся или даже великих творцов науки, искусства и других важных сфер жизни унесла проклятая опустошительная война, которая чёрным смерчем пронеслась по земле нашей родины!»…

В памяти благодарного человечества навсегда останется золотой страницей первые шаги в освоении космоса — запуск первого спутника и полёт в космос первого человека. Этими великими свершениями по праву может гордиться наше отечество, наши учёные, инженеры и конструкторы.

Эти их достижения были результатом не только огромного труда многих тысяч современных специалистов, но они одновременно базировались на открытиях русских гениальных учёных прошлого и прежде всего таких корифеев как философ Николай Фёдоров, создавший теорию космизма и Вселенского единства, и основатель учения об освоении космического пространства великий Эдуард Циолковский.

В свою очередь их формирование и развитие происходило в атмосфере широкого научного поиска и высоких достижений русской отечественной науки, в рядах которой значилось немало имён учёных европейского и мирового уровня.

Первым среди них является, безусловно, величайший русский учёный — Михаил Васильевич Ломоносов, настоящий энциклопедист или, как его звали, современники «Че-

ловек — университет». Будучи великим (первым русским) естествоиспытателем мирового значения, он одновременно являлся поэтом, литературоведом, языковедом, художником, историком, поборником развития в стране отечественного просвещения науки и экономики, создав первую химическую лабораторию и основав Московский университет. Если вначале своей деятельности, в первой половине 18 века он много усилий тратил на то, чтобы добиться приглашения иностранных учёных в Россию, ибо многие отделения академии наук некому было возглавить, то спустя несколько десятилетий, русские учёные были нарасхват, они с блеском читали курсы лекций в крупнейших университетах Европы.

Своим гениальным пытливым умом он охватил почти все сферы современной ему науки, но он не был только кабинетным учёным, а занимался широкой практической деятельностью. Благодаря этому, ему удалось сделать ряд великих научных открытий и определить новые направления научной мысли России на много лет вперёд.

Его открытия обогатили атомно-молекулярную теорию, он сформулировал принцип сохранения материи и движения, заложил основы физической химии, исключив при этом флогистон из числа химических агентов, исследовал атмосферное электричество и силу тяжести, выдвинул учение о цвете.

Кроме этого, он возродил искусство мозаики и производство смальты, выполнив с учениками мозаичные картины, одновременно он создал около 100 научных приборов, в том числе ряд оптических, которые позволили ему открыть атмосферу на Венере, а также описал строение Земли, объяснил происхождение полезных ископаемых и минералов, опубликовал руководство по металлургии. Поражает его провидческий дар и государственный ум — за 200 лет предсказав широкое развитие Сибири («богатством Сибири Россия прирастать будет») и за 300 лет предугадав необ-

ходимость и неизбежность освоения Арктики и Северного морского пути, которое разворачивается на наших глазах, о чём я ещё упомяну. Пока остаётся тайной загадкой происхождение упоминания им «олимпических игр», которое он записал в 1765 году, то есть за год до того, как на Пелопоннесе, впервые в следующем после его смерти в 1766 году открыли под шестиметровом слоем ила первый олимпийский стадион, а начало первым современным олимпийским играм в Греции было положено лишь в 1859 году, а в мире — в 1896 году.

Вслед за Ломоносовым российские учёные, начиная уже с 18 века заняли передовые позиции в мире по многим направлениям фундаментальной и прикладной науки, а также по развитию технического прогресса.

Для русских учёных стал характерным глобальный подход, имеющий не узкопрактическое, а широкое общечеловеческое значение, связанное с общепланетарными проблемами.

Именно в России возникли такие общенаучные направления как почвоведение, синтезное естествознание, системное исследование на стыке физической и экономической географии, комплекса наук о земле, разработанного В.И. Вернадским, включающего геохимию, биогеохимию, радиологию, гидрогеологию и другие науки. Он гениально предсказал ещё сто лет тому назад современные экологические проблемы планеты. Но не только предсказал. Его учение о взаимоотношении природы и общества оказало сильное влияние на формирование современного экологического сознания.

Такой же глобальный подход, как у Ломоносова и Вернадского, осуществил другой выдающийся русский учёный Севергин, который так же применил комплексное исследование, но уже подземных глубин, не ограничившись одной геологией, а дополняя её химией, физикой и другими науками. Не смотря на такой широчайший охват проблем, он тем

не менее внёс вклад и в практическое освоение природных ресурсов, разработав, к примеру, химическую технологию производства селитры и т. д.

Основополагающими для мировой науки, в частности в 19 веке стали открытия русских учёных в химии. Дмитрий Менделеев, создав свою Периодическую систему, заложил базис развития этой науки.

Классические труды о высшей нервной деятельности человека великих русских физиологов И. Павлова и Сеченова стали фундаментом последующих исследований о человеке. Так, в частности, ныне широко известный З. Фрейд основывал почти все подходы в своих научных изысканиях о человеке на трудах именно этих учёных.

Пользуясь их учением, выдающийся советский хирург профессор Сергей Брюханенко создал первый в мире аппарат искусственного кровообращения, без которого сегодня не мыслима ни одна крупная операция на внутренних органах. Отметим так же, что в 1957 году вместе с профессором Янковским изобрёл так необходимый медицине аппарат Узи. Не будет лишним сказать, что С. Брюханенко стал прообразом главного героя книги Беляева «Голова профессора Доуэля».

Невозможно не сказать, как невозможно и переоценить вклад в мировую науку одного из крупнейших учёных — подвижников 20 века Николая Вавилова. Виднейший генетик, основоположник современного учения о биологических основах селекции, исходив почти всю планету он собрал крупнейшую в мире коллекцию семян. Завершить свои гениальные труды ему не удалось из-за трагической гибели (расстрелян в 1943 году).

Русские учёные и инженеры конца 19 – начала 20 века внесли самый ощутимый вклад в исследование и использование электричества электромагнитных волн на основе этого совершили прорыв в развитии электротехники. Благодаря великим изобретениям русских инженеров Попова,

Яблочкова и Лодыгина человечество получило радио и цокольные электрические лампочки накаливания.

В 1899 году конструктором Ипполитом Романовым был создан первый в мире лёгкий электромобиль, достигавший скорости 40 км в час (в то время моторные французские автомобили двигались со скоростью, не превышавшей 20 км в час,) а ещё раньше, в 1880 году Фёдором Пиротским был успешно испытан первый в мире электрический трамвай.

К чести русских инженеров следует отнести создание автомобиля высокой проходимости — первого вездехода на лыжно-гусеничном ходу, который создал в 1911 году на заводе «Русобалт» Адольф Тигрес, а в 1939 году — полно-приводного автомобиля (предтечи всех современных полно-приводных автомашин), созданного талантливым инженером Горьковского автозавода Виталием Грачёвым.

В 1960 годы по просьбе С. П. Королёва (после труднейшей операции по вызволению из тайги космонавтов Беляева и Леонова) для спасения космонавтов, приземляющихся в глухой тайге, советские автомобилестроители создали уже супер современный незнающий аналогов в мире вездеход — амфибию, способный преодолевать болота, впадины, крутые подъёмы и непроходимый бурелом.

Есть чем гордиться русским инженерам и конструкторам, занятым на водном и железнодорожном транспорте. В 1967 году в СССР начали эксплуатацию пассажирских кораблей на воздушной подушке, созданных выдающимся конструктором Ростиславом Алексеевым. Эти корабли вызвали изумление и восхищение во всём мире. Но ещё большее изумление должен был вызвать рождённый на основе гениальной интуиции этого инженера (его расчёты противоречили современным законам механики и физики) экрано-план — корабль, парящий над водой.

В 1967 году проект этого ракетоносца (которого не способны обнаружить радары) был готов. Но на начавшихся ис-

пытаниях Р. Алексеев был ранен и позже умер. Это великое, революционное достижение технической мысли, продолжали воплощать его ученики. Однако из-за распада СССР и прекращённого финансирования проект был закрыт. Но в настоящее время его реанимировали и этот чудо-корабль всё же появится на свет. Конечно, первыми его увидят те, кто стоит на страже нашей страны.

В послании Федеральному собранию в 2018 году президент страны назвал подобное новейшее изобретение наших конструкторов (но подводное) — стратегический ракетно-крылатый комплекс «Сармат», имеющий неограниченную дальность «полёта» и огромную скорость движения в любой толще воды.

А мне в связи с услышанном вспомнилось другое, давнее изобретение талантливого морского офицера — Степана Джевецкого, ещё в 1878 году создавшего первую в мире боевую подводную лодку и получившего право на постройку пятидесяти их штук.

Интересна история утверждения царём этого проекта. На Серебряном озере с кристально – прозрачной водой император Александр III с восхищением наблюдал за всеми маневрами подводной лодки то всплывавшей, то подныривавшей под шлюпки погрузившись на глубину.

Но особенно эффектным стал последний эпизод этого смотра — подлодка, вынырнула и аккуратно причалила к подмосткам, где стояли со свитой Александр 3 и его супруга. Джевецкий, откинув люк и выйдя на палубу с красивым букетом орхидей — любимых цветов императрицы, ловко соскочив на причал галантно вручил их ей, произнеся на французском: «Это Вашему Величеству» к большой её радости и весёлому удивлению всех присутствовавших знатных гостей.

Интересен, особенно для владивостокцев, и финал этой истории. Субмарину, по мере строительства всей партии,

усовершенствовали, «научив» ставить мины под днища кораблей. Но к началу русско-японской войны она уже не вполне отвечала её условиям и поэтому её сняли с вооружения. Но тем не менее, затем поступили мудро, не став уничтожать подлодки. Их доставили (специально в открытом виде, чтобы видели японцы) во Владивосток.

И японцы, опасаясь их только однажды и то из отдалённой части Уссурийского залива, произведя лишь один залп по городу, быстро убрались восвояси.

Так что С. Джевецкий, сражавшийся ещё в морских баталиях с турецким флотом в 1877 году, «поучаствовал» и в обороне Дальнего Востока.

На счету русских инженеров железнодорожного транспорта так же несколько открытий, значительно опередивших мировой уровень своего времени. В 1924 году в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург) инженер Яков Гаккель создал первый в мире тепловоз, опередив время на целых 20 лет. С того времени и до сих пор все тепловозы в мире строят по его схеме. Всего на счету этого выдающегося изобретателя 31 авторское свидетельство и каждое из них имело мировое значение.

В 1932 году (сама идея возникла в 1929 году) Николаем Ермольчуком была создана модель первого шарового поезда, который должен был двигаться по жёлобу на шарах (вместо колёс) напоминавший ракету обтекаемой формы. Но разразившийся в это время в стране голод не позволил осуществить этот проект, уже утверждённый правительством. Тем не менее, он, являясь революционным переворотом в конструкторской мысли, нашёл применение в самых современных технических решениях. Так, скоростные поезда на воздушной подушке позаимствовали не только его внешнюю форму, но и путь в виде жёлоба, а самолёты — аэродинамические тормоза. Обрезиненные шары стали моделью для создания бесшумных колёс в поездах Московского метро.

Отмечу, в связи с этим, что не только Московское и Ленинградское метро были самыми комфортабельными и красивыми в мире, но и в целом железные дороги Советского Союза в 60–70-е годы прошлого века по общему признанию были безоговорочно лучшими на планете.

В 1931 году Севастьяном Вальдером из Санкт-Петербурга был предложен проект создания монорельсового поезда — амфибия, который на основе авиационного двигателя должен был развивать скорость до 300 км в час. При испытаниях он показал скорость 120 км в час, что являлось в то время мировым рекордом. В 1936 году из-за отсутствия средств проект был приостановлен. Но изобретение Вальдера послужило прообразом для создания современных скоростных поездов и монорельсовых дорог.

США пытались выкупить патент Вальдера, но получив отказ не стали больше тратить усилий для того чтобы добиться этого. В отличие, скажем, от Японии, которая чтобы вырваться в авангард технического прогресса после второй мировой войны все собранные национальные средства (12 миллиардов долларов — гигантская сумма по тому времени) пустила на приобретение патентов по новейшим технологиям, или например от Китая, который в 1970-е годы предпочитал не покупать а «подкупать» и получать всё передовое не через скупку патентов, а всяческими ухищрениями вроде копирования, промышленного шпионажа и прочими ухищрениями, США стремились всегда получать все новые идеи вместе с «мозгами», их родившими, переманивая к себе наиболее талантливые и перспективные кадры учёных и изобретателей.

Среди них после переворота 1917 года в России было очень много русских талантов из самых различных сфер жизни. Укажу на три имени…

Игорь Сикорский, выдающийся авиаконструктор, прославившийся уже в России, создав в 1910 году первый в

мир вертолёт, а за тем четырёхмоторные бомбардировщики Илья Муромец и Витязь. Они стали лучшими боевыми машинами первой мировой войны. Из всей серии этих самолётов был сбит лишь один экземпляр за всё время войны, да и то лишь из-за бравады лётчика, в то время как английские самолёты «Дихавиленды» горели и падали постоянно.

Отметим, что Россия и с отъездом Сикорского в США во все последующие годы не утратила передовых позиций в авиастроении. Так соученик Сикорского по институту — Дмитрий Григорович организовал лучшую в мире конструкторскую школу гидропланов и создал такой гидроплан, которому суждено было стать базовой основой для конструирования всех последующих гидропланов, вплоть до современных их моделей. Прежние французские гидропланы отличались большой громоздкостью и не надёжностью. Они имели плоское дно и поэтому при посадке совершали частые аварии. На воде их приходилось поддерживать специальными поплавками, что вызывало ряд неудобств в их эксплуатации.

Фюзеляж же у гидропланов Григоровича был с килем как у лодки. Поэтому он легко взлетал и садился даже при волнении моря, в то время как французские гидропланы могли это совершать только при полном штиле.

К тому же самолёты Григоровича были двухместными, что позволяло оборудовать место для пулемётчика. Поэтому они вызвали большой интерес у многих держав и за короткое время их было продано более 50 во Францию, Англию и США.

В последующие десятилетия уже советскими авиаконструкторами были покорены новые высоты, что позволило в 1930-е годы экипажам наших прославленных лётчиков Чкалова и Громова совершить первые трансарктические перелёты через Северный полюс в США, а 1970 годы создать первые в мире беспилотные летательные аппараты, которые

почти на 40 лет опередили мировое авиастроение. Второе широко известное имя среди русских изобретателей, эмигрировавших в США и которое среди многих других следовало бы назвать то, по моему мнению, это — Александр Понятов, происходивший из старообрядцев (родился под Казанью) — любимый ученик основоположника мировой гидро и авиа механики, после переезда в США в 1947 году изобрёл аудио магнитофон.

Владимир Зворыкин — создатель первого телевизора. Американцы не уподобляются китайцам в методах последних по присвоению себе чужих идей и технологий. Но в чём нельзя отказать многим из них так это в саморекламе и в использовании беспечности изобретателей других стран для своего самовозвышения даже в тех случаях, когда их приоритет явно недоказуем.

Так исходя из предсказания гениального Д. Менделеева великий русский инженер В.Г. Шухов разработал и запатентовал в 1891 году термический крекинг нефти. Через четверть века этот метод украли и беззастенчиво присвоили себе приоритет в нём — американцы. И первая нефтяная скважина также была пробурена не американцами (как они любят утверждать, а русскими в России на 15 лет раньше, чем в США. И до 1905 года наша страна (как и после 2007 года) занимала первое место в мире по добыче нефти. При этом и сам толчок к развитию добычи нефти в мире дало изобретение нашими соотечественниками безопасной керосиновой лампы.

Самое главное — Россия во второй половине 19 века занимала первое место в мире и по переработке нефти, выпуску мазута и керосина (бензина тогда ещё не было).

Можно было бы привести ещё немало других примеров мягко скажем необъективной информации о приоритетах и «авторстве», но ограничимся одним, более близким к нашему времени. Во всех американских справочных изданиях, в

интернете, сегодня горделиво красуется имя Мартина Купера как изобретателя сотового телефона. На самом же деле, свой первый звонок, как он пишет сам, им был сделан в 1973 году с телефона-«кирпича» (весом 1 килограмм), в то время как за 15 лет до этого, в 1958 году — радиоинженер Леонид Куприянович изобрёл радиотелефон весивший в месте с батареей 400 грамм и вскоре радиофон, весом 70 грамм.

Одновременно с ним в том же 1958 году профессор Воронежского института связи Леонид Моргунов вместе со своей научной группой «Алтай» изобрёл мобильный телефон, и сотовая связь должна была триумфально предстать на Олимпиаде-80 в Москве. В 1979 году, пройдя министерскую школу, Моргунов должен был занять пост министра связи и курировать создание сотовой связи при подготовке к олимпиаде. Но за несколько дней до вступления в должность министра он вдруг погибает при странных обстоятельствах. Сотовая система «Алтай» была вскоре засекречена, а мобильные телефоны остались лишь на спец автомобилях — у партийных и хозяйственных руководителей, на автомобилях КГБ, МВД и скорой помощи в 300 городах страны.

Как тут не вспомнить историю такой же внезапной таинственной смерти автора другого великого изобретения Михаила Филиппова. В 1901 году ему удалось зажечь электрическую люстру, находясь в Санкт-Петербурге, продемонстрировав тем самым своё открытие о передаче электричества на расстояние без проводников. Но стоило лишь ему написать об этом в «Петербургские ведомости», как на следующий день его нашли убитым.

В 1936 году Г. Маркони — итальянский радиотехник и предприниматель — таким же способом, как и Филиппов остановил поток автомашин, выключив у них моторы.

Странные, но может быть необходимые, сближения…

Интересно, что 1958 год, поистине «урожайном» на открытия, родилось ещё одно прекрасное изобретение —

электронный синтезатор. Его автором был известный изобретатель (создавший в годы войны эффективный зенитный прицел) Евгений Мурзин.

Использовав широкие возможности его «детище» (720 звуковых дорожек вместо обычных 12), композитор Эдуард Артемьев написал прекрасную музыку к кинофильму Тарковского «Солярис» и к мультфильму «Маугли». Широко использовали новое изобретение и авангардные композиторы Шнитке, Губайдулина и Зацепин.

Но честь создания первого в мире электромузыкального инструмента под названием «Терменвокс» принадлежит всё же, если быть справедливым другому, как ни обидно сегодня почти неизвестному, а по своей одарённости, гениальному изобретателю — Льву Термену. Я должен был о нём сказать хоть несколько слов, потому что в его судьбе отразился трагизм немалого числа талантливейших людей, не реализовавших свои творческие возможности из-за репрессии, тюремного заточения. Л. Термен мог в одночасье решить почти любую техническую проблему. Когда ему приказали сделать «неопознаваемое» подслушивающее устройство жучок для установки в кабинете американского посла в разгар холодной войны против СССР, он моментально его придумал. После того как его случайно обнаружили через целых 8 лет, американские специалисты попытались его скопировать для своего использования, но так и не сумели. Но и после этой «услуги» спецорганам Термину так и не удалось вернуться к изобретательской деятельности, а пришлось заниматься разведкой.

Был и ещё целый ряд выдающихся учёных и изобретателей, имена которых во время рождения их изобретений являлись засекреченными, потому что трудились они в оборонно-промышленном комплексе, и поэтому чаще всего их открытия не были запатентованы и не получили мировой известности, которой они заслуживают куда больше, чем

многие из тех, кто сегодня приписывает себе «пальму первенства» в тех сферах, где они были первыми.

Так, ни в одной популярной энциклопедии вы не встретите имени инженер-полковника Анатолия Ивановича Китова, а между тем именно он первым в мире подал идею интернета и создал электронно-вычислительные сети, в одиночку на 10 лет опередив Стэндфордский и Калифорнийский университеты.

Но подобно тому как Лурье цензура запретила публиковать его теорию происхождения видов, и её автором стал Ч. Дарвин, то из-за военно-партийной верхушки СССР, увидевшей в интернете опасность для своей системы и запретившей работы по развитию интернета, Китов был лишён его авторства.

Благодаря таким гениальным, но несправедливо малоизвестным творцам, сегодня российское программирование является самым продвинутым в мире. Мультфильм «Маша и Медведь», например, созданный российскими программистами приобрёл самое широкое в мире распространение — более 30 миллиардов просмотров.

Был и, к сожалению, остаётся, и ещё один бич уменьшающий славу отечественной науки и инженерно-конструкторской мысли — это неповоротливость и избыточный консерватизм академии наук и её подразделений, а также бюрократизм управленческих кадров.

Вдумайтесь только — ещё 200 (!) лет тому назад, ни мало, ни много, а участник войны 1812 года русский офицер Семён Корсаков первым определил принцип работы ЭВМ и современных компьютеров, первым же создал перфокарты, но поддержки от академии наук, на которую он долго рассчитывал, так и не получил.

Благодаря великим открытиям в 1960–1980 годы наших гениальных физиков лауреатов Нобелевской премии Л. Ландау, И. Тамма, А. Сахарова, И. Франка, П. Черенкова, Ж. Ал-

ферова о сверх текучести, сверхпроводимости о свойствах полупроводников (противоречивших законам физики) и развитию квантовой теории возникли смартфоны, плоские ТВ, оптико-волоконные связь, солнечные батареи, лазеры, планшеты, компакт — диски и многое другое что сегодня вошло в наш привычный быт.

Огромными были достижения отечественных физиков и инженеров в освоении мирного атома. В Советском Союзе была создана первая в мире силовая атомная электростанция, а затем и первый атомный ледокол, позволивший исполнить давнюю мечту русских полярников по освоению Крайнего Севера, и круглогодичному использованию морского пути через Северный Ледовитый океан.

Отважные русские мореходы, построив «Кочи» — большие лодки с двойной обшивкой, как бы выполнявшие роль ледоколов, начали плавать в северных приполярных морях на 400 лет раньше норвежских и голландских моряков.

Постройка в 1959 году первого атомного ледокола «Ленин» стала вершиной мирового судостроения и связанных с этим небывалых по сложности технических задач, а также и началом новых больших открывающихся возможностей по освоению Арктики.

В 1975 году, благодаря своей огромной мощности (75000 л.с.) этот ледокол, осуществив вековую мечту человечества, за 13 суток доставил исследователей на Северный полюс и после водружения на нём флага СССР и проведения необходимых исследований, успешно возвратился назад.

В настоящее время в России создаётся целая серия сверхмощных ледоколов (120 л.с.) способных преодолевать трёхметровые паковые льды в Восточной Арктике (такие льды окружают и приполярное побережье Канады) и создают возможность для стран Юго-Восточной Азии, США и Канаде (у которых нет своего ледокольного флота). Использовать для торговли не южный длинный морской путь через пере-

груженный Суэцкий канал, а гораздо более короткий — через наши северные моря.

Для обеспечения этого планетарного проекта века (а может быть и тысячелетия) создаётся соответствующая ему и тоже не имеющая аналогов современная инфраструктура — плавучие атомные электростанции, способные удовлетворить потребности в электричестве конгломерации с численностью не менее 100000 человек. Такие станции способны выдержать любые цунами, шторм в 7 балов и скорость ветра до 200 км в час.

Являясь новым словом в мировой энергетике, надёжные и экономичные, они вызвали очень большой интерес в мире — уже сегодня 8 стран Азии и Африки готовы их закупить у России.

Русские люди внесли большой вклад в географическую науку, в заполнение белых пятен на глобусе земного шара. Ещё в 1480 году русские мореплаватели благополучно добрались до Англии, а англичане попали к нам только в следующем веке (в 1550 году). Русские географы, путешественники и предприниматели открыли 12 миллионов квадратных километров Земли помимо Сибири, в том числе Аляску, Алеуты, Грумант (остров Шпицберген) и множество океанических островов. Американцы 200 лет пробивались к своему западному побережью, а когда, наконец, пришли туда, то увидели, что русские уже основали форт «Росс» в южной Калифорнии.

Ещё в 1648 году казак Семён Дежнёв на маленьком судёнышке с парусом и вёслами прошёл пролив, отделявший Азию от Америки. Но его кораблик был разбит штормом и донесение Дежнёва затерялось. После него В. Берингом было установлено что Тихий и Ледовитый океаны соединяются между собой проливом вследствие чего он и называется Беринговым проливом.

В 1803 году русские моряки под командованием И. Крузенштерна совершив первое кругосветное путешествие, нанесли на карту Цусимский пролив, берега острова Сахалин

и составили Атлас Южного моря. Но особенно великое географическое открытие было совершено в 1820 году, когда русскими мореплавателями Ф. Беллинсгаузеном и М. Лазаревым был открыт шестой континент планеты — Антарктида и изучена значительная часть его побережья. Тем самым они совершили великие, ни в чём не уступающие по значимости чем Д. Кук, Магеллан и Колумб, открытия, а в чём-то и более громадные учитывая их большую трудность.

Д. Кук заявлял, что он проник на юг так далеко, как это только под силу человеку. Но русские моряки пробились сквозь непроходимые льды в те области Южного Океана, куда он считал «принципиально невозможным» кому-либо попасть.

Русские первыми обогнули Антарктиду, определили размеры этого гигантского обледенелого материка, в 1821 году они стали первыми людьми высокого берега Антарктиды, присвоив ему звание «Берег Александра I».

По своему научному и общечеловеческому значению этот беспримерный подвиг очень близок к выходу человека в космос и ничем не уступает подвигам Колумба и Магеллана.

Карта Антарктиды увенчана славными именами русских, в честь которых названы: залив Новосильцева, мысы Демидова, Куприянова и Парадина, острова Аиненского, Лескова и Завадовского, море Беллинсгаузена.

Русским людям уже в советское время (в 1957 году) удалось не только добраться до южного магнитного полюса и абсолютного полюса холода земли (-90 градусов), но и основать там антарктическую станцию «Восток».

Россияне по праву сегодня гордятся тем, что в честь их великих соотечественников Беллинсгаузена и Лазарева были названы многие географические объекты планеты. Имя Беллинсгаузена сегодня носят острова в Тихом и Атлантическом океанах и котловина у берегов Антарктиды, а имя Лазарева было присвоено мысам в Амурском лимане порту в японском море и горному хребту в Антарктиде.

Все острова к югу от Окинавы открыты и описаны впервые русскими военными моряками. Ряд из них в том числе (остров Бородино) носят русские названия до сих пор.

В Тихом океане по праву возникли «острова Россиян» — целый архипелаг тропических коралловых островов. Ряд атоллов архипелага носят имена Кутузова, Румянцева, Крузенштерна, Лазарева и Барклая де Толли.

В 1930 годах большой вклад в изучение Арктики внесли советские учёные под руководством Папанина.

Высадившись на Северном полюсе и осуществив, таким образом, мечту многих поколений полярных исследователей, они доказали противовес Ф.Нансену, что в глубинах ледовитого океана и на поверхности льда Северного полюса существует разнообразная жизнь. За тем они при восхищённом внимании людей всего мира 274 дня мужественно дрейфовали на льдине по Ледовитому океану. Когда же льдина стала разрушаться, а посланный на выручку экспедиции корабль «Челюскин» был раздавлен во льдах и началось очень рискованная операция по спасению и экспедиции Папанина и экипажа Челюскина советскими героическими лётчиками, то за этим с тревогой и волнением следил весь мир. Среди радистов разных стран даже проводился конкурс за право получить сеанс радиосвязи с челюскинцами и папанинцами. Когда же их удалось спасти, и они, возвратившись на землю прибыли во Владивосток, то их вышел встречать весь город. А в ознаменование их подвига и счастливого спасения самой красивой гостинице, где они остановились, было присвоено название «Челюскин», которое эта гостиница сохраняет и до сих пор.

К сожалению, о подвигах русских моряков, как и о великих свершениях их «сухопутных» соотечественников, покоривших суровый Север, безлюдные необъятные просторы Сибири, Аляски, освоивших Калифорнию, до сих пор не создано значительных произведений литературы и искусства.

В Англии о Д. Куке создано около 60 известных романов и пьес.

О подвигах графа Н. Резанова, плававшего на утлых судёнышках через Тихий океан в Русскую Америку, американцы создали полнометражную мыльную оперу. Единственным «ответом» нашим стала лишь рок-опера «Юнона и Авось», названная по именам его кораблей.

Талантливое, но подчёркиваю пока единственное произведение о больших деяниях и высоком человеческом подвиге графа Резанова а о большинстве других не менее заслуженных перед Отечеством сынов российских не создано пока ничего вообще!

К великому сожалению остаётся справедливым горькое замечание А. С. Пушкина по поводу малоизвестности в народе выдающегося дипломата и великого русского поэта А.С. Грибоедова, героически погибшего на дипломатическом посту: «Мы все ленивы и не любопытны».

И действительно, из «сухопутных» великих географов России только К. Арсеньева хорошо знают благодаря его незаурядному собственному литературному таланту, его книгам об Уссурийском крае, к которым не ослабевает интерес в мире, а также по фильму знаменитого японского режиссёра Акиро Куросава «Дерсу Узала».

А о таких великих исследователях планеты как Н. Пржевальский и П. Семёнов-Тян-Шанский, труды которых о Центральной Азии научная мировая общественность давно считает классическими и жизненный путь которых является настоящим подвигом широкому читателю неизвестно почти ничего.

Подобно тому, как русские люди в течение целого ряда последних веков шли в авангарде процесса развития науки и техники, много их областей так и в сокровищницу мировой культуры они внесли свой заметный вклад обогащая многие виды искусства своими открытиями и передовыми

методами. Всему миру хорошо известны великие творения русских композиторов М.Глинки, М.Мусоргского, М. Балакирева, П.Чайковского, Римского-Корсокова, Глазунова, А.Скрябина, И.Стравинского, С.Рахманинова, С.Прокофьева, Д.Шостаковича, Р. Щедрина, Шнитке и многих других.

Самыми издаваемыми и читаемыми писателями в мире сегодня, как и сто лет назад являются Толстой, Достоевский и Чехов. При этом Чехов считается национальным писателем в Японии, а Достоевский — в Великобритании и Франции.

У Папы Римского на рабочем столе постоянно лежат тома Достоевского и Толстого. В июне 2019 года глава Ватикана заявил: «Без глубокого знания философии Достоевского и Толстого нельзя стать настоящим священником».

Русские художники Малевич, Шагал и Кандинский создали новое направление в искусстве 20 века — «Авангард», на котором основано и почти всё сегодняшнее живописное искусство. Метод построения театрального искусства, выдвинутый в 19 веке К. Станиславским, и в наши дни является основой всех театральных школ и всего реалистического театра в мире. Лучшей школой балетного искусства так же считается по праву российская школа балета и многие балетные спектакли российских театров (и необязательно столичных) считаются зарубежной критикой образцом для подражания. Вокальная школа в России так же считается одной из ведущих школ такого рода и её выпускники выступают сегодня на самых прославленных сценах мира. Так же частыми гостями на этих площадках являются и российские исполнители инструментальной музыки, которые во многих конкурсах выходят в победители.

Яркими достижениями после многолетней безликости в последнее время порадовала архитектура. Олимпийский комплекс, возведённый в Сочи в 2014 году и 11 прекрасных современных стадионов, построенных к чемпионату мира по футболу 2018 года, отличаются не только изысканностью

форм, но и гармонией с окружающим пространством. Эти архитектурные решения восходят к лучшим образцам советской архитектуры и декоративно-прикладного искусства, создавших, к примеру, лучшее в мире метро, а так же на народные традиции русских зодчих прошлых веков.

Не смотря на жестокие войны, прокатившиеся по нашей стране, в городах России сохранилось множество великих даже гениальных архитектурных сооружений. К последним смело можно отнести великолепнейший образец древнерусской деревянной архитектуры — комплекс Кижи, включающий живописную по силуэту двадцатидвухглавую Преображенскую и девятиглавую Покровскую церковь. Это чудо, сделанное топором без единого гвоздя, являет собой редкий по красоте ансамбль. А сколько таких прекрасных памятников искусства, к счастью, ещё можно увидеть по России!

Никогда не забуду такое чарующее впечатление произвела на всех церковь Покрова на Нерли, что на Владимирской земле. Настолько она гармонично сливалась с луговым пространством, с озерком, в котором отражались её формы, изысканные в своей простоте, что у меня мгновенно сложилось стихотворение, из которого я позволю себе привести первые строки:

Как рюмочка хрустальная
Среди лугов стоит,
Красой исповедальною
Со всеми говорит.

Архитектурные ансамбли туристического «Золотого кольца», которые красуются во Владимире, Суздале, Ростове Великом, Ярославле, Великом Новгороде и Пскове! Кто их увидит хотя бы однажды не забудет их никогда, как и величественный ансамбль Кремля и суровые, но гармоничные своей мужественной простоте крепостные постройки Псковско-Печёрского монастыря и, напротив, празднично

нарядные ансамбли Троице-Сергиевой лавры и Ново-Девичьего монастыря и тёплые, человечные постройки Нижегородского и Рязанского Кремля и сказочное творение собора Василия Блаженного и созданные руками крепостных мастеров ансамбли в Останкино и Кускова и великие архитектурные творения Санкт Петербурга — Казанский и Исакиевский соборы и Петергоф с его царством фонтанов перед которым бледнеет Версаль и сам Санкт Петербург, как воплощение гармонии и красоты и многое, многое другое…

Нам есть чем гордиться, чем восхищать других. Милости просим — пожалуйте «все флаги в гости к нам», в нашу самую огромную в мире, самую разнообразную и богатую природной и человеческой красотой страну — мы встретим всех с исконным русским миролюбием, дружелюбием и гостеприимством!...

Дорогие внуки мои, вот и завершена моя книга, главной целью которой было желание приобщить вас к истории вашей великой Родины. Сейчас у вас новые друзья, новый язык и другая страна. Но как бы ни сложилась ваша жизнь, постарайтесь сохранить святое отношение к своей настоящей Родине и к своему родному русскому языку, самому богатому и самому красивому в мире. И очень хочу надеяться, что это святое отношение и к Родине, и к её языку, вы сумеете передать своим детям и внукам. Помните, что вы русские люди! А Россия — это отдельная цивилизация, из-за своей неповторимости. Сохраняйте свою русскую идентичность и гордитесь тем, что вы русские, ибо принадлежите к стране с великой историей.

Сегодня у России ещё не мало сложных проблем. Но она всегда из всех трудностей выходила победителем. Победит, решит все главные проблемы и на этот раз, даже если к ним прибавятся какие-либо новые проблемы. В этом нет никакого сомнения.

Как писал один английский офицер: «Я не могу поверить, что какое бы то ни было большое бедствие может сломить

Россию. Это великий народ, несомненно он не в нашем вкусе, но таков факт».

На чём основана моя не только вера, но и убеждённость в светлом будущем России и даже в её великой миссии в будущем мира? На двух основаниях.

Первое — на том простом, но абсолютно-объективном основании, что Россия благодаря великому труду своих предшествующих поколений закрепила за собой громадную территорию самыми большими природными богатствами. Только разведанных (!) запасов нефти и газа хватит на сто двадцать лет, не говоря уже о других богатствах, например, о чистой воде, которая в 22 веке, а вполне возможно и гораздо раньше станет одним из самых дефицитных товаров. Огромную экономическую выгоду вскоре начнёт приносить стране транзитный грузовой путь через российские арктические моря.

Второе — это человеческий потенциал России. По оценкам ООН наша страна обладает высочайшим интеллектуальным генокодом в 1–4–х классах, составляющим почти 100 процентов. В большинстве всемирных конкурсов старшеклассников по физике, химии, математике, а также по программированию они всегда в числе победителей, как и студенты в конструировании и робототехнике.

И последнее, не менее важное. В условиях существенного отхода Европы от традиционного христианского мировоззрения и протестантской этики и известного перехода к новоявленной религии мультикультурализма и толерантности к различным активно-агрессивным меньшинствам различной ориентации, культивирования, наркотиков, эроса и порно в культуре и отхода от традиционных ценностей в любви, браке, семье, Россия может стать Ковчегом сохранения классических гуманистических ценностей. И приобретёт в мире ещё больший авторитет и уважение. Я желаю вам Веры в это.

СОДЕРЖАНИЕ

Моя милая малая Родина.....6
Моя семья.....36
Несломленные пращюры мои.....126
Мифы о России.....171
О «лени» русских.....178
О русской бане.....184
О свободах в Англии.....189
О «пьянстве» на Руси.....194
О «жестокости» русских.....202
Об «агрессивности» русских.....216
О российской «агрессии» на Украине.....220
О «захвате» Россией Крыма.....233
Русский характер. Его истоки и суть. Подвиг предков....265
Великая война. Великая Победа.....305
Женщины СССР на фронте и в тылу.....363
Первые в мире.....374

Литературно-художественное издание

Рязанов Анатолий Сергеевич

Родина моя!..

Редактор *Оксана Середа*
Компьютерная верстка *Елена Прудкогляд*

Подписано в печать 29.07.2019
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 23.00. Уч.-изд. л. 18,02.
Тираж 300 экз. Заказ 08-01

ООО «Дальиздат»
690091, г. Владивосток, ул. Фонтанная, 47

Отпечатано в Дальневосточном федеральном университете
690091, г. Владивосток, ул. Суханова, 8
(типография Издательства ДВФУ,
690091, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10)